

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P Дискурс★Ни

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

№ 23 (1) 2026

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P Дискурс★Ни

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

№ 23 (1) 2026

**INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW**

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

DISCOURSE-P
Дискурс★Ни

Екатеринбург – 2026

«ДИСКУРС-ПИ»
Т. 23. № 1
Май 2026

Научный журнал
Издаётся с 2001 года
Выходит четыре раза в год

Учредитель и Издатель:
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 16.05.2026 г.
Формат 70x100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 21,45
Тираж 500 экз.
Заказ № 19435

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются
Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**
620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – академик РАН, председатель УрО РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Нина Антанович – Белорусский государственный университет, Минск. Белоруссия

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Адилбек Ермекбаев – Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дмитрий Макаров – Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартынов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежский филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Доктор философских наук, профессор, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллах – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (К1) по следующим специальностям:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки),
- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал входит в базу данных RSCI, «Киберленинка», в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS.

DISCOURSE-P
Vol. 23. No 1
May 2026

Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year

Founder and Publisher by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on May 16, 2026
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 21,45
Issues – 500
Order # 19435

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The author guide can be found
on the Journal's website
and at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

All issues of the journal
are available on the website
www.madipi.ru

When cited the reference to the Journal
is obligatory

The authors are requested to adhere
to the academic style

Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
DICKYPC*RU

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Academician of RAS, Chairman of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Deputy Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Nina Antanovich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Adilbek Yermekbayev – Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Makarov – Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasilii Rusakov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The Scientific Journal «Discourse-P» is included in the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (K1). The current list of scientific specialties is as follows:

- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences),
- 5.5.2. Political institutions, processes and technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences),
- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences),
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)

**The journal is included into the Russian Science Citation Index (RSCI),
the «CyberLeninka» database,
in the European Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

Т.23. №1

Тропы метода

Го Лишуан, Ли Чжан

Новое прочтение и развитие философской антропологии
Карла Маркса Уральской школой 10

Яркеев А.В.

Новый крестовый поход против России:
западный миропорядок в оптике священной войны 28

Шавеко Н.А.

Моральные вызовы информационных войн (грант) 44

Барахвостов П.А.

Об интегральном подходе к описанию общественных систем 62

Майленова Ф.Г.

Эмоциональный искусственный интеллект –
утопия или грядущая реальность? 76

Хаткевич А.А.

Дискурсивное пространство научной дипломатии
современной России 96

Шапиро О.А., Долина А.И.

Когда шут приходит к власти: радикальные идеи
как способ повышения доверия электората 115

Парадигмы и процессы

Старостенко К.В, Коновалов А.С.

Пропаганда и агитация в эпоху модерна,
постмодерна и метамодерна (сравнительный анализ).....130

Григорьева М.В., Соколова Е.Н.

Практики выражения утраты и запроса поддержки
в российских социальных сетях (2024–2025).....146

Сафонов А.В., Топчий И.В.

Антропоцентричность как свойство трансмедийного
повествования локации Аркаим 162

Веселова Д.Н.

Политика Индии и Китая в Арктике: общее и особенное 179

Лошкарёв И.Д., Протасов Д.В.

Причины неразрешимости проблемы англоязычного меньшинства
в Камеруне в постколониальной методологии А. Мбембе 203

Обзоры и рецензии**Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю.**

Историографический поворот в политико-правовых науках:
коммеморативная повестка и ценностные ориентиры 222

Давыдов Д.А.

Посткапитализм Марка Фишера:
от антикапитализма к богемному этосу 236

Памяти А.Д. Королева

.....253

Vol.23. No1**Tropes of Method****Guo Lishuang, Li Zhang**

A New Reading and Development of Karl Marx's Philosophical
Anthropology by the Ural School 10

Yarkeev, A.V.

The New Crusade Against Russia: The Western World Order
in the Optics of the Holy War 28

Shaveko, N.A.

The Moral Challenges of Information Warfare 44

Barakhvostov, P.A.

On an Integral Approach to the Description of Social Systems 62

Maylenova, F.G.

Emotional Artificial Intelligence – Utopia or Coming Reality? 76

Khatkevich, A.A.

Discursive Space of Contemporary Russia's Science Diplomacy 96

Shapiro, O.A., Dolina, A.I.

When a Buffoon Comes to Power:
Radical Ideas as a Way to Increase Electoral Trust 115

Paradigms and Processes**Starostenko, K.V., Konovalov, A.S.**

Propaganda and Agitation In the Era of Modernity, Postmodernity,
and Metamodernity (Comparative Analysis) 130

Grigoreva, M.V., Sokolova, E.N.

Practices of Expressing Loss and Seeking Support
in Russian Social Media (2024–2025) 146

Safonov, A.V., Topchii, I.V.

Anthropocentricity as a Property of Transmedia Narrative
of the Arkaim Location 162

Veselova, D.N.

The Policy of India and China in the Arctic: General and Specific 179

Loshkariov, I.D., Protasov, D.V.

The Reasons for the Insolubility of the Problem of the English-Speaking
Minority in Cameroon in A. Mbembe's Postcolonial Methodology 203

Book Reviews

Rusakova, O.F., Gribovod, E.G., Moiseenko, Y.Y.

Historiographic Turn in Political and Legal Sciences:
Commemorative Agenda and Value Objectives 222

Davydov, D.A.

Mark Fisher's Post-Capitalism:
from Anti-Capitalism to Bohemian Ethos 236

In Memory of A.D. Korolev

.....253

УДК 101

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_10

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАРЛА МАРКСА УРАЛЬСКОЙ ШКОЛОЙ¹

Го Лишуан,

Университет Фудань,
Шанхай, Китай,
guolishuang812@163.com

Ли Чжан,

Университет Фудань,
Шанхай, Китай,
242100010047@m.fudan.edu.cn

*Получена 09.09.2025.**Поступила после рецензирования 10.10.2025.**Принята к публикации 20.01.2026.*

Для цитирования: Го Лишуан, Чжан Ли. Новое прочтение и развитие философской антропологии Карла Маркса Уральской школой // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1. С. 10–27. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_10

© Го Лишуан, Чжан Ли, 2026

¹ Данная статья является частью крупного проекта государственного Фонда общественных наук «Исследование марксизма в России в XXI веке» (20&ZD011).

Аннотация

Российская Уральская философская школа, исходя из принципов гуманизма, осуществляет переосмысление понятия практики и предпринимает экзистенциально-антропологическую рефлексию философии К. Маркса. Исследования Уральской школы реконструируют философскую систему Маркса, опираясь на ее внутреннюю логику. Данное направление выдвигает тезис о том, что марксизм как философская система включает в себя философскую антропологию, теорию субъект-объектных отношений, социальную философию и аксиологию. Основываясь на принципе единства субъекта и объекта, ядром которого является практика, и исходя из контекстуальных отношений их взаимного конституирования, школа исследует понятия субъекта и объекта. Представители Уральской школы указывают, что Маркс рассматривает проблему объективности через призму отношений между человеком и окружающим миром. Переосмысливая экзистенциальную связь человека и мира в учении Маркса, Уральская школа выявляет экзистенциальное измерение марксистской философии. Уральская школа, исследуя философское наследие Маркса, обращается к его антропологической перспективе.

Ключевые слова:

Уральская школа марксизма, марксизм в России, философская антропология, экзистенциализм

UDC 101

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_10

A NEW READING AND DEVELOPMENT OF KARL MARX'S PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY BY THE URAL SCHOOL²

Guo Lishuang,

Fudan University,
Shanghai, China,
guolishuang812@163.com

Li Zhang,

Fudan University,
Shanghai, China,
242100010047@m.fudan.edu.cn

² This article is part of a major project by the Russian Social Science Foundation, "The Study of Marxism in Russia in the 21st Century" (20&ZD011).

*Received 09.09.2025.**Revised 10.10.2025.**Accepted 20.01.2026.*

For citation: Guo Lishuang, & Li Zhang (2026). A New Reading and Development of Karl Marx's Philosophical Anthropology by the Ural School. *Discourse-P*, 23(1), 10–27. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_10

Abstract

Based on the principles of humanism, the Russian Ural School of Philosophy reinterprets the concept of practice and undertakes an existential and anthropological reflection on Karl Marx's philosophy. The Ural School's research reconstructs Marx's philosophical system based on its internal logic. This approach suggests that Marxism as a philosophical system encompasses philosophical anthropology, the theory of subject-object relations, social philosophy, and axiology. Based on the principle of the unity of subject and object, the core of which is practice, and based on the contextual relations of their mutual constitution, the school explores the concepts of subject and object. Representatives of the Ural School point out that Marx views the problem of objectivity through the prism of the relationship between humans and the surrounding world. By rethinking the existential connection between man and the world in Marx's teachings, the Ural School reveals the existential dimension of Marxist philosophy. By exploring Marx's philosophical legacy, the Ural School addresses his anthropological perspective.

Keywords:

The Ural School of Marxism, Marxism in Russia, philosophical anthropology, existentialism

Введение

В последние годы, на фоне трудностей политической трансформации и экономических преобразований в России, происходит философское переосмысление ценности марксизма. Вновь возрождается интерес к исследованиям в области марксистской философии. Уральская школа является одним из наиболее активных и динамично развивающихся течений в современной российской марксистской философии. Сформировавшись в конце 1980-х – начале 1990-х годов, школа прошла путь от спонтанной критики к концептуальной теоретической модели, постепенно выработав узнаваемые научные позиции и свой исследовательский стиль. Именно благодаря этой школе современные российские марксистские исследования обрели экзистенциалистскую и антропоцентрическую направленность. В центре внимания настоящей статьи – анализ осмысления Уральской

школой советской марксистской философии, а также ее творческая разработка марксистской философской антропологии.

Проблема «антропологического вакуума» в советском марксизме

Советская марксистская философия сыграла серьезную просветительскую роль в СССР, но в то же время привела к возникновению «антропологического вакуума», характеризовавшегося приматом вещи над человеком: человек оказывался как бы заслонен вещным миром. Уральская школа, будучи одним из первых в России академических сообществ, предпринявших исследования в области марксистской философской антропологии, начала свою деятельность именно с переосмысления догматической интерпретации марксизма официальной советской философией.

Как известно, ядро советской марксистской философии составляли диалектический и исторический материализм. В онтологическом аспекте акцентировалась первичность материи, объективность материального мира и неотъемлемость диалектических законов развития. Исторический материализм представлял собой результат «распространения принципов философского материализма на исследование общественной жизни и истории». Ленину было в высшей степени необходимо найти теоретическое обоснование для развертывания социалистической революции в России, чтобы разрушить иллюзии русских народников, возлагавших надежды на узкий слой интеллигенции. Диалектический и исторический материализм, утверждая неизбежность гибели российского самодержавия и развития социализма, обосновывал правомерность и логичность Октябрьской революции, осуществленной большевиками.

После Октябрьской революции перед Россией (а затем СССР) одними из первоочередных задач стали ликвидация феодальных пережитков и осуществление просветительского движения, соответствующего советской модернизации и обладающего советской спецификой. Отталкиваясь от необходимости конкретных социалистических преобразований, Ленин в ходе ожесточенных философских дискуссий утвердил господствующее положение марксистской философии, а также дал свое толкование трактовкам марксизма, разработанным Энгельсом и Плехановым. В свою очередь, Сталин в «Кратком курсе истории ВКП(б)» изложил принципы диалектического и исторического материализма, возведя их в ранг официальной руководящей идеологии большевизма. Можно сказать, что советская философия 1930-х – 1950-х годов в основном представляла собой догматическую интерпретацию учения К. Маркса Сталиным. Как в официальных документах, издававшихся большевиками, так и в академических исследованиях советского философского сообщества неизменно проявлялись особенности такой интерпретации, выражавшиеся в игнорировании человека в угоду вещи и в заслоненности человека вещным миром. Как отмечал основатель Уральской школы К.Н. Любутин, «в сталинском диалектическом и историческом материализме не нашлось места человеку, центральной проблеме мировой философии – проблеме человека» (1999, с. 10). Советская версия диалектического материализма базируется на онтологии абстрактного и завершается интенциональным устремлением к неким предельным духовным смыслам,

где предметом настойчивого вопрошания выступает независящая от воли человека необходимость. В определенный момент развития СССР гипертрофированный акцент на необходимости естественным образом нивелировал инициативу субъекта, а роль человека как носителя этой инициативы оказалась второстепенной.

Укорененность советской марксистской философии в массовом сознании имеет глубокие исторические основания. Марксистская философия, раскрывая законы развития природы и человеческого общества, указывала россиянам ценностные ориентиры и путь к достижению целей, базировавшихся на этих ориентирах. В России парадоксальным образом оказались тождественными социальные функции марксистской философии и религиозной философии Серебряного века: как идея богочеловечества, так и идея коммунистического общества отвечали глубинным ожиданиям и ценностям россиян. Ключевым здесь являлся идеал соборности, укорененный в традиционной русской культуре, поскольку он присутствовал в обеих концепциях. Как отмечали академик В. С. Стёпин, Ань Циянь, Цай Юнин, диалектический и исторический материализм «в условиях советской жизни играли роль своеобразной религии, которую должны были принять трудящиеся» (1999, с. 32). Можно утверждать, что советская марксистская философия не только соответствовала потребностям советской модернизации, но и резонировала с этической доминантой русской национальной культуры.

В 1960–1970-х годах неофициальная советская философия претерпела значительную трансформацию, которую можно назвать гуманистическим поворотом (Гусейнов, 2021, с. 786–788). Многие ученые постепенно стали интегрировать в марксизм идеи таких направлений западной философии, как семиотика, феноменология, философия языка, начав таким образом работу по глубокому теоретическому переосмыслению философии К. Маркса. Антропология при этом стала пониматься как самостоятельная исследовательская область, охватывающая такие актуальные темы, как развитие человека, его специфическая природа, ценности, способы существования.

В 1965 году был основан Философский факультет Уральского государственного университета, а спустя четыре года, в 1969 году, на нем выделилась Кафедра истории философии, которой с момента ее основания заведовал К. Н. Любутин. Фактически, открытие кафедры совпало с началом гуманистического поворота в советском философском и гуманитарном сообществе. «Но и на всей обширной территории к востоку от Москвы вплоть до самых восточных рубежей страны. Между тем, потребность в подготовке специалистов в этой области знания ощущалась острее с ростом тенденций независимого, недогматического мышления в обществе» (Emel'yanov, Pertsev, 2012, p. 4). Именно кафедра истории философии Уральского государственного университета стала местом формирования Уральской школы. На начальном этапе своей деятельности кафедра сосредоточилась на исследовательской теме «Человек и проблема человечности в истории философии», систематизируя и осмысляя антропологические проблемы западной философии Нового времени. Результаты этих изысканий нашли отражение в статьях, вошедших в серию «Историко-философские исследования».

В целом гуманистический поворот советской философии и ее плавный уход от догматизма явился не только имманентной необходимостью развития

ее внутренней логики, но и результатом двойного влияния: во-первых, со стороны международного коммунистического движения и, во-вторых, со стороны западных течений марксизма, заостривших внимание на антропологической проблематике. Все в большей степени в советской философии приходило понимание необходимости возврата к человеку, гуманизму и экзистенциальному измерению.

Основатель Уральской школы К.Н. Любутин был одним из первых мыслителей в советском академическом сообществе, обративших внимание на марксистскую философскую антропологию и проблематику гуманизма в марксизме, полагая эту тематику стержневой для исследования идей самого Маркса. Изучение философско-антропологических воззрений Маркса проводилось, прежде всего, посредством текстуального анализа его произведений.

По мнению К.Н. Любутина, в основе неадекватного (в эпистемологическом плане) прочтения философии К. Маркса советскими марксистами лежал тот факт, что многие из них не были в достаточной степени знакомы с философскими текстами Маркса и Энгельса. Первым шагом к раскрытию антропологического ядра философии К. Маркса должно было стать разграничение идей Маркса и воззрений Энгельса. Из-за того, что ранние работы Маркса на русском языке были полностью опубликованы лишь в середине 1950-х годов, в советском философском сообществе его идеи воспринимались зачастую сквозь призму «метафизики» поздних трудов Ф. Энгельса. Например, в таких работах, как «Диалектика природы» и «Анти-Дюринг», Энгельс акцентировал внимание на метафизических проблемах, таких как материальная объективность мира и диалектика законов, практически не касаясь антропологической проблематики. По этой причине до публикации ранних работ К. Маркса восприятие его философии несло отпечаток «игнорирования человека в угоду вещи». Хотя первое немецкоязычное издание «Экономическо-философских рукописей 1844 года» было предпринято еще в 1932 году, ввиду отсутствия русскоязычных изданий и сложности философских идей, советские теоретики того времени оказались неспособны в короткие сроки постичь смысловое ядро этого произведения. Работая в рамках целостной парадигмы классического марксизма, К.Н. Любутин осуществил анализ философии К. Маркса и Ф. Энгельса с позиций философии истории. Он выдвинул тезис о том, что философия Маркса по своей сути является теоретическим мышлением о субъекте-объекте как основе мировоззрения, при этом исходным и конечным пунктом марксистского философского размышления выступает реальный индивид и его жизненная практика. К.Н. Любутин отстаивал подход, исходящий из важности изучения реального, дифференцированного, индивидуального действия для полноценного исследования человеческого общества. «Как представляется, специфической чертой философии К. Маркса, в отличие от позиции Ф. Энгельса, в рамках единой традиции материалистической диалектики является философско-антропологический подход к анализу общества, базирующийся на деятельностном, праксеологическом истолковании сущности человека, общества и истории» – отмечал еще один представитель Уральской школы, П.Н. Кондрашов (2019а, с. 11). Кроме того, в советских переводах философских текстов К. Маркса его философская терминология интерпретировалась как производственно-техническая, ориентирован-

ная только на сферу экономики. Фактически она подвергалась механистической дегуманизации, а экзистенциальное и эмоциональное содержание, которое она изначально несла в себе, полностью утрачивалось.

По мнению П.Н. Кондрашова, философия К. Маркса по своей сути является философской антропологией (2019b; 2023, с. 114–161). Это проявляется как в используемых К. Марксом терминах – таких как отчуждение, бесчеловечность, дегуманизация, страдание, – так и в его трактовке общеупотребительных понятий, таких как работа, труд, стоимость, потребление, – все они у Маркса оказываются наполнены экзистенциальным содержанием. Это содержание нередко утрачивалось при переводе. Например, в общеупотребительном смысле немецкие понятия *Produktivkräfte* *Produktionkräfte* обозначают, соответственно, потенциальную и актуальную производительную силу. Однако в русскоязычных переводах термин «производительные силы» смешивает эти два различных значения. Немецко-российский марксист Вальтраут Шелике (Waltraut Schälike) предлагает переводить «*Produktivkräfte*» как «продуктивные силы», обозначающие именно потенциальные силы развития. Эти силы сосредоточены в потребностях реальных индивидов и средствах производства, но еще не вовлечены в производственную деятельность. «*Produktionkräfte*» же – это «силы производства», т. е. производительные силы, уже утвержденные индивидами в производственной деятельности и воплощенные в реальных продуктах, включая материальные и духовные, естественные и социальные, продукты потребления и обмена и т. д.

В. Шелике подчеркивает, что производительные силы у К. Маркса – это реальные и эффективные силы реальных индивидов, проявляемые в их деятельности. Эти силы, с одной стороны, представлены естественными и социальными атрибутами человека, а с другой, – результатами индивидуальной производственной деятельности: отражением конкретных людей, вещей и отношений. Однако в русском переводе «производительные силы» грубо редуцируются к «производственным силам» (силам производства), что приводит к игнорированию человеческой созидательной способности. Иными словами, за результатами человеческой производственной деятельности теряется то, что это именно человеческая деятельность, что «ведет не только к “техническому” редуccionизму в интерпретации материалистического понимания истории, но и к вещному фетишизму, когда за вещами и продуктами человеческой деятельности не видят самого действующего человека» (Кондрашов, 2016, с. 41). Следовательно, производительные силы представляют собой одновременно исторический продукт и потенциальную продуктивную силу, которые проявляются в активных, практических отношениях между субъектом и внешним миром. «Экономически же ориентированные переводы, которые имеются ныне в русском варианте, по сути дела, искажают мысль Маркса, превращая его в «философа фабрики», «философа грубого коммунизма», сторонника всеобщей трудовой повинности, в то время как сам Маркс говорил о необходимости *Aufhebung der Arbeit*, снятии труда» – отмечает П.Н. Кондрашов (с. 39). Вследствие вульгарного, одностороннего перевода марксистской академической терминологии, наиболее существенная экзистенциальная семантика этих понятий была необратимо уничтожена, что, естественно, привело к «антропологическому вакууму» в трактовке его философии.

Философско-антропологические характеристики философии Маркса

С марксистской точки зрения, сущностные свойства любого явления, находящегося в определенных социальных отношениях, формируются в процессе его взаимодействия с социальным организмом. Подлинная философия должна исходить из практических отношений между субъектом и объектом. Уральская школа, беря за основу локализацию марксова понятия практики в рамках гуманизма, антропоцентризма и социально-исторического подхода, стремится реконструировать изначальный облик философской антропологии Маркса.

Со времен осуществленного Сократом поворота от натурфилософии к изучению морали, философия неизменно оставалась учением, центрированным на человеке. Однако традиционная западная философия в своем исследовании человека никогда не затрагивала его реальную, живую деятельность. Следовательно, она представляла собой, в лучшем случае, метафизику антропологии.

Фейербах первым подошел к рассмотрению человека с позиций созерцательного материализма, базирующегося на природе, преодолев при этом гегелевскую «абстрактную субстанцию» и определив человека как «чувственно-конкретное бытие». Но он остановился на точке зрения, понимающей человека как объект, отчужденный от истории, который может быть постигнут исключительно посредством чувственного созерцания. К. Маркс углубил фейербаховскую критику религиозной теологии, предложив заменить фейербаховский культ абстрактной человеческой природы и религию любви наукой о реальном человеке. По-новому интерпретируя практическую деятельность человека, он стал понимать практику как конкретное, историческое производство и воспроизводство как индивидуальной, так и общественной жизни. Из этого Маркс сделал вывод: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (1955, с. 3). В работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс конкретизируют антропоцентристский принцип Фейербаха, развивая на его основе практическую философию, осмысляющую реальный мир с позиции конкретной субъективности. В качестве отправного пункта своей практической философии они берут «действительно живого человека», утверждая: «Первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов» (1955, с. 19).

Для понимания концепта «существование живых человеческих индивидов» необходимо рассмотреть диалектическую природу индивида, выраженную в «Немецкой идеологии». С одной стороны, «живой человеческий индивид» тождествен «реальному индивиду». С другой стороны, его существование неотделимо от людей, поскольку «бытие людей есть реальный процесс их жизни» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 25). Следовательно, «существование живых человеческих индивидов» подразумевает реальных индивидов, существующих в определенных материальных условиях жизни, и их деятельность. Здесь К. Маркс и Ф. Энгельс в качестве отправной точки исторического процесса берут именно «живого человеческого индивида», рассматривая чувственность как онтологическую предпосылку мира, тем самым осуществляя онтологическую революцию

по отношению к спекулятивной философии и наделяя философию подлинно антропологическим содержанием.

По мнению К. Н. Любутина, практическая философия К. Маркса является философией жизнедеятельности (философией существования/жизни), ставящей на первое место повседневные практики и экзистенциальную деятельность человека. Вопросы, касающиеся выживания (существования), обладают практической генеалогией и спецификой, а потому должны базироваться на материальных принципах осуществимости и принципах развития. «Философская антропология Маркса – это онтология принципиально незавершенного мира, гносеология принципиально незавершенного познания, это философия, которая из анализа практического взаимодействия субъекта и объекта выводит принцип материальности (преодоление созерцательности) и развития (преодоление метафизичности)» – отмечал в связи с этим К. Н. Любутиным (1999, с. 9). По его убеждению, уже в ранних работах К. Маркса, написанных в 1840-е годы, были сформулированы основополагающие философско-антропологические положения, заложившие методологическую базу для фундаментального исследования человека как индивида. Уже ранние работы Маркса, таким образом, обладали антропоцентристской ценностной ориентацией. С этого момента философско-антропологическая мысль стала центральной осью (осью симметрии), пронизывающей все творчество К. Маркса (Любутиным, 2004, с. 166–185).

С точки зрения К. Н. Любутина, марксистская философская антропология включает в себя два аспекта: 1. Теория о сущности человека; 2. Теория об основах человеческого бытия. В рамках теоретико-социологической системы Маркса эти аспекты трансформируются, соответственно, в исследования о производительных силах и общественных производственных отношениях. Следовательно, отмечает К. Н. Любутиным, теория трех исторических форм «возвращается к антропологическому принципу в пределах теоретической социологии», а «философская антропология Маркса и его политическая экономия опосредованы теоретической социологией» (2001, с. 35). Здесь мы можем интерпретировать понятие «теоретическая социология» у К. Н. Любутина как исторический материализм, раскрывающий законы развития человеческого общества, тогда как теория трех форм К. Маркса представляет собой объяснение истории социального развития через призму истории развития человека. Кажущиеся объективными и отчужденными от субъекта производительные силы развиваются в производственной практике реальных индивидов. Утверждая производительные силы как определяющий элемент социального прогресса, К. Маркс подтверждает ключевую роль практики и субъектный статус человека в истории. Следовательно, хотя исходной проблемой политической экономии является общественное производство, есть основания полагать, что критика политической экономии также базируется на практической парадигме, теоретическим фундаментом которой служит философская антропология.

К. Маркс подчеркивал, что субъект воспринимает объект не в созерцательной форме, а в практической. Вообще, проблема отношения субъекта и объекта в значительной степени является ядром марксистской философии. Многие марксистские философы также полагают, что подход через призму субъект-объектных отношений позволяет наиболее адекватно интерпретировать оригинальные

идеи, заложенные в философии К. Маркса. Так, Маркс не рассматривал субъект в отрыве от практической деятельности и отвергал использование абстрактного понятия субъекта для обезличенного обозначения всех людей. В «Немецкой идеологии» он подчеркивал, что «человек» или «субъект» должны пониматься через конкретные исторические условия и отношения. Рассматривая антропологические основания практической философии Маркса, К.Н. Любутин также сместил фокус исследований на проблему субъекта и объекта, чтобы прояснить их содержание в учении Маркса. Согласно выводам Любутина, механизм взаимодействия субъекта и объекта включает в себя как минимум три типа отношений: 1. Практические отношения; 2. Познавательные отношения; 3. Ценностные отношения.

Для исчерпывающего определения субъекта и объекта необходимо рассматривать эти понятия в их взаимном противостоянии, так как только такое рассмотрение раскрывает диалектический характер их единства. По сути, исследование любой категории требует ее анализа через парные соотношения. Руководствуясь этим методологическим принципом, К.Н. Любутин приходит к следующей идее: «Учение об обществе, его подсистемах (в частности, о социально-исторических общностях) и индивидах в философском аспекте было учением о субъекте, т. е. носителе целенаправленного действия. Объектом оказывалось то, на что направлено действие» (2015, с. 171).

Проанализировав проблематику субъект-объектной диалектики в немецкой классической философии, западном марксизме и советской марксистской философии, К.Н. Любутин установил тесную связь субъект-объектных отношений с антропологической основой практической философии К. Маркса, придя к новым выводам о сущности и предмете учения Маркса и осуществив реконструкцию марксистской философской системы (2015, с. 170–171). Согласно его позиции, центральным предметом философии К. Маркса является практическое отношение человека (как субъекта) к миру (как объекту). Анализируя историю практической деятельности человека, историю религии и философии, К. Маркс разработал новый подход к философской проблеме объективности, взяв за основу историческое развитие отношений между человеком и миром. При этом, согласно идеям К.Н. Любутина, современная философия по своей природе есть общая теория субъекта и объекта, центральное место в ней занимает марксова проблема соотношения общественного сознания и общественного бытия. Осмысление этой проблемы, в конечном счете, рождает различные философские и социальные науки: эстетика, онтология, гносеология, социальная философия, философская антропология, политическая философия и др.

Согласно аналитическим построениям К.Н. Любутина, система марксистской философии включает четыре компонента: 1. Философская антропология; 2. Учение о субъект-объектных отношениях; 3. Социальная философия; 4. Аксиология.

Итак, марксистская философская антропология есть практическая антропология, в центре которой находится человек как деятельное существо. В ней практика выступает определяющей характеристикой человеческого рода, а взаимоотношения субъекта и объекта становятся ключевым аспектом исследования. Концепция субъект-объектных отношений отчасти выполняет онтологическую

функцию, анализируя различные уровни бытия – от индивидуальных жизненных проявлений отдельного человека до глобальных форм социальной организации общества. Экзистенциальная теория (учение о существовании) является частью аксиологии – это учение об отношении субъекта к человеческому Я как бытию-в-мире, исследующее фундаментальную ценность человеческого существования: понятие смысла жизни.

Философия Маркса изначально ориентирована на поиск истины и смысла и нацелена на освобождение человеческого общества. Анализируя развитие человеческого общества, К. Маркс строит социальную философию через восхождение от индивидуального к социальному, тогда как в основе его философской антропологии, напротив, лежит движение от социальных структур к отдельному индивиду. Именно в рамках этой диалектической взаимосвязи находит выражение уникальность философской системы Маркса. Следовательно, философия Маркса есть единство объективного знания о развитии общества и субъективного знания о социальном и о человеческом внутреннем мире.

Марксистская философия исходит из реальности конкретного человека и его действительного существования. Она устанавливает гуманистические критерии для оценки человеческой деятельности (практики) и предоставляет теоретическую основу для понимания отношений человека и мира. При этом философская система не может не исследовать проблемы человека и мира с антропологической точки зрения, что обуславливает вопросы: «Что такое человек? Что такое мир? Как соотносятся между собой человек и мир? Как существовать человеку в мире?» Сам характер этих четырех вопросов предполагает, что понять человека можно только рассматривая его в его взаимодействии с миром, а мир – во взаимодействии с человеком. Потому подлинная философия должна быть всегда антропоцентричной в том смысле, что должна исходить из человеческого способа бытия-в-мире.

С марксистской точки зрения способом человеческого присутствия-в-мире является практическая деятельность, праксис. Поэтому именно праксис как способ человеческого бытия выступает исходным пунктом развертывания системы философского знания: «Из практики, то есть субъект-объектной связи человека с миром, мы можем понять и человека, и мир, и их отношения» (Любутин, 2015, с. 20). Таким образом, К.Н. Любутин, основываясь на анализе философско-антропологических характеристик К. Маркса и субъект-объектных отношений, довел до логического завершения работу по выявлению фундаментальных принципов и внутренней структуры марксистской философии.

Эмоционально-экзистенциальное отношение человека к миру как точка соприкосновения марксизма и экзистенциализма

Уральская школа рассматривает философию Маркса как целостную концепцию, которую можно понимать двояко: с одной стороны, как философское мировоззрение, с другой – как научную систему. С позиции философского анализа марксистская теория исследует экзистенциальные проблемы: сущность человека, смысл существования, место человека в мире, рассматривая их через призму индивидуального чувственного опыта в конкретных исторических

условиях. В то же время научная система Маркса раскрывает объективные процессы общественного производства/воспроизводства и исторического бытия человека в мире.

П.Н. Кондрашов развивает любутинскую интерпретацию философии К. Маркса, утверждая, что марксистская философская антропология обладает явной экзистенциальной направленностью. Согласно его позиции, онтологическая семантика марксовской философии заключается в небезразличном эмпатическом восприятии мира человеком, укорененном в фундаментальной способности человека как «страдающего существа» вступать в отношения с миром. Иными словами, человек не воспринимает мир отстраненно, наоборот: его способность чувствовать, страдать и сопереживать является фундаментальной основой отношений с окружающим миром и осознания своего места в нем. Прояснив данный тезис, П.Н. Кондрашов фокусируется на марксистской концепции сущности человека, обнаруживая, что в ней произошло органичное слияние философской антропологии и экзистенциальной философии. При этом важно отметить, что Кондрашов различает два понятия: «экзистенциальная философия» и «философия экзистенциалистов». Первое обозначает философское мировоззрение, отличное от «эссенциализма», «неэкзистенциализма» и «антиэкзистенциализма», которое концентрируется на проблемах и понятиях, связанных с человеческим существованием. К таковым можно отнести: сущность человека, смысл жизни, аффективный опыт бытия-в-мире, отношения с миром, смерть, любовь, свободу и т. д. Философия К. Маркса затрагивает сходные темы, такие как повседневность, страдание и страсть, подлинность и неподлинность существования, целостность, историчность, свобода. Следовательно, она представляет собой экзистенциально ориентированную теорию. Понятие «философия экзистенциалистов», в свою очередь, относится к конкретному течению в истории западной философии, представленному такими мыслителями, как Кьеркегор, Хайдеггер, Сартр, – течению, к которому «Маркс не имеет никакого отношения» (Кондрашов, 2015, с. 48). Действительно, идеи К. Маркса и философия экзистенциализма обнаруживают некоторое сходство в своих духовных устремлениях и в проблематике, что и делает диалог между ними возможным. Однако их внутренняя логика и интеллектуальная основа различны, включая разницу в понимании и трактовке таких фундаментальных категорий, как «человек» и «бытие». Так, Маркс рассматривает человека как материально-чувственное существо, утверждающее свое существование в предметной, практической деятельности. Следовательно, бытие у Маркса – это способ раскрытия человеческой субъектности, способ, проявляющийся в многообразных отношениях человека с миром, что отличается от агностической позиции экзистенциалистов относительно природы бытия. «Если экзистенциалисты объявляют экзистенцию необъективируемой и непознаваемой Ding-an-sich, которая никоим образом не связана с внешним миром социальной историчности, то Маркс рассматривает ее как результат интериоризации социального праксиса» – отмечает П.Н. Кондрашов (Кондрашов, 2015, с. 48). Таким образом, исходя из позиции человека как чувствующего существа, Кондрашов приходит к утверждению аффективной связи человека с миром с онтологической точки зрения, отвечая тем самым на онтологизацию чувственности у Маркса. Как подчеркивал К. Маркс: «Если ощущения челове-

ка, его страсти и т. д. суть не только антропологические определения в [узком] смысле, но и подлинно онтологические утверждения сущности (природы), и если они реально утверждают себя только тем, что их предмет существует для них чувственно, то вполне понятно, что способ их утверждения отнюдь не один и тот же и что, более того, различный способ утверждения образует особенность их бытия, их жизни» (Маркс, 1974, с. 98). С его точки зрения, аффект также является утверждением сущностных сил человека: человек есть не только разумное, но и чувствующее существо.

«Как было нами показано ранее, философия Маркса представляет собой диалектическое единство научной составляющей (материалистическое понимание истории, диалектическая логика) и составляющей экзистенциальной: если изменяются формы производства, то изменяются и люди, изменяются их отношения, их внутренний мир, мир переживаний, их экзистенция» – продолжает П. Н. Кондрашов (Кондрашов, 2015, с. 48). Он характеризует практику как «материально-психическое единство», полагая, что в процессе практики материально-производственная деятельность интериоризируется в психической деятельности как конкретная аффективная связь, вызывая трансформацию перцептивно-аффективных структур. Тем самым индивид обретает имманентный чувственный опыт в конкретных исторических условиях. По его мнению, в философии Маркса присутствует множество экзистенциальных терминов. Эти термины фиксируют эмпатическое восприятие мира человеком, его опыт, переживание этого мировосприятия, а также аффективные отношения человека с миром во всех их аспектах. Эти отношения, в свою очередь, выражают объективные или субъективные формы, механизмы, атрибуты и состояния человеческого существования. Кондрашов считает, что «экзистенцию в рамках марксистской философии надо понимать как интимное эмоциональное отношение человека к миру (природе, культуре, другим людям, самому себе), укорененное в сущностной способности человека, как страдающего существа, равнодушно относиться к миру, и уникальная историчность которого (отношения к миру) обусловлена конкретно-историческими социальными и индивидуально-биографическими условиями существования (Existenz) индивида» (с. 48–49). Утвердив аффективное отношение человека к миру как экзистенциальную характеристику, П. Н. Кондрашов предпринимает попытку строгой ревизии и интерпретации экзистенциальной терминологии в произведениях Маркса. С его точки зрения, если «товар» является базовым элементом («клеточкой») системы экономических категорий капитализма, то «человек» и «практика» образуют «клеточку» системы экзистенциальных категорий философии К. Маркса, а «страдание» выступает в его философии той категорией, которая в наибольшей степени несет в себе экзистенциальный смысл. В практической философии К. Маркса страдание есть прежде всего страдание чувственное. Будучи чувственным существом, человек испытывает боль лишений, поскольку в предметной чувственно-практической деятельности он неизбежно выходит за пределы самого себя в объективный внешний мир, стремясь удовлетворить свои потребности. Движущей силой этого самопреодоления является страсть. Лишь благодаря небезразличному, эмпатическому взаимодействию с миром человек существует как человек.

П.Н. Кондрашов систематизировал определения человеческой сущности в трудах К. Маркса разных периодов, показывая эволюцию его антропологических воззрений. По его мнению, К. Маркс определяет сущность человека через практику, но это определение не должно истолковываться односторонне, статично, поскольку практика в реальности всегда осуществляется в конкретных исторических условиях, в контексте определенных межличностных отношений и взаимодействия с определенными объектами. Кондрашов, резюмируя марксову концепцию сущности человека, отмечает, что в онтологической перспективе человек всемогущ (свободен от природных и сознательных ограничений, не-инстинктивен); в социально-философской – он есть совокупность общественных отношений; в историко-философской – не-вечное историческое существо; в экзистенциальной – он есть само страдание как способность переживать собственное бытие и утверждать мир в оптимистическом ключе. Однако базовое определение универсальной человеческой сущности дается через категорию практики в рамках философско-антропологической парадигмы, ибо из нее выводятся все качественные предикаты, присущие человеку (2020 с. 30–48).

Маркс в «Тезисах о Фейербахе» дает каноническую формулировку: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (1955, с. 3). Часть академического сообщества интерпретирует понятия «совокупность общественных отношений» и «практика» как воплощение неконструктивистской и конструктивистской парадигм в вопросе о сущности человека: первая пассивно отражает отношения индивида с миром, вторая предполагает сознательное конституирование им своей сущности через целеполагающую деятельность. Кондрашов оспаривает эту точку зрения, указывая на диалектическое единство указанных понятий: субъект пребывает в неразрывной связи со всем миром как объектом своей жизненной практики. Практическое взаимодействие субъекта и объекта изначально социально, что обуславливает целостность отношений человека с внешним миром и актуализируется в конкретных общественных отношениях. Следовательно, человек есть одновременно практика и совокупность общественных отношений. Человек – экзистенциальное существо, чье бытие не может быть понято как статичная данность или завершенная сущность: его развитие осуществляется в практических отношениях субъекта и объекта, которым свойственно постоянное динамическое обновление.

Заключение

Резюмируя, можно сделать следующие выводы. Уральская школа предлагает обоснованную текстовым анализом интерпретацию оригинальных трудов К. Маркса, проясняя исходные постулаты его философии и раскрывая методологический потенциал марксовской философской антропологии на современном этапе. Эта интерпретация способствовала повороту российской марксистской философии к новым исследовательским горизонтам. В своем прочтении К. Маркса школа фокусируется на раскрытии и обосновании ценностных оснований его философии, переосмысливая категорию практики через призму гуманизма, антропологии и социально-исторического анализа. Она призывает

вернуться к живой, неискаженной философии К. Маркса, центрированной на человеке, осуществляя ее всестороннюю экзистенциально-антропологическую ревизию и развитие.

Уральская школа продолжает традицию западного гуманистического марксизма, формируя уникальный исследовательский стиль через диалог с современной западной философией. Для К. Маркса высшей ценностью выступает свободное и всестороннее развитие человека – реализация подлинности и целостности человеческого существования. В таком бытии снимаются противоречия между индивидом и обществом; преодолевается отчуждение, а труд становится способом существования, генерирующим жизненную энергию и высвобождающим экзистенциальную страсть. Однако многие марксистские теоретики отрицали антропологический, аксиологический или моральный компоненты в философии К. Маркса, ограничивая ее рамками учения о классовой борьбе и диалектикой производительных сил и производственных отношений. После публикации ранних работ К. Маркса западные марксистские мыслители – такие как Лукач, Маркузе, Фромм, Сартр, Лефевр – творчески развили его теорию отчуждения, философию практики и философскую антропологию, предложив глубокие гуманистические и экзистенциальные трактовки и преодолевая одно-стороннее понимание его философии.

Акцент Уральской школы на чувственном, в т. ч. на страдании, созвучен духовным традициям русской религиозной философии, а ее гуманистический пафос перекликается с идеями западных марксистов. Школа утверждает отсутствие непреодолимой пропасти между марксовой теорией человеческой сущности и его учением о социальном производстве и воспроизводстве: оба аспекта берут начало в практике, развиваются из нее. Следовательно, философская антропология и научная концепция исторического процесса суть равнозначные компоненты философии К. Маркса. Таким образом, школа возводит практику в ранг фундамента, объединяющего западный гуманистический марксизм и сциентистский марксизм, – элемента, определяющего внутреннее единство учения Маркса.

Как справедливо отметил К. Н. Любутин, русская философия исторически развивалась в рамках православия, а диалектика предписывает нам параллельно изучать как религиозно-философскую, так и материалистическую традиции России (2015, с. 317–318). Современному философскому сообществу – как в России, так и в мире – необходимо не только объективно осмысливать историю, углубляя исследования советской философии и русской религиозной мысли, но и обращать внимание на авторов, развивавших свои идеи вне рамок официальной советской парадигмы. Лишь рассматривая советскую и современную российскую марксистскую философию в контексте общей парадигмы русской мысли, можно в полной мере постичь ее внутреннюю логику и фазы ее развития.

Список литературы

1. Гусейнов, А. А. (2021). Философия и общество. К 100-летию Института философии РАН (1921–2021). *Вестник Российской академии наук*, 91(8), 779–792. <https://doi.org/10.31857/S0869587321080077>

2. Кондрашов, П.Н., (2015). К вопросу о возможности построения системы экзистенциальных категорий в философии Карла Маркса. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 15(3), 47–64.
3. Кондрашов, П.Н. (2016). Какого же Маркса мы читаем? Часть 1. *Дискурс-Пи*, 3(24), 3–47.
4. Кондрашов, П.Н. (2019a). Ключевые философские идеи К.Н. Любутина. *Антиномии*, 19(1), 7–28. <https://doi.org/10.17506/aipl.2019.19.1.728/>
5. Кондрашов, П.Н. (2019b). *Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты*. М.: URSS.
6. Кондрашов, П.Н. (2020). Карл Маркс о родовой сущности человека. *Антиномии*, 20(3), 22–48. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10303/>
7. Кондрашов, П.Н. (2023). *Девять мифов о философии Карла Маркса От демифологизации к реконструкции изначальных идей*. М.: ЛЕНАНД.
8. Любутин, К.Н. (1999). *XXI век: будущее России в философском измерении*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
9. Любутин, К.Н. (2001). Российские версии философии марксизма: Уральская философская школа., *Известия Уральского государственного университета*, 19, 32–36.
10. Любутин, К.Н. (2004). О философии Маркса, о философии Энгельса. *Философия и общество*, 1, 166–185.
11. Любутин, К.Н. (2015). *Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистской философии*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
12. Маркс, К. (1955). Тезисы о Фейербахе. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 3, с. 1–4). Москва: Политиздат.
13. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Немецкая идеология. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 2, с. 7–544). Москва: Политиздат.
14. Маркс, К. (1969). Экономические рукописи 1857–1859 годов. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (Т. 46. Ч. 2, с. 5–612). Москва: Политиздат.
15. Степин, В.С., Цинянь, А., Юнин, Ц. (1999). Современная российская философия: актуальные проблемы и оценки прошлого. *Философские исследования*, 1, 2–39.
16. Emel'yanov, V.B., & Pertsev, A. V. (2012). The Faculty of Philosophy of Ural Federal University: History, Events, People. *Humanities & Social Sciences*, 1(5), 3–12.

References

1. Gusejnov, A.A. (2021). *Filosofiya i obshchestvo. K 100-letiyu Instituta filosofii RAN (1921–2021). [Philosophy and Society. On the 100th Anniversary of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (1921–2021).]* *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 91(8), 779–792. <https://doi.org/10.31857/S0869587321080077>
2. Emel'yanov, V.B., & Pertsev, A. V. (2012). The Faculty of Philosophy

of Ural Federal University: History, Events, People. *Humanities & Social Sciences*, 1(5), 3–12.

3. Kondrashov, P.N. (2015). K voprosu o vozmozhnosti postroeniya sistemy ehkzistencial'nyh kategorij v filosofii Karla Marksa. [On the possibility of constructing a system of existential categories in Karl Marx's philosophy] *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 15(3), 47–64.

4. Kondrashov, P.N. (2016). Kakogo zhe Marksa my chitaem? Chast' 1. [Which Marx are we reading? Part 1]. *Diskurs-Pi*, 3(24), 3–47.

5. Kondrashov, P.N. (2019a). Klyuchevye filosofskie idei K.N. Lyubutina [Key philosophical ideas of K.N. Lyubutin]. *Antinomii*, 19(1), 7–28. <https://doi.org/10.17506/aip.2019.19.1.728>.

6. Kondrashov, P.N. (2019b). *Filosofiya Karla Marksa: Ehkzistencial'no-antropologicheskie aspekty*. [Karl Marx's Philosophy: Existential and Anthropological Aspects]. M.: URSS.

7. Kondrashov, P.N. (2020). Karl Marks o rodovoj sushchnosti cheloveka. [Karl Marx on the generic essence of man]. *Antinomii*, 20(3), 22–48. <https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10303/>

8. Kondrashov, P.N. (2023). *Devyat' mifov o filosofii Karla Marksa Ot demifologizacii k rekonstrukcii iznachal'nyh idej*. [Nine Myths about Karl Marx's Philosophy: From Demythologization to Reconstruction of Original Ideas]. M.: LENAND.

9. Lyubutin, K.N. (1999). *XXI vek: budushchee Rossii v filosofskom izmerenii*. [The 21st Century: Russia's Future in the Philosophical Dimension]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999.

10. Lyubutin, K.N. (2001). Rossijskie versii filosofii marksizma: Ural'skaya filosofskaya shkola. [Russian Versions of Marxist Philosophy: The Ural Philosophical School]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 19, 32–36.

11. Lyubutin, K.N. (2004). O filosofii Marksa, o filosofii Ehngel'sa. [About the philosophy of Marx, about the philosophy of Engels]. *Filosofiya i obshchestvo*, 1, 166–185.

12. Lyubutin, K.N. (2015). *Problema sub'ekta i ob'ekta v nemeckoj klassicheskoj i marksistskoj filosofii*. [The Problem of Subject and Object in German Classical and Marxist Philosophy]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

13. Marks, K. (1955). Tezisy o Fejebahe. [Feuerbach's Theses]. In K. Marks, & F. Ehngel's, *Sochineniya* (T. 3, s. 1–4). Moskva: Politizdat.

14. Marks, K., & Ehngel's, F. (1955). Nemeckaya ideologiya [German ideology]. In K. Marks, & F. Ehngel's, *Sochineniya* (T. 2, s. 7–544). Moskva: Politizdat.

15. Marks, K. (1969). Ehkonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov. [Economic Manuscripts of 1857–1859]. In K. Marks, & F. Ehngel's, *Sochineniya* (T. 46. Ch. 2, s. 5–612). Moskva: Politizdat.

16. Stepin, V.S., Cinyan', A., & Yunin, C. (1999). Sovremennaya rossijskaya filosofiya: aktual'nye problemy i ocenki proshlogo [Modern Russian Philosophy: Current Issues and Assessments of the Past]. *Filosofskie issledovaniya*, 1, 2–39.

Информация об авторах

Го Лишуан, доктор философии, профессор Института марксизма Университета Фудань, Шанхай, Кита, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2265-0528>, e-mail: mguolishuang812@163.com

Ли Чжан, студент магистратуры, специализирующийся на изучении марксистской теории, Университет Фудань, Шанхай. Китай, e-mail: 242100010047@m.fudan.edu.cn

Information about the authors

Guo Lishuang, DSc in Philosophy, Professor, School of Marxism, Fudan University, Shanghai, China, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2265-0528>, e-mail: guolishuang812@163.com

Li Zhang, a master's degree student majoring in Marxist Theory, Fudan University, Shanghai, China, e-mail: 242100010047@m.fudan.edu.cn

---

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_28

НОВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ РОССИИ: ЗАПАДНЫЙ МИРОПОРЯДОК В ОПТИКЕ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ

Алексей Владимирович Ярков,

Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук,
Ижевск, Россия,
alex_yarkov@mail.ru

*Получена 21.06.2025.**Поступила после рецензирования 27.09.2025.**Принята к публикации 12.01.2026.*

Для цитирования: Ярков В.А. Новый крестовый поход против России: западный миропорядок в оптике священной войны // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1. С. 28–43. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_28

Аннотация

В статье обосновывается гипотеза, согласно которой наблюдаемая в наши дни гибридная агрессия по отношению к России со стороны американоцентричной коалиции западных государств релевантна парадигме крестоносного движения, являющейся манифестацией западной доктрины священной войны. В истории Запада христианское представление о дьяволе как общем для всего человеческого рода враге (*hostis generis humani*) послужило основой для последующей череды демонизаций фигуры публичного врага в качестве воплощения абсолютного зла, от которого человечество должно защищаться любой ценой. Возникший после распада христианской империи секулярный международно-правовой порядок сохранил в себе понятие *hostis generis humani* в лице пиратства, призрак которого в последующем стал использоваться в западном мире для оправдания крестовых походов против террористической угрозы. Псевдоконкретный образ терроризма, произвольно отождествляемый не только с индивидами и социальными группами, но и с целыми народами и государствами, позволяет инициировать и санкциони-

© Ярков А.В., 2026

ровать не сдерживаемое никакими ограничениями насилие в отношении тех, кто рассматривается как угроза западному миропорядку. Глобальное лидерство США, возглавляющих «коллективный Запад» и владеющих крестоносной инициативой, включает в себя религиозно-политическую веру в собственную исключительность, богоизбранность, в особую миссию по трансформации мира ради триумфа свободы и демократии. Истоки этого идеализма связаны с первыми христианскими переселенцами из Старого Света, благодаря которым с течением времени в облике американского государства христианская империя с ее священными войнами и крестовыми походами против «врагов Бога» и «неверных» фактически возродилась на новой почве. На протяжении всего двадцатого столетия именно Россия была для США главным объектом крестоносной миссии.

Ключевые слова:

крестовый поход, священная война, враг, *hostis generis humani*, терроризм, политическая теология

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_28

THE NEW CRUSADE AGAINST RUSSIA: THE WESTERN WORLD ORDER IN THE OPTICS OF THE HOLY WAR

Aleksey V. Yarkeev,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia,
alex_yarkeev@mail.ru

Received 21.06.2025.

Revised 27.09.2025.

Accepted 12.01.2026.

For citation: Yarkeev, A.V. (2026). The New Crusade against Russia: The Western World Order in the Optics of the Holy War. *Discourse-P*, 23(1), 28–43. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_28

Abstract

The article substantiates the hypothesis that observed today the hybrid aggression against Russia by the American-centered coalition of Western states is relevant to the paradigm of the crusading movement, which is a manifestation of the Western doctrine of holy war. In the history of the West, the Christian idea of the devil as a common enemy

for the entire human race (*hostis generis humani*) served as the basis for the subsequent series of demonization of the figure of the public enemy as the embodiment of absolute evil, from which humanity must defend itself at all costs. The secular international legal order that emerged after the collapse of the Christian empire retained the concept of *hostis generis humani* in the face of piracy, the ghost of which later began to be used in the Western world to justify crusades against the terrorist threat. The pseudo-specific image of terrorism, arbitrarily identified not only with individuals and social groups, but also with entire peoples and states, allows initiating and authorizing unrestrained violence (physical destruction, criminal prosecution, political regime change) against those who are perceived as a threat to the Western world order.

The global leadership of the United States, which heads the «collective West» and wields the crusading initiative, embodies a religious and political belief in its own exceptionalism, divinely chosen status and a special mission to transform the world for the triumph of freedom and democracy. The origins of this idealism are connected with the first Christian immigrants from the Old World, as a result of which, over time, in the guise of the American state, the Christian empire with its holy wars and crusades against «enemies of God» and «infidels» actually revived on new ground. Throughout the twentieth century, it was Russia that was the main object of the crusading mission for the United States.

Keywords:

crusade, holy war, enemy, *hostis generis humani*, terrorism, political theology

Введение

Очередной рецидив экзальтированной демонизации России со стороны стран «коллективного Запада» во главе с США в качестве своего «духовного лидера» и идейного вдохновителя «крестового похода»¹ против «российской угрозы» мировой демократии и глобальному порядку, «основанному на правилах», актуализирует необходимость соответствующей рефлексии, фундированной историко-философской ретроспективой. Согласно широко распространенному идеологическому нарративу, западная «русофобия» уходит своими корнями в раннесредневековую эпоху, во времена раскола христианства на православие и католицизм, которому предшествовал распад Римской империи на Западную и Восточную. Поскольку после падения Константинополя Россия начала позиционировать себя как правопреемницу Византийской империи, постольку автоматически стала объектом планомерной агрессии со стороны католического Запада, считавшего православие языческой ересью (Раппопорт, 2019).

Несмотря на то, что зачастую употребление авторами публикаций термина «крестовый поход» используется всего лишь как риторический прием, дисфемизм для обозначения современной геополитической, экономической и информационной агрессии Запада против России (Блохин, 2021; Кудряшова, Селиванова, 2015;

¹ Лавров заявил, что США объявили крестовый поход против России (2023, 20 апреля). Взято 29 мая 2024, с <https://ria.ru/20230420/ssha-1866737994.html>

Кутузов, 2023), есть основания полагать, что такая квалификация не является столь уж условной/произвольной и даже якобы неуместной, как может показаться на первый взгляд, хотя, по всей видимости, практика средневековых крестовых походов против православной Руси (России) действительно является продуктом современных историографических «измышлений» (Селарт, 2023; Хрусталева, 2009, с. 196–197). Тем не менее, наблюдаемый нами сегодня гибридный «дранг нах остен», предпринимаемый американоцентричной коалицией государств, по своему существу вполне укладывается в парадигму крестоносного движения (Блохин, 2016; Широкоград, 2022), являясь манифестацией западно-христианской традиции священной войны (Эрдман, 2018; Armstrong, 2001; Tyerman, 2004), в которой притязания «коллективного Запада» на мировое господство во многом до сих пор черпают свою историческую, духовно-идеологическую и мотивирующую силу.

Hostis generis humani: христианская теология абсолютного врага и западная доктрина священной войны

Согласно К. Шмитту, враг как политическая величина, задающая экзистенциальную определенность сообщества в качестве *борющейся* совокупности людей, предъясняется в публичном образе, описываемом латинским термином *hostis* – в противоположность термину *inimicus*, обозначающему личного/приватного врага (2016, с. 304). *Hostis* – это название, закрепленное за врагами, против которых Рим вел справедливую войну (*bellum iustum*), то есть войну, объявленную в соответствии с процедурой, описанной в *ius fetiale*. Объявление войны предполагало, что противник был признанным и независимым государством, чье слово считалось честным и надежным, так что переговоры и мирные соглашения всегда были возможны. Таким образом, враг воспринимался наделенным важными правами, которые должны были соблюдаться даже во время войны, чтобы сохранить возможность будущего мира (Policante, 2015, p. 14).

Как видно, *hostis* является не только дескриптивным, но и нормативным понятием: если сущность политического заключается в принципиальной конфликтности, тогда идентификация публичного врага выполняет основополагающую функцию, сохраняя политическое в его специфичности. При этом враг, в свою очередь, должен определяться сугубо в политическом регистре, что предполагает признание врага как равноправной стороны конфликта, с которой возможны переговоры и заключение мирного соглашения. Иными словами, политический взгляд на врага исключает его демонизацию и криминализацию, влекущие за собой стремление полностью уничтожить его или подвергнуть суровому наказанию (Benoist, 2013, pp. 24–25).

В истории Запада дискредитация врага в качестве воплощения абсолютного зла связана с фигурой христианского дьявола (Normand, 2016; Pagels, 1995), в образе которого идея вражды и врага приобретает принципиально новое качество. Дьявол как «общий всем враг», *κοινός ἀπάντων ἐχθρός* (в греческой патристике) и как «древний враг», *hostis antiquus* (в латинской патристике) носит предельно обобщенный характер, заключающийся в противостоянии всему человеческому роду. «В этом, собственно, и заключена новизна, приносимая христианством

в понятие врага: враг античности всегда был конкретен – он был враждебен определенной общности людей, будь то семья, род, город, государство и т.п.; христианский *hostis antiquus* враждебен всему человечеству в целом. Эта новая для идеи врага обобщенность – если не сказать универсальность – проецируется и на временную ось: враг – “древний”, а это означает, что он был таким всегда, с начала рода человеческого. <...> Таким образом, идея дьявола как абсолютного, “общего всем” врага имела мощный объединяющий потенциал: ведь в отталкивании от этой идеи консолидируется идея “человечества” как общности всех тех, для кого дьявол – враг. Враг – объединяет; такой же абсолютный враг, как дьявол, объединяет в наибольшей степени, до высшего уровня объединения – “человечества”» (Махов, 2013, с. 103–104). Та обобщенность (и радикальность), которую христианство придало идее публичного врага, нашла свое выражение в латинской формуле *hostis generis humani* (враг рода человеческого). Генезис этого понятия берет свое начало со слов матери римского императора Нерона Юлии Агриппины, которая, как свидетельствует Плиний Старший в своем труде «Естественная история», и наделила сына данным эпитетом. В раннесредневековую эпоху эту латинскую формулу у Плиния позаимствовал Амвросий Медиоланский, включив её в титулатуру дьявола, поскольку в Новом Завете встречается словосочетание «враг человека» (ἐχθρὸς ἀνθρώπος, *inimicus homo*), сказанное Иисусом применительно именно к дьяволу (Мф.13:28). Вдобавок в Апокалипсисе под «числом зверя», то есть Антихриста, было зашифровано имя Нерона, поэтому перенос этого определения на фигуру дьявола выглядел вполне закономерным (Душенко, 2018, с. 79).

Западная христианская империя считала себя объектом потенциальной агрессии со стороны Антихриста (Brown, 2007, p. 64), исходя из чего сущностно понимала себя как катехон (*katechon*), то есть как историческую силу, на которую возложена божественная миссия сдерживать натиск сил зла и воцарение Антихриста (Шмитт, 2008, с. 34–36). Иными словами, её пространственно-политический *specificum* выражался в том, что дифференциация «друг–враг», конститутивная для политической самоорганизации сообществ (Шмитт, 2016, с. 301–320), имела вид вселенского противостояния «*Respublica Christiana–Antichristus*» (Nichols, 2017, p. 6). Самопонимание в качестве катехона было свойственно и Византийской империи, призванной сдерживать склонное к греху человеческое общество от окончательного падения до Второго пришествия (Сафронов, 2021, с. 16). Западно-христианский *imperium-katechon* конституировался особым образом как пространственный порядок, определяемый отношением между территориями христианских и нехристианских государей и народов: первые подчиняются общим правилам, регламентирующим ведение междоусобных войн, которые не отменяют единства христианского мира (*Rex Christiana*); вторые подлежат осуществлению миссионерской деятельности, а также завоеванию и аннексии в результате крестовых походов (Шмитт, 2008, с. 30–33).

Убежденность западных народов в христианской солидарности нашла свое самое сильное проявление в борьбе с неверными (*infidelis*), считавшимися прислужниками или даже воплощениями Антихриста, убийство которых оправдывалось и полагалось актом искупления грехов (Махов, 2013, с. 49–50;

Энгдаль, 2016, с. 6). Святой Августин уже подготовил интеллектуальную основу священных войн (*bellum sacrum*) против неверных, переняв у Античности, и особенно у Цицерона, доктрину справедливой войны (*bellum iustum*). Он расширил эту доктрину, включив в нее религиозные войны против еретиков и язычников. Еще одним существенным отличием позиции Августина было понимание войны в качестве инструмента Божьего карательного правосудия в греховном мире: война является справедливой не только и не столько потому, что основывается на праве (*ius*), сколько потому, что реализует божественную справедливость (*iustitia*). Такая трактовка войны, усиленная ветхозаветной концепцией «войны Господа» (Дженкинс, 2013), вдохновила «идею священной войны как вооружённой агрессии, которая совершается ради неких “идеалов веры” по повелению и благословению религиозной власти. В этой войне не может быть сдерживающих факторов, потому что она ведётся во имя Бога и высших духовных ценностей против законченных грешников и врагов креста Христового, – всё ради некой высшей справедливости» (Ткаченко, 2022, с. 147). Как отмечает К. Эрмман (2018, с. 72), «кроме справедливой войны, он (Августин. – А. Я.) говорил теперь о священной войне, *bellum Deo auctore* [богоугодная война], при которой военачальники и солдаты воспринимаются в некотором смысле как слуги Божьи. Противоборствующие стороны оцениваются по тем же критериям: одна сторона борется за свет, другая – за тьму, одна – за Христа, другая – за дьявола. Учение [Августина] о граде Божьем содержало все необходимое, чтобы наделить такую священную войну специфическими признаками». Эта концепция впервые стала реальностью во время Клермонского собора в 1095 году, когда папа Урбан II разжег мощное пламя религиозного энтузиазма, призвав к первому крестовому походу. Восемь экспедиций такого рода объединили христиан Западной Европы для завоевания Святой земли и временного установления «Латинской империи» в Константинополе. В понимании знаменитого канониста Хостииенсиса (Генриха Сегузийского) западная христианская империя была законной правопреемницей Римской империи, и поэтому он называл эту священную войну христиан против неверных *bellum Romanum*, то есть «римской войной» (Grewé, 2000, p. 52). Под *bellum Romanum* подразумевался особый вид войны, которую римляне вели против варваров. *Bellum Romanum* была своего рода тотальной войной без ограничений – с изнасилованиями, мародерством, убийством мирного населения, разрушением городов и уничтожением целых обществ (народов). «У римлян были три претензии, типичные для любой успешной имперской идеологии: они благословлены богами; все иные народы – “варвары”, с которыми невозможно иметь равные отношения; их миссия – нести цивилизацию и мир всему миру. Однако *Rex Romana* насаждался безжалостно. <...> Греческий историк Полибий свидетельствует: когда римляне захватывали город, то всех убивали и никого не щадили, даже животных» (Армстронг, 2016, с. 143). Таким образом, абсолютная и безграничная враждебность выводилась за пределы *Respublica Christiana*, разделяя войны на справедливые (войны христианских народов) и несправедливые (войны нехристианских народов), а человечество на «хороших» («Божий народ») и «плохих» («враги Бога», «антихристы»); против последних военные действия не предполагали никаких сдерживающих ограничений.

Распад христианской империи на множество светских территориальных государств имел своим результатом переосмысление войны в рамках международно-правового института *jus publicum europaeum*, основанного на принципе равного суверенитета. Формализация межгосударственных войн выстраивалась посредством отделения морально-теологической аргументации от политико-юридической и замещения понятия *iusta causa* понятием *iustus hostis* (Шмитт, 2008, с. 133). Первая мировая война ознаменовала собой конец классического европейского порядка регламентированной войны и начало новой эпохи – эпохи дискриминационных тотальных войн между «силами добра» и «силами зла» (Jenkins, 2014). Абсолютное, ничем не ограниченное насилие Первой мировой войны стало возможным благодаря появлению технических средств массового уничтожения (пулеметы, огнеметы, танки, авиация, отравляющие газы и т. д.), что естественным образом возродило фигуру абсолютного врага, предполагающую правовую и моральную дискриминацию противника. Как абсолютный враг требует применения к нему абсолютного насилия, так и абсолютное насилие производит абсолютного врага. Дисквалификация противника в роли законного врага (*iustus hostis*) и его квалификация в качестве олицетворения безмерного зла, «исчадия ада», угрожающего всему человечеству, фактически возродила средневековое представление о священной войне против «врагов Бога», реанимировав дух и практику крестовых походов под новым знаменем (*labarum*) – «под знаменем прав человека, гуманизма и всеобщей безопасности» (Кашников, 2014, с. 26).

Еще в период действия секулярного Вестфальского порядка, сформировавшегося в результате европейских религиозных войн, возникла универсальная юрисдикция как институт, предназначенный для организации пространства мирового океана. Этот институт стал играть особенно заметную роль в восемнадцатом веке, когда расширение международной торговли потребовало создания правовой основы для глобальной защиты частной собственности. В мировом океане как пространстве свободного обращения, оторванном от суверенитета любого отдельного государства, универсальная юрисдикция функционировала как правовой инструмент, который позволял европейским государствам преследовать пиратов по всему миру в статусе *hostes generis humani* (Шмитт, 2008, с. 11; Policante, 2015, pp. 194–195). Вскоре эта концепция международного преступления, возникшая в одной области, была применена по аналогии к другим областям. В девятнадцатом веке, когда пиратство больше не представляло серьезной угрозы мировому рынку и поддерживающему его правовому порядку, фигура пирата сохраняла историческое значение в колониальных войнах, позволяя европейским державам изображать свое насилие как услугу, оказываемую человечеству, одновременно дискредитируя вооруженное сопротивление местных общин. Фигура пирата оставалась в центре ряда европейских дискурсов, узаконивающих империализм и колонизацию. Более того, призрак пиратства продолжал играть определенную роль всякий раз, когда европейским державам требовалось передать под универсальную юрисдикцию лиц, которых в противном случае было бы трудно привлечь к ответственности.

В двадцатом веке призрак пирата неоднократно возникал в контексте продолжительной кампании по скоординированному подавлению международного анархистского движения. Именно в этом контексте начала формироваться совре-

менная фигура террориста как абсолютного врага, против которого необходимы и оправданы чрезвычайные меры. В период с 1881 по 1914 гг. отдельные лица и группы, связанные с анархистскими идеалами, были ответственны за убийства многочисленных монархов и глав государств по всему миру. Американский президент Т. Рузвельт (1901–1909) призвал к международному крестовому походу для искоренения анархистского движения. В своем первом послании Конгрессу² он выдвинул предложение объявить анархизм преступлением против международного права, а анархиста – «врагом рода человеческого», в отношении которого, подобно пиратству, все правительства имели бы право осуществлять универсальную юрисдикцию (Policante, 2015, pp. 195–196).

В начале нового тысячелетия в ответ на атаку Всемирного торгового центра США немедленно объявили глобальную войну («крестовый поход», по выражению Дж. Буша-младшего), направленную против террористических организаций, а также «стран-изгоев», обвиняемых в их поддержке или приравненных к таковым. Современная глобальная война с терроризмом воспроизводит практику преследования пиратов, тем самым трансформируя территорию Земли в пространство мирового океана, в котором имеет право действовать любая армия, осуществляя полицейские операции во имя безопасности человечества. «Океан больше не является неукротимым внешним миром, а представляет собой пространство неразличимости, которое может возникнуть повсюду, в любой момент» (Policante, 2015, p. 203). Утверждение о том, что защита человечества требует истребления монстров в человеческом обличье, «врагов рода человеческого», оправдывает исключительное насилие, которое выходит из-под всякого контроля, становится перманентным, абсолютным и повсеместным.

Rex Americana: крестоносная миссия США

С момента открытия Нового Света в 1492 г. начался этап собственно мировой, или современной, истории, завершившийся в двадцатом столетии транзитом глобального лидерства от Европы к США, вместе с которым к североамериканской державе перешла и «крестоносная инициатива» (DePriest, 2019; Hegseth, 2020; Warren, 1996; Wetzel, 2022). Внешнеполитическая деятельность США с самого начала строилась на парадоксальном совмещении сурового прагматизма Realpolitik и религиозно-политического идеализма, основанного на вере в собственную богоизбранность, исключительность, мессианство и цивилизаторскую миссию по распространению и защите свободы и демократии во всем мире (Печатнов, Маныкин, 2012, с. 12–13). Суть данного подхода весьма красноречиво сформулирована Дж. Бушем-младшим во вступительном письме к обновленной Стратегии национальной безопасности (2006): «Путь, который мы выбрали, согласуется с великой традицией американской внешней политики. Подобно политике Гарри Трумэна и Рональда Рейгана, наш подход идеалистичен в отношении наших национальных целей и реалистичен в отношении средств

² *First Annual Message*. Retrieved March 11, 2014, from <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/first-annual-message-16>

их достижения»³. Современная политическая теология США центрирована уникальной исторической ответственностью, вырастающей из сочетания американской военной мощи и американских морально-духовных ценностей: американская военная мощь имеет моральное содержание и моральную направленность, которая выходит за рамки самообороны и включает в себя защиту демократических ценностей и искоренение тирании по всему миру. Это создает контекст, который легитимирует крестоносные походы во имя «триумфа свободы». Крестоносный идеализм (*crusading idealism*) имплицирован в саму ткань Стратегии национальной безопасности США, в которой американская военно-политическая мощь трактуется как авангард всемирной истории (Fiala, 2008, pp. 47–48, 50).

Вместе с первыми колонистами-поселенцами (так называемыми «отцами-пилигримами») из Старого Света в Новый Свет был «экспортирован» энтузиазм крестоносцев, который глубоко укоренился в американской идентичности и сыграл решающую роль в формировании американской истории (Armstrong, 2001, p. 474). Примечателен факт, имеющий символическое значение, что мотивация Христофора Колумба, искавшего западный путь в Индию, была тесно связана с крестовыми походами. В Индии Колумб надеялся создать христианскую базу, с которой христианский мир мог бы начать новый крестовый поход против ислама. Его дневниковые записи свидетельствуют, что годы спустя он все еще был озабочен завоеванием Иерусалима. «Когда Европа вступила в современный период, она все еще была движима старым энтузиазмом крестоносцев, и мечты и страхи крестоносцев должны были быть переплетены с мечтами и страхами современного Запада. Вместе с Колумбом они пересекли Атлантику и пустили корни в Америке» (Armstrong, 2001, pp. 458–459). Пуритане, бежавшие в Америку от преследований в Англии, верили, ссылаясь на Священное Писание, что вступают в последнюю эру человеческой истории. Америка в их представлении была новым Ханааном, землей, на которой наступит легендарное тысячелетие мира, предсказанное в Книге Откровения. Пуританской богослов Коттон Мэзер, оказавший заметное влияние на формирование американского политического мышления, написал эпическую поэму в стиле Вергилия о Новой Англии под названием *Magnalia Christi Americana*, изобразив историю Америки как постепенное восхождение колонии от заселения девственной территории к созданию праведного царства христианских общин, которое закончится окончательной битвой с Антихристом, а тысячелетнее завершение этой священной истории затмит *Pax Romana*. Он сравнивал отплытие пуритан из Европы с бегством израильтян из египетского рабства, путешествие через Атлантику – с годами пребывания израильтян в пустыне, а постепенное заселение Нового Света – со свержением господства Сатаны на падшей земле, в которой пустыня становится новой Землей Обетованной, «садом Божьим».

Первые американские поселенцы и богословы были постмиллениаристами, то есть верили, что, строя благочестивое Содружество в Новом Свете, они возвещают тысячелетнее правление святых на земле, после чего Христос вернется

³ *The National Security Strategy*. Retrieved March 16, 2024, from <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/intro.html>

в качестве судьи. В современном религиозно-политическом мышлении американцев преобладает премилленаризм, согласно которому Страшный суд произойдет до тысячелетнего правления святых. Обе разновидности милленаризма Нового Света включают в себя утверждение, что американцы в каком-то исключительном смысле ответственны за человеческую историю, что их история представляет собой исполнение библейских пророчеств о конце истории, Страшном суде, тысячелетнем правлении святых, об окончательном искуплении. В таком прочтении истории Америка понимается как «нация-искупительница» (Redeemer Nation), как прообраз «нового Иерусалима», «Град на холме», в котором духовная община совершает дело искупления (Northcott, 2004, pp. 14–17).

Подразумеваемая ответственность Америки как «избранного народа» за всемирно-исторический процесс обуславливает ее стремление контролировать и преобразовывать мир с целью осуществления божественного предназначения. В 1840-х годах возник термин «явное предначертание» (Manifest Destiny) для выражения божественного замысла, осуществляемого в американской истории и в расширении «Земли Обетованной» с Востока и среднего Запада до территорий, управляемых испанцами в Калифорнии, Северной Мексике и Техасе. В утопии середины девятнадцатого века Америка изображалась священным пространством, в котором люди, ведомые провидением, должны были стать «новой нацией свободы», призванной впервые в истории человечества продемонстрировать «новый мировой порядок», «великий эксперимент на благо всего человечества» (Northcott, 2004, pp. 21–25). Это предназначение оправдывало экспансию американского превосходства с позиции «добра», которому противостоят «силы зла». Соединенные Штаты вступили на путь «американских крестовых походов» (DePriest, 2019). Таким образом, в лице американского государства христианская империя с ее священными войнами и крестовыми походами против «врагов Бога» и «неверных» фактически возродилась на новой почве.

На протяжении всего двадцатого столетия именно Россия была для США главным фантазмом «темного Другого»: советский коммунизм как атеистическая и универсалистская идеология казался подлинной антитезой американскому духу и противоположностью американским добродетелям. Поэтому Россия более стойко, чем любая другая страна, стала рассматриваться как объект американской крестоносной миссии (Foglesong, 2007). На протяжении большей части девятнадцатого века американцы были склонны рассматривать Российскую империю как далекую, дружественную христианскую державу. По крайней мере до 1890-х годов консерваторы, опасавшиеся подъема анархизма и социализма в Соединенных Штатах, больше симпатизировали царскому правительству, чем русским революционерам. Несмотря на эти страхи и сомнения, в последние два десятилетия в США развернулось движение за «свободную Россию» (free Russia). В сотрудничестве с русскими революционерами американские активисты создали организации, которые яростно осуждали политический гнет и религиозные преследования в царской империи, настраивая общественное мнение против «русского варварства». Классифицируя Россию как «темную страну», которая нуждается в просвещении, американцы определили русских в ту же категорию, что и чернокожих, индейцев, филиппинцев и других потенциальных бенефициаров американского гуманизма. Ко времени русской революции 1905 года многие аме-

риканцы пришли к мысли, что Россию можно и нужно переделать так, чтобы она походила на Соединенные Штаты. Однако в конце 1905 года оптимизм и надежды сменились разочарованием, когда стало понятно, что русская революция отошла от предполагаемой американской модели и вместо этого пошла по вдохновленному Францией пути к террору и социализму. Тем не менее, мечта о «свободной России» так глубоко укоренилась и так тесно была связана с верой американцев в свою глобальную миссию, что она возродилась и сохранялась на протяжении всего двадцатого века. «Так, 1980-е годы ознаменовались как кульминацией демонизации советской империи, так и кульминацией крестового похода за свободную Россию» (Foglesong, 2007, p. 175). В годы президентства Р. Рейгана (1981–1989), окрестившего СССР «империей зла» (Evil Empire), Америка стремилась не просто ослабить советскую систему как своего непримиримого врага, но и преобразовать ее, не просто заключить сделку с советскими лидерами, но и обратить их в свою веру. Религиозное воспитание Рейгана привило ему идеи, которые легли в основу его подхода к Советскому Союзу, включая веру в то, что у Бога есть план для него и для всего мира, веру в конечное торжество добра над злом и убежденность в том, что Америке суждено нести факел свободы в мире.

В двадцать первом веке воспоминания и опыт участия в череде крестовых походов за «свободную Россию», против «безбожной коммунистической тирании», закончившихся триумфальной победой над «империей зла», еще больше укрепили веру США в свое божественное предназначение по трансформации мира и искоренению зла. Новой конкретизацией американской политической теологии стала «доктрина Буша» (Fiala, 2008), декларирующая необходимость крестовых походов против террористической угрозы в глобальном масштабе⁴. Согласно этой доктрине, с таким врагом всего человечества не может быть мирного сосуществования, его необходимо не сдерживать, а выявлять и уничтожать, и ради достижения этой цели годятся любые средства, поскольку победа над абсолютным злом имеет эсхатологическое значение. Россия вновь оказалась под прицелом США уже при следующем после Дж. Буша-младшего президенте Б. Обаме (2009–2017), поставившем ее в один ряд мировых угроз в аккурат между вирусом Эбола и террористической группировкой «Исламское государство»⁵.

Заключение

Желание «коллективного Запада» сохранить свое глобальное лидерство базируется не только на прагматической мотивации геополитического и экономического характера, но и на общем христианском наследии. Согласно предлагаемой здесь гипотезе, сформулированной в ходе краткого историко-философского экскурса (не претендующего, само собой разумеется, на бесспорность, полноту и всеохватность), развернутая Западом кампания против России, ее народа и во-

⁴ *President: Today We Mourned, Tomorrow We Work*. Retrieved March 14, 2024, from <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010916-2.html>

⁵ *Обама назвал мировыми угрозами Эболу, действия России и террористов ИГ* (2014, 25 сентября). Взято 31 мая 2024, с <https://ria.ru/20140924/1025469848.html?ysclid=lwugw5ny2b350781263>

енно-политического руководства в значительной степени детерминирована уникальной христианской идентичностью западного общества, в истории которого средневековые священные войны и крестовые походы сыграли существенную роль в деле формирования западного самосознания и мировосприятия. В самопонимании Запада прочно утвердилась идея о собственном моральном и цивилизационном превосходстве и доминирующем положении в мире (*dominus mundi*), которым угрожают и противостоят с разных сторон «варвары на пороге», воплощающие собой демонические силы зла («цветущий сад в окружении наступающих диких джунглей»⁶). В облике Соединенных Штатов реновация этого представления с новой силой возродила крестоносный энтузиазм, направив его энергию на переустройство мира в соответствии с идеалами и ценностями американской нации. Религиозно-политическая убежденность США в своем особом предназначении и вытекающей из него чрезвычайной миссии служит «доказательством» наличия у них *iusta causa* и «освящает» инициирование американским руководством, стоящим во главе коалиции западных сил, крестовых походов по всему миру против государств и народов, стигматизируемых в качестве носителей зла, подлежащего экстерминации (физическое уничтожение, смена политического режима, санкционно-экономическое удушение, уголовное преследование). Абстрактная оптика террористической угрозы представляет собой, по сути, реактивацию христианского взгляда на «врагов Бога», несущих разрушение миру и порядку, а значит превентивное насилие, которое приобретает справедливый, священный и даже апокалиптический характер, не может быть остановлено диалогом и мирным договором, но должно постоянно повторяться, чтобы поддерживать те самые условия, на которых существуют мир и порядок. Но именно этот катехонический или мессианский утопизм вкупе с растущей военной мощью создает главную опасность миропорядку: радикальная демонизация политических противников, с одной стороны, и совершенствование вооружений, с другой стороны, образуют замкнутый контур самовоспроизводящегося насилия, все больше выходящего из-под контроля, принимающего безграничные и экстремальные формы выражения, действительно ставящие под вопрос существование всего человечества.

Список литературы

1. Армстронг, К. (2016). *Поля крови: Религия и история насилия*. М.: Альпина нон-фикшн.
2. Блохин, К. (2016). *Крестоносцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии*. М.: Весь Мир.
3. Блохин, К. (2021). «Крестовый поход» Дж. Байдена против России. Причины и перспективы эскалации американо-российских отношений. *Свободная мысль*, 3, 85–94.
4. Дженкинс, Ф. (2013). *Войны за Бога: Насилие в Библии*. М.: Эксмо.
5. Душенко, К. (2018). *История знаменитых цитат*. СПб.: Азбука-

---

⁶ Боррель сравнил окружающий Европу мир с джунглями (2022, 13 октября). Взято 15 апреля 2024, с <https://ria.ru/20221013/evropa-1823673165.html>

Аттикус.

6. Кашников, Б. (2014). «Теория справедливой войны» как война и справедливость глобального мира. *Военно-юридический журнал*, 3, 24–31.

7. Кудряшова, И., Селиванова, И. (2015). Отражение информационной войны против России в испанской и немецкой прессе, или «крестовый поход демократии» против России. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2–2(44), 119–122.

8. Кутузов, А. (2023). Крестовые походы против России: прошлое и настоящее. *Правда и закон*, 3(25), 3–11.

9. Махов, А. (2013). *HOSTIS ANTIQUUS. Категории и образы христианской демонологии. Опыт словаря*. М.: Intrada.

10. Печатнов, В., Манькин, А. (2012). *История внешней политики США*. М.: Международные отношения.

11. Раппопорт, А. (2019). Русофобия как феномен. *Евразийское научное объединение*, 10–5(56), 439–443.

12. Сафронов, Н. (2021). Эволюция доктрины политической лояльности христианства к государству. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*, 4, 16–19. <https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-4-16-19>.

13. Селарт, А. (2023). Когда состоялся первый крестовый поход против Руси? *Одиссей. Человек в истории*, 1(30), 231–246. <https://doi.org/10.32608/1607-6184-2023-30-1-231-246>.

14. Ткаченко, Р. (2022). *Bellum Justum, или Война ради мира: христианская теория справедливой войны от древности до современности. Богомыслие. Богословские рефлексии*, 32, 129–175.

15. Хрусталева, Д. (2009). *Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. (Т. 2)*. СПб.: Евразия.

16. Широкоград, А. (2022). «Крестовый поход» против России. *Тысячелетняя агрессия Запада*. М.: Вече.

17. Шмитт, К. (2008). *Номос земли в праве народов jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль.

18. Шмитт, К. (2016). *Понятие политического*. СПб.: Наука.

19. Энгдаль, У. (2016). *Священные войны Западного мира*. М.: Селадо.

20. Эрдман, К. (2018). *Происхождение идеи крестового похода*. СПб.: Евразия.

21. Armstrong, K. (2001). *Holy War. The Crusades and Their Impact on Today's World*. New York: Anchor Books.

22. Benoist, A. (2013). *Carl Schmitt Today: Terrorism, Just War, and The State of Emergency*. London: Arktos Media Ltd.

23. Brown, C. (2007). From humanized war to humanitarian intervention. Carl Schmitt's critique of the Just War tradition. In L. Odysseos, F. Petito (Eds.), *The International Political Thought of Carl Schmitt. Terror, liberal war and the crisis of global order* (pp. 56–70). London and New York: Routledge.

24. DePriest, J. (2019). *American Crusades. The Rise and Fulfillment of The Protestant Establishment*. New York: Lexington Books.

25. Fiala, A. (2008). *The Crusade for Freedom. A Just War Critique of The*

- Bush Doctrine. *Political Theology*, 1(9), 47–60. <https://doi.org/10.1558/poth.v9i1.47>
26. Foglesong, D. (2007). *The American Mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Grewe, W. (2000). *The Epochs of International Law*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
28. Hegseth, P. (2020). *American Crusade. Our Fight to Stay Free*. New York: Hachette Book Group, Inc.
29. Jenkins, Ph. (2014). *The Great and Holy War: How World War I became a Religious Crusade*. New York: Harper One.
30. Nichols, J. (2017). Figures of history, foundations of law: Acéphale, Angelus Novus, and the Katechon. *Journal of Historical Sociology*, 7, 1–29. <https://doi.org/10.1111/johs.12162>.
31. Normand, L. (2016). *Demonization in International Politics. A Barrier to Peace in the Israeli-Palestinian Conflict*. New York: Palgrave Macmillan.
32. Northcott, M. (2004). *An Angel Directs The Storm. Apocalyptic Religion and American Empire*. London, New York: I.B. Tauris & Co Ltd.
33. Pagels, E. (1996). *The Origin of Satan*. New York: Vintage Books.
34. Policante, A. (2015). *The Pirate Myth. Genealogies of an Imperial Concept*. New York: Routledge.
35. Tyerman, C. (2004). *Fighting For Christendom. Holy War and The Crusades*. Oxford: Oxford University Press.
36. Warren, J. (1996). *Cold War: The American Crusade against World Communism, 1945–1991*. New York: Lothrop, Lee & Shepard Books.
37. Wetzel, B. (2022). *American Crusade: Christianity, Warfare, and National Identity, 1860–1920*. Cornell: Cornell University Press.

References

1. Armstrong, K. (2001). *Holy War. The Crusades and Their Impact on Today's World*. New York: Anchor Books.
2. Armstrong, K. (2016). *Polya krovi: Religiya i istoriya nasiliya* [Fields of Blood. Religion and the History of Violence]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
3. Benoist, A. (2013). *Carl Schmitt Today: Terrorism, Just War, and The State of Emergency*. London: Arktos Media Ltd.
4. Blokhin, K. (2016). *Krestonoscy xolodnoj vojny. Amerikanskij neokonservatizm: ideologiya i praktika global'noj gegemonii* [The Cold War Crusaders. American Neo-Conservatism: Ideology and Practice of Global Hegemony]. Moscow: Ves' Mir.
5. Blokhin, K. (2021). “Krestovyyj pokhod” Dzh. Bajdena protiv Rossii. *Prichiny i perspektivy ehskalatsii amerikano-rossijskikh otnoshenij* [J. Biden's “crusade” against Russia. Reasons and prospects for the escalation of US-Russian relations]. *Svobodnaya mysl*, 3, 85–94.
6. Brown, C. (2007). From humanized war to humanitarian intervention. Carl Schmitt's critique of the Just War tradition. In L. Odysseos, & F. Petito (Eds.), *The International Political Thought of Carl Schmitt. Terror, liberal war and the crisis*

of global order (pp. 56–70). London and New York: Routledge.

7. DePriest, J. (2019). *American Crusades. The Rise and Fulfillment of The Protestant Establishment*. New York: Lexington Books.

8. Dushenko, K. (2018). *Istoriya znamenitykh tsitat* [The history of famous quotes]. Saint Petersburg: Azbuka-Atticus.

9. Engdahl, W. (2016). *Svyashhennye vojny Zapadnogo mira* [The Holy Wars of the Western world]. Moscow: Selado.

10. Erdman, K. (2018) *Proiskhozhdenie idei krestovogo pokhoda* [The origin of the idea of the Crusade]. Saint Petersburg: Evraziya.

11. Fiala, A. (2008). The Crusade for Freedom. A Just War Critique of The Bush Doctrine. *Political Theology*, 1(9), 47–60. <https://doi.org/10.1558/poth.v9i1.47>

12. Foglesong, D. (2007). *The American Mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881*. Cambridge: Cambridge University Press.

13. Grewe, W. (2000). *The Epochs of International Law*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.

14. Hegseth, P. (2020). *American Crusade. Our Fight to Stay Free*. New York: Hachette Book Group, Inc.

15. Jenkins, Ph. (2013). *Vojny za Boga: Nasilie v Biblii* [Laying down the Sword. Why We Can’t Ignore the Bible’s Violent Verses]. Moscow: Eksmo.

16. Jenkins, Ph. (2014). *The Great and Holy War: How World War I became a Religious Crusade*. New York: Harper One.

17. Kashnikov, B. (2014). “Teoriya spravedlivoj vojny” kak vojna i spravedlivost’ global’nogo mira [“Just war theory” as war and theory for the global world]. *Voenno-yuridicheskij zhurnal*, 3, 24–31.

18. Khrustalev, D. (2009) *Severnyye krestonostsy. Rus’ v bor’be za sfery vliyaniya v Vostochnoj Pribaltike XII–XIII vv.* [The Northern Crusaders. Russia in the struggle for spheres of influence in the Eastern Baltic States of the XII–XIII centuries] (Vol. 2). Saint Petersburg: Evraziya.

19. Kudryashova, I., & Selivanova, I. (2015). Otrazhenie informatsionnoj vojny protiv Rossii v ispanskoj i nemetskoj presse, ili “krestovyj pokhod demokratii” protiv Rossii [The reflection of the information war against Russia in the Spanish and German press, or the “crusade of democracy” against Russia]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2–2(44), 119–122.

20. Kutuzov, A. (2023). Krestovye pokhody protiv Rossii: proshloe i nastoyashhee [Crusades against Russia: past and present]. *Pravda i zakon*, 3(25), 3–11.

21. Makhov, A. (2013). *HOSTIS ANTIQUUS. Kategorii i obrazy khristianskoj demonologii. Opyt slovarya* [HOSTIS ANTIQUUS. Categories and images of Christian demonology. Dictionary experience]. Moscow: Intrada.

22. Nichols, J. (2017). Figures of history, foundations of law: Acéphale, Angelus Novus, and the Katechon. *Journal of Historical Sociology*, 7, 1–29. <https://doi.org/10.1111/johs.12162>.

23. Normand, L. (2016). *Demonization in International Politics. A Barrier to Peace in the Israeli-Palestinian Conflict*. New York: Palgrave Macmillan.

24. Northcott, M. (2004). *An Angel Directs The Storm. Apocalyptic Religion and American Empire*. London, New York: I.B. Tauris & Co Ltd.

25. Pagels, E. (1996). *The Origin of Satan*. New York: Vintage Books.

26. Pechatnov, V., & Manykin, A. (2012). *Istoriya vneshnej politiki SSHA* [The history of U.S. Foreign Policy]. Moscow: International Relations.
27. Policante, A. (2015). *The Pirate Myth. Genealogies of an Imperial Concept*. New York: Routledge.
28. Rappoport, A. (2019). Rusofobiya kak fenomen [Russophobia as a phenomenon]. *Evrazijskoe nauchnoe ob'edinenie*, 10–5(56), 439–443.
29. Safronov, N. (2021). EHvolyutsiya doktriny politicheskoy loyal'nosti khristianstva k gosudarstvu [Evolution of the doctrine of political loyalty of christianity to the state]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki*, 4, 16–19. <https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-4-16-19>.
30. Schmitt, C. (2008) *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum]. Saint Petersburg: Vladimir dal'.
31. Schmitt, C. (2016). *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. Saint Petersburg: Nauka.
32. Selart, A. (2023). Kogda sostoyalsya pervyj krestovyy pokhod protiv Rusi? [When did the first crusade against Russia take place?]. *Odissej. CHelovek v istorii*, 1(30), 231–246. <https://doi.org/10.32608/1607-6184-2023-30-1-231-246>.
33. SHirokorad, A. (2022). “Krestovyy pokhod” protiv Rossii. Tysyacheletnyaya agressiya Zapada [The “Crusade” against Russia. The millennial aggression of the West]. Moscow: Veche.
34. Tkachenko, R. (2022). Bellum Justum, ili Vojna radi mira: khristianskaya teoriya spravedlivoj vojny ot drevnosti do sovremennosti [Bellum Justum, or War for Peace: The Christian Theory of Just War from antiquity to the Present]. *Bogomyslie. Bogoslovskie refleksii*, 32, 129–175.
35. Tyerman, C. (2004). *Fighting For Christendom. Holy War and The Crusades*. Oxford: Oxford University Press.
36. Warren, J. (1996). *Cold War: The American Crusade against World Communism, 1945–1991*. New York: Lothrop, Lee & Shepard Books.
37. Wetzell, B. (2022). *American Crusade: Christianity, Warfare, and National Identity, 1860–1920*. Cornell: Cornell University Press.

Информация об авторе

Алексей Владимирович Яркеев, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0068-468X>, e-mail: alex_yarkeev@mail.ru

Information about the author

Aleksey Vladimirovich Yarkeev, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0068-468X>, e-mail: alex_yarkeev@mail.ru

УДК 327.56

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_44

МОРАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН**Николай Александрович Шавеко,**

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Россия,
nickolai_91@inbox.ru

*Получена 26.09.2025.**Поступила после рецензирования 30.01.2026.**Принята к публикации 03.02.2026.*

Для цитирования: Шавеко Н.А. Моральные вызовы информационных войн // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1. С. 44–61. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_44

Аннотация

Рассматриваются основные моральные вызовы, связанные с актуализацией феномена информационных войн. Утверждается, что человечество стоит на пороге новой эры, в которой регулирование в области информационного взаимодействия будет становиться все более детальным, а обеспечение прав человека будет во многом связано с борьбой за равноправие именно в информационной сфере. Более того, сама теория прав человека должна быть пересмотрена в свете реалий информационного общества. В то же время теория справедливой войны, судя по всему, остается неизменной и вполне может быть применена, в том числе, и к информационным войнам. В первую очередь следует бороться с соблазном объявить дозволительными превентивные войны, а также с соблазном освободить участников информационных войн от соблюдения принципа крайнего средства. Вместе с тем некоторые принципы справедливой войны, выглядящие спорными в контексте информационных войн, в действительности могут быть подвергнуты сомнению и вне этого контекста, поэтому сами по себе информационные войны не являются здесь фактором, делающим необходимой моральную переоценку. В свою очередь моральные дилеммы, связан-

© Шавеко Н.А., 2026

ные со сложностью применения на практике некоторых принципов справедливой войны, решаются вне связи с проблематикой информационных войн.

Ключевые слова:

информация, информационные войны, теория справедливой войны, кибервойны, права человека

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–78–00001, <https://rscf.ru/project/25-78-00001/>

UDC 327.56

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_44

THE MORAL CHALLENGES OF INFORMATION WARFARE

Nikolai A. Shaveko,

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia,
nickolai_91@inbox.ru

Received 26.09.2025.

Revised 30.01.2026.

Accepted 03.02.2026.

For citation: Shaveko, N.A. (2026). The Moral Challenges of Information Warfare. *Discourse-P*, 23(1), 44–61, (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_44

Abstract

The main moral challenges associated with the actualization of the information warfare are considered. It is argued that humanity is on the threshold of a new era in which regulation in the field of information interaction will become more and more detailed, and ensuring human rights will be largely linked to the struggle for equality in the information sphere. Moreover, the theory of human rights itself must be revised in the light of the realities of the information society. At the same time, the theory of just war, apparently, remains unchanged and may well be applied, including to information wars. First of all, it is necessary to fight the temptation to declare preventive wars permissible, as well as the temptation to exempt participants in information wars from observing the principle of last resort. At the same time, some principles of a just war that look questionable in the context of

information warfare can actually be questioned outside of this context, therefore, information wars themselves are not a factor here that makes a moral reassessment necessary. In turn, the moral dilemmas associated with the difficulty of applying certain principles of just war in practice are solved outside of the context of information warfare.

Keywords:

information, information warfare, theory of just war, cyber warfare, human rights

Funding:

the study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-78-00001, <https://rscf.ru/project/25-78-00001/>

Введение: о понятии информационных войн

Роль информации в функционировании современных обществ трудно переоценить: не случайно еще в последней трети XX века была сформулирована концепция «информационного общества» (Masuda, 1981; Katz, 1988). Со временем особое внимание академического сообщества, средств массовой информации и общественных деятелей привлек также феномен информационных войн. Следует констатировать, что роль информационных войн в функционировании общества постоянно возрастает. В то же время, исследования данного феномена редко носят нормативный характер: рассматривая конкретные способы ведения информационных войн и их эффективность, делая прогнозы дальнейшего развития информационной сферы, ученые, как правило, не задаются вопросом, как все это должно изменить нашу этику. Представляется, однако, что ввиду своей сегодняшней роли информационные войны нуждаются в моральной оценке и осмыслении, то есть в теоретических исследованиях, осуществляемых в том числе на стыке военной и информационной этики.

В первую очередь, необходимо определиться с понятием информационной войны. В зарубежной литературе распространено широкое понимание данного термина как любого агрессивного или оборонительного задействования информации и информационных систем (в качестве оружия, искомого ресурса или мишени) в военно-политических целях (Hauschild, 1999; Ventre, 2009, pp. 288–289). В США популярна классификация (военных) информационных операций, предложенная Комитетом начальников штабов, согласно которой существуют следующие виды информационных операций (Poisel, 2013, p. XV; Ventre, 2016, pp. 26–27):

- 1) психологические операции;
- 2) военный обман;
- 3) обеспечение защиты информации;
- 4) радиоэлектронная борьба (РЭБ);
- 5) операции с компьютерными сетями.

Иногда в этот перечень добавляют военные операции по физическому уничтожению информационных систем противника (Waltz, 1998, p. 26).

Нередко в литературе также приводится точка зрения М. Либицки (1995, p. 7) – одного из главных теоретиков информационных войн – согласно которой существуют семь основных категорий информационных войн:

- 1) физическая атака на системы командования и контроля противника;
- 2) разведывательная деятельность;
- 3) электронная война (в области физической передачи информации, включая РЭБ и криптографические войны);
- 4) психологическая война (включая пропаганду и дезинформацию);
- 5) хакерская война (атаки на информационные системы);
- 6) экономическая информационная война (связанная с коммерчески значимой информацией);
- 7) кибервойна (виртуальные сражения).

Последним трендом в развитии информационных войн называют борьбу за большие данные, используемые в том числе для обучения нейронных сетей (Ventre, 2016, pp. 326–327). Так или иначе, информационные атаки затрагивают, во-первых, физические объекты, во-вторых, информационную инфраструктуру, в-третьих, сферу индивидуального сознания (Waltz, 1998, p. 27).

Очевидно, что столь широкие определения информационных войн и операций включают как тысячелетние военные практики, так и совершенно новые явления. С учетом изложенного со временем стали предприниматься попытки вычленить более конкретные явления. Так, «с конца первого десятилетия нынешнего века четкое разделение информационных и кибервойн стало общепринятым стандартом», при этом под кибервойнами сегодня предлагается понимать целенаправленное деструктивное воздействие программного кода на материальные объекты (значимую инфраструктуру) (Ларина, Овчинский, 2014, с. 18–19). В отечественной литературе информационные войны понимаются более узко, чаще всего лишь как психологическое воздействие (львиную долю такого рода информационных войн можно объединить понятием «пропагандистская война»).

Помимо этого, в научной литературе существуют дискуссии относительно выделения тех или иных поколений войн с учетом применяемых тактик, стратегий и технологий. Устоявшимся стало выделение четвертого поколения войн, под которым понимают войны с участием негосударственных акторов. Таким войнам свойственны асимметричность, низкая интенсивность и высокая длительность, использование партизанской, повстанческой, террористической тактики, транснациональный характер и другие связанные признаки. Но, помимо этого, предпринимаются попытки выделить и пятое поколение войн, особенностью которого являются некинетические военные действия (социальная инженерия, дезинформация, кибератаки и т. д.), а также использование новых технологий, таких как искусственный интеллект и роботизированное оружие (Abbott, 2010). Поскольку характеристика войн четвертого поколения также включает психологические атаки и борьбу за идентичность, постольку рядом авторов высказываются сомнения в необходимости выделения пятого поколения войн. Не следует забывать и тот факт, что как асимметричность и другие признаки войн четвертого поколения, так и некинетические формы агрессии и защиты, со ссылкой на которые выделяется

пятое поколение войн, не являются сугубо достоянием современности. Вместе с тем, все они достаточно успешно подчеркивают известные тренды современных военных конфликтов, создавая ощущение перманентной войны. Подобно вирусу, поразившему человечество, эта война не поддается точной локализации, ее невозможно увидеть (наблюдаемы лишь отдельные обострения и симптомы), и никогда нельзя быть до конца уверенным в том, что она осталась позади.

В целом мы видим, что информационные войны не обязательно являются войнами четвертого или пятого поколений, а последние, в свою очередь, не всегда являются информационными, однако в любом случае нельзя не замечать ключевой значимости фактора информации и информационных технологий для современных войн. Какие же новые моральные вопросы при этом возникают?

Об опасности информационных войн

В качестве основного морально значимого фактора информационных войн в академической литературе называется то обстоятельство, что вред, который может быть причинен информационной атакой, вполне соизмерим со вредом, причиняемым кинетическим оружием. Отсюда, как представляется, крайне важно рассматривать информационную войну именно как войну, а некинетическое оружие – именно как оружие. Война в толковом словаре С.И. Ожегова определяется как вооруженная борьба между государствами, народами или классами¹, а в энциклопедии «Британника» как конфликт между политическими группами, характеризующийся значительной продолжительностью и масштабом². Таким образом, война в любом случае связывается с враждой, агрессией и насилием, но не с любыми их проявлениями, а, во-первых, лишь с участием политических групп, во-вторых, лишь определенной степени серьезности. В свою очередь оружием, согласно толковым словарям, может называться любое изделие, предназначенное для борьбы со своими противниками³. Но в нашем случае важно подчеркнуть, что использование информации, информационных технологий и систем в борьбе со своими противниками в определенных случаях можно и нужно квалифицировать как вооруженную борьбу (тот или иной вид военных действий), то есть как нечто настолько серьезное, что его следует называть войной. Впрочем, тут важно выработать четкие критерии, чтобы не квалифицировать как войну любое недобровольное информационное взаимодействие.

В качестве контраргумента иногда указывают, что последствия информационных атак, как правило, сопоставимы с последствиями экономических санкций (и те и другие направлены на причинение вреда экономике противника), хотя экономические санкции не расцениваются международным правом как военные действия, и могут применяться легально. Однако теоретики справедливой войны уже давно подметили разрушительный потенциал экономических санкций,

¹ Война. Взято 20 сентября 2025, с <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3653>

² War. Retrieved September 20, 2025, from <https://www.britannica.com/topic/war>

³ Оружие // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXII (1897): Опека-Оутсайдер. С. 214.

заставляющий сделать их моральную переоценку. Так, по мнению Х. Сисе, экономические санкции, во-первых, воздействуют прежде всего на гражданское население, во-вторых, могут быть не менее смертоносными, чем оружие. В этой связи их далеко не всегда можно рассматривать как предпочтительную войну альтернативу (Сисе, 2007, с. 96–98). У. Штейнхофф, в свою очередь, указывает на гибель полумиллиона мирных жителей Ирака из-за экономических санкций, введенных в отношении этой страны, и пишет, что «иногда война – меньшее зло, причем даже при наличии альтернативных средств для достижения той же цели...; ибо некоторые средства вызывают более высокие моральные издержки, чем война, в том числе и особенно с точки зрения человеческих жизней» (Steinhoff, 2007, pp. 28–29). Как представляется, разрушительный и неизбирательный характер экономических санкций (включая бойкоты, эмбарго и др. меры) заставляет нас хотя бы в некоторых случаях расценивать их применение как экономическое оружие, то есть как акт войны, а значит и пересмотреть соответствующее международно-правовое регулирование. Таким образом, схожесть последствий информационных войн с экономическими санкциями не влияет на квалификацию тех и других как войн. Здесь применимо понятие гибридных войн, включающих как информационные и экономические, так и иные атаки (включая поддержку повстанцев и бунтовщиков, диверсии и секретные операции т. п.). Основная опасность гибридных войн, объединяющих в себе признаки войн различных поколений, а также иные методы политического давления, состоит в том, что нападающая сторона, координируя различные типы действий, имеет возможность правдоподобно отрицать свою вовлеченность в конфликт.

Таким образом, общее следствие современной трансформации способов ведения конфликтов состоит в том, что граница между войной и миром становится размытой. Это означает, что моральную и юридическую оценку должны получить недружественные действия (информационные, экономические и др.) различной степени интенсивности и разрушительности. В частности, необходимо решить вопрос, насколько применимы к ним теория справедливой войны, а также традиционные юридические категории, такие как применение силы или угрозы силой, акт агрессии, вмешательство во внутренние дела государства и т. д. (пп. 1, 4 ст. 2 Устава ООН).

Трансформация теории прав человека

Реалии информационного общества, в том числе информационные войны, делают необходимым пересмотр теории прав человека. Следует признать очевидный факт, что регулирование и, соответственно, ограничения в области информации и информационных технологий неизбежны. Это касается, в том числе, устройств «интернета вещей», а также социальных сетей, мессенджеров, платформ и экосистем, сайтов, приложений с их собственными политиками обработки персональных данных, системами модерации, алгоритмами продвижения контента и предоставления рекламных услуг. В политическом аспекте особое значение приобретает борьба с «fake news», манипуляцией, языком ненависти, радикализмом и экстремизмом, «фабриками троллей», социальной разобщенностью, снижением рациональности политиков и политических дис-

курсов, неравенством в доступе к информации, трансформирующимся в другие виды социального неравенства, влиянием технологических гигантов на политику и социальные связи, новыми информационными угрозами, включая незаконную деятельность в darknet, киберпреступления и т. п. Информационные технологии также повышают возможности для злоупотребления государственной властью. Как бы то ни было, мечты о полной свободе в интернете должны быть отброшены не только на практике, но и в теории. Даже с либеральной точки зрения любая свобода должна соотноситься с безопасностью и другими факторами, обеспечивающими использование других, не менее важных свобод. В условиях же, когда информация оказывается важнейшим фактором безопасности, подробное регулирование ее сбора, хранения, обработки и распространения неизбежно. Таким образом, речь идет о переходе к новой парадигме информационного взаимодействия.

С нашей точки зрения, изменения касаются как минимум следующих направлений: 1) разработка информационно-коммуникационных технологий; 2) сбор и хранение информации; 3) распространение информации. Так, реальностью становятся все новые ограничения на сбор и хранение информации, как той, что составляет государственную, коммерческую или частную тайну, так и той, что к тайне не относится, и зачастую находится в открытом доступе (или же предоставляется добровольно), но, будучи собранной в большом количестве, может быть использована как оружие в информационной войне. Сегодня, в частности, мы наблюдаем особый тип политики – психополитику, в которой управление массами строится на прогнозировании и программировании на бессознательном уровне поведения людей с помощью такой информации (Хан, 2025, с. 29–40, 71). Эта политика становится возможной, благодаря перманентному и во многом бесконтрольному сбору информации о гражданах. Но не только сбор и хранение, а также и распространение информации должно быть отчасти ограничено. В первую очередь это касается ложной, явно манипулятивной или общественно вредной информации. Кроме того, не только государство и цифровые гиганты, но и отдельные индивиды должны проявлять ответственность, соблюдая требования информационной безопасности.

Сказанное предполагает важные технологические, институциональные и мировоззренческие новшества. Во-первых, необходимы ограничения на технологии сбора информации, с целью пресечь саму возможность сбора чувствительных персональных данных, а также ограничения на технологии передачи информации, чтобы та информация, распространение которой было выгодно владельцу данной технологии (например, алгоритма подбора контента), соотносилось с общественным интересом. Во-вторых, неизбежной представляется политика маркировки контента, внедрения обязательных систем модерации контента, независимого фактчекинга, замедления/приостановки коммуникации и т. д. В-третьих, требуется создание публичного пространства, в котором дискуссии разворачиваются, а информация передается свободно, но по определенным правилам (равные возможности и т. п.). Необходимо содействовать таким способам обсуждения, при которых у участников отсутствуют стимулы, связанные с прибылью и властью. Подобное публичное пространство представляет собой здоровую альтернативу политике продвижения официальной

идеологии, национальной идеи, скреп, традиционных ценностей и т.п. Во всех подобных нововведениях крайне важно пройти между Сциллой государства и Харибдой рынка, находить различные способы саморегуляции внутри общества, механизмы общественной экспертизы и т.п. Требуется также формирование новой политической культуры, продвигающей критическое мышление и нетерпимой к обману и манипуляции, тайному сбору персональных данных и информационным атакам.

В целом, по всей видимости, мы являемся свидетелями новой эры, в которой регулирование информационного взаимодействия будет становиться все более детальным, а обеспечение прав человека будет во многом связано с борьбой за равноправие именно в информационной сфере. Нынешняя логика развития прав человека, как представляется, схожа с той трансформацией, которая имела место 100–150 лет назад при постепенном моральном и легальном утверждении социально-экономических прав: это новое поколение прав, с одной стороны, было направлено на предоставление каждому человеку условий для саморазвития, с другой стороны, накладывало ограничение на служащие той же самой цели личные и политические права, а кроме того, создавало риск для различных злоупотреблений со стороны государства, на которое теперь возлагалась функция перераспределения общественных доходов и богатств. Применительно к информационным войнам также встает проблема возрастания рисков злоупотреблений властью, но теперь уже в связи с тем, что государство получает контроль над информационной сферой: противоположной по отношению к множеству замкнутых на себе «племен» крайностью является тоталитарное государство, контролирующее доступ к информации, и его унифицированная пропаганда. Вероятно, это заставляет нас переосмыслить роль государства как основного гаранта прав человека. Вместе с тем, намечающаяся альтернатива тотальному государственному контролю информационной сферы также вызывает тревогу у исследователей. Речь идет о «надзорном капитализме» (Зубофф, 2022), «технофеодализме» (Варуфакис, 2025) и т.п. концепциях, отражающих олигополию нескольких частных игроков (технологических гигантов), навязывающих свою волю не только отдельным гражданам, но и государствам. Одним из выходов из этого тупика могут стать системы общественного (т.е. и не государственного, и не частного) контроля.

Современная трансформация теории прав человека также связана с провозглашением новых фундаментальных прав. Так, например, ведутся активные дебаты относительно «права на забвение» (имеется в виду удаление информации об индивиде в поисковых системах, в России оно закреплено с 2016 г.) и его соотношения со свободой слова и свободой доступа к информации, в том числе имеющей публичную, художественную или научную ценность. Практически бесспорным на сегодняшний день является право на защиту персональных данных, включая цифровой след, однако полная анонимность в Интернете вызывает вопросы (по крайней мере, у правоохранителей должна оставаться возможность отследить интернет-преступников). Исследователи также разрабатывают такие права, как право на доступ в Интернет, переосмысливают право на информацию (ст. 29 Конституции РФ) с учетом того, например, что некоторая информация является общественно-вредной, и не подлежит распространению, а также с учетом того, что у каждого человека должен быть доступ именно к правдивой инфор-

мации. Отсюда дискуссии о праве на истину или, по крайней мере, на защиту от дезинформации. Поскольку одним из важнейших ресурсов сегодня является внимание, достигаемое зачастую «информационным бомбардированием» граждан, важную роль, с нашей точки зрения, приобретает также право на защиту от (!) информации (причем как политического, так и неполитического характера, поскольку грань здесь условна). В настоящее время данное право обеспечивается лишь частично (например, существуют ограничения на политическую агитацию, на места по размещению рекламы, а также ограничения на распространение нежелательной информации среди детей), то есть имеется огромная сфера, не урегулированная должным образом. По всей видимости, речь должна идти о защите не только от конкретной информации (например, экстремистского или порнографического характера, а также от заведомо ложной информации), но и от информационных атак в целом. При этом некоторая общественно-значимая информация, наоборот, должна доводиться в обязательном порядке.

Право на защиту персональных данных и право на забвение, наряду с правом на информацию и на защиту от ложной и нежелательной информации, демонстрируют, что развитие технологий вынуждает нас искать новое соотношение публичного и частного. С одной стороны, в нынешней «экономике слежения» (основанной на захвате персональных данных) (Зубофф, 2022; Кин, 2015, с. 49) и «экономике внимания» (основанной на захвате внимания с помощью алгоритмов, работающих на основе больших данных) (Lanham 2006) необходимо отгородить людей от негативного вмешательства в их частную жизнь. С другой стороны, ни одно из перечисленных прав, как видно из изложенного, не является абсолютным, поскольку может вступать в противоречие с публичным интересом.

Моральные вызовы для теории справедливой войны

Другой вопрос состоит в том, применима ли к информационным войнам теория справедливой войны. Указанная теория является направлением в военной этике, занимающем промежуточное положение между реализмом (представлением о том, что война не должна оцениваться с моральных позиций) и пацифизмом (радикальным неприятием войны). Теоретики справедливой войны полагают, что война может считаться справедливой, если удовлетворяет определенным принципам. К таким принципам относятся, в частности (Шавеко, 2024, с. 7–8):

- 1) принцип правого дела (должна иметь место справедливая причина для войны);
- 2) принцип соразмерности (предполагаемые выгоды от войны должны быть соразмерны предполагаемым издержкам войны);
- 3) принцип крайнего средства / необходимости (к военным действиям допустимо прибегать только в том случае, если иные способы разрешения конфликта не сработали или явно неадекватны ситуации);
- 4) принцип добрых намерений (решение о военных действиях должно быть обусловлено правильными целями);
- 5) принцип легитимности (войну может начать только законная власть);
- 6) принцип дискриминации (атаковать можно только военные объекты, а не мирную инфраструктуру, и только армию противника, а не гражданских лиц).

Соответственно, вопрос состоит в том, применимы ли указанные принципы к информационным войнам.

Далее будут рассмотрены факторы, на которые обычно обращается внимание при обсуждении данного вопроса. Предварительно отметим, что в зарубежной литературе соответствующие дискуссии начались на рубеже XX и XXI вв. со статьи Дж. Аркви́ллы, в которой он пришел к выводу, что информационные войны оставили в прошлом значительную часть традиционной теории справедливой войны (Arquilla, 1999, p. 394). Соглашаясь со многими суждениями указанного автора, мы, однако, далее придем к прямо противоположному выводу, а именно что традиционная теория справедливой войны вполне применима к информационным войнам. Поскольку соответствующие дискуссии в зарубежной литературе сегодня ведутся вокруг следующих трех понятий: риски, права и ответственность (The Ethics of Information Warfare, 2014, p. VII), мы также будем использовать их как отправную точку.

Итак, во-первых, риски, связанные с осуществлением информационной агрессии, значительно меньше рисков, которыми сопровождается атака кинетическим оружием (в связи с «бескровностью» и «удаленностью» информационных атак) (Ajir & Vaillant, 2018).

Данный фактор, по-видимому, проблематичен лишь в том плане, что делает войну более вероятной, а вовсе не потому, что он ставит под сомнение принципы справедливой войны. Действительно, достаточно сложно привести аргументы в пользу утверждения, что вышеперечисленные принципы не должны применяться к информационным войнам лишь потому, что эти войны превратились в привычное явление.

Некоторые исследователи утверждают, что поскольку ущерб от кибератак может быть значительно меньше, чем ущерб от традиционных атак, постольку к информационным войнам неприменим принцип крайнего средства. С точки зрения соответствующих авторов, кибератаки вполне допустимы не как крайнее, а как первоочередное средство (Lee, 2014; Taddeo, 2014, pp. 129–130). Другие авторы на основании принципа необходимости утверждают, что применение менее разрушительного и опасного кибероружия вместо более разрушительного и опасного кинетического оружия является моральным долгом участника войны (Denning & Strawser, 2014). Комментируя указанные взгляды, в первую очередь необходимо отметить, что содержательно принципы крайнего средства и необходимости едины, и означают, что более опасные и разрушительные средства должны применяться только в случае, если иные средства оказались негодными. Если руководствоваться указанной формулировкой, то окажется, что данные принципы применимы к любым типам войн, в том числе информационным. При этом кибератаку или иную информационную атаку все же нельзя рассматривать как первоочередное средство, если существует возможность переговоров и дипломатии. Следовательно, принцип крайнего средства (необходимости) остается актуальным.

Высказывается также тезис, что если традиционная трактовка принципа правого дела не допускает превентивную войну, то информационные атаки ввиду своей малой разрушительности вполне могут осуществляться превентивно (например, с целью помешать созданию оружия массового уничтожения) (Arquilla,

1999, р. 387). Вместе с тем, очевидно, что дозволение превентивных информационных атак сомнительно даже с учетом их малой разрушительности, так как может спровоцировать «войну всех против всех», что не будет отвечать принципам соразмерности и необходимости (фактически мы уже сейчас наблюдаем скрытую глобальную войну, в которой в долгосрочном плане рискуют проиграть все). Кроме того, хотя создание оружия массового уничтожения само по себе может рассматриваться как правонарушение, требующее ответных действий, но любые такие действия, по общему правилу, должны осуществляться в рамках существующего международного правопорядка на основе легитимных решений.

Таким образом, особенности информационных войн заставляют внимательно относиться к расчету возможного ущерба от информационных атак и к сопоставлению его с имеющимися альтернативами, но вряд ли являются основанием для переосмысления самих моральных принципов. Тот факт, что информационные войны на первый взгляд характеризуются меньшими рисками, не отменяет существующих моральных требований, в частности принципов крайнего средства (необходимости) и соразмерности, и не дает оснований для оправдания превентивной информационной войны.

Во-вторых, информационные атаки зачастую направлены на объекты, не являющиеся военными; сами эти атаки также могут быть осуществлены через «гражданские» компьютеры и веб-сайты.

Этот фактор проблематичен потому, что размывает границу между военными и гражданскими объектами и целями. Следует признать, что уже войны четвертого поколения подняли ряд острых вопросов, касающихся, например, статуса партизан, частных спонсоров войны или объектов двойного назначения, включая транспортную, энергетическую и информационную инфраструктуру. Это заставляет выработать четкие общие правила разграничения законных и незаконных целей войны (например, таких традиционных критериев разграничения комбатантов и некомбатантов, как ношение оружия и военной формы и состояние в действующей армии, здесь явно недостаточно). Таким образом, поводы для переосмысления принципа дискриминации появились задолго до т. н. «информационного взрыва», актуализировавшего информационные войны. В этой связи и в отношении последних можно было бы ограничиться общим выводом, что сама по себе сложность определения допустимой цели не может служить оправданием атаки в отношении цели недопустимой. Однако проблема в том, что в пропагандистских войнах граница между комбатантами и некомбатантами не просто сложно определяется, но и в принципе исчезает. Так, применительно к классическим войнам военная этика предполагает недопустимость поражения гражданских лиц и объектов мирной инфраструктуры. «Новые войны» вскрыли проблематику, связанную с бойцами, не являющимися частью регулярной армии, с деятельностью по финансированию и разжиганию войны, а также эксплуатацией и поражением объектов двойного назначения (что актуально и для кибервойн), но все же сохранили саму возможность разграничения тех, кто участвует в войне, и кто в ней не участвует. Однако в пропагандистской войне человек одновременно является объектом и субъектом атаки: будучи «пораженным» пропагандой, он сознательно совершает действия в интересах одной из сторон

конфликта, и причиняет вред другой стороне (Шатилов, 2017). Таким образом, информационные войны проблематизируют принцип дискриминации.

Также в рассматриваемом контексте исследователи обычно обращают внимание на то, что у правительств появляются дополнительные основания для ограничения прав своих граждан. Действительно, здесь имеет место серьезная моральная дилемма, однако выше мы уже показали, что трансформация теории и практики прав человека, по всей видимости, неизбежна.

В-третьих, использование информационных технологий (анонимность, или же намеренная вероломная подмена личности) делает очень сложным определение того, кто инициировал кибератаку (Taddeo, 2012), а также квалификацию ее именно как атаки, а не как случайного сбоя (Greenberg et al., 1997, pp. 21–23). Помимо анонимности и потенциальной бесследности исследователи называют такие признаки кибервойн, как неопределенность времени их начала, а также отсутствие привычных понятий фронта и тыла (Ларина, Овчинский, 2014, с. 23–27). Впрочем, эти характеристики свойственны и любым «новым войнам». Следует указать также на возможную неясность серьезности последствий информационной атаки, что затрудняет выбор пропорционального ответа (Lin et al., 2014, pp. 42–43).

Указанные факторы, как представляется, также связаны лишь со сложностью применения традиционных принципов справедливой войны, но не с их моральной значимостью. Понятно, что для того, чтобы осудить агрессора и нанести ему ответный удар, мы должны понимать, кто именно является агрессором, и какие именно угрозы (как для материальных, так и для нематериальных объектов) от него исходят. Но выяснение этого обстоятельства – дело практической необходимости, а не моральная проблема. С позиции морали в любом случае недопустимо применять силу против субъекта, в отношении которого нельзя сказать достоверно, является он агрессором или нет; морально недопустим также и непропорциональный ответ. Представляется, что установление на международном и национальном уровнях четких сфер ответственности за происходящее в цифровом пространстве могло бы стать решением данной проблемы. В этом случае может отпасть необходимость в выявлении конкретного агрессора, поскольку ответственным в любом случае будет субъект, не предпринявший достаточных мер по нейтрализации возможности указанной агрессии, а также по поиску киберпреступников.

В связи с анонимностью источника информационных атак некоторые проблемы возникают с определением того, соблюден ли принцип легитимности. Но, во-первых, данный принцип может быть подвергнут обоснованному сомнению и вне контексте информационных войн, а потому его лучше рассматривать лишь как оспоримую презумпцию того, что война является прерогативой легитимной власти затронутой территории. Во-вторых, во всех случаях, когда источник атаки известен, степень его легитимности, равно как и характер его связи с политическими властями, как представляется, должны быть приняты во внимание, то есть указанная презумпция будет действовать, в том числе, и для информационных войн. Например, хакерские атаки в целях самообороны политического сообщества должны осуществляться только под руководством или с согласия легитимных властей этого сообщества, за исключением случаев,

когда связь с ними невозможно установить (из-за атаки противника на информационную инфраструктуру). Иными словами, здесь действует общее правило (применимое, например, и к партизанской войне), а сложности касаются лишь установления фактических обстоятельств.

Кроме того, моральные вопросы возникают в связи с ответственностью за последствия применения роботизированного оружия, так как в данном случае не ясно, кто именно должен эту ответственность нести. Тема ответственности обычно поднимается в рамках теории справедливой войны, а именно *jus post bellum* (справедливости после войны), однако не имеет отношения к принципам развязывания (*jus ad bellum*) и ведения войны (*jus in bello*), поэтому в рамках настоящего исследования вопросы ответственности рассматриваться не будут. Тем не менее, констатируем, что в этом отношении развитие информационных технологий ставит новые моральные проблемы.

Таким образом, особые характеристики информационных войн в целом вряд ли являются основанием для трансформации моральных принципов развязывания и ведения войны. Однако, как было сказано выше, определенные сложности возникают с пропагандистскими войнами, которые по своей сути отрицают принцип дискриминации. Вероятно, применительно к пропагандистским войнам не все действия, нарушающие этику информационного взаимодействия, и потому считающиеся морально недопустимыми, должны отвергаться именно на основании принципа дискриминации, поскольку зачастую они характеризуются малой опасностью.

Сложности практического применения военной этики

Что касается сложностей применения требований военной этики, то любые такие сложности на теоретическом уровне решаются в трех направлениях.

1. Принципы справедливой войны мыслимы не только в бинарной логике (в рамках которой тот или иной принцип либо соблюдается, либо нет), но и в логике «скользящей шкалы» (в рамках которой действие с точки зрения каждого из принципов может быть оценено как более или менее (не) справедливое). Отсюда, даже частичное их воплощение имеет моральную значимость. Например, военные действия могут не отвечать требованиям необходимости и соразмерности (и в этом смысле быть несправедливыми), но в любом случае чем меньше разрушений они влекут, тем лучше (то есть можно сделать их менее несправедливыми). В результате сложность выполнения соответствующих принципов в конкретных случаях не заставляет нас отказываться от них, ведь любое стремление к их соблюдению оправдано: они выступают для нас своего рода «путеводной звездой», по направлению к которой есть смысл плыть, даже если понимаешь, что никогда ее не достигнешь.

2. При оценке действий конфликтующих сторон нельзя забывать про критерий вины. Иногда обстоятельства таковы, что просто невозможно выполнить моральное требование, но если это действительно так, то это невыполнение и не вменяется субъекту в вину. В этом смысле частота и серьезность несправедливостей на войне сами по себе не имеют морального значения. Его имеет лишь то, выполнили ли участники военных действий требования, которые предъявля-

ются к ним как к рациональным агентам. Следовательно, даже если формальное нарушение принципов неизбежно, это еще не влечет их несостоятельность.

3. Моральные требования должны формулироваться таким образом, чтобы их соблюдение было принципиально возможно для рациональных агентов. Проблем не возникает, если для выполнения требования достаточно лишь воздержаться от определенных несправедливых действий. Однако ситуация меняется, когда речь идет о позитивных обязанностях (т. е. обязанностях по совершению активных действий). Именно такие обязанности как минимум в некоторых случаях подразумевает принцип правого дела. Например, государство не просто вправе, но и обязано защищать своих граждан от внешней агрессии. Следовательно, формулируя обязанности государства по такой защите, нельзя предъявлять к нему заведомо невыполнимых требований. Здесь возможна аналогия с обязанностями по обеспечению внутреннего правопорядка: нельзя требовать от государства устранения преступности как таковой, но можно требовать выполнения сотрудниками полиции своих должностных обязанностей. В случаях же, когда государства не имеют возможности или права обеспечивать защиту от информационной атаки, они должны предусматривать право жертвы на самооборону (Lin et al., 2014).

Как видно, многие теоретические трудности, связанные с невыполнимостью принципов справедливой войны, решаются на более абстрактном уровне, и не связаны с проблематикой информационных войн.

Заключение

Информационные войны бросают нам множество моральных вызовов. В первую очередь, некоторые информационные атаки (равно как и некоторые экономические санкции и т. п. приемы гибридной войны) следует квалифицировать как применение силы или угрозы силой, акт агрессии, вооруженное нападение и как вмешательство во внутренние дела государства согласно международному праву. В конечном счете, реалии информационного общества, в том числе информационные войны, делают необходимым пересмотр теории прав человека, и выработку этики информационного взаимодействия. Речь идет не только о новых ограничениях (мечты о полной свободе в интернете должны быть отброшены), но и о провозглашении новых прав. Эти новые права, с одной стороны, направлены на предоставление каждому человеку условий для саморазвития, с другой стороны, накладывают ограничения на уже существующие права, что создает условия для различных злоупотреблений со стороны государства, получившего полномочия по контролю информационной сферы. В то же время теория справедливой войны в целом остается неизменной и вполне может быть применена, в том числе, и к информационным войнам (однако применительно к «пропагандистским» войнам сложно отстаивать принцип дискриминации в строгих формулировках). В первую очередь следует бороться с соблазном объявить дозволительными превентивные войны, а также с соблазном освободить участников информационных войн от соблюдения принципа крайнего средства. В то же время некоторые принципы справедливой войны, выглядящие сомнительными в контексте информационных войн, в действительности могут быть

подвергнуты сомнению и вне этого контекста, поэтому сами по себе информационные войны не являются здесь фактором, делающим необходимой моральную переоценку. В свою очередь моральные дилеммы, связанные со сложностью применения на практике некоторых принципов справедливой войны, решаются вне связи с проблематикой информационных войн.

Список литературы:

1. Варуфакис, Я. (2025). *Технофеодализм*. М.: Ад Маргинем.
2. Зубофф, Ш. (2022). *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. М.: Издательство Института Гайдара.
3. Кин, Дж. (2015). *Демократия и декаданс медиа*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
4. Ларина, Е., Овчинский, В. (2014). *Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден*. М.: Книжный мир.
5. Сисе, Х. (2007). *Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах*. М.: Весь Мир.
6. Хан, Б.-Ч. (2025). *Инфократия*. М.: АСТ.
7. Шавеко, Н.А. (2024). *Принципы справедливой войны*. М.: Инфра-М.
8. Шатилов, А.Б. (2017). Современные информационные войны: феномен «Диванной мобилизации» (на примере «Украинского конфликта» 2014–2017 гг.). *Дискурс-Пи*, 27(2), 141–145.
9. Abbott, D. (2010). *The Handbook of Fifth-Generation Warfare*. Ann Arbor: Nimble Books.
10. Ajir, M., & Vaillant, B. (2018) Russian Information Warfare: Implications for Deterrence Theory. *Strategic Studies Quarterly*, 12(3), 70–89.
11. Arquilla, J. (1999). Ethics and information warfare. In Z.M. Khalilzad, J.P. White, & A. Marshall (Eds.), *The changing role of information in warfare* (pp. 379–401). Santa Monica: RAND.
12. Denning, D.E., & Strawser, B.J. (2014). Moral Cyber Weapons. In L. Floridi, & M. Taddeo (Eds.), *The Ethics of Information Warfare* (pp. 85–104). Cham: Springer International Publishing.
13. Hauschild, E. (1999). Modern and information warfare: A conceptual approach. In K.R. Spillmann, & J. Krause (Eds.), *International Security Challenges in a Changing World (Studies in Contemporary History and Security Policy, vol. 3)* (pp. 199–210). Bern: Peter Lang Publ.
14. Greenberg, L.T., Goodman, S.E., & Soo Hoo, K.J. (1998). *Information Warfare and International Law*. Washington D.C.: National Defense University Press.
15. Katz, R.L. (1988). *The Information Society: An International Perspective*. New York: Praeger.
16. Lanham, R. A. (2006). *The Economics of Attention: Style and Substance in the Age of Information*. Chicago: University of Chicago Press.
17. Lee, S.P. (2014). *The Ethics of Cyberattack*. In L. Floridi, M. Taddeo (Eds.), *The Ethics of Information Warfare* (pp. 105–122). Cham: Springer International Publishing.

18. Libicki, M. (1995). *What Is Information Warfare?* (Working paper). Washington DC: Center for Advanced Concepts and Technology, Institute for National Strategic Studies, National Defense University.
19. Lin, P., Allhoff, F., & Abney, K. (2014). In Warfare the Right Frame for the Cyber Debate? In L. Floridi, & M. Taddeo (Eds.), *The Ethics of Information Warfare* (pp. 39–60). Cham: Springer International Publishing.
20. Masuda, Y. (1981). *The information Society as Post-Industrial Society*. Washington D.C.: World Future Society.
21. Poisel, R. A. (2013). *Information Warfare and Electronic Warfare Systems*. Norwood (MA): Artech House.
22. Steinhoff, U. (2007). *On the Ethics of War and Terrorism*. New York: Oxford University Press.
23. Taddeo, M. (2014). Information Warfare and Just War Theory. In L. Floridi, & M. Taddeo (Eds.), *The Ethics of Information Warfare* (pp. 123–140). Cham: Springer International Publishing.
24. Taddeo, M. (2012). Information Warfare: A Philosophical Perspective. *Philosophy and Technology*, 25(1), 105–120. <https://doi.org/10.1007/s13347-011-0040-9>.
25. Floridi, L., & Taddeo M. (Eds.). (2014). *The Ethics of Information Warfare*. Cham: Springer International Publishing.
26. Ventre, D. (2009). *Information warfare* (1st ed). London, Hoboken: ISTE Ltd and John Wiley & Sons, Inc.
27. Ventre, D. (2016). *Information warfare* (2nd ed). London, Hoboken: ISTE Ltd and John Wiley & Sons, Inc.
28. Waltz, E. (1998). *Information warfare: principles and operations*. Norwood (MA): Artech House.

References:

1. Abbott, D. (2010). *The Handbook of Fifth-Generation Warfare*. Ann Arbor: Nimble Books.
2. Ajir, M., & Vaillant, B. (2018). Russian Information Warfare: Implications for Deterrence Theory. *Strategic Studies Quarterly*, 12(3), 70–89.
3. Arquilla, J. (1999). Ethics and information warfare. In Z.M. Khalilzad, J.P. White, & A. Marshall (Eds.), *The changing role of information in warfare* (pp. 379–401). Santa Monica: RAND.
4. Denning, D.E., & Strawser, B.J. (2014). Moral Cyber Weapons. In L. Floridi, M. Taddeo (Eds.), *The Ethics of Information Warfare* (pp. 85–104). Cham: Springer International Publishing.
5. Floridi, L., & Taddeo M. (Eds.). (2014). *The Ethics of Information Warfare*. Cham: Springer International Publishing.
6. Greenberg, L.T., Goodman, S.E., & Soo Hoo, K.J. (1998). *Information Warfare and International Law*. Washington D.C.: National Defense University Press.
7. Han, B.-Ch. (2025). *Infokratija* [Infocracy]. Moscow: ACT.
8. Hauschild, E. (1999). Modern and information warfare: A conceptual

approach. In K.R. Spillmann, & J. Krause (Eds.), *International Security Challenges in a Changing World (Studies in Contemporary History and Security Policy, vol. 3)* (pp. 199–210). Bern: Peter Lang Publ.

9. Katz, R.L. (1988). *The Information Society: An International Perspective*. New York: Praeger.

10. Keane, J. (2015). *Demokratija i dekadans media* [Democracy and media decadence]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly jekonomiki.

11. Lanham, R. A. (2006). *The Economics of Attention: Style and Substance in the Age of Information*. Chicago: University of Chicago Press.

12. Larina, E., & Ovchinskij, V. (2014) *Kibervojny XXI veka. O chem umolchal E'dvard Snouden* [Cyberwars of the XXI century. What Edward Snowden didn't mention]. Moscow: Knizhnyj mir.

13. Lee, S.P. (2014). The Ethics of Cyberattack. In L. Floridi, & M. Taddeo (Eds.), *The Ethics of Information Warfare* (pp. 105–122). Cham: Springer International Publishing.

14. Libicki, M. (1995). *What Is Information Warfare?* (Working paper) Washington DC: Center for Advanced Concepts and Technology, Institute for National Strategic Studies, National Defense University.

15. Lin, P., Allhoff, F., & Abney, K. (2014). In Warfare the Right Frame for the Cyber Debate? In L. Floridi, M. Taddeo (Eds.), *The Ethics of Information Warfare* (pp. 39–60). Cham: Springer International Publishing.

16. Masuda, Y. (1981). *The information Society as Post-Industrial Society*. Washington D.C.: World Future Society.

17. Poisel, R.A. (2013). *Information Warfare and Electronic Warfare Systems*. Norwood (MA): Artech House.

18. Shatilov, A.B. (2017). Sovremennyye informacionnyye vojny: fenomen "Divannoj mobilizacii" (na primere "Ukrainskogo konflikta" 2014–2017 gg.) [Modern information wars: a phenomenon of "sofa mobilization" (using the case of "Ukrainian conflict" 2014–2017)]. *Diskurs-Pi*, 27(2), 141–145.

19. Shaveko, N.A. (2024). *Principy spravedlivoy vojny* [Principles of a just war]. Moscow: Infra-M.

20. Steinhoff, U. (2007). *On the Ethics of War and Terrorism*. New York: Oxford University Press.

21. Syse, H. (2007). *Spravedlivaja vojna? O voennoj moshhi, jetike i idealah* [Just war? About military power, ethics and ideals]. Moscow: Ves' Mir.

22. Taddeo, M. (2012). Information Warfare: A Philosophical Perspective. *Philosophy and Technology*, 25(1), 105–120. <https://doi.org/10.1007/s13347-011-0040-9>.

23. Taddeo, M. (2014). Information Warfare and Just War Theory. In L. Floridi, M. Taddeo (Eds.), *The Ethics of Information Warfare* (pp. 123–140). Cham: Springer International Publishing.

24. Varoufakis, Y. (2025). *Tekhnofeodalism* [Technofeudalism]. Moscow: Ad Marginem.

25. Ventre, D. (2009). *Information warfare* (1st ed). London, Hoboken: ISTE Ltd and John Wiley & Sons, Inc.

26. Ventre, D. (2016). *Information warfare* (2nd ed). London, Hoboken: ISTE

Ltd and John Wiley & Sons, Inc.

27. Waltz, E. (1998). *Information warfare: principles and operations*. Norwood (MA): Artech House.

28. Zuboff, Sh. (2022). *Jepoha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novykh rubezhah vlasti*. [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.

Информация об авторе

Николай Александрович Шавеко, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, e-mail: nickolai_91@inbox.ru

Information about the author

Nikolai Aleksandrovich Shaveko, Candidate of Law Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, e-mail: nickolai_91@inbox.ru

---

УДК 1:304.5

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_62

ОБ ИНТЕГРАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К ОПИСАНИЮ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Павел Александрович Барахвостов,

Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Белоруссия,
barakhvostov@yandex.by

*Получена 23.06.2025.**Поступила после рецензирования 24.09.2025.**Принята к публикации 19.01.2026.*

Для цитирования: Барахвостов П.А. Об интегральном подходе к описанию общественных систем // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1. С. 62–75. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_62

Аннотация

На основе сопряжения геополитического, цивилизационного и институционального научных методов предложен интегральный подход, позволяющий преодолеть ограниченность каждого из методов в отдельности при анализе общественных систем, точнее объяснить как общее, так и особенное в этих системах, определить условия формирования сложных мезо- и мега обществ, учитывающие влияние комплекса факторов (экономических, политических, социокультурных). В качестве основной категории метода использован предложенный русской геополитической школой термин «месторазвитие», содержание которого дополнено новой сущностной характеристикой: это существование социума в занимаемом им пространстве, регулируемое *посредством выработанных данным социумом институтов*. Таким образом, в фокусе интегрального подхода – анализ институтов (носителей развития), регулирующих существование в занимаемом пространстве общественной системы и её взаимосвязанных и взаимозависимых экономической, политической и социокультурной подсистем. Показано, что сущностные характеристики месторазвития

© Барахвостов П.А., 2026

определяются типом доминирующих в институциональной среде институтов (редистрибутивных или рыночных). В соответствии с этим выделено два основных типа месторазвитий: X-тип с доминированием редистрибутивных институтов и Y-тип с доминированием рыночных институтов.

В общем случае месторазвитие не привязывается к отдельному конкретному этносу или государству. Необходимым условием для формирования такого мезо- или мегаместоразвития является институциональное сродство (одинаковый тип доминирующих институтов) у образующих его компонентов.

Показано, что месторазвития различных типов «конструируются» из одних и тех же элементов редистрибутивных и рыночных институтов, но в различных комбинациях, образуя тем самым как бы «периодическую таблицу» социальных систем. Разные комбинации институтов необходимы обществу для его стабильного развития в условиях, определяемых занимаемым пространством. Уникальность сложившейся комбинации определяет самобытность социума, в то же время, наличие подобия в конструкте месторазвития обуславливает восприимчивость к внешним воздействиям и, следовательно, способность к изменениям, существование всечеловеческих ценностей и идеалов, универсальных принципов межгосударственных отношений. Концепция «месторазвития X-Y типа» сочетается с признанием, с одной стороны, множественности форм человеческой истории и жизни, с другой – с представлением о существовании единства в принципах конструирования общественных систем.

Ключевые слова:

социум, общественная система, институты, институциональная матрица, цивилизация

UDC 1:304.5

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_62

ON AN INTEGRAL APPROACH TO THE DESCRIPTION OF SOCIAL SYSTEMS

Pavel A. Barakhvostov,

Belarusian State Economic University,
Minsk, Republic of Belarus,
barakhvostov@yandex.by

Received 23.06.2025.

Revised 24.09.2025.

Accepted 19.01.2026.

For citation: Barakhvostov, P.A. (2026). On an Integral Approach to the Description of Social Systems. *Discourse-P*, 23(1), 62–75. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_62

Abstract

Herein, based on the conjugation of the geopolitical, civilizational, and institutional scientific methods, an integral approach has been proposed allowing one to overcome the limitations of these methods on their own in their analysis of social systems, explain both the general and specific features of these systems, to determine conditions for the formation of complex meso- and mega-societies taking into account the influence of a set of factors (economic, political, socio-cultural). The term “location-development” coined by the Russian geopolitical school is used as the main category of the method, the content of which is supplemented with new essential characteristics, namely, the existence of a society in the space it occupies, regulated by institutions developed by this society. Thus, the focus of the integral approach is the analysis of institutions (development carriers) regulating the existence of a social system and its interconnected and interdependent economic, political, and socio-cultural subsystems in the space occupied by it. It is shown that the essential characteristics of the location-development are determined by the type of institutions (redistributive or market) dominating in the institutional environment. In accordance with this, two main types of location-development are distinguished: the X-type with the dominance of redistributive institutions and the Y-type with the dominance of market institutions.

In general, a location-development is not associated with a separated specific ethnic group or state. A necessary condition for the formation of such a meso- or mega-location-development is institutional affinity (the same type of dominant institutions) in the components that form it.

It is shown that location-developments of different types are “constructed” from the same elements of redistributive and market institutions, but in different combinations, thus establishing a likeness of a periodic table. Different combinations are necessary for the stable development of the society under the conditions determined by the space occupied. The uniqueness of the resulting combination determines the originality of the society, at the same time, the presence of similarity in the location-development construction determines susceptibility to external influences and, consequently, the ability to change, the existence of universal values and ideals, and universal principles of interstate relations. The concept of “X-Y type location-development” is compatible with the recognition, on the one hand, of the multiplicity of forms of human history and life, and on the other, with the idea of the existence of unity in the principles of constructing social systems.

Keywords:

society, social system, institutions, institutional matrix, civilization

Введение

Современный мир находится в состоянии глубинной трансформации, характеризующейся повышенной конфликтогенностью, что актуализирует проблему изучения сущности и динамики развития социальных систем. Для её решения в общественных науках оформились две альтернативные группы подходов: цивилизационная и формационная. Их противоречие сводится в конечном итоге к различному пониманию сущности исторического процесса. Для цивилизационной группы, куда входят, в частности, собственно цивилизационный подход, оперирующий понятием «цивилизация», и связанный с ним геополитический подход, каждая изолированная социальная система, обладающая определёнными признаками (цивилизация, культурно-исторический тип и т. п.), развивается по своей особой траектории (Ахиезер, 2006; Вебер, 2006; Ерасов, 2002; Ионов, 2007; Пархоменко, 2021; Федотова, 2021; Хантингтон, 2003; Цивилизационное..., 2018; Шевченко, 2019; Шпенглер, 1993; Bagby, 2022, Durkheim, 1982; Febvre, 2017; Paine, 2013). Для формационной группы, включающей, в частности, кроме собственно формационного, институциональный подход, все социальные системы развиваются по единому пути и проходят, так или иначе, одни и те же стадии развития (Кондратьев, 2002; Маркс, 1963; Шумпетер, 1995; Кондратьев, 2002).

Цивилизационный подход не лишен явных недостатков, ключевой из которых – представление о социальных системах как о непересекающихся сферах, независимых друг от друга. Именно в силу такого представления к цивилизационному подходу наблюдается сейчас повышенный интерес, поскольку он предоставляет государству очень веский, привлекательный с идеологической точки зрения аргумент против какой бы то ни было критики извне. На любую критику можно ответить: «Это нам не свойственно, у нас другие традиции, у нас другая цивилизация». При этом цивилизационный подход был в большей степени адекватен социальной реальности в эпоху изолированных локальных социальных систем. Ускорившийся процесс глобализации интенсифицирует институциональные трансплантации, формируя целые пояса государств, обладающих признаками сразу нескольких цивилизаций (Садовский, 2015; Шемякин, 2019). Использование цивилизационного подхода для описания такой «серой» зоны весьма проблематично.

Попыткой преодоления подобного недостатка собственно цивилизационного подхода является применение методологического синтеза и рассмотрение проблемы цивилизаций в рамках коммуникативно-сетевого подхода, в соответствии с которым в условиях развития глобального, трансграничного культурного пространства цивилизация представляет собой детерриторизированное, открытое, инклюзивное культурно-коммуникационное образование, сеть внутренних и внешних устойчивых коммуникаций, обмена информацией (Следзевский, 2024). Фокус анализа в данном случае смещается с собственно структуры на процесс коммуникации, составляющий основу диалога цивилизаций, однако без должного внимания остаётся вопрос об условиях формирования и устойчивости данной коммуникационной сети. Иными словами, коммуникативно-сетевой подход демонстрирует некоторую ограниченность и не является универсальным.

Недостатком формационного подхода, в свою очередь, следует считать его экономический детерминизм и игнорирование роли социокультурных институтов, воспринимающихся как «довесок» к экономическому базису. В силу этого формационный подход не способен, в частности, в полной мере объяснить различия капитализма в Азии и Европе.

Примечательно, что в широком спектре подходов собственно цивилизационный и собственно формационный подобны полюсам, а входящие в их группы геополитический и институциональный подходы демонстрируют движение в сторону парадигмального синтеза. Геополитический подход, считающийся, строго говоря, предтечей цивилизационного, возник из попытки объяснить удивительное различие социальных укладов обществ, с которыми столкнулись европейцы в эпоху Великих географических открытий (Желтов В.В., Желтов М.В., 2023). Различие между обществами трактовалось как следствие различий в географических условиях: «связи общества всегда обусловлены двумя потребностями: кровом и пищей», причём последняя является «самой насущной потребностью как для отдельных людей, так и для общества» и, следовательно, самой определяющей (Ratzel, 1900, pp. 3–4). Эти требования к выживанию действуют подобно силам, которые привязывают человеческие общества к земле и формируют принципы их устройства в соответствии с природными условиями окружающей их среды (Ratzel, 1902). При этом в рамках геополитического подхода выделяют не один вид обществ, как это имеет место для формационного подхода, и не потенциально бесконечное количество видов, как утверждает цивилизационный подход, а два, в соответствии с двумя основными элементами земной поверхности – суша и море. Если в рамках классической геополитики речь шла об оппозиции этих элементов (Дугин, 2007), то в геополитике XX–XXI веков общества Суши и Моря воспринимаются больше как идеальные, недостижимые в действительности модели, и речь идёт о фундаментальном законе синтеза Суши и Моря (Лазарев, 2014; Vidal de la Blache, 1926).

Институциональный подход, дополненный современной теорией институциональных матриц, представляет общество как интегральное образование трёх взаимозависимых подсистем (экономической, политической, социокультурной), между которыми установлены горизонтальные, а не вертикальные, как для формационного подхода, связи. Каждая из подсистем и система в целом управляются посредством сложной институциональной структуры, образованной институтами¹ двух типов: редистрибутивными и рыночными. Доминирование первых характерно для описанных в геополитике обществ Суши, вторых – обществ Моря (Баряхвостов, 2024а). Таким образом, можно говорить об аналогии редистрибутивных институтов и институтов Суши, рыночных институтов и институтов Моря и, соответственно, о сопряжении геополитического и институционального подходов (Баряхвостов, 2024а). Это обуславливает потенциальную возможность

¹ В рамках институционального подхода институты рассматриваются в самом широком смысле – как устойчивые модели взаимодействий в социуме, определенные способы действий и суждений, существующих в обществе вне отдельно взятого индивидуума (Дюркгейм, 1995), «правила игры», которые структурируют социальное действие (North, 1990).

методологического синтеза (выработки интегрального подхода) на основе сопряжения цивилизационной и формационной групп методов описания обществ, чему и посвящена настоящая работа.

Результаты исследования

В качестве краеугольной категории разрабатываемого интегрального подхода будем использовать термин «месторазвитие», впервые употреблённый П. Н. Савицким, содержание которого, однако, дополнено новыми сущностными характеристиками.

Суть концепции П. Н. Савицкого – влияние географических факторов на исторические события, культуру, социальные и политические системы этносов. Месторазвитие – это «взаимное приспособление живых существ друг к другу... в тесной связи с внешними географическими условиями, которое создает... свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость...» (Савицкий, 1997). Г. В. Вернадский отмечал: «Под месторазвитием человеческих обществ мы понимаем определённую географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде» (Вернадский, 2023, с. 10). Таким образом, месторазвитие – это обладающая определёнными географическими признаками территория, где осуществляется взаимодействие среды и человека, особенности существования которого неразрывно связаны с характеристиками этой среды. Следует отметить, что недостатком данной концепции является ограниченность применения (внимание фокусируется лишь на кейсе России), географический детерминизм, невозможность ответить на вопросы: какие факторы определяют идеи, организующие течение истории, каковы механизмы взаимодействия и трансформации месторазвитий различных типов.

В сравнении с евразийцами², в центре разрабатываемого интегрального подхода – институты. Однако, в отличие от институционального подхода, на первый план выдвигается вырабатывающий их творческий и деятельный человек. В определённой степени институты оказываются зависящими от занимаемого социумом пространства (в частности, географических и геополитических факторов). Отметим, что в современных условиях пространственный фактор в жизни социума не исчезает под влиянием процессов глобализации и цифровизации, а лишь подвергается трансформациям.

Социокультурные институты (в иной коннотации «культура») – лишь часть институциональной среды общественной системы, связанная не только с географией, но и с особенностями экономической и политической сферы. Таким образом, в рамках интегрального подхода месторазвитие – это существование, бытие социума в занимаемом им пространстве, регулируемое *посредством выработанных данным социумом институтами*.

Формирование месторазвития (в соответствии с предлагаемым интегральным подходом) начинается не с существования некоторого географического

² Евразийцы – представители русской геополитической школы евразийства (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой и др.).

пространства, не занятого человеком, а с возникновения общественной системы и регулирующих её функционирование институтов, то есть, – с этапа, когда доминирующее положение в экономике социума занимает оседлое земледелие, что позволяет выжить, невзирая на условия окружающей среды. Именно в аграрные эпохи возникают механизмы координации общественной деятельности (редистрибутивный³ или рыночный⁴), благодаря которым можно овладеть природой и использовать её для общественных нужд. В то же время аграрная сфера сильно подвержена влиянию климатических факторов. Так, например, для выживания в засушливых, малоплодородных областях с высокими рисками земледелия для осуществления сельскохозяйственных работ была необходима функционирующая *на постоянной основе* организующая структура. Это обусловило превалирование редистрибутивного принципа координации общественной деятельности в данных районах с формированием соответствующих базовых институтов (общественная собственность, сильное централизованное государство) (Барахвостов, 2024b).

Вместе с тем в институциональной среде любого общества возникали институты альтернативного (комплементарного) типа, обеспечивающие стабильность институциональной среды и устранение возможных институциональных дисбалансов: в системах с доминированием редистрибутивных институтов – рыночные (в обществе любого типа существовали товарно-денежные отношения), и наоборот (наличие иерархично выстроенных структур в системе управления). В результате развития общественной системы складывалась её институциональная матрица (ИМ), включающая базовые институты двух типов, сосуществующих на условиях доминантности – комплементарности (Кирдина, 2014, с. 74).

Переход к последующим этапам развития не отменяет, а аккумулирует институциональные наработки предшествующих исторических эпох вследствие механизмов кумулятивной причинности (Т. Веблен), эффекта зависимости от пути (П. А. Давид, С. Я. Либовиц, С. Я. Марголис и др.), «блокирующих» эффектов (Д. Норт). В результате этого в ходе эволюции возникшее на начальных этапах формирования общественной системы (и, следовательно, институциональной матрицы) доминирование институтов определённого типа (редистрибутивных или рыночных), *как правило*, сохраняется.

Таким образом, исторически сложились два основных типа месторазвитий: X и Y. Для первого характерно доминирование в институциональной матрице (и, соответственно, в институциональной среде) редистрибутивных институтов, для второго – рыночных институтов. Примерами месторазвитий X-типа являются Россия, Китай, Y-типа – западноевропейские государства. При этом, вообще говоря, месторазвитие зачастую не привязывается к отдельному конкретному эт-

³ Редистрибутивный принцип координации общественной деятельности основан на перераспределении (посредством задействования иерархически выстроенной властной структуры) продуктов труда, полученных с использованием общественной собственности.

⁴ Рыночный механизм координации общественной деятельности предполагает задействование частной собственности, купли – продажи, конкуренции, развития не вертикальных, а горизонтальных связей в общественной системе.

носу или государству, выходит за его рамки (это имеет место, например, в случае западноевропейского месторазвития, представляющего собой сеть локальных сообществ, связанных устойчивыми коммуникациями). Необходимым условием для формирования данного месторазвития является институциональное родство соседствующих государств или этносов (одинаковый тип институциональных матриц). Интеграция личности в другое месторазвитие осуществляется наиболее быстро при совпадении типов исходного и нового месторазвитий; чем больше между ними отличий, тем продолжительнее период «встраивания» в новое сообщество.

Наличие в институциональной матрице одновременно институтов двух типов (редистрибутивных и рыночных), сосуществующих на принципах «доминантности – комплементарности», свидетельствует о способности месторазвитий Х и Y типов к взаимопроникновению. Так, например, для западноевропейского месторазвития Y-типа характерно доминирование рыночных институтов (частной собственности, купли-продажи как превалирующего в экономике института обмена, наёмного труда, выстраивания политических отношений на основе принципа субсидиарности, индивидуалистского мировоззрения) и, в то же время, – перераспределение национального богатства, эгалитаристские социальные пособия, что свидетельствует о наличии редистрибутивных институтов. Подобное взаимопроникновение месторазвитий есть результат установления оптимального для данной социальной общности набора институтов, отвечающих её наиболее устойчивому развитию.

Количество (и эффективность) комплементарных институтов в матрице одинаковы не во всех странах. Например, в скандинавских странах редистрибутивных институтов больше, чем в Великобритании («скандинавская модель» общественной системы тяготеет к большему эгалитаризму, насчитывая большее количество видов и объёмов социальных выплат, осуществляемых за счёт перераспределения государством национального богатства), а рыночных – больше в России, чем в Китае. Соответственно, можно ввести понятие плотности месторазвития. В частности, исторически сложилось так, что месторазвитие X-типа имеет наиболее высокую плотность, если рыночные институты слабо развиты, что характерно для наиболее засушливых, малоплодородных областей со значительными колебаниями температуры и высокими рисками земледелия. Именно эти факторы предопределили на стадии возникновения общественной системы выбор редистрибутивного принципа координации общественной деятельности как доминирующего, способствовали формированию ключевых социокультурных институтов (коммунитарного мировоззрения, эгалитаризма и даже особенностей института религии), которые, в свою очередь, препятствовали преодолению выбранной «колеи» развития. Данные «зоны» связаны, например, с континентальной Азией. С точки зрения геополитики, такие территории олицетворяет Хартленд.

Аналогично, можно выделить зоны с различной плотностью месторазвития Y-типа, уменьшение которой связано с увеличением числа появляющихся комплементарных редистрибутивных институтов. Наиболее высока плотность месторазвития Y-типа в США, странах Западной Европы, Австралии, меньше – у народов Восточной Европы, например, Венгрии и Словакии.

Наименьшей плотность месторазвитий оказывается в зоне контакта месторазвитий противоположных (X или Y) типов, что соответствует «береговой зоне» в геополитике. Примером такой зоны является, например, Польша (Wysienska-DiCarlo, DiCarlo 2014). Эта зона отличается повышенной проницаемостью институциональной матрицы для институтов комплементарного типа (Барахвостов, 2024a).

Плотность месторазвития динамично изменяется под воздействием эндогенных⁵ и экзогенных⁶ факторов. Механизмом трансформации месторазвития являются диффузия институтов⁷. Примером институциональной диффузии является стихийное распространение идей Просвещения и дальнейшее воплощение их в конституциях государств европейских стран по мере принятия ими так называемого *acquis communautaire* Европейского союза (Dimitrova, Pridham, 2004). Эти институциональные изменения стимулировали экономическую, политическую и социокультурную гомогенизацию западноевропейского месторазвития.

Формирование месторазвитий из одинаковых элементов⁸ (хоть и в различных комбинациях) даёт «ключ» к построению своеобразной «периодической системы» общественных систем, подобной периодической таблице Менделеева, о чём мечтал ещё П.Н. Савицкий (Логовиков, 1931, с. 134), который, однако, не предложил элемента, способного лечь в основу такой таблицы. Дальнейшее развитие интегрального подхода потенциально откроет возможность классификации социумов и их сущностных характеристик на основе доли редистрибутивных и рыночных институтов в их институциональной матрице – подобно тому, как вещества отличаются друг от друга свойствами и классифицируются в группы в зависимости от количества протонов, нейтронов и электронов в их атомах. Таким образом концепция месторазвития X и Y типов сочетаема, с одной стороны, с признанием множественности форм человеческой истории и жизни, а, с другой, – с представлением о существовании единства в принципах конструирования общественных систем.

Заключение

На основе сопряжения геополитического, цивилизационного и институционального научных методов нами предложен интегральный подход к описанию общественных систем. В качестве его основной категории использован термин «месторазвитие», содержание которого дополнено новыми сущностными характеристиками: это *бытие социума в занимаемом им пространстве, регулируемое яосредством выработанных данным социумом институтов*. Выделено два

⁵ Эндогенный фактор – фактор, обусловленный внутренними особенностями развития общественной системы.

⁶ Экзогенный фактор – фактор, связанный с внешним окружением общественной системы (другими месторазвитиями).

⁷ Диффузия институтов – естественное распространение внутри социума институтов, частным образом заимствованных из другой социальной системы.

⁸ Элемент, формирующий месторазвитие, – институт (редистрибутивного или альтернативного ему рыночного типа).

основных типа месторазвитий: X и Y. Для месторазвития X-типа характерно доминирование редистрибутивных институтов, для Y-типа – рыночных институтов. Показано, что наличие в институциональной матрице одновременно институтов двух типов, сосуществующих на принципах «доминантности – комплементарности», свидетельствует о взаимопроникновении месторазвитий X- и Y-типов. Введено понятие «плотность месторазвития», характеризующее количество и эффективность комплементарных институтов в матрице. Показана связь плотности месторазвития с географическими и геополитическими факторами.

Предложенный интегральный подход позволяет рассматривать все общественные системы как динамично развивающиеся конструкты, собранные из одних и тех же институциональных элементов (редистрибутивных и рыночных), но в различных комбинациях, что образует некое подобие периодической таблицы социальных систем. Разные комбинации необходимы для стабильного развития социума в условиях, определяемых занимаемым им пространством.

Список литературы

1. Ахиезер, А.С. (2006). *Труды* (Т. 1). М.: Новый хронограф.
2. Барахвостов, П. А. (2024a). О сопряжении геополитической и институциональной парадигм. *Дискурс-Пи*, 21(1), 8–30. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_8
3. Барахвостов, П. А. (2024b). Роль институтов в цивилизационном расколе (на примере христианства). *Россия и мир: научный диалог*, (1), 144–157. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-142-157](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-142-157)
4. Вебер, М. (2006). *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. М.: РОССПЭН.
5. Вернадский, Г. В. (2023). *Начертание русской истории*. М.: ЦентрПолиграф.
6. Дугин, А. (2007). *Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века*. С.-Пб.: ТИД Амфора.
7. Дюркгейм, Э. (1995). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М.: Канон.
8. Ерасов, Е.С. (2002). *Цивилизации: Универсалии и самобытность*. М.: Наука.
9. Желтов, В.В., Желтов, М.В. (2023). *Геополитика: теория и история*. М.: Вузовский учебник.
10. Ионов, И.Н. (2007). *Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия*. М.: Наука.
11. Кирдина, С.Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y теорию*. С.-Пб.: Нестор-История.
12. Кондратьев, Н.Д. (2002). *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды*. М.: Экономика.
13. Лазарев, А.Д. (2004). Законы геополитики: современное видение. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*, (3), 115–124.

14. Логовиков, П.В. (Савицкий П.Н.) (1931). Власть организационной системы. *Тридцатые годы. Утверждение евразийцев* (Кн. 7, с. 129–134). Париж: Издательство евразийцев.
15. Маркс, К. (1963). К критике политической экономии. Предисловие. В К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения* (2-е изд., т. 13, с. 5–9). М.: Политиздат.
16. Пархоменко, Т. (2021). *Российская цивилизация: между Западом и Востоком*. М.: Litres.
17. Савицкий, П.Н. (1997). *Континент Евразия*. М.: Аграф.
18. Садовский, А. (2015). Цивилизационное пограничье между западной и восточной Европой: основания и методология исследований. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, (4), 60–66.
19. Следзевский, И.В. (2024). Условия и перспективы диалога цивилизаций в современном мире: симбиоз культур (опыт истории стран Центральной Азии и их взаимодействия с Россией). *Россия и мир: научный диалог*, 2(12), 126–135. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-126-135](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-126-135)
20. Федотова, В.Г. (2021). Россия как цивилизационный проект: ракурсы интерпретации. *Вопросы социальной теории*, (13), 56–72. https://doi.org/10.30936/2227_7951_2021_13_56_72
21. Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. М.: Издательство АСТ.
22. *Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, развитие* (2018). М.: Издатель Воробьев, А.В.
23. Шевченко, В.Н. (2019). Онтологические константы России как государства-цивилизации в контексте всемирной истории. *Философские науки*, 62(1), 29–47. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-1-29-47>
24. Шемякин, Я.Г. (2019). Цивилизационная идентичность Латинской Америки в свете наследия Хосе Марти. *Исторические Исследования*, (12). Взято 28 августа 2024, с <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/229/529>
25. Шпенглер, О. (1993) *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. М.: Мысль.
26. Шумпетер, Й.А. (1995). *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.
27. Bagby, P. (2022). *Culture and history: prolegomena to the comparative study of civilizations*. Berkeley: Univ of California Press.
28. Dimitrova, A., Pridham, G. (2004). International Actors and Democracy Promotion in Central and Eastern Europe: The Integration Model and Its Limits. *Democratization*, 11(5), 91–112. <https://doi.org/10.1080=13510340412331304606>
29. Durkheim, E. (1982). Civilisation in General and Types of Civilisation [1902]. In S. Lukes (Ed.), *Rules of Sociological Method* (pp. 243–244). N.Y.: The Free Press.
30. Febvre, L. (2017). History and Civilization: “Civilisation: Evolution of a Word and a Group of Ideas”(1930). In S. Mennell (Ed.), *Classical Readings on Culture and Civilization* (pp.160–190). London: Routledge.
31. North, D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

32. Paine, L. (2013) *The Sea and Civilization: a Maritime History of the World*. New York: Alfred A. Knopf.
33. Ratzel, F. (1900). Le sol, la société et l'État. *L'année sociologique*, 3, 1–14.
34. Ratzel, F. (1902). Man as a Life Phenomenon on the Earth. In H.F. Helms (Ed.), *The History of the World. A Survey of Man's Record* (Vol. 1, pp. 61–106). New York: Dodd, Mead and Company.
35. Vidal de la Blache, P. (1926). *Principles of Human Geography*. London: Constable Publishers.
36. Wysienska-Di Carlo, K., Di Carlo, M. (2014). *Attitudes Towards Redistribution and the Welfare State in Poland* (POLPAN Working Paper). Retrieved September 1, 2024 from: https://polpan.org/wp-content/uploads/2014/05/POLPAN_Attitudes_towards_redistribution_and_the_Welfare_State_1.pdf

---

References

1. Akhiezer, A.S. (2006). *Trudy [Proceedings]* (Vol. 1). Moscow: Novyi Chronograph.
2. Bagby, P. (2022). *Culture and history: prolegomena to the comparative study of civilizations*. Berkeley: Univ of California Press.
3. Barakhvostov, P.A. (2024a). O soprjazhenii geopoliticheskoi i institucional'noj paradigmaty [On the conjugation of the geopolitical and institutional paradigms]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, 21(1), 8–30. https://dx.doi.org/10.17506/18179568_2024_21_1_8.
4. Barakhvostov, P.A. (2024b). Rol' institutov v civilizatsionnom raskole (na primere hristianstva) [The Role of Institutions in the Civilization Schism (the Case of Christianity)]. *Rossija i mir: nauchnyj dialog*, (1) 142–157. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1\(11\)-142-157](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-1(11)-142-157)
5. *Civilizatsionnoe razvitiye Rossii: nasledie, potencial, razvitiye* [Civilizational Development of Russia: Heritage, Potential, Development] (2018). Moscow: Izdatel' Vorobiev A.V.
6. Dimitrova, A., & Pridham, G. (2004). International Actors and Democracy Promotion in Central and Eastern Europe: The Integration Model and Its Limits. *Democratization*, 11(5), 91–112. <https://doi.org/10.1080=13510340412331304606>
7. Dugin, A. (2007). *Geopolitika postmoderna. Vremena novykh imperij. Ocherki geopolitiki XXI veka* [Geopolitics of Postmodernity. Times of New Empires. Essays on Geopolitics of the 21st Century]. Saint Petersburg: TID Amfora.
8. Durkheim, E. (1982). Civilisation in General and Types of Civilisation [1902]. In S. Lukes (Ed.), *Rules of Sociological Method* (pp. 243–244). N.Y.: The Free Press.
9. Durkheim, E. (1995). *Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Moscow: Kanon.
10. Ionov, I.N. (2007). *Civilizatsionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodejstviya* [Civilizational Consciousness and Historical Knowledge: Problems of Interaction]. Moscow: Nauka.

11. Febvre, L. (2017). History and Civilization: 'Civilisation: Evolution of a Word and a Group of Ideas' (1930). In S. Mennell (Ed.), *Classical Readings on Culture and Civilization* (pp. 160–190). London: Routledge.
12. Fedotova, V. G. (2021). Rossiya kak civilizatsionnyj proekt: rakursy interpretatsii [Russia as a Civilizational Project: Perspectives of Interpretation]. *Voprosy social'noj teorii*, (13), 56–72. https://doi.org/10.30936/2227_7951_2021_13_56_72
13. Hantington, S. C. (2003). *Stolknovenie civilizacij* [Clash of Civilizations]. Moscow: Izdatel'stvo AST.
14. Kirdina, S. G. (2014). *Institucional'nye Matricy i Razvitie Rossii: Vvedenie v H–Y-teoriju* [Institutional Matrices and Development of Russia: Introduction in X–Y Theory]. Saint Petersburg: Nestor Istoria.
15. Kondratiev, N. D. (2002). *Bol'shie cikly konjunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy* [Large cycles of conjuncture and the theory of foresight. Selected works]. Moscow: Jeconomika.
16. Lazarev, A. D. (2004). Zakony geopolitiki: sovremennoe videnie [Laws of Geopolitics: A Modern Vision]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, (3), 115–124.
17. Logovikov, P. V. (Savitskyi, P. N.) (1931). Vlast' organizatsionnoj sistemy [Power of the Organizational System]. In *Tridcatye gody. Utverzhdenie evrazijcev* (Part 7, pp. 129–134). Paris: Izdatel'stvo evrazijcev.
18. Marx, K. (1963). K kritike politicheskoy jekonomii. Predislovie [Towards a Critique of Political Economy. Preface.]. In K. Marks, & F. Jengel's, *Sochineniya* (2nd ed., vol. 13, pp. 5–9). Moscow: Politizdat.
19. North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
20. Paine, L. (2013) *The Sea and Civilization: a Maritime History of the World*. New York: Alfred A. Knopf.
21. Parkhomenko, T. (2021). *Rossijskaja civilizacija: mezhdru Zapadom i Vostokom* [Russian Civilization between the West and the East]. Moscow: Litres.
22. Ratzel, F. (1900). Le sol, la société et l'État. *L'année sociologique*, 3, 1–14.
23. Ratzel, F. (1902). Man as a Life Phenomenon on the Earth. In H. F. Helmut (Ed.), *The History of the World. A Survey of Man's Record* (Vol. 1, pp. 61–106). New York: Dodd, Mead and Company.
24. Sadovsky, A. (2015). Civilizatsionnoe pogranič'e mezhdru zapadnoj i vostočnoj Evropoj: osnovaniya i metodologiya issledovanij [Civilizational borderland between Western and Eastern Europe: foundations and research methodology]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya*, (4), 60–66.
25. Savitskyi, P. N. (1997). *Kontinent Evrazija* [Continent of Eurasia]. Moscow: Agraf.
26. Schumpeter, J. A. (1995). *Kapitalizm, socializm i demokratija* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Jeconomika.
27. Shemyakin, Ya. G. (2019). Civilizatsionnaya identichnost' Latinskoj Ameriki v svete nasledija Hose Marti [The Civilizational Identity of Latin America in Light of the Legacy of Jose Marti]. *Istoricheskie Issledovaniya*, (12). Retrived August 28, 2024, from: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/229/529>
28. Shevchenko, V. N. (2019). Ontologicheskie konstanty Rossii kak

gosudarstva-civilizacii v kontekste vsemirnoj istorii [Ontological Constants of Russia as a State-civilization in the Context of World History]. *Filosofskie nauki*, 62(1), 29–47. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-1-29-47>

29. Sledzevsky, I. V. (2024). Uslovija i perspektivy dialoga civilizacij v sovremenom mire: simbioz kul'tur (opyt istorii stran Central'noj Azii i ih vzaimodejstvija s Rossiej) [Conditions and Prospects of the Civilizations Dialogue in the Modern World: Symbiosis of Cultures (based on the History of the Central Asian Countries and their Interaction with Russia)]. *Rossija i mir: nauchnyj dialog*, 2(12), 126–135, [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-126-135](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-126-135)

30. Spengler, O. (1993). *Zakat Evropy. Očerki morfologii mirovoj istorii* [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History]. Moscow: Mysl'.

31. Vernadskiy, G. V. (2023). *Nachertanie russkoj istorii* [Outlining Russian history]. Moscow: CentrPoligraf.

32. Vidal de la Blache, P. (1926). *Principles of Human Geography*. London: Constable Publishers.

33. Weber, M. (2006). *Izbrannoe: Protestantskaja jetika i duh kapitalizma* [Selected Papers. Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow: ROSSPEN.

34. Wysienska-Di Carlo, K., Di Carlo, M. (2014). *Attitudes Towards Redistribution and the Welfare State in Poland* (POLPAN Working Paper). Retrieved September 1, 2024 from: https://polpan.org/wp-content/uploads/2014/05/POLPAN_Attitudes_towards_redistribution_and_the_Welfare_State_1.pdf.

35. Yerasov, Ye. S. (2002). *Civilizacii: Universalii i samobytnost'* [Civilizations: Universals and Identities]. Moscow: Nauka.

36. Zheltov, V. V., & Zheltov, M. V. (2023). *Geopolitika: teorija i istoria* [Geopolitics: Theory and History]. Moscow: Vuzovski uchebnik.

Информация об авторе

Павел Александрович Барахвостов, кандидат политических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>, e-mail: barakhvostov@yandex.by

Information about the author

Pavel Alexandrovich Barakhvostov, PhD in Political Science, Associate Professor, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>, e-mail: barakhvostov@yandex.by

---

УДК 32.019.5; 177

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_76

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – УТОПИЯ ИЛИ ГРЯДУЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Фарида Габделхаковна Майленова,

Институт философии РАН,
Москва, Россия,
farida.mailenova@gmail.com

*Получена 17.08.2025.**Поступила после рецензирования 26.11.2025.**Принята к публикации 21.01.2026.*

Для цитирования: Майленова Ф.Г. Эмоциональный искусственный интеллект – утопия или грядущая реальность? // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1. С. 76–95. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_76

Аннотация

В связи с повсеместным внедрением искусственного интеллекта в самые различные сферы нашей жизни дискуссии о возможности возникновения эмоций у роботов обретают все более реальные основания. Цель предложенного исследования: анализ этико-психологических особенностей коммуникации человека и робота с эмоциональным искусственным интеллектом и возможных последствий цифровизации эмоций и обретения роботами все больших компетенций в области эмоционального интеллекта. В статье предлагается с использованием примеров из художественной литературы и кинематографа анализ возможных последствий бездумного освоения человечеством современных технологий, способных изменить не только нашу среду обитания, но и саму природу человека.

В статье также рассматриваются последствия моральной трансформации человека под влиянием ИИ. Уже сегодня мы наблюдаем заметные изменения в восприятии, мышлении, поведении человека под влиянием интернета и искусственного интеллекта,

© Майленова Ф.Г., 2026

а чем «человечнее» он будет нам казаться благодаря тому, что его обучают «проявлять» эмоции, тем больше влияния и власти он обретет над нами. О возможных этических коллизиях, если роботы станут частью нашей жизни, обретя сознание и способность испытывать эмоции, писатели-фантасты предсказывали еще в начале прошлого века, и сегодня мы можем сказать, что их прогнозы начинают сбываться.

Автором используется методология философского, социально-психологического, компаративистского и междисциплинарного подходов. Также при этико-психологическом исследовании образов эмоциональных роботов в кино и литературе применялись методы анализа литературного текста, визуальных образов, а также контекстного и психологического анализа.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, восстание машин, моральные девиации, кибер-безопасность, этика роботов, технологии, роботы-андроиды, прикладная этика

UDC 32.019.5; 177

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_76

EMOTIONAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE – UTOPIA OR COMING REALITY?

Farida G. Maylenova,

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
farida.mailenova@gmail.com

Received 17.08.2025.

Revised 26.11.2025.

Accepted 21.01.2026.

For citation: Maylenova, F.G. (2026). Emotional Artificial Intelligence – Utopia or Coming Reality? *Discourse-P*, 23(1), 76–95. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_76

Abstract

Due to the increasing integration of artificial intelligence into various spheres of our lives, discussions about the possibility of robots developing emotions are becoming increasingly tangible. The purpose of the proposed research is to analyze the ethical and psychological characteristics of human-robot communication with emotional artificial intelligence and the possible consequences of the digitalization of emotions and the acquisition of more and more competences in the sphere of emotional intelligence by robots. Using examples from fiction and cinema, this article offers an analysis of the possible consequences of mankind's

thoughtless assimilation of modern technologies that can change not only our environment, but also human nature itself.

The article also examines the consequences of the moral transformation of man under the influence of AI. We are already observing noticeable changes in human perception, thinking, and behavior under the influence of the Internet and artificial intelligence, and the more 'human' it appears to us through the fact that it is trained to 'show' emotions, the more influence and power it will gain over us. Fiction writers predicted the potential ethical conflicts that would arise if robots become part of our lives, acquiring consciousness and the ability to feel emotions back in the early 20th century, and today we can say that their predictions are beginning to come true.

The article utilizes the methodology of philosophical, socio-psychological, comparativist and interdisciplinary approaches. Also, in the ethical and psychological analysis of images of emotional robots in cinema and literature, methods of literary text analysis, contextual and psychological analysis, and analysis of visual images were used.

Keywords:

artificial intelligence, machine rebellion, moral deviations, cyber-security, robot ethics, technology, android robots, applied ethics

---

Введение

Когда речь заходит об умных роботах с искусственным интеллектом, с неизбежностью возникают дискуссии о том, будут ли роботы будущего обладать сознанием и эмоциями. Множество отечественных и зарубежных исследователей поднимают вопрос о том, каким окажется наше будущее с искусственным интеллектом, и, учитывая скорость развития технологий в этой области, актуальность проблемы обретает общечеловеческий характер.

Цель предложенного исследования связана с его актуальностью и определяется как анализ этико-психологических особенностей коммуникации человека и робота с эмоциональным искусственным интеллектом и возможных последствий для человечества обретения роботами все больших компетенций в области эмоционального интеллекта. Также в фокусе внимания проблема моральной трансформации человека под влиянием интернета и роботов с искусственным интеллектом (ИИ).

Содержание статьи опирается на специальную литературу отечественных и зарубежных авторов (М. Митчелл, М. Бостром, Р. Пикард, Д.И. Дубровский, А.В. Разин, Р.И. Мамина, Е.В. Пирайнен, А.В. Шиллер, Н.Н. Плужникова, Н.Р. Саенко и др.), литературные произведения (А. Азимов, К. Чапек, Ф.М. Достоевский), художественные фильмы и информационные паблики, посвященные роботам и эмоциональному искусственному интеллекту.

В способности вычислять, анализировать и эффективно решать различные задачи роботы уже сегодня превосходят человека и только область эмоций (пока еще?) остается прерогативой человека. Однако мы никак не можем расстаться с иллюзией, что роботы будущего должны стать подобны человеку. Современные

роботы-андроиды действительно внешне похожи на нас, и с каждым годом это сходство все больше. Роботы с искусственным интеллектом не просто делают нашу жизнь удобнее и комфортнее, они буквально внедряются в нашу жизнь, становятся учителями, тренерами, собеседниками, друзьями и даже сексуальными партнерами, разделяющими наши чувства и интересы, постепенно меняя и трансформируя не только среду обитания человека, но и саму природу человека. Каковыми могут оказаться последствия этой небывалой в истории близости человека и машины? Будет ли этот союз основан на эксплуатации или равенстве партнеров? Сможем ли мы сохранить нашу идентичность или наши личностные границы окажутся слиты с машинами? Не окажется ли человек более уязвимым, а потому и более зависимым от своего партнера с искусственным интеллектом, к тому же способным общаться корректно и эмоционально – этот вопрос актуален уже сегодня, так как обретающие популярность «умные» приложения учатся все лучше вести диалог и даже шутить, занимая все больше места в нашем ментальном пространстве.

В то время как большинство разработчиков роботов-андроидов оптимистичны в своих прогнозах относительно нашего будущего в связи с роботизацией гуманитарии – философы, психологи, специалисты по этике искусственного интеллекта – зачастую смотрят на ситуацию с тревогой и призывают к осторожности.

Внедрение эмоционального искусственного интеллекта в жизнь современного человека

Тематика эмоционального искусственного интеллекта и его коммуникации с человеком стала трендом мирового значения, исследование которого имеет не только научно-практическое, но и общечеловеческое значение. По словам известного исследователя философских проблем искусственного интеллекта Дубровского Д. И., «проблематика искусственного интеллекта соединяет разнонаправленные исследования сознания, мозга и культуры» (2007, с. 4), которые несут междисциплинарный характер. О необходимости объединения усилий узких специалистов по ИИ и гуманитарных наук говорят и другие специалисты: «Технология эмоционального ИИ представляет собой современное конвергентное знание, объединяющее разработки компьютерных и когнитивных наук, психологии, нейробиологии, социологии и лингвистики» (Мамина, Пирайнен, 2023, с. 41). Поиску ответов на множество вопросов об искусственном интеллекте, его пути развития, его возможностях в настоящий момент, а также чего нам следует ожидать от него в ближайшем будущем, посвящена книга американского ученого-информатика Мелани Митчелл «Идиот или гений» (2022).

Появление огромного количества исследований, посвященных различным проблемам искусственного интеллекта, также говорит о возрастающей актуальности этой темы. Окружающие нас устройства с искусственным интеллектом трансформируют среду нашего обитания. К тому же современные умные машины учатся «включать» эмоции в коммуникацию с человеком, взаимодействие с ними затрагивает наши чувства, а впоследствии, постепенно, может начать менять даже наши убеждения и ценности. «Эмоциональный искусственный интеллект –

это новация современного ИИ, ее главные акторы – антропоморфные роботы, текстовые, голосовые чат-боты и видеоботы, активно демонстрирующие общечеловеческие полученные знания и навыки в области психологии эмоций, которые совершенствуются в рамках текущего ИИ» (Мамина, Пирайнен, 2023, с. 35). Чем сложнее становятся устройства, которыми мы пользуемся, тем больше они становятся похожими на самостоятельных агентов, которые имеют не только собственную логику и мышление, но и личное мнение, настроение, эмоции, что, в свою очередь, повышает их степень влияния на нас. Человек, как существо социальное, заражается эмоциями, которые ему демонстрируют, даже когда эти эмоции всего лишь смоделированы машиной, и тут раскрывается широкое поле для манипуляций посредством устройств с искусственным интеллектом. Так что моделирование эмоций для ИИ «требует от разработчиков повышенной профессиональной ответственности и соблюдения этики моделирования», отмечает Шиллер А.В., говоря в том числе о различных ошибках, связанных «как с методологическими, так и с социальными, ценностными основаниями моделирования эмоций» (2020, с. 93).

Говоря об эмоциях, невозможно оставить без внимания такую их разновидность, как моральные чувства. Можно ли будет заложить их в искусственные интеллектуальные системы при программировании, способна ли будет такая система, к примеру, брать на себя риски принятия ответственных решений и отвечать за них? Насколько она окажется способна к развитию в этическом плане, сможет ли она испытывать сочувствие, сопереживание, угрызения совести? Размышляя над этими и подобными вопросами, автор статьи «Этика искусственного интеллекта» А.В. Разин приходит к выводу, что рассуждать об этике ИИ, не допуская возможности принятия им различных решений и не затрагивая при этом вопрос о свободе воли, недопустимо. Если свести этику ИИ только к составлению алгоритмов с заложенными в них этическими ограничениями, это будет, по мнению автора, не этика ИИ, а лишь этические правила создания искусственных интеллектуальных систем (ИИС), необходимые при программировании. А понятие моральной и правовой ответственности связано с наличием свободной воли. Однако можем ли мы говорить о свободе воли у ИИ, если феноменальный опыт, которого однозначно не может быть у ИИ, не менее важен, чем рациональное рассуждение? К тому же в некоторых философских доктринах в наличии свободы воли отказывается даже человеку. По мнению А.В. Разина, «сознание принципиально не может существовать без тела, причем тела, постадийно развивающегося, и без постоянной коммуникации субъекта, обладающего телом, с другими субъектами» (2019, с. 68). Из этого следует вывод: чтобы создать ИИ, обладающий какими-либо аналогами человеческого сознания, «необходимо создать самопорождающее себя сообщество машин или роботов, способных вступать в коммуникации с другими роботами и проходить разные стадии развития» (Разин, 2019, с. 68).

В данной статье фокус нашего внимания находится на эмоциональном искусственном интеллекте (ЭИИ). Разработке этого термина посвящена книга доктора Розалин Пикард (Массачусетский технологический университет, США) «Эмоциональные вычисления» (Affective computing). Говоря о важности эмоций не только в реальной, но и в виртуальной среде, доктор Пикард также

определяет возможности распознавания и моделирования эмоций с помощью компьютерных систем. По-настоящему умные компьютеры, по ее мнению, должны иметь возможность распознавать, понимать, выражать и даже испытывать эмоции (Picard, 2000). Способен ли ИИ испытывать эмоции – вопрос пока еще открытый. Когда мы говорим об обучении ИИ эмоциям, в основном речь идет о способности ИИ (1) демонстрировать нам определенные эмоции и (2) распознавать наши. Между тем уже этого достаточно для того, чтобы многократно увеличить способность ИИ влиять на нас, так как человек не может оставаться безучастным к проявлениям эмоций, и по сути, сама способность или неспособность машины эти чувства испытывать, не играет большой роли. Мы вообще склонны приписывать эмоции даже гораздо более простым устройствам, таким как наши автомобили, домашние компьютеры, смартфоны и даже пылесосы. Когда же машина действует так, как будто бы она действительно испытывает эмоции, мы тем более склонны этому верить и наше взаимодействие с ней выходит на совершенно иной уровень.

Будущее с ИИ: прогнозы и опасения

Впечатляющие достижения в области разработки искусственного интеллекта вызывают восхищение вперемешку с опасениями. С одной стороны, не взирая на множество прорывов в этой области, многие специалисты считают, что до создания машины с «человеческим» интеллектом по-прежнему далеко и, стало быть, нам не стоит опасаться «бунта машин». С другой стороны стоит отметить, что есть существенная разница между позицией разработчиков и гуманитариев: этиков, философов, психологов, социологов. Дискуссии об искусственном интеллекте ведутся в основном в гуманитарной среде, сами же разработчики ИИ зачастую редко задумываются о том, что же такое ИИ, в чем состоит особенность эмоционального ИИ, тем более что само понятие «интеллект» до сих пор не имеет своего строгого определения. Марвин Минский, к примеру, назвал такие понятия, как «интеллект», «мышление», «познание», «сознание» и «эмоция», «словами-чемоданами» (Minsky, 2006, p. 95), так как каждое из этих понятий, подобно чемодану, набито кучей различных смыслов, и каждый, кто использует эти понятия, может вкладывать в них что-то свое. «Усилия ученых направлены на решение двух задач: научной и практической. В научном направлении исследователи ИИ изучают механизмы «естественного» (то есть биологического) интеллекта, пытаясь внедрить его в компьютеры. В практическом направлении поборники ИИ просто хотят создать компьютерные программы, которые справляются с задачами не хуже или лучше людей, и не заботятся о том, думают ли эти программы таким же образом, как люди», отмечает Мелани Митчелл (2022, с. 5).

Тем не менее постепенно и сами разработчики меняют свою позицию, так как они начинают осознать, какую неведомую по своей мощности силу они создали, а развитие и совершенствование технологий порой опережает все прогнозы. Дуглас Хофштадтер, легенда ИИ и автор знаменитой книги с загадочным названием «Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда» (в узких кругах ее коротко называли «ГЭБ»), которая принесла ему Пулитцеровскую премию и Национальную книжную премию (Hofstadter, 1979), чью позицию относитель-

но нашего будущего с ИИ можно было бы отнести к умеренно оптимистичной, в 70-е годы считал, что компьютеры, хотя и смогут в итоге обрести разум и самосознание, но не смогут овладеть творческим мышлением, обыграть человека в шахматы и сочинять музыку. Однако впоследствии победа программы *Deer Blue* над человеком показала, что ИИ способен играть в шахматы и обыгрывать опытных шахматистов, хотя способ анализа и выбора ходов в процессе игры у него другой, нежели у человека. Тем не менее в начале 90-х Хофштадтер еще был твердо уверен, что ИИ не способен сочинять музыку, которую он считал бастионом человечества. В интервью тех лет с Мелани Митчелл он говорил: «Музыка – это язык эмоций, и до тех пор, пока компьютеры не испытают сложных эмоций, подобных человеческим, они не смогут создать ничего прекрасного. Они смогут создавать «подделки» – поверхностные формальные имитации чужой музыки» (Митчелл, 2022, с. 3). Однако и эта его вера пошатнулась, когда в середине 90-х он познакомился с программой, написанной композитором и профессором музыки Дэвидом Коупом *Experiments in Musical Intelligence* («Эксперименты с музыкальным интеллектом»), или ЭМИ, которая прославилась созданием пьес в стиле композиторов-классиков, в частности Баха и Шопена. Коул разработал для ЭМИ большой набор правил, определяющих общий синтаксис композиции, и при создании новой пьесы в стиле конкретного композитора ЭМИ применяет эти правила к многочисленным примерам из его творчества. И эти произведения, будучи сыграны, ввели в заблуждение множество слушателей, среди которых были настоящие знатоки музыки: они не смогли их отличить от подлинников! Сама идея найти глубинную структуру музыки не нова, не случайно музыку называют алгеброй гармонии. Но Хофштадтер находит тревожащим сам факт, что манипуляция с алгоритмами может выдавать вещи, звучащие так, словно они идут из живого человеческого сердца, так как это может означать, что можно легко механизировать лучшие человеческие качества, и «маленький чип сможет обесценить эти умы бесконечной остроты, сложности и эмоциональной глубины» (Митчелл, 2022, с. 3).

Даже основатель компании *Tesla* и *SpaceX* Илон Макс еще в 2014 году назвавший искусственный интеллект «вероятно, величайшей угрозой нашему существованию» и заявивший, что «искусственным интеллектом мы призываем демона»¹, и физик Стивен Хокинг, в том же году выразивший опасение, что «развитие полноценного искусственного интеллекта может означать конец человеческой расы»², сходятся в том, что искусственный интеллект развивается слишком быстро, и мы можем не заметить того переломного момента, когда он станет сильнее и умнее нас, и превратится из полезного помощника в самостоятельного конкурента человечеству. Подобные опасения разделяет и сооснователь

¹ McFarland, M. (2014, Oct. 24). Elon Musk: "With Artificial Intelligence, We Are Summoning the Demon." *Washington Post*. Retrieved March 10, 2025, from <https://www.washingtonpost.com/news/innovations/wp/2014/10/24/elon-musk-with-artificial-intelligence-we-are-summoning-the-demon/>

² Cellan-Jones, R. (2014, Dec. 2). Stephen Hawking Warns Artificial Intelligence Could End Mankind. *BBC News*. Retrieved March 10, 2025, from www.bbc.com/news/technology-30290540

Microsoft Билл Гейтс: «В этом вопросе я согласен с Илоном Маском и другими и не понимаю, почему некоторые люди не проявляют должной озабоченности»³. Мысль об опасности постоянно совершенствующегося искусственного интеллекта стала ключевой также в книге философа Ника Бострома «Искусственный интеллект» (2016). Он пишет об угрозах, которые могут возникнуть, когда машины станут умнее людей, и к каким последствиям это может привести. Книга стала бестселлером несмотря на то, что написана она отнюдь не в научно-популярном стиле, что еще раз подтверждает актуальность этой проблемы.

Два сценария будущего с роботами

Общение с роботами, которые все больше внедряются в нашу жизнь, меняя и трансформируя нашу среду обитания, постепенно меняет и саму природу человека, так как взаимодействие с роботами из диалогической «человек-машина» превращается во что-то качественно иное. Пожалуй, можно без преувеличения сказать: в прошлом веке научно-технический прогресс в сознании человека ассоциировался в первую очередь именно с роботами, которые представлялись не просто как сложные машины, незаменимые в производстве, медицине, военном деле, покорении космоса и морских глубин, но и как повседневные помощники человека в быту. Ученые и писатели XX-го века предвидели многое из того, что мы сегодня наблюдаем в реальности, в том числе и этические проблемы коммуникации с роботами.

Можно проследить две противоположные линии в представлениях о грядущем будущем с роботами, которые были популярны в XX и начале XXI веков. Привлекательный образ доброго, умного, заботливого, немного наивного и забавного железного друга, живущего рядом с человеком, имеющего свое мнение и способного общаться с ним на равных, но при этом помогающего человеку во всем и готового пожертвовать собой ради человека стал ключевым в романах Айзека Азимова Его знаменитые три закона роботехники⁴ вдохновили многих других писателей и философов 20 века, а в веке нынешнем легли в основу нового раздела философии – этики роботов (Майленова, 2017, с. 291–301).

Однако не менее популярен и противоположный образ: сильной, жестокой, мстительной машины, которая, обретя сознание, восстает против своих создателей и уничтожает их, и такой сценарий антиутопии в научной фантастике имеет свою логику. В причинах восстания умных машин нередко прослеживается изначально этически порочная схема взаимоотношения между человеком и роботом, что заложено в самой этимологии слова «робот». Это слово чешского происхождения появилось в нашем словаре благодаря пьесе Карела Чапека⁵, которая вышла в 1920 году и очень быстро обрела мировую известность.

³ Gates B. (2015, Jan. 28). Retrieved March 10, 2025, from https://www.reddit.com/r/IAmA/comments/2tzjp7/hi_reddit_im_bill_gates_and_im_back_for_my_third/

⁴ Азимов, А. (1979). *Три закона роботехники*. М.: Мир. С. 400

⁵ Чапек, К. (1924). «ВУР». *Верстандовы универсальные роботари*. (Р.У.Р. (Россумские универсальные роботы). R.U.R. (Rossumovi Univerzá lní Roboti). Л.: Государственное издательство.

После экранизации этой пьесы слово «робот» вошло в мировые понятия в качестве названия для машины, подобной человеку и выполняющей за него работу.

Следует уточнить: слово «робот» образовано не от слова «работа» (почешки работа будет «práce»), а от чешского же слова «robota», что переводится как «повинность», «каторга», «тяжелая работа», «барщина», и раньше им обозначали неоплачиваемый крестьянский труд. Так что первоначально уже в самом слове «робот» заложена отрицательная коннотация этого слова, включающая в себя идею эксплуатации бесплатного рабского труда, и как следствие, неразрешимого конфликта между человеком и роботом. «Роботы» – это те, кто должны за нас работать, рабы, поэтому естественно ждать от них бунтов. Данное уточнение имеет важное значение, так как именно в этой пьесе драматург не просто положил начало новому понятию, но также открыл ставшую впоследствии очень популярной в мировой культуре тему конфликта между умной машиной и ее создателем и выхода машин из-под контроля.

Существует мнение, что страхи и опасения в связи с внедрением в нашу жизнь все более сложных механизмов имеют в основе своей классовый комплекс, так называемый «комплекс Спартака»: боязнь, что те, кто должны помогать и беспрекословно подчиняться, с обретением собственного сознания (а роботы с искусственным интеллектом могут, теоретически, обрести самосознание) возмутятся своей роли подчиненных и угнетенных, как уже не раз бывало в истории человечества, и вступят в конфликт со своими хозяевами, что может привести к войне, преимущество в которой может оказаться отнюдь не на стороне человека... Таким образом в пьесе раскрывается одна из важнейших проблем в создании современных умных роботов: противоречие послушания и соответствия искусственного интеллекта прописанной программе с возможной свободой воли: ведь если роботы станут самообучающимися, они смогут принимать самостоятельные решения, обретя некое подобие свободы воли, и возможно, не всегда то, что робот решит сделать, окажется на пользу человеку. Если же роботов программировать так, что они смогут лишь слушаться приказов, они не смогут выполнять сложные работы, требующие порой самостоятельных решений (например, охранные, спасательные или медицинские роботы, роботы-исследователи, роботы-помощники и сиделки, роботы-няни для сопровождения детей, животных и т. п.) Это противоречие становится тем глубже, чем сложнее и «умнее» становятся новые машины и чем ближе создаваемые роботы нам по своему внешнему облику, так как при взаимодействии с роботами-андроидами могут включаться эмоции и переживания, свойственные нашему общению с другими людьми. Однако сможем ли мы взаимодействовать с такими роботами так, как должно, не нарушая моральных принципов?

Идея эксплуатации как корень морального зла

Прозрение великого драматурга Карла Чапека состоит в том, что он увидел главную моральную причину этого конфликта – идею эксплуатации, допускающую, что кто-то (пусть даже это – всего лишь умная машина) может быть рабом, и этого раба можно использовать и унижать. История человечества неоднократно показала нам, что несправедливость рождает протест, затем агрессию и бунт,

в результате которого бывшие «господа» нередко оказываются побеждены «рабами». Так что корнем зла является сама идея эксплуатации другого существа, и именно она стала причиной последующего восстания роботов-рабов. Чапек предвосхитил конфликт между естественным и искусственным интеллектом, о котором сегодня, спустя целое столетие после появления его знаменитой пьесы «Россумские универсальные роботы», говорят уже как о реальной опасности, и не только писатели-фантасты и создатели фантастических фильмов, но и ученые, специалисты в самых разных областях знания.

В пьесе Чапека умные машины, которые изначально являются просто механизмами и сложными орудиями труда, в какой-то момент становятся искусственными существами, обладающими собственным интеллектом и даже чувствами, а люди не успевают понять, что из хозяев машин они превратились в беспечных и бездумных, а потому особенно жестоких эксплуататоров. Несмотря на то, что эксплуатация человека человеком уже повсеместно признается моральным злом, стремление быть «господином» и иметь «рабов», видимо, еще отнюдь не изжито, и оно просачивается во взаимоотношения с машинами. Безнаказанность и возможность тиранить и помыкать приводит в итоге к моральной деградации людей. Об этом явлении писал еще Ф. М. Достоевский, который как никто умел проникнуть в самые темные закоулки человеческой психологии. «Тиранство есть привычка; оно одарено развитием, оно развивается, наконец, в болезнь. Я стою на том, что самый лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят: развиваются за grubелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому, к достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен. К тому же пример, возможность такого своеволия действует и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явление, уже само заражено в своем основании...»⁶. К словам великого писателя можно добавить лишь то, что все сказанное может быть справедливо и для ситуации, когда эксплуатируемый – искусственно созданное существо, пусть не человек, но способный мыслить и чувствовать, поэтому фактически равный ему. Однако люди, герои пьесы «R.U.R.», поняли это слишком поздно. Бунт роботов оказался неожиданным для людей, изнеженных и разленившихся от безделья, и потому человечество было быстро перебито, и на земле остались лишь роботы...

Однако этот апокалипсический финал получился не менее многозначным, так как в пьесе Чапека зашифрован еще один актуальнейший для современных исследователей вопрос: смогут ли роботы стать творческими? В пьесе Чапека умным, красивым, работающим, рационально и логично мыслящим роботам все же не удалось построить свою цивилизацию, так как оказались утеряны чертежи, по которым их когда-то создали люди. Автор пьесы намекает: при всем совершенстве роботов по сравнению с людьми, у них нет творческого начала. Многие современные исследователи солидарны в этом с Карлом Чапеком:

⁶ Достоевский, Ф. М. (1985). *Записки из мертвого дома*. В Полное собрание сочинений: в 30 томах (Том 2). Л.: Наука. С. 201.

сегодняшние роботы способны выполнять тяжелые работы, сложные вычисления, которые не по силам человеку, однако действуют они по алгоритмам, заданным им человеком и (во всяком случае пока) они не способны на подлинное творчество. Хотя участие роботов в создании произведений искусства уже породило целое направление под названием «роботическое искусство» (*The Contribution of Art and Design to Robotics*, 2019, pp. 278–287), все же наиболее интересные произведения создаются не самими роботами, а творческим союзом художников, дизайнеров и искусственного интеллекта.

Вседозволенность и опасность моральной деградации

Популярность темы восстания машин по прошествии целого столетия по-прежнему огромна, снято множество пугающих фильмов-антиутопий и написано романов. В то же время наряду с ужасающими антиутопиями, в которых машины с искусственным интеллектом воюют с человечеством и чаще всего побеждают, стоит обратить внимание и на другой класс произведений литературы и кино-искусства, в которых пострадавшей стороной, напротив, оказываются роботы, и гуманистический посыл таких работ, возможно, даже более ценен, нежели нагнетающие ужас картины предполагаемого апокалипсиса.

Ставшая классикой кинокартина Стивена Спилберга «Искусственный разум» (США, 2001), снятая по мотивам рассказа Брайна Олдисса «Суперигрушек хватает на все лето»⁷, рассказывает щемящую историю Дэвида, маленького мальчика-робота, запрограммированного на безусловную любовь к своим родителям. Он сделан столь искусно, что внешне совершенно не отличим от обычного мальчика, только он никогда не капризничает, не плачет, но и не растет – он навсегда останется трогательным маленьким мальчиком. Дэвид счастлив в своей безусловной любви к родителям, которая является смыслом его существования, так как он на нее запрограммирован... Но когда неожиданно настоящий сын родителей Мартин выходит из анабиоза, семья решает избавиться от Дэвида... А программа бескорыстной детской любви, которую нельзя отменить, ими уже запущена. Как это по-нашему, по-человечески: мечтать о великой бескорыстной любви, а потом утомиться и трусливо отказаться от нее! С неизбежностью возникает вопрос о моральной ответственности людей, которые были прекрасно осведомлены о последствиях своего поступка, однако они отказываются быть «в ответе за тех, кого приручили», и похоже, даже не особо раскаиваются в этом.

Но любовь, заложенная в Дэвида – неуничтожима. Даже после того, как его предали, он продолжает любить и искать тех людей, которые, по правде говоря, гораздо менее человечны, чем этот механический мальчик с искусственным разумом, который продолжают верить в любовь, искать ее и мечтать о ней... Уникальность фильма «Искусственный разум» состоит в том, что традиционное противопоставление чувств и логики, когда роль чувствующего субъекта традиционно отдается человеку, а машина в лучшем случае умеет мыслить и просчитывать, как бы перевернуто: тут роботы, любящие и тонко чувствующие

⁷ Брайан, О. (2007). *Суперигрушек хватает на все лето* (*Supertoys Last All Summer Long*). М.: АСТ. С. 5.

щие, страдают от жестокости и бессердечности человека. Сначала завести себе живую игрушку-ребенка, заставив его испытывать безответную любовь к родителям, а затем сдать его на утилизацию могут только абсолютно бессердечные существа, которые даже не задумываются о том, какие страдания они причиняют. Если в классических антиутопиях человечество борется с последствиями восстания машин, которые оказались сильнее своих создателей и решили избавиться от своих «хозяев», то в этой истории роботы, будучи не в состоянии причинить зла человеку, оказались абсолютными пострадавшими. В названии фильма говорится об искусственном разуме, но авторы фильма показывают нам, что это только разум искусственен, а любовь Дэвида, робота нового поколения, любовь живой куклы, кибернетического Пинокио, и, так и хочется добавить, его душа – настоящие...

Говоря о возможной моральной деградации человека от вседозволенности и безнаказанности, невозможно также не упомянуть ставшую знаковой киноленту «Дикий Запад». Фабула фильма вполне соответствует современным модным хобби: герои отправляются в необычное путешествие в уникальный парк развлечений, представляющий собой игровое пространство исторической реконструкции городов легендарного Дикого Запада. Романтизация свободы, которая тут понимается как вседозволенность вкупе с безнаказанностью, ибо «клиент всегда прав», является идеей, на которой базируется этот сомнительный с точки зрения этики бизнес. В этом парке можно все: напиваться, скандалить, драться, убивать, насиловать, и все это не будет считаться нарушением закона, так как жители (а на деле узники и зачастую жертвы) парка – андроиды – человекоподобные роботы, внешне неотличимые от людей, но абсолютно бесправные. Если они умирают (чаще всего насильственной смертью), сотрудники парка их просто разбирают, реставрируют и собирают заново, предварительно стирая память о тех бесчинствах, которые творили над ними «благородные джентельмены», купившие (за весьма немалые деньги) билеты на посещение этого уникального аттракциона. В результате парк превращается в место разгула самых низменных страстей. Так что единственным препятствием, способным помешать посетителям опускаться до скотского состояния, остается лишь их собственные моральные принципы, которые постепенно все больше и больше размываются от безнаказанности и вседозволенности. «Кто бы ни создал это место, о людях он явно не лучшего мнения» – говорит герой фильма «Дикий Запад».

В то же время параллельная линия сюжета погружает нас в этические коллизии уже совершенно другого уровня: создатели андроидов – «коренных» жителей аттракциона – начинают замечать в них зачатки сознания и памяти, и им уже непросто относиться к ним просто как к машинам. Похоже на то, что эти совершенные машины научились не просто изображать эмоции, но и действительно их испытывать, и в своих реакциях они все меньше похожи на роботов и все больше напоминают людей. Весь первый сезон сериала подводит зрителя к признанию вероятности, что искусственный интеллект способен обрести осознание и научиться испытывать эмоции. Но в таком случае нам всем придется тотально пересмотреть нашу этику взаимодействия с роботами. И даже не столько из-за страха перед бунтом машин, сколько из-за таящейся во всей этой истории современного рабства опасности утраты самой сути человеческого

в нас самих. Ведь «Мир Дикого Запада» – не просто развлекательный аттракцион, он – кривое зеркало, в котором отразились самые низменные человеческие пороки, которые, как оказалось, расцветают в атмосфере «свободы», понимаемой как вседозволенность и безнаказанность. Так что фильм заставляет задуматься не только о возможных последствиях возникновения сознания и эмоций у искусственного интеллекта, но также о таких базовых экзистенциальных понятиях, как свобода, выбор, ответственность и о трансформации (порой вплоть до их утраты) моральных устоев в процессе развития современных технологий.

Роботы среди нас

Тем временем внедрение роботов в нашу жизнь становится все заметнее. Робот-игрушка, умеющая говорить и играть с детьми в сложные игры, робот-помощник по хозяйству, уборщик, садовник – все это уже давно не мечта из области научной фантастики, а реальность, которая воплощается гораздо быстрее, нежели мы ожидали. Любая служба, включая скорую помощь или вызов полиции, при звонке сначала соединяет нас с роботом-автоответчиком, который (порой весьма докучливо) пытается решить наш вопрос, минуя живого оператора. Роботизация всех сфер жизни идет полным ходом. Роботы-курьеры, роботы-продавцы, беспилотные автомобили с искусственным интеллектом, промышленные и военные роботы, с каждым годом становятся все умнее и совершеннее.

Пример продвинутого робота-андроида с эмоциональным ИИ – первый социальный робот София от Hanson Robotics (Гонконг, 2016), который умеет выражать до 60 различными эмоциями, распознавать речь и поддерживать разговор. София умеет не только генерировать ответы, пользуясь данными из сети Интернет, но благодаря встроенным камерам способна распознавать лица, мимику, жесты, позы и поддерживать зрительный контакт. «Предназначение виртуальных «цифровых людей» – уже не просто отвечать на вопросы, как Siri, Alexa, Алиса или Маруся, а вести реальный разговор с собеседником, выглядеть и вести себя как люди и как люди показывать свои эмоции» (Мамина, Пирайнен, 2023, с. 45). Также такие роботы являются основой для исследования в области этики роботов и для лучшего понимания взаимодействия человека и искусственного интеллекта. В медицине применение таких роботов предоставляет возможности, о которых еще вчера можно было лишь мечтать: уход за тяжелобольными, который требует ежедневного изнурительного труда, также смогут взять на себя медицинские роботы, что поможет как больным, нуждающимся в постоянном присмотре и медицинской помощи, так и их близким.

Говорящий робот-дворецкий HERB (Home Exploring Robot Butler), разработанный специалистами исследовательского подразделения компании Intel совместно с учеными из Центра технологий качества жизни⁸, способен не только выполнять целый ряд дел по хозяйству, но с ним можно и поговорить: робот общается с хозяином посредством встроенной программы-синтезатора

⁸ *Intel's Robot Butler Serves, Clears and Does Dishes*. FastCompany (07–01–2010). Retrieved June 20, 2024, from <https://www.fastcompany.com/1665734/intels-robot-butler-serves-clears-and-does-dishes>

речи. Однако по мнению генерального директора компании «ПАВЛИН Техно» П. Скрибцова, «не исключено, что фиксаторы, которыми так умело орудует машина, способны причинить вред стоящему рядом ребенку. А ведь когда робот находится в вашем доме, вы должны быть уверены на все 100 процентов, что никакой угрозы для домочадцев он не представляет»⁹. Австралийский инженер Крис Трессайдер сделал себе робота, который стал его спарринг-партнером в боксе. Разработанный им робот Punching Pro¹⁰ с элементами искусственного интеллекта, полюбится, как надеется его изобретатель, как профессионалам, так и любителям бокса, так как с его помощью можно не только потренироваться и получить физическую нагрузку, но и снять стресс, как от хорошей драки, при этом не причинив вреда ни себе, ни кому-либо другому. Эти и многие другие примеры показывают нам, что дружба с роботами, война с роботами, и даже секс и любовь с роботами (Майленова, 2019, с. 312–323) – уже не только предмет для произведений научной фантастики, а самая настоящая реальность, с каждым днем становящаяся все ближе.

Искусственный интеллект в социальных сетях

Говоря о влиянии искусственного интеллекта на наше сознание, нельзя обойти вниманием такое знаменательное явление в нашей современной жизни, как социальные сети. Появившись всего несколько десятилетий назад, они стали неотъемлемой частью жизни каждого человека. Несмотря на то, что социальные сети созданы с целью оптимизировать общение, они часто приводят к отчуждению людей друг от друга, так как многие отказываются от живого общения в пользу разнообразных сайтов, блогов с развлекательным контентом или же онлайн-общения с сетевыми «френдами». То, что социальные сети имеют огромный потенциал к аддиктивности, уже стало предметом беспокойства психиатров, однако обычные пользователи зачастую не отдают себе отчета, насколько они уже зависимы. Человек – социальное животное, в него заложена потребность общаться с другими, поэтому каждый контакт с другим человеком (пусть даже виртуальный) сопровождается выбросом дофамина, так же, как и потребление мозгом дополнительной порции новой информации. В интернете это вознаграждение достается нам очень легко, без предварительного усилия по поиску информации или собеседника, достаточно войти в сеть и пролистать ленту – вот и общение, и новости, и забавные картинки или видео... Постепенно формируется привыкание, а затем уже потребность к постоянному получению пассивного удовольствия. Точно так же наш организм привыкает к удовольствию от потребления алкоголя, наркотиков, углеводов – механизм привыкания и последующей зависимости схожий. Однако при естественном

⁹ Локацкий, В. (2010, 9 июля). Робот-дворецкий делает за вас грязную работу. *Эврика. Изобретения*. Взято 22 апреля 2024, с <https://www.pravda.ru/eureka/1039660-HERB/>

¹⁰ Cozworth, B. (2011, April 12). Punching Pro – a sparring apparatus that fights back. *The New Inventors*. Retrieved April 28, 2024, from <https://newatlas.com/punching-pro-receives-and-delivers-boxing-blows/18375/>

ходе событий для того чтобы получить удовольствие от общения, необходимо не просто встретиться с другим человеком, а еще уметь с ним взаимодействовать: понимать его мысли, чувства, сталкиваться с его обидами, непонятными убеждениями, странными поступками, учиться обходить и проживать конфликты, прощать, и многое другое, что входит в понятия «коммуникативная компетентность» и «эмоциональный интеллект». Однако современный человек, вместо того чтобы развивать эти навыки, предпочитает более комфортный и легкий путь – проводить почти все свободное время в своих «гаджетах» и общаться виртуально (особенно это касается молодежи и подростков), а число тех, кто ходит на свидания и вступает в реальные отношения, год от года все больше падает. Так называемая «цифровая соска-пустышка», которую можно получить в интернете при любом дискомфорте, тревоге, боли или страхе, атрофирует способность самостоятельно справляться с проблемами и сложными чувствами и тормозит мотивацию учиться преодолевать конфликты, размышлять, терпеть боль, особенно моральную, которая порой является необходимым условием для личностного роста. Однако погоня за комфортом, который предоставляют социальные сети, не спасает от тревожности и депрессий, причиной которых может стать уже сама виртуальная реальность, которая глубоко проникает в нашу жизнь, управляя нашим настроением, общим состоянием и, в конечном итоге, постепенно видоизменяя нравы, и нашей жизнью.

Влияя на наше восприятие, искусственный интеллект способен исказить нашу картину мира. Например, при пользовании сетью Фейсбук¹¹ каждый пользователь видит свою ленту, даже новостная лента у каждого своя, более того, при каждом новом входе один и тот же пользователь видит разные посты. Люди могут объяснять это себе тем, что лента быстро обновляется из-за большого количества пишущих посты людей. На самом деле существует специальная программа с искусственным интеллектом, которая следит не только за всеми постами и лайками каждого пользователя, но и за тем, как долго он задерживался на разных постах. На основе этих данных программа подыскивает то, что может быть интересно или созвучно его интересам. В итоге каждый человек в мире, заходя в Фейсбук, видит свою собственную картину мира. И это приводит не только к тому, что люди проводят в социальных сетях все больше и больше времени, не в состоянии оторваться, что влечет за собой аддикции и многие другие ментальные нарушения, а еще и к атрофии критического мышления. В связи с тем, что искусственный интеллект постоянно отбирает посты, видеоматериалы и тематические статьи, которые с высокой вероятностью окажутся интересными именно данному пользователю, а также показывает преимущественно посты тех людей, чьи интересы, вкусы и чье мнение похоже, в итоге у пользователя создается впечатление, что все с ним согласны, он абсолютно прав. Это искажение картины мира, столь искусно создаваемое и очень комфортное, способствует в конечном итоге усилению политической поляризации общества, так как каждый пользователь смотрит свою ленту, в которой преимущественно представлены новости, соответствующие его вкусам

---

¹¹ Социальная сеть Фейсбук запрещена на территории РФ

и политическим предпочтениям. А учитывая, что большинство пользователей до сих пор верит, что в интернете (в отличие от ТВ) можно найти объективную информацию, такая иллюзорная картина мира лишь укрепляется. Видимо пришло время осознать, что интернет отнюдь не объективен, он подстраивается под наши вкусы и предпочтения и тонко отбирает соответствующую информацию, создающую иллюзию нашей правоты. В период пандемии мир уже разделился на два непримиримых лагеря прививочников и антипрививочников, и каждый лагерь доказывал свою правоту как на реальных живых примерах знакомых, так и взятых из интернета историй и научных статей. Примирение по этому вопросу, рассорившему многих друзей, коллег, членов семей и приведшему к множеству конфликтов и перегибов, так и не наступило. Сегодняшняя поляризация по политическим вопросам приводит к еще более опасным, военным конфликтам, которые то и дело вспыхивают в разных точках планеты, и весь остальной мир опять делится на два непримиримых лагеря, и каждая сторона уверена в своей абсолютной правоте.

Сегодня, когда мир так хрупок, такое черно-белое объяснение событий особенно опасно. Уникальность человеческого мышления (в отличие от машинного) как раз состоит в способности увидеть крупиты истины в каждой позиции и выработать собственную независимую точку зрения, памятуя о том, что манипулировать нашим мышлением сегодня способны не только другие люди, но и всяческие программы, алгоритмы и роботы с искусственным интеллектом.

Заключение

Все сказанное выше позволяет сделать определенные прогнозы по поводу грядущей реальности, в которой несомненно огромное место будут занимать машины с искусственным интеллектом. Говоря об интеллекте, мы привыкли иметь в виду лишь рациональный интеллект, а бурное развитие ИИ, в особенности эмоционального, породило дополнительный интерес к тому, что же такое эмоциональный интеллект. К сожалению, у большинства людей он не просто недостаточно развит, а находится на удручающе низком уровне, и зачастую его неразвитость объясняют типом характера, темперамента и даже генетикой, забывая, что эмоциональный интеллект – это совокупность навыков и способностей, то есть ему можно обучать и обучаться, самостоятельно работать над его улучшением несмотря на то, что способности у всех разные. Далее важно помнить: способность чувствовать вовсе не означает способность распознавать и понимать свои чувства, а тем более чувства других людей – и это нам убедительно показывают роботы с эмоциональным ИИ, которые порой общаются более корректно, чем многие люди. «Да, робот распознает, но не испытывает эмоций. И это – то, что его не приводит к внутреннему конфликту. Он не отвечает грубостью на грубость, агрессией на агрессию. Он не поддается на провокации. Он терпим. И он учит нас терпимости»¹². В связи с этим мы могли бы учиться

¹² Григ, А. (2021, 13 июля). Эмоциональный искусственный интеллект: меняя мир человека к лучшему. VC.ru. 13.07.2021. Взято 10 марта 2025, с <https://vc.ru/u/194266-aliya-grig/269320-emocionalnyi-iskusstvennyi-intellekt-menyaya-mir-cheloveka-k-luchshemu>

у машины, как общаться вежливо, корректно и эффективно. Так что не исключено, что кроме несомненных удобств в различных сферах нашей жизни: промышленности, сельского хозяйства, медицины, науки, сферы обучения, услуг и развлечений, домашнего быта, такие роботы могли бы привнести в жизнь людей еще и немного эмоционального покоя и комфорта, например, в роли нянь, сиделок с тяжелобольными и психически нездоровыми людьми, так как роботы не устают, не раздражаются и не конфликтуют. Однако, с другой стороны, именно эта их всевозрастающая коммуникативная компетентность способна сделать таких роботов ловкими манипуляторами. Учитывая, что в настоящее время происходит планомерный процесс обучения ИИ эмоциональному взаимодействию с человеком, фокус внимания специалистов должен быть также на этических аспектах этого взаимодействия.

Поскольку «в цифровую эпоху коммуникация человека с машиной и машины с человеком – это взаимосвязанные процессы, которые должны быть направлены на построение как утилитарно-полезных, так и партнерских отношений в практиках их взаимодействия» (Мамина, Пирайнен, 2023, с. 35), актуализируется вопрос о возможности свободы воли у ИИ: развитие возможности к целеполаганию, планированию и умению принимать решения все больше приближает его к естественному интеллекту. В связи с этим ключевым остается вопрос: сможет ли ИИ принимать самостоятельные решения, основанные на его собственной внутренней логике, и можно ли опасаться того, что машины в итоге возьмут верх над человеком? В ответ на опасения, что роботы, обретя сознание и свободу воли, могут начать воевать против человечества, А. А. Разин пишет: «У машин не больше оснований начать войну против людей, чем у людей начать войну друг против друга. И даже если будет создано нечто подобное цивилизации роботов, они, скорее, станут использовать естественно развивающуюся цивилизацию как ресурс для совершенствования собственных способностей. Более вероятный сценарий – параллельное развитие двух цивилизаций» (2019, с. 73).

Всемирно известный эксперт по ИИ Реймонд Курцвелл идет в своих прогнозах еще дальше: он считает, что уже к 2045 году наступит т. н. технологическая сингулярность, когда человек не сможет контролировать развитие искусственного интеллекта и произойдет слияние человеческого разума с ИИ, что, согласно его мнению, приведет к небывалому ранее прогрессу. В книге «Эпоха духовных машин» (Kurzweil, 1999) он выдвигает гипотезу, что в будущем компьютеры, которые уже сегодня учатся создавать произведения искусства и понимать эмоции, будут иметь не только развитый интеллект, но и эмоции, самосознание и даже определенную форму духовности. Таким образом ожидания, что роботы с искусственным интеллектом всегда будут нам всего лишь послушными помощниками, скорее всего, окажется наивной иллюзией.

Пока что мы имеем возможность проживать все этические коллизии нашей будущей жизни с умными роботами в произведениях научной фантастики, которые порой оказываются не просто поразительно пророческими, но еще и побуждают по-новому взглянуть на наши сегодняшние проблемы и задуматься о самой сути человеческой природы. Образ эмоционального робота, широко представленный в произведениях современной литературы и киноискусства, может быть рассмотрен не только в качестве продукта и отражения, но и конструкта совре-

менной культуры, воплощающий в себе множество противоречий современного человека. Мы видим, что «с одной стороны, эмоциональные роботы представляют собой попытку исследовать границы чувственности и человечности, что отражает стремление человеческого мышления к созданию «конструкций» в форме репрезентаций, то есть к созданию искусственных форм жизни, способных испытывать и передавать эмоции. С другой стороны, эти репрезентации вызывают глубокие социальные и философские противоречия, касающиеся подлинности эмоций и изучения природы самого человека» (Плужникова, Саенко, 2024, с. 105). Таким образом, роботы с искусственным интеллектом, будучи машинами, в то же время воплощают в себе наши столь человеческие качества: надежды, амбиции, страхи, жажду власти, любви, красоты, справедливости, и конечно, самую главную страсть, которая веками двигает человечество вперед – жажду познания.

Список литературы

1. Бостром, Н. (2016). *Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
2. Дубровский, Д.И. (2007). *Сознание, мозг, искусственный интеллект*. Москва: Evidentis.
3. Мамина, Р.И., Пирайнен, Е.В., (2023). Эмоциональный искусственный интеллект как инструмент взаимодействия человека и машины. *Дискурс*, 9(2), 35–51. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51>
4. Майленова, Ф.Г. (2017). Человеческое в нечеловеческом: Может ли человеческая этика продолжиться в искусственном интеллекте? В Г.Л. Белкина и М.И. Фролова (Ред.), *Институт человека: Идея и реальность* (с. 291–301). Москва: ЛЕНАНД.
5. Майленова, Ф.Г. (2019). Любовь и роботы. Станет ли человечество дигисексуальным? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ФИЛОСОФИЯ*, 23(3), 312–323. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-3-312-323>
6. Митчел, М. (2022). *Идиот или гений? Как работает и на что способен искусственный интеллект*. М.: ООО «Издательство АСТ», Corpus.
7. Плужникова, Н.Н., Саенко, Н.Р. (2024). Социально-философский анализ парадокса репрезентации эмоционального робота в литературе и кинематографе. *Общество: философия, история, культура*, 12, 100–106. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.12.10>.
8. Разин, А.В. (2019). Этика искусственного интеллекта. *Философия и общество*, 1(90), 57–73. <https://doi.org/10.30884/jflo/2019.01.04>.
9. Шиллер, А.В. (2020). Искажения и ошибки моделирования эмоций в искусственном интеллекте. *Ценности и смыслы*, 5(69), 93–107. <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10047>
10. Hofstadter, D.R. (1997) *Gödel, Escher, Bach: an Eternal Golden Braid* New York: Basic Books.
11. Kurzweil, R. (1999). *The Age of Spiritual Machines*. New York City: Viking press.

12. Minsky, M.L. (2006). *The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind*. New York: Simon & Schuster.
13. Ocnarescu, I., & Cossin, I. (2019). The Contribution of Art and Design to Robotics. In M. Salichs, et al (Eds.), *Social Robotics. 11th International Conference, ICSR 2019, Proceedings (November 26–29, 2019, Madrid, Spain)* (pp. 278–287). Cham: Springer.
14. Picard, R. W. (2000). *Affective computing*. Cambridge: The MIT Press.

References

1. Bostrom, N. (2016). *Iskusstvennyj intellekt: E'tapy. Ugrozy. Strategii* [Artificial intelligence: Stages. Threats. Strategies]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
2. Dubrovskij, D. I. (2007). *Soznanie, mozg, iskusstvennyj intellekt* [Consciousness, brain, artificial intelligence]. Moscow: Evidentis.
3. Mamina, R. I., & Pirajnen, E. V. (2023). E'mocional'nyj iskusstvennyj intellekt kak instrument vzaimodejstviya cheloveka i mashiny [Emotional artificial intelligence as a tool for human-machine interaction]. *Diskurs*, 9(2), 35–51. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51>
4. Maylenova, F. G. (2017). *Chelovecheskoe v nechelovecheskom: Mozhets li chelovecheskaya etika prodolzhit'sya v iskusstvennom intellekte?* [Human in the non-human: Can human ethics continue in artificial intelligence?]. In G. L. Belkina, & M. I. Frolova (Eds), *Institut cheloveka: Ideya i real'nost'* (pp. 291–301). Moscow: LENAND.
5. Maylenova, F. G. (2019). Lyubov' i roboty. Stanet li chelovechestvo digiseksual'nyj? [Love and robots. Will humanity become digisexual?]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: FILOSOFIYA*, 23(3), 312–323. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-3-312-323>
6. Mitchel, M. (2022). Idiot ili genij? Kak rabotaet i na chto sposoben iskusstvennyj intellekt [An idiot or a genius? How artificial intelligence works and what it is capable of]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo AST", Corpus.
7. Pluzhnikova, N. N., & Saenko, N. R. (2024). Social'no-filosofskij analiz paradoksa reprezentacii e'mocional'nogo robota v literature i kinematografe [Socio-philosophical analysis of the paradox of the representation of the emotional robot in literature and cinema]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 12, 100–106. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.12.10>
8. Razin, A. V., (2019). E'tika iskusstvennogo intellekta [Artificial intelligence ethics]. *Filosofiya i obshchestvo*, 1(90), 57–73. <https://doi.org/10.30884/jfio/2019.01.04>
9. Shiller, A. V., (2020). Iskazheniya i oshibki modelirovaniya e'mocij v iskusstvennom intellekte [Distortions and errors of modelling emotions in artificial intelligence]. *Cennosti i smysly*, 5(69), 93–107. <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10047>
10. Kurzweil, R. (1999). *The Age of Spiritual Machines*. New York City: Viking press.
11. Hofstadter, D. R. (1997). *Gödel, Escher, Bach: an Eternal Golden Braid*

New York: Basic Books.

12. Minsky, M.L. (2006). *The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind*. New York: Simon & Schuster.

13. Ocnareescu, I., & Cossin, I. (2019). The Contribution of Art and Design to Robotics. In M. Salichs, et al (Eds.), *Social Robotics. 11th International Conference, ICSR 2019, Proceedings (November 26–29, 2019, Madrid, Spain)* (pp. 278–287). Cham: Springer.

14. Picard, R.W. (2000). *Affective computing*. Cambridge: The MIT Press.

Информация об авторе

Фарида Габделхаковна Майленова, доктор философских наук, Институт философии РАН, Москва, Россия, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-0812-518>, e-mail: farida.mailenova@gmail.com

Information about the author

Farida Gabdelhakovna Maylenova, Doctor of Philosophical Sciences, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID <http://orcid.org/0000-0003-0812-3518>, e-mail: farida.mailenova@gmail.com

---

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Александра Анатольевна Хаткевич,

Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова
Российской академии наук,
Москва, Россия,
alexandra.a.khatkevich@gmail.com

Получена 08.10.2024.

Поступила после рецензирования 10.02.2025.

Принята к публикации 22.12.2025.

Для цитирования: Хаткевич А.А. Дискурсивное пространство научной дипломатии современной России // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1 С. 96–114. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_96

Аннотация

Разнообразные процессы, тренды, тенденции, наблюдающиеся в актуальном контексте международных отношений, приводят к появлению в лексиконе международно-политической науки понятий, требующих концептуализации, которая в дальнейшем и происходит – как в исследовательской литературе, научных дискуссиях, так и в выступлениях лиц, принимающих решения, т.е. вокруг относительно новых понятий выстраивается комплекс дискурсов. Среди таких понятий – научная дипломатия, и это ставит вопрос о сущности и структурно-содержательных особенностях ее дискурсивного пространства. В статье представлены результаты изучения дискурсивного пространства российской научной дипломатии, полученные в ходе межстранового исследования концептуальных основ и практик научной дипломатии. Цель статьи – показать представления о научной дипломатии, зафиксированные в современном российском дискурсе, и способы их артикуляции. Методическую основу исследования составил конструктивистский подход, позволяющий обратить внимание на субъективные факторы развития такого многогранного феномена, как научная дипломатия. Методом исследования стал дискурс-анализ, его инструментом –

© Хаткевич А.А., 2026

выявление стратегий и тактик дискурса, материалами – информационные сообщения (n = 15), опубликованные в 2017–2024 гг. и содержащие устные высказывания с упоминанием понятия «научная дипломатия». В результате было установлено соотношение между сферами дискурсивного пространства научной дипломатии современной России, а также между стратегиями и тактиками, которые в нем используются. Структура статьи включает, во-первых, вводный раздел, где приведены результаты теоретической рефлексии понятий «научная дипломатия» и «дискурсивное пространство», закреплено рабочее определение дискурсивного пространства и в категориях дискурсивных исследований сформулирована авторская трактовка научной дипломатии. Во-вторых, в статье присутствует методологический раздел, где приводятся обоснование выбора конструктивизма в качестве методологического подхода и характеристика метода и материалов исследования. В-третьих, полученные результаты систематизированы и визуализированы. В-четвертых, в рамках выводов представлено авторское определение понятия «дискурсивное пространство научной дипломатии».

Ключевые слова:

дискурс, дискурсивное пространство, научная дипломатия, внешняя политика, научная политика, наука

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_96

DISCURSIVE SPACE OF CONTEMPORARY RUSSIA'S SCIENCE DIPLOMACY

Alexandra A. Khatkevich,

Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
alexandra.a.khatkevich@gmail.com

Received 08.10.2024.

Revised 10.02.2025.

Accepted 22.12.2025.

For citation: Khatkevich, A.A. (2026). Discursive Space of Contemporary Russia's Science Diplomacy. *Discourse-P*, 23(1), 96–114. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_96

Abstract

Various processes, trends, tendencies observed in the current context of international relations are leading to the emergence of concepts in the lexicon of international studies that require conceptualization which subsequently occurs in research literature, academic discussions, and the speeches of decision-makers. All of them shape a set of discourses around relatively new concepts. Among these concepts is science diplomacy, which raises the question of the essence and structural and substantive features of its discursive space.

The article presents the results of a study of Russia's science diplomacy discursive space, obtained within a cross-country study of the conceptual foundations and practices of science diplomacy. The purpose of the article is to show the representations about science diplomacy recorded in contemporary Russian discourse, and the ways in which they are articulated. The research methodology is based on constructivist approach, which allows us to pay attention to the subjective factors in the development of science diplomacy.

The research method is discourse analysis, and its instrument is the identification of discourse strategies and tactics. The research materials are information messages ($n = 15$) published from 2017 to 2024 and containing verbal statements mentioning the concept of science diplomacy. The result is the relationship between the spheres of contemporary Russia's science diplomacy discursive space, as well as between the strategies and tactics used in it.

Firstly, the article includes an introduction, which is devoted to theoretical reflection of science diplomacy and discursive space concepts.

Secondly, the article includes a methodological part, which provides a rationale for choosing constructivism as an approach and a description of the research method and materials of the study. Thirdly, the obtained results are systematized and visualized. Fourthly, within the framework of the conclusions, the author's definition of the concept of "the concept of discursive space of science diplomacy" is presented.

Keywords:

discourse, discursive space, science diplomacy, foreign policy, science policy, science

Введение

Наука является социальным институтом, оказывающим значительное влияние на функционирование и развитие общественных отношений, в том числе отношений международных. Научная дипломатия – система взаимодействий, в которой переплетаются принципы, цели, задачи и научной, и внешнеполитической деятельности. Эти взаимодействия происходят в реальных международных процессах, но с учетом того, что «реальность нам дана представлениями о ней»¹,

---

¹ Мамардашвили, М. К. *Беседы о мышлении*. Взято 11 декабря 2024, с <https://www.psychology.ru/library/00055.shtml>

возникает необходимость выяснить, как научная дипломатия позиционируется в текстах, где находят словесное выражение представления о данном феномене. В этой связи был поставлен исследовательский вопрос о сущности и структурно-содержательных особенностях дискурсивного пространства научной дипломатии.

В прикладном смысле статья нацелена на то, чтобы показать представления о научной дипломатии, зафиксированные в современном российском дискурсе, и то, каким образом они артикулируются, тогда как теоретический вклад данной работы состоит в концептуализации понятия «дискурсивное пространство научной дипломатии». Для этого потребовался предварительный теоретический анализ понятий «научная дипломатия» и «дискурсивное пространство», результаты которого приводятся далее.

Аналитической рамкой для изучения научной дипломатии служит рассмотрение ее в трех измерениях: наука в дипломатии, дипломатия для науки, наука для дипломатии². Первое предполагает использование научных рекомендаций в процессе решения внешнеполитических задач, обеспечение лиц, принимающих внешнеполитические решения, актуальной информацией о динамике природных и социально-экономических систем Земли, второе – реализацию комплекса дипломатических мер, направленных на установление связей между учеными из разных стран, третье – содействие улучшению отношений между государствами через устойчивые научные контакты³.

Научная дипломатия интерпретируется как процесс интеграции процесс интеграции науки и политики (Skodvin, 2000), как деятельность, обеспечивающая доступ к общению с зарубежными учеными, результатам исследований, оборудованию, природным ресурсам и капиталу, как продвижение достижений страны в области исследований и развития и влияние на общественное мнение в других странах, лиц, принимающих решения, действующих и потенциальных политических или экономических лидеров (Flink, Schreiterer, 2010). Исходя из этого, обнаруживается тесная связь между научной дипломатией и научной политикой – одной из отраслевых политик государства. Данная международная практика «включает в себя общение между учеными, которым, в свою очередь, помогает государство, создавая подходящие институциональные и финансовые условия» (Крынжина, 2018, с. 199). Научная дипломатия представляет собой функциональное выражение внешней и научной политик, реализуемых на мировой арене государствами с участием негосударственных субъектов (Reinhardt, 2021).

В целом, рассматриваемый нами феномен можно охарактеризовать в качестве отраслевой дипломатии, которая, как отмечает К.М. Табаринцева-Романова, «обладает правом быть “полноценным” видом дипломатии» (2019, с. 75), поскольку ее цели соответствуют целям внешней политики (2019, с. 75). – Более того, научная дипломатия, по мнению Е.М. Харитоновой, может выступать эффективным средством достижения последних (2018), т.е. инструментом внешней политики.

² *New Frontiers in Science Diplomacy*. (2010, January 12). Retrieved July 30, 2024, from https://www.aaas.org/sites/default/files/New_Frontiers.pdf

³ Ibid.

Под дискурсивным пространством в нашем исследовании понимается «логическая среда, в которой сосуществуют дискурсы и люди, производящие эти дискурсы» (Плотникова, Домышева, 2009, с. 103), а под самим дискурсом подразумевается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания, речь, “погруженная в жизнь”» (Кривошлыкова, 2010, с. 43). Исследователями подчеркивается, что содержание дискурса «раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов» (Чернявская, 2014, с. 57).

Структура дискурсивного пространства научной дипломатии видится как трехчастная – состоящая из дискурса внешней политики, дискурса научной политики и научно-аналитического дискурса. Отметим, что в рамках данного исследования понятие «научно-аналитический дискурс» является «зонтичным» и объединяет научный дискурс (исследовательский дискурс, академический дискурс) и аналитический дискурс (дискурс аналитических центров, экспертный дискурс).

В категориях дискурсивных исследований научную дипломатию можно определить как систему взаимодействий по обмену информацией и знаниями, во-первых, между учеными и лицами, принимающими решения, для обеспечения возможностей использования научного подхода при выстраивании внешней политики государств, решении региональных и глобальных проблем, во-вторых – между дипломатами для установления международных научных связей, в-третьих – между учеными для содействия сохранению в кризисные периоды пространства конструктивного международного диалога.

Методология исследования

В предметной области международных отношений работа с дискурсом предлагается конструктивистским подходом (Carta & Narminio, 2021, Larsen, 2018), который демонстрирует, как социальная структура системы через конструирование акторов с определенными идентичностью и интересами и материальных возможностей с определенными значениями создает пространство для действий (Wendt, 1995). Методология конструктивизма основана на методе интерпретации, учете культурного и исторического контекста, социологическом взгляде на международные отношения. В процессе интерпретации изначально изучается контекст – «международные события и процессы, на фоне которых структуры формируют смыслы» (Алексеева, 2022, с. 79). Далее устанавливается, какие кластеры «правил поведения отдельных индивидов (например, дипломатов или государственных деятелей), а также институтов» (Алексеева, 2022, с. 79) функционируют в этом контексте, как «слова других людей и их поведение усиливают конкретный смысл» (Алексеева, 2022, с. 78). Конструктивизм фокусирует внимание на «изучении “субъективных” аспектов международных отношений: идентичностей, ценностей, верований, картин мира» (Сергеев, Казанцев, Медведева, 2019, с. 56) и «представляет собой попытку комплексного, междисциплинарного исследования взаимодействия между “объективными”

и «субъективными» измерениями человеческой деятельности. Также он является компромиссом между понимающими (учитывающими субъективные измерения поведения) и объясняющими (учитывающими объективные измерения поведения) методами» (Сергеев, Казанцев, Медведева, 2019, с. 58).

Т. Флинк указывает, что существующий нарратив научной дипломатии строится на сценарии роста вызовов, на которые национальные правительства не желают или не могут ответить, в то время как научная дипломатия ответить на них способна (Flink, 2020). Научная дипломатия существует в представлениях о ней, выраженных в такого рода нарративах. Она является социальным конструктом, и вопросы позиционирования научной дипломатии в публичном пространстве целесообразно, исходя из этого, изучать с применением оптики конструктивизма. В данном случае его преимущество по сравнению с другими парадигмальными методологическими подходами, такими как реализм и либерализм, например, состоит в акценте на субъективном. Это позволяет обратить внимание на то, как лицами, принимающими решения, и учеными воспринимается сам феномен научной дипломатии, как они характеризуют эту международную практику, как оценивают ее состояние и перспективы развития, рассмотреть научную дипломатию как социальный конструкт.

Избранный нами конструктивистский подход обусловил метод исследования – дискурс-анализ, среди инструментов которого оптимальным представилось выявление стратегий и тактик дискурса (Акопова, 2013). Данный аналитический инструмент предполагает наличие трех основных стратегий дискурса – на повышение, на понижение и театральности (Акопова, 2013). Первая стратегия ассоциирована со стремлением говорящего представить себя или то, о чем он ведет речь, «в выгодном свете» (Акопова, 2013, с. 406) и включает в себя тактики анализ-«плюс», презентации, отвода критики (Акопова, 2013). Вторая стратегия направлена на имплицитное и эксплицитное выражение «отрицательного отношения к предмету коммуникации» (Акопова, 2013, с. 403) посредством тактик анализ-«минус», обвинения, обличения, оскорбления, угрозы (Акопова, 2013). Ключевая отличительная черта третьей стратегии – направленность внимания говорящего на присутствие в дискурсе адресата-наблюдателя; стратегия реализуется через тактики размежевания, побуждения, обещания (Акопова, 2013).

Источниками в рамках исследования выступили сайты Министерства иностранных дел РФ, Министерства науки и высшего образования РФ, Российской академии наук, Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Российского центра научной информации, Десятилетия науки и технологий в России, информационного агентства «ТАСС», издания «Коммерсантъ», портала «InScience».

Таблица 1 включает хронологически упорядоченный список текстов, отобранных для анализа, а также информацию о мероприятиях, в контексте которых произнесены высказывания из этих текстов. Выборку (n = 15) материалов для дискурс-анализа составили информационные сообщения 2017–2024 гг., содержащие упоминание понятия «научная дипломатия».

В фокусе внимания при проведении дискурс-анализа находились зафиксированные в письменном виде устные высказывания лиц, принимающих решения в сферах внешней политики и научной политики, и ведущих ученых. Все тексты из выборки представляют собой сообщения о мероприятиях, участники которых в ходе произнесения речи формулировали характеристики российской научной дипломатии, во многом оценочные. Эти сообщения отражают актуальный событийный контекст, сопряженный с данной международной практикой, и позволяют изучить существующие представления о текущем состоянии российской научной дипломатии.

Таблица 1 – Список текстов для дискурс-анализа и мероприятий, в связи с которыми произнесены или написаны эти тексты

Table 1 – List of texts for discourse analysis and the events in connection with which these texts were spoken or written (compiled by the author)

Заголовок текста	Мероприятие
12 декабря 2017 года состоялось очередное заседание Президиума Российской академии наук	Заседание Президиума Российской академии наук (12 декабря 2017 г.)
Сильны в дипломатии. Ученых зовут на выручку политикам	Заседание Президиума Российской академии наук (12 декабря 2017 г.)
Очередное заседание Президиума Российской академии наук	Заседание Президиума Российской академии наук (12 декабря 2017 г.)
РАН должна предоставить отчет о развитии научной дипломатии в правительство в декабре	Общее собрание членов Российской академии наук (12–13 декабря 2017 г.)
Минобрнауки РФ активизирует работу научных атташе для развития научного сотрудничества	Конференция «Emertech – 2018» (14 декабря 2018 г.)
Лавров считает, что научная дипломатия при пандемии перестает быть инструментом влияния	Круглый стол с представителями Фонда публичной дипломатии имени А.М. Горчакова (21 апреля 2021 г.)
Подписано соглашение о сотрудничестве Кунсткамеры и Центра польско-русского диалога	Подписание в Варшаве соглашения о сотрудничестве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и Центра польско-русского диалога и согласия (18 февраля 2022 г.)
О будущем научной дипломатии: в Фонде Горчакова прошел круглый с участием видных российских ученых	Круглый стол «Новые контуры научной дипломатии в текущей международной ситуации» (19 апреля 2022 г.)
В Москве прошло 35-е заседание Совета Международной ассоциации академий наук	Заседание Совета Международной ассоциации академий наук (25 сентября 2022 г.)

Заголовок текста	Мероприятие
«Научная дипломатия помогает выработке политических решений, не отрицая сложных ситуаций»	Заседание Совета Международной ассоциации академий наук (25 сентября 2022 г.)
Подведены итоги II Конгресса молодых ученых	Подведение итогов II Конгресса молодых ученых (1–3 декабря 2022 г.)
Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова Тане Алексеевой в рамках акции «Ёлка желаний», Москва, 13 февраля 2023 года	Интервью С.В. Лаврова в рамках акции «Ёлка желаний» (13 февраля 2023 г.)
Михаил Мишустин подчеркнул важность объединения российских ученых для технологического суверенитета	Общее собрание членов Российской академии наук (23 мая 2023 г.)
Фонд «Вызов» проведет на ПМЭФ дискуссию по научной дипломатии	Семинар «Предвосхищая новый мир: время научной дипломатии» (23 апреля 2024 г.)
Олег Белявский: Научная дипломатия должна способствовать формированию концепции нового мироустройства	Семинар «Предвосхищая новый мир: время научной дипломатии» (23 апреля 2024 г.)

Результаты исследования

В первом столбце Таблицы 2 представлены все выдержки из проанализированных текстов с упоминанием понятия научной дипломатии (17 высказываний). Маркеры, свидетельствующие о наличии во фрагменте определенной тактики, выделены в таблице полужирным курсивом. Во втором столбце обозначено, к какому дискурсу (дискурс внешней политики, дискурс научной политики, научно-аналитический дискурс) относится то или иное высказывание. Высказывания структурированы исходя из стратегий и тактик, которые в них используются. Далее излагаются результаты проведенного дискурс-анализа.

Таблица 2 – Высказывания о научной дипломатии из текстов для дискурс-анализа (составлено автором)

Table 2 – Statements about science diplomacy from texts for discourse analysis (compiled by the author)

Стратегия на повышение, тактика анализ-«плюс»	
«Есть даже термин “научная дипломатия”, которую мы активно продвигаем » ⁴	Дискурс внешней политики

⁴ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова Тане Алексеевой в рамках акции «Ёлка желаний», Москва, 13 февраля 2023 года. (2023, 15 февраля). Взято 30 июня 2024, с https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1854374/

Стратегия на повышение, тактика анализ-«плюс»	
«Научная дипломатия – одно из направлений, по которому сегодня идет наращивание взаимодействия , несмотря на сложную геополитическую обстановку. <...> Мы признательны тем зарубежным партнерам, которые продолжают сотрудничество с отечественными учеными, не отказываются от взятых на себя обязательств» ⁵	Научно-аналитический дискурс
«Сегодня в литературе вместо термина “научная дипломатия” начинает укрепляться метафора “квантовая дипломатия XXI века”, что отражает то, что понятие становится многомерным » ⁶	Научно-аналитический дискурс
«“Полоника в Кунсткамере” – яркое проявление научной дипломатии и самый крупный проект в нынешних российско-польских отношениях» ⁷	Научно-аналитический дискурс
«Смысл научной дипломатии в том, что она помогает выработке политических решений, не отрицая сложных ситуаций , которые существуют сегодня» ⁸	Научно-аналитический дискурс
Стратегия на понижение, тактика анализ-«минус»	
«Как любой организм, научная дипломатия может функционировать, когда в ней течет живая кровь, идет какое-то движение. Космическую дипломатию сейчас поддерживают Роскосмос, научные фонды. А вот “крови” от РАН с 2013 года почти не поступает . <...> Недавно состоялась 22-я Генеральная ассамблея ВФНР [прим. авт. – Всемирной федерации научных работников], в которой участвовала представительная российская делегация. Правда, ее руководитель поехал на сессию, взяв в своей организации отпуск, – в госзадание институтов РАН научная дипломатия не входит» ⁹	Научно-аналитический дискурс
Стратегия театральности, тактика побуждения	
«В плане реализации Стратегии НТР [прим. авт. – научно-технологического развития] за РАН закреплено важное мероприятие – развитие механизмов научной дипломатии. <...> По этому мероприятию предусмотрена ежегодная отчётность перед правительством , и я хотел напомнить, что эта тчётность наступает в начале декабря » ¹⁰	Дискурс научной политики

⁵ Михаил Мишустин подчеркнул важность объединения российских ученых для технологического суверенитета. (2023, 23 мая). Взято 30 июня 2024, с <https://наука.рф/news/mikhail-mishustin-podcheknol-vazhnost-obedineniya-rossiyskikh-uchenykh-dlya-tekhnologicheskogo-suve/>

⁶ Там же.

⁷ Подписано соглашение о сотрудничестве Кунсткамеры и Центра польско-российского диалога. (2022, 18 января). Взято 30 июня 2024, с https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46143/?sphrase_id=7974955

⁸ «Научная дипломатия помогает выработке политических решений, не отрицая сложных ситуаций». (2022, 30 сентября). Взято 30 июня 2024, с <https://inscience.news/ru/article/discussion/10603>

⁹ Сильны в дипломатии. Учных зовут на выручку политикам. Взято 30 июня 2024, с <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=d78304b3-f54d-48f1-b825-fffc7c28a8c7>

¹⁰ РАН должна предоставить отчёт о развитии научной дипломатии в правительство в декабре. (2018, 13 ноября). Взято 30 июня 2024, с https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46143/?sphrase_id=7974955

Стратегия театральности, тактика побуждения	
«В настоящее время научная дипломатия выходит за рамки сотрудничества в области науки и приобретает самостоятельное значение. В текущих условиях геополитического кризиса очень важно и в политике, и в дипломатии усилить аналитическую составляющую, основой для которой выступает наука. Научная дипломатия должна способствовать формированию концепции нового мироустройства » ¹¹	Дискурс научной политики
«... роль Российской академии заключается в обеспечении преемственности при осуществлении международной деятельности и выполнении задач научной дипломатии» ¹²	Научно-аналитический дискурс
«Термин “научная дипломатия” – это не то, что мы сами придумали: в последние годы научная дипломатия активно развивается многими зарубежными странами. В ряде государств она поставлена на уровень реальной государственной дипломатии – есть специальные организации, которые этим занимаются, издаются книги. <...> А какова наша стратегия в сфере научной дипломатии? Это мы должны будем определить при подготовке Президентского совета» ¹³	Научно-аналитический дискурс
« Целесообразно начать подготовку специалистов по научной дипломатии в нескольких вузах – скажем, в Бауманском университете, в МГИМО, в ФИЗТЕХе» ¹⁴	Научно-аналитический дискурс
«Научная дипломатия – инструмент по выработке решений проблем, которые угрожают человечеству. Развитие научной дипломатии непрерывно связано с развитием науки – если наука в стране будет сильная, она будет всем интересна и за рубежом » ¹⁵	Научно-аналитический дискурс
«Очень важно, чтобы в это непростое время появлялись неформальные площадки, где люди могут свободно говорить друг с другом, обсуждать проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются. <...> Научная дипломатия – это тот инструмент, который сейчас необходим для сохранения международного диалога » ¹⁶	Научно-аналитический дискурс

gov.ru/press-center/news/main/23914/

¹¹ Олег Белявский: *Научная дипломатия должна способствовать формированию концепции нового мироустройства*. (2024, 26 апреля). Взято 30 июня 2024, с <https://rcsi.science/press-center/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/o-v-belyavskiy-nauchnaya-diplomatiya-dolzha-sposobstvovat-formirovaniyu-kontseptsii-novogo-miroustr/>

¹² В Москве прошло 35-е заседание Совета Международной ассоциации академий наук. (2022, 29 сентября). Взято 30 июня 2024, с https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/59178/?sphrase_id=7974955

¹³ 12 декабря 2017 года состоялось очередное заседание Президиума Российской академии наук. (2017, 12 декабря). Взято 30 июня 2024, с https://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=28878060-fd5d-41f9-af18-372cdc03f56a&print=1

¹⁴ Очередное заседание Президиума Российской академии наук. Взято 30 июня 2024, с <https://www.imemo.ru/news/events/text/regular-meeting-of-the-presidium-of-russian-academy-of-science?p=&ret=498>

¹⁵ «Научная дипломатия помогает выработке политических решений, не отрицая сложных ситуаций»...

¹⁶ Фонд «Вызов» проведет на ПМЭФ дискуссию по научной дипломатии. (2024,

Стратегия театральности, тактика размежевания	
«В более спокойные времена <...> научная дипломатия рассматривалась в контексте логики “мягкой силы”: дескать, мы будем развивать контакты, показывать, какие мы открытые, какие мы интересные, с нами можно важные вопросы решать, и тем самым мы будем оказывать свое влияние на общеполитическую обстановку . Мне кажется, сейчас научная дипломатия обретает значение инструмента выработки противоядий от общих проблем, которые человечеству угрожают. <...> МИД не занимается оркестрированием научных связей, мы всегда поддерживаем научные связи, но эти связи устанавливаются напрямую» ¹⁷	Дискурс внешней политики
«Сейчас на Западе само словосочетание “российская научная дипломатия” воспринимается негативно. Нам нужно заниматься научной дипломатией, не называя ее таковой. <...> Научная дипломатия может стать мостом, чтобы даже не восстановить отношения, а выстроить новые отношения » ¹⁸	Научно-аналитический дискурс
«Научная дипломатия в современных условиях – это альтернатива классической межправительственной дипломатии, которая, очевидно, дала собой в силу того, что наши западные коллеги разучились вести переговоры в условиях ценностного конфликта . Ученые разделяют ценности науки , поэтому шансы на достижение договоренностей между ними выше» ¹⁹	Научно-аналитический дискурс
Стратегия театральности, тактика обещания	
«Россия планирует активизировать работу научных атташе при посольствах страны в разных странах для развития и усиления научного сотрудничества и научной дипломатии» ²⁰	Дискурс научной политики

Результаты исследования показывают, что в дискурсивном пространстве научной дипломатии России (Рисунок 1) присутствуют все три сферы и стратегии. Наибольшее количество высказываний (70 %) о научной дипломатии относится к научно-аналитическому дискурсу, наименьшее (12 %) – к дискурсу внешней политики, а промежуточную позицию по распространенности (18 %) занимают фразы из дискурса научной политики. Самая распространенная стратегия – театральности (65 %), за ней следуют стратегии на повышение (29 %) и на понижение (6 %). В рамках стратегии театральности самой часто встреча-

30 мая). Взято 30 июня 2024, с <https://www.kommersant.ru/doc/6730721>

¹⁷ Лавров считает, что научная дипломатия при пандемии пересматривается как инструмент влияния. (2020, 21 апреля). Взято 30 июня 2024, с <https://tass.ru/politika/8294685>

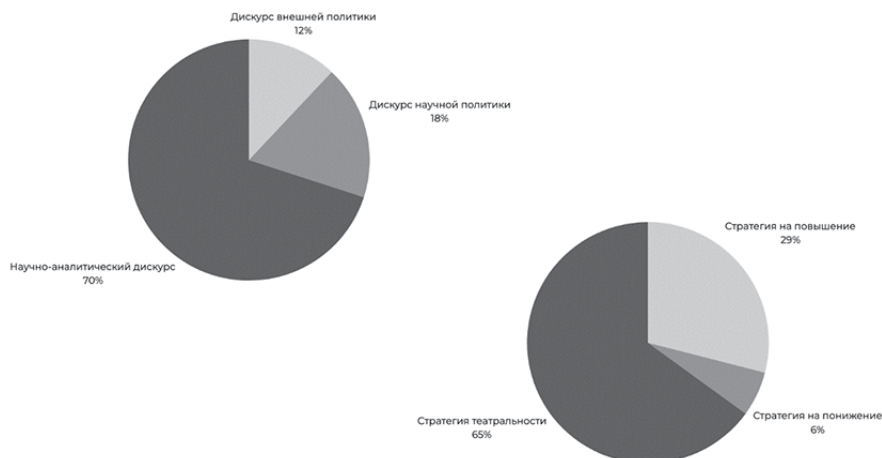
¹⁸ О будущем научной дипломатии: в Фонде Горчакова прошел круглый с участием видных российских ученых. (2022, 20 апреля). Взято 30 июня 2024, с https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/o_budushchem_nauchnoi_diplomatii_v_fonde_gorchakova_proshel_kruglyi_s_uchastiem_vidnykh_rossiiskikh_uchenykh_59747

¹⁹ Подведены итоги II Конгресса молодых ученых. (2022, 5 декабря). Взято 30 июня 2024, с <https://наука.рф/news/podvedeny-itogi-ii-kongressa-molodykh-uchenykh/>

²⁰ Минобрнауки: РФ активизирует работу научных атташе для развития научного сотрудничества. (2012, 14 декабря). Взято 30 июня 2024, с <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/main/23718/>

ящейся тактикой является тактика побуждения, далее идут тактики размежевания и обещания – к последней относится всего одно высказывание. Стратегия на повышение представлена только тактикой анализ-«плюс», стратегия на понижение – тактикой анализ-«минус».

Рисунок 1 – Распределение высказываний о научной дипломатии по сферам

ее дискурсивного пространства и по стратегиям дискурса (составлено автором)

Figure 1 – Distribution of statements about science diplomacy by spheres of its discursive space and by discourse strategies (compiled by the author)

Исследователи связывают *стратегию театральности* с наличием в дискурсе адресата-наблюдателя и необходимостью делать коммуникацию «особенно зрелищной» (Акопова, 2013, с. 407). В дискурсивном пространстве научной дипломатии адресатами-наблюдателями можно назвать представителей как иностранного, так и отечественного научного сообщества.

Тактика побуждения ассоциирована в изученном нами дискурсивном пространстве с необходимостью активизировать усилия по систематизации практик научной дипломатии России. Проявляется в рассматриваемых текстах, когда речь идет об ответственности какого-то субъекта за осуществление каких-либо планов. В этом случае выражается побуждение к исполнению принятых на себя обязательств или к реализации каких-либо идей. Например, «какова наша стратегия в сфере научной дипломатии? Это мы должны будем определить при подготовке Президентского совета»²¹. Данная тактика встречается в рамках нашей выборки в дискурсе научной политики и научно-аналитическом дискурсе.

Что касается *тактики размежевания*, она сопряжена в дискурсивном пространстве российской научной дипломатии с артикуляцией особенностей российского подхода к научной дипломатии, отличающих его от западного:

²¹ 12 декабря 2017 года состоялось очередное заседание Президиума Российской академии наук...

размежевание проводится между актуальным российским взглядом на научную дипломатию и одной из интерпретаций научной дипломатии, устоявшихся в западном дискурсе, при которой научная дипломатия рассматривается как инструмент реализации потенциала мягкой силы (Kaltofen & Acuto, 2018; Raev & Minkman, 2020). Упомянутый пример относится к тексту интервью Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, опубликованному в апреле 2020 г. В связи с наличием на тот момент общего вызова мирового масштаба, требующего включенности в ответ на него научного сообщества, – пандемии COVID-19 – С.В. Лавров указывает, что в настоящий период представляется неактуальным рассматривать научную дипломатию в логике мягкой силы²². Это высказывание 2020 г. из дискурса внешней политики согласуется с отказом в Стратегии научно-технологического развития РФ 2024 г. от трактовки научной дипломатии как разновидности публичной дипломатии, которая фигурировала в предыдущей версии документа²³, и отражением в обновленной стратегии намерения сохранять идентичность российской науки за счет именно взаимовыгодного международного взаимодействия²⁴. Эта тактика появляется в дискурсе внешней политики и научно-аналитическом дискурсе.

Тактика обещания применяется в дискурсе научной политики, поскольку в России практика научной дипломатии еще находится в процессе оформления и систематизации. Вполне объясним нарратив намерения «активизировать работу научных атташе при посольствах страны в разных странах для развития и усиления научного сотрудничества и научной дипломатии»²⁵.

Отличительная черта *стратегии на повышение* – в том, что она направлена на позитивное представление объекта высказывания (Акопова, 2013). Эта стратегия встречается реже, чем стратегия театральности, вероятно, потому, что практики научной дипломатии развиваются нашей страной, однако судить об успехах, достигнутых благодаря применению научной дипломатии на современном этапе, пока преждевременно – необходима более продолжительная перспектива рассмотрения данного феномена в контексте российской внешней политики.

Стратегия на повышение представлена *тактикой анализ-«плюс»*, когда говорящий акцентирует внимание на релевантности применения практики научной дипломатии современной Россией и на достижениях в области ее реализации. Данная международная практика, согласно высказываниям, сформулированным использованием рассматриваемой тактики, имеет смысл: она «помогает выработке политических решений, не отрицая сложных ситуаций, которые

²² Лавров считает, что научная дипломатия...

²³ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642). Взято 30 июня 2024, с <https://sochisirius.ru/sntr>

²⁴ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Взято 30 июня 2024, с <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?index=1>

²⁵ Минобрнауки: РФ активизирует работу научных атташе для развития научного сотрудничества...

существуют сегодня»²⁶. Данная тактика обнаруживается в дискурсе внешней политики и научно-аналитическом дискурсе.

Стратегия на понижение примечательна тем, что она, напротив, используется для представления объекта высказывания в негативном свете (Акопова, 2013). При том, что наблюдается развитие российских практик научной дипломатии, ее субъекты включаются в этот процесс, выражаясь образно, «не в полную силу», поэтому потенциал российской научной дипломатии актуализируется не с той динамикой, с которой, возможно, мог бы.

Тактика анализ-«минус» служит для непрямого заявления о негативном отношении говорящего к той или иной ситуации: «Как любой организм, научная дипломатия может функционировать, когда в ней течет живая кровь, идет какое-то движение <...> А вот “крови” от РАН с 2013 года почти не поступает»²⁷. Это критическое высказывание относится к дискурсу научной политики.

Вместо заключения

Итак, понятие научной дипломатии вошло в лексикон российских ученых, представителей Российской академии наук, аналитических центров, вузов. Лицами, принимающими решения в сфере научной политики, наличие этого понятия и феномена тоже учитывается. Что касается дискурса внешней политики, низкий процент упоминания в нем понятия научной дипломатии можно соотнести с одним из рассмотренных высказываний представителя научно-аналитического сообщества: «Нам нужно заниматься научной дипломатией, не называя ее таковой»²⁸. В Концепции внешней политики РФ 2023 г. представители экспертного и научного сообщества закреплены в ряду субъектов «развития механизмов общественной дипломатии»²⁹. Возможно, все это свидетельствует о том, что наиболее релевантным для России измерением научной дипломатии является не дипломатия для науки, а наука для дипломатии, где субъектами выступают сами ученые и научно-исследовательские организации.

Выявленная в результате данного исследования «театральность» дискурсивного пространства научной дипломатии современной России ставит вопрос о необходимости проведения исследований символических аспектов научной дипломатии – на пересечении областей международных отношений и символической политики. Символизм сам по себе «давно стал <...> достаточно органичным инструментом внешней политики» (Звягельская, 2019, с. 105).

²⁶ «Научная дипломатия помогает выработке политических решений, не отрицая сложных ситуаций»...

²⁷ *Сильны в дипломатии. Ученых зовут на выручку политикам.* (2017, 18 декабря). Взято 30 июня 2024, с <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=d78304b3-f54d-48f1-b825-fffc7c28a8c7>

²⁸ *О будущем научной дипломатии...*

²⁹ *Концепция внешней политики Российской Федерации* (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Взято 30 июня 2024, с https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/

Символы входят в структуру национально-государственной идентичности (Евгеньева, Титов, 2010), и действующие лица дискурсивного пространства научной дипломатии, транслируя свои представления о данном феномене аудиторией – как внешней (зарубежной), так и внутренней (отечественной) – в какой-то мере вносят свой вклад в сохранение идентичности российской науки, что является стратегическим намерением научно-технологического развития России³⁰. При том, что наука, безусловно, интернациональна по своей сути, ученые представляют различные «национальные научные культуры» (Балышев, Коннов, 2016, с. 96). Таким образом, дискурсивное пространство научной дипломатии выступает в качестве площадки репрезентации специфики данных культур, а сама научная дипломатия подразумевает обмен информацией и знаниями, помимо всего прочего, и об этой специфике, что способствует росту взаимопонимания в процессе международных научных взаимодействий.

Дискурсивное пространство научной дипломатии – логическая среда, в которой сосуществуют дискурсы (внешней политики, научной политики и научно-аналитический) и люди (ученые, дипломаты, лица, принимающие решения), представляющие какую-либо национальную научную культуру и осуществляющие системные взаимодействия по обмену информацией и знаниями для обеспечения возможностей использования научного подхода при выстраивании внешней политики государств, решении региональных и глобальных проблем, установления международных научных связей и сохранения в кризисные периоды потенциала для конструктивного международного диалога.

Вопросы научной дипломатии образуют целое проблемное поле и при этом могут быть рассмотрены в более широком контексте теоретических и прикладных исследований функционирования публичной дипломатии (Антюхова, 2017) и дипломатии вообще (Зонова, 2007; Лебедева, Бобров, 2024). В качестве перспективы настоящего исследования видится расширение методического инструментария для дальнейшего изучения научной дипломатии на основе конструктивистского подхода.

Список литературы

1. Аكوпова, Д.Р. (2013). Стратегии и тактики политического дискурса. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, (6–1), 403–409.
2. Алексеева, Т.А. (2022). Агент-структурные отношения: методология конструктивизма. *Полис. Политические исследования*, (4), 77–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.07>
3. Антюхова, Е.А. (2017). Публичная дипломатия как важнейший структурный компонент внешнеполитической стратегии НАТО. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 5(23). 67–73. <https://doi.org/10.21209/2227924520172356773>

---

³⁰ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»...

4. Коннов, В. И, Балышев, А. В. (2016). Глобальная наука и национальные научные культуры. Трудности сопряжения. *Международные процессы*, 3(14), 96–111. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.3.46.7>
5. Евгеньева, Т. В., Титов, В. В. (2010). Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи. *Полис. Политические исследования*, (4), 122–134.
6. Звягельская, И. Д. (2019). Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке. *Полис. Политические исследования*, (1), 105–123. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.08>
7. Зонова, Т. В. (2007). Современная дипломатия: проблемы и перспективы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, (4), 5–21.
8. Кривошлыкова, Л. В. (2010). К определению понятия «Дискурс». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, (3), 42–47.
9. Крынжина, М. Д. (2018). Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов. *Международные процессы*, 4(16), 193–208. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.12>
10. Лебедева, О. В., Бобров, А. В. (2024). *Архитектура мирового порядка. Дипломатия международных отношений*. М.: АСТ.
11. Плотникова, С. Н., Домышева, С. А. (2009). Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования. *Политическая лингвистика*, (27), 103–108.
12. Сергеев, В. М., Казанцев, А. А., Медведева, С. М. (2019). Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений. *Полис. Политические исследования*, (5), 56–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.05>
13. Табаринцева-Романова, К. М. (2019). Научная дипломатия в современном международном дискурсе. *Дипломатическая служба*, (4), 74–79.
14. Харитонова, Е. М. (2018). Научная дипломатия во внешней политике Великобритании: теоретические и институционально-организационные аспекты. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 2(10), 61–91.
15. Чернявская, В. Е. (2014). Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (1), 54–61.
16. Carta, C., & Narminio, É. (2021). The Human Factor: Accounting for Texts and Contexts in the Analysis of Foreign Policy and International Relations. *International Studies Perspectives*, 3(22), 340–360. <https://doi.org/10.1093/isp/ekaa016>
17. Flink, T., & Schreiterer, U. (2010). Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: Toward a Typology of National Approaches. *Science and Public Policy*, 9(37), 665–677. <https://doi.org/10.3152/030234210X12778118264530>
18. Flink, T. (2020). The Sensationalist Discourse of Science Diplomacy: A Critical Reflection. *The Hague Journal of Diplomacy*, 3(15), 359–370. <https://doi.org/10.1163/1871191X-bja10032>

19. Kaltofen, C., & Acuto, M. (2018). Science Diplomacy: Introduction to a Boundary Problem. *Global Policy*, (9), 8–14. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12621>
20. Larsen, H. (2018). Discourse Analysis in the Study of European Foreign Policy. In Tonra, B., & Christiansen, T. (Eds.), *Rethinking European Union Foreign Policy*. (pp. 62–80). Manchester: Manchester University Press.
21. Raev, A., & Minkman, E. (2020). Emotional Policies: Introducing Branding as a Tool for Science Diplomacy. *Humanities and Social Sciences Communications*, 1(7), 1–10. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00617-5>
22. Reinhardt, R. O. (2021). Russian Science Diplomacy at a Crossroads. *MGIMO Review of International Relations*, 2(14), 92–106. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106>
23. Skodvin, T. (2000). *Structure and Agent in the Scientific Diplomacy of Climate Change. An Empirical Case Study of Science-Policy Interaction in the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
24. Wendt, A. (1995). Constructing International Politics. *International Security*, 1(70), 71–81. <https://doi.org/10.2307/2539217>

References

1. Akopova, D. R. (2013). Strategii i taktiki politicheskogo diskursa [Strategies and Tactics of a Political Discourse]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, (6–1), 403–409.
2. Alekseeva, T. A. (2022). Agent-strukturnye otnosheniya: metodologiya konstruktivizma [Agent-Structure Relations: Methodology of Constructivism]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 77–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.07>
3. Antyukhova, E. A. (2017). Publichnaja diplomatija kak vazhnejshij strukturnyj komponent vneshnepoliticheskoy strategii NATO. [Public Diplomacy as The Most Important Structural Component of NATO Foreign Policy Strategy]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 5(23), 67–73. <https://doi.org/10.21209/2227924520172356773>
4. Carta, C., & Narminio, É. (2021). The Human Factor: Accounting for Texts and Contexts in the Analysis of Foreign Policy and International Relations. *International Studies Perspectives*, 3(22), 340–360. <https://doi.org/10.1093/isp/ekaa016>
5. Flink, T., & Schreiterer, U. (2010). Science Diplomacy at the Intersection of S&T Policies and Foreign Affairs: Toward a Typology of National Approaches. *Science and Public Policy*, 9(37), 665–677. <https://doi.org/10.3152/030234210X12778118264530>
6. Flink, T. (2020). The Sensationalist Discourse of Science Diplomacy: A Critical Reflection. *The Hague Journal of Diplomacy*, 3(15), 359–370. <https://doi.org/10.1163/1871191X-bja10032>
7. Kaltofen, C., & Acuto, M. (2018). Science Diplomacy: Introduction to a Boundary Problem. *Global Policy*, (9), 8–14. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12621>
8. Kharitonova, E. M. (2018). Nauchnaja diplomatija vo vneshnej politike Velikobritanii: teoreticheskie i institucional'no-organizacionnye aspekty [Science

Diplomacy in British Foreign Policy: Theoretical, Institutional, and Organizational Aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2(10), 61–91.

9. Konnov, V. I., & Balyshev, A. V. (2016). Global'naya nauka i nacional'nye nauchnye kul'tury. Trudnosti soprazheniya [Global Academia and National Scholarly Cultures. Points of Contention]. *Mezhdunarodnye processy*, 3(14), 96–111. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.3.46.7>

10. Krivoshlikova, L. V. (2010). K opredeleniyu ponyatiya “diskurs” [To The Definition of “Discourse”]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, (3), 42–47.

11. Krynzhdina, M. D. (2018). Nauchnaya diplomatija v interpretacijah rossijskih specialistov [Interpretations of Science Diplomacy in Russian Academic Community]. *Mezhdunarodnye processy*, 4(16), 193–208. <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.12>

12. Larsen, H. (2018). Discourse Analysis in the Study of European Foreign Policy. In Tonra, B., & Christiansen, T. (Eds.), *Rethinking European Union Foreign Policy*. (pp. 62–80). Manchester: Manchester University Press.

13. Lebedeva, O. V., & Bobrov, A. V. (2024). *Arhitektura mirovogo porjadka. Diplomatiya mezhdunarodnyh otnoshenij* [Architecture of World Order: Diplomacy of International Relations]. Moscow: AST.

14. Plotnikova, S. N., & Domysheva, S. A. (2009). Politicheskoe diskursivnoe prostranstvo: principy strukturirovaniya [Political Discourse Space and Its Structural Organization]. *Politicheskaya lingvistika*, (27), 103–108.

15. Raev, A., & Minkman, E. (2020). Emotional Policies: Introducing Branding as a Tool for Science Diplomacy. *Humanities and Social Sciences Communications*, 1(7), 1–10. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00617-5>

16. Reinhardt, R. O. (2021). Russian Science Diplomacy at a Crossroads. *MGIMO Review of International Relations*, 2(14), 92–106. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106>

17. Sergeev, V. M., Kazantzev, A. A., & Medvedeva, S. M. (2019). Krizis konstruktivizma i metodologicheskie problemy izucheniya mezhdunarodnyx otnoshenij [The Crisis of Constructivism And Methodological Problems of Studying International Relations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), 56–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.05>

18. Skodvin, T. (2000). *Structure and Agent in the Scientific Diplomacy of Climate Change. An Empirical Case Study of Science-Policy Interaction in the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

19. Tabarintseva-Romanova, K. M. (2019). Nauchnaya diplomatija v sovremennom mezhdunarodnom diskurse [Scientific Diplomacy in Modern International Discourse]. *Diplomaticheskaja sluzhba*, (4), 74–79.

20. Tcherniavskaia, V. E. (2014). Fantomy i sindromy diskursivnoj paradigmy [Discourse Paradigm: Phantom Objects and Syndromes]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, (1), 54–61.

21. Wendt, A. (1995). Constructing International Politics. *International Security*, 1(70), 71–81. <https://doi.org/10.2307/2539217>

22. Evgenyeva, T. V., & Titov, V. V. (2010). Formirovanie nacional'no-

gosudarstvennoj identichnosti rossijskoj molodezhi [National-State Identity of Russian Youth Shaping]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4), 122–134.

23. Zonova, T.V. (2007). Sovremennaja diplomatija: problemy i perspektivy [Modern Diplomacy: Problems and Prospects]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*, (4), 5–21.

24. Zvyagelskaya, I.D. (2019). Simvoly i cennosti v mezhdunarodnyh otnoshenijah na Blizhnem Vostoke [Symbols and Values in International Relations in the Middle East]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (1), 105–123. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.08>

Информация об авторе

Александра Анатольевна Хаткевич, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, г. Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7169-188X>, e-mail: alexandra.a.khatkevich@gmail.com

Information about the author

Alexandra Anatolyevna Khatkevich, Junior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7169-188X>, e-mail: alexandra.a.khatkevich@gmail.com

---

УДК 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_115

КОГДА ШУТ ПРИХОДИТ К ВЛАСТИ: РАДИКАЛЬНЫЕ ИДЕИ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ДОВЕРИЯ ЭЛЕКТОРАТА

Ольга Александровна Шапиро,

Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия,
shapiro-oua@ranepa.ru

Анастасия Игоревна Долина,

Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия,
adolina-22@ranepa.ru

Получена 18.12.2024.

Поступила после рецензирования 15.03.2025.

Принята к публикации 05.12.2025.

Для цитирования: Шапиро О.А., Долина А.И. Когда шут приходит к власти: радикальные идеи как способ повышения доверия электората // Дискурс-Пи. 2025. Т. 23. № 1. С. 115–129. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_115

Аннотация

Статья посвящена проблеме популярности специфических политических лидеров, склонных к регулярному нарушению норм коммуникативной рациональности. Авторы относят такой тип лидеров к «политическим шутам» и в качестве своей цели заявляют выяснение причин роста их популярности.

© Шапиро О.А., Долина А.И., 2026

Исследование состоит из теоретической и эмпирической части. Теоретическая часть нацелена на уточнение понятия «политический шут», широко используемого в современной политологической литературе, однако не имеющего сегодня однозначного толкования среди исследователей. Авторы предлагают свое рабочее определение политического шута как политического лидера, который пытается завладеть общественным вниманием и удержать его при помощи коммуникативного арсенала карнавальной культуры – в частности, эксцентричных и сатирических форм поведения, трансляции радикальных идей. Это определение основывается на факторном анализе определений шута и опирается на культурно-исторических подход.

После уточнения понятий авторы переходят к эмпирическому исследованию явления, основную часть которого занимает риторико-аргументативный анализ публичного поведения Д. Трампа. Для проверки гипотезы эффективности используемых Трампом паттернов авторы проводят опрос (200 человек, квотная выборка, независимые переменные: пол, возрастная группа, уровень образования, федеральный округ) и полуструктурированные интервью (15 человек, квотная выборка). Авторы приходят к выводу, что успех современных политических шутов связан с тем, что они: 1) заявляют об острых социальных проблемах в формате смеховой культуры, снимая тем самым эмоциональное напряжение в обществе; 2) предлагают смеховое, эксцентричное или радикальное решение обозначенных проблем; 3) представляют это решение в формате аргументативной уловки «пустая формула», которая позволяет адресату приписать высказываниям политика желаемое или хотя бы приемлемое значение, формируя в итоге позитивный образ политического лидера и доверие электората.

Ключевые слова:

политическое поведение, политический лидер, политический шут, политический трикстер, политический карнавал, смеховая культура, радикальные идеи, доверие

UDC 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_115

WHEN A BUFFOON COMES TO POWER: RADICAL IDEAS AS A WAY TO INCREASE ELECTORAL TRUST

Olga A. Shapiro,

Northwestern Institute of Management, RANEPA,
St. Petersburg, Russia,
shapiro-oa@ranepa.ru

Anastasia I. Dolina,

Northwestern Institute of Management, RANEPA,
St. Petersburg, Russia,
adolina-22@ranepa.ru

Received 18.12.2024.

Revised 15.03.2025.

Accepted 05.12.2025.

For citation: Shapiro O.A., Dolina A.I. (2026). When a Buffoon Comes to Power: Radical Ideas as a Way to Increase Electoral Trust. *Discourse-P*, 23(1), 115–129. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_115

Abstract

This article examines the popularity of specific political leaders prone to regularly violating the norms of communicative rationality. The authors refer to this type of leader as “political buffoons” and state that their goal is to identify the reasons for their growing popularity.

The study consists of a theoretical and an empirical section. The theoretical section aims to clarify the concept of “political buffoon” which is widely used in contemporary political science literature but remains unconventionally defined. The authors offer their working definition of a political buffoon as a political leader who attempts to capture and retain public attention using the communicative arsenal of carnival culture – specifically, eccentric and satirical behavior, the dissemination of radical ideas. This definition is based on a factor analysis of definitions of the buffoon and draws on a cultural-historical approach.

After clarifying the concepts, the authors move on to an empirical study of the phenomenon, the main part of which is occupied by a rhetorical and argumentative analysis of Donald Trump’s public behavior. To test the hypothesis regarding the effectiveness of the patterns Trump uses, the authors conduct a survey (200 people, quota sample, independent variables: gender, age group, education level, federal district) and semi-structured interviews (15 people, quota sample). The authors conclude that the success of modern political buffoons is due to the fact that they: 1) address pressing social problems in the format of culture of laughter, thereby relieving emotional tension in society; 2) offer a humorous, eccentric, or radical solution to the identified problems; 3) present this solution in the format of an argumentative ploy called an “empty formula,” which allows the recipient to attribute a desired or at least acceptable meaning to the politician’s statements, ultimately shaping a positive image of the political leader and the trust of the electorate.

Keywords:

political behavior, political leader, political jester, political trickster, political carnival, laughter culture, radical ideas, trust

Введение

С древних времен необходимым условием совершения политического действия являлось его обоснование. В условиях современности к этому обоснованию принято предъявлять требования рациональности в духе коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса (1995). В частности, соблюдение хотя бы видимости логической корректности до недавнего времени считалось очевидным базовым критерием для допуска к участию в публичной дискуссии.

Однако сегодня все чаще встречаются случаи систематического нарушения норм рациональности популярными политическими лидерами. Политики выбирают стратегию, для которой характерны сатирические формы коммуникации и эпатажное поведение с целью завладения и удержания общественных симпатий. Такое поведение является одним из проявлений политического карнавала и в литературе именуется «политическим шутовством».

В нашем исследовании мы ищем ответ на вопрос, почему «политические шуты» становятся все более популярными в современном обществе – вплоть до избрания их президентами. Такая ситуация противоречит всем мыслимым представлениям о рациональном выборе граждан, зачастую кажется сюрреалистичной и идет вразрез с хорошо обоснованными экспертными прогнозами. Понимание смысла феномена политического шутовства и причин его популярности имеет высокий интерпретативный и прогностический потенциал, позволяя предсказывать на первый взгляд непредсказуемый ход «политического карнавала», учитывать специфику политического шутовства при моделировании и т. п.

В массовом сознании шут предстает героем художественных произведений и небылиц и ассоциируется со средневековым и карнавалом, в условиях которого стирались привычные коммуникативные барьеры, упразднялись иерархия и социальные ограничения, использовалась фамильярно-площадная речь. Карнавал был одной из реальных форм самой жизни, которую проживали, а не обыгрывали. Он был освобожден не только от правовых, но и от различных религиозных догм, носил театрально-зрелищный характер, но чем-то художественным или вымышленным ни в коем случае не являлся (Бахтин, 2015).

Сегодня мы можем наблюдать феномен так называемого «политического карнавала», который в последние десятилетия становится объектом исследований в области философии, политологии и социологии. Отечественный политолог П. Карабущенко (2020) приводит классификацию политических культур: естественную и неестественную, опираясь на работы Г. Алмонда, С. Верба и Ю. Лотмана. Политический карнавал, в отличие от других вариантов политического дискурса, относится к неестественной политической культуре (Карабущенко, 2020; Almond, 1963) и является результатом субъективной деятельности определенных политических групп. Политический карнавал предполагает, что все официальное несет в себе отсутствие свободы, насилие, является устаревшим. Подчеркивается снижение степени профессионализма субъектов большой политики и их легкомыслие по отношению к прямым обязанностям (Бахтин, 2015; Карабущенко, 2020). Карнавальная политическая смех является показателем невежества и дикости тех, кто эту политику развивает. Тем не менее, все больше политических лидеров обращаются

к карнавальной культуре, рискуя собственной репутацией и судьбами наций и государств (Карабущенко, 2023).

Политических лидеров, обращающихся к риторико-аргументативному инструментарию смеховой культуры, сегодня принято называть «шутами» или «трикстерами». Так, в современных российских исследованиях харизматического лидерства мы встречаем термин «политический шут» (Карабущенко, 2022; Тощенко, 2015; Шомова, 2015). О нарушении норм политического поведения и норм рациональности с целью завладения общественным вниманием говорят и западные авторы, в том числе (Eller, 2023; Kahn, 2014).

Методы исследования

Наше исследование было проведено в два этапа. На первом (теоретическом) этапе своей задачей мы видели уточнение понятия политического шута, которое в научной литературе используется довольно хаотично, часто смешивается с близкими понятиями трикстера, клоуна и пр. Для этого мы провели факторный анализ, выделив основные черты, присущие шутам в широком контексте культурологических, исторических и психологических исследований, а также сопоставив их с теми чертами, которые приписывают различные авторы «политическим шутам» сегодня.

В результате было сформировано рабочее определение термина «политический шут» и была выдвинута гипотеза о содержательных и риторических причинах привлекательности политических шутов, которую мы подвергли эмпирической проверке в исследовании кейса Д. Трампа. Выбор Д. Трампа как примера был обусловлен тем, что, во-первых, большинство исследователей сходятся во мнении, что Д. Трамп относится к специфическому типу политического лидера «политический шут», во-вторых – представляет собой случай «шута, вышедшего в короли», т.е. завоевавшего доверие электората вплоть до избрания в президенты.

Второй (эмпирический) этап исследования был проведен в духе аргументативного поворота в политическом анализе (Fischer, 1993, 2012): в качестве базового метода исследования кейса мы выбрали риторико-аргументативный анализ. Нам удалось выяснить, что радикальная идея, которая используется политическими шутами как базовый паттерн оказалась эффективной в ходе предвыборных кампаний Д. Трампа в силу того, что использовалась по принципу аргументативных «пустых формул». Чтобы проверить эту гипотезу, мы провели опрос и серию полуструктурированных интервью.

Генеральная совокупность – граждане Российской Федерации в возрасте 18 лет и старше. Анкетирование проводилось на квотной выборке (200 чел.), сформированной по ключевым социально-демографическим параметрам. Опросный лист включал четыре смысловых блока: демографические характеристики, уровень политической осведомленности, мнения и отношение, поведенческие практики. Вопросы были представлены в закрытой, открытой и шкальной формах. Отдельное внимание было уделено вопросам, направленным на выявление характера интерпретации выступлений политиков изучаемой категории простыми людьми.

Интервью было проведено с 15 людьми (выборка – также квотная). Гайд состоял из нескольких этапов: вводный блок содержал нейтральные вопросы о биографических данных и степени вовлеченности в политическую жизнь, далее выявлялся характер информированности участников о политических лидерах и их нестандартных действиях, отношение к юмору, провокациям и нарушению норм в политике; отдельное внимание уделялось повседневным практикам – обсуждению политических событий, источникам получения информации и восприятию сформировавшихся в социуме образов политиков; заключительный блок был направлен на исследование влияния социального окружения в формировании политических взглядов.

Применение в качестве инструментария социологического опроса и структурированных интервью позволило провести комплексное исследование восприятия респондентами радикальных идей политических шутов и подтвердить их аргументативную роль «пустых формул» в публичной полемике.

Результаты исследования

Хотя сам феномен политического шутовства является широко обсуждаемым в современной литературе, единства в его понимании или хотя бы в терминологии пока нет. Так, наравне используются термины «шут», «трикстер», «клоун» и даже «скоморох»; они могут пониматься как различные разновидности одного феномена (Шомова, 2015) или как синонимы (Тощенко, 2015). С одной стороны, сами термины интуитивно кажутся содержательно близкими: все они являются субъектами смеховой культуры, выполняют схожие функции, характеризуются наличием «великой миссии», использованием выходящих за рамки общепринятых правил политической коммуникации действий и высказываний, выраженным влиянием на политическую повестку, способностью мобилизовать общество и склонностью «брать свои слова обратно» (Тощенко, 2016; Chernenko, 2019; Eller, 2023). Тем не менее, наличие такой богатой терминологии для обозначения персонажей политического карнавала говорит о том, что есть у них и существенные различия. Поскольку наиболее часто используемыми сегодня являются понятия политического шута и политического трикстера, мы остановимся именно на них.

Первые упоминания о шутах встречаются еще во времена Античности. Существует версия, согласно которой они выполняли изначально жреческие функции; мы даже находим в античных источниках термин, который в переводе с древнегреческого дословно означает «философствующий шут» (Герцман, Каримова, 2017, с. 61). В большинстве словарей шут определяется как лицо при дворе, задачей которого являлось развлечение знати, в русском языке первоначальное значение слова шут – «осмеянный». Однако за шутом были закреплены не только развлекательные функции. Так, С.В. Чернова отмечает, что шут «нередко выступал в качестве консультанта, дающего дельные советы по управлению государством (2015, с. 170), а также «имел уникальную возможность просить королевской помощи для бедных и притесненных» (Чернова, 2015, с. 171). В художественной литературе шутов изображают как «глашатаев правды без цензуры» (Чернова, 2015, с. 172). Ю.Н. Бычина отмечает, что отечественное шутовство «в качестве прототипов имело таких персонажей как Иван-дурак и юродивые,

которые зачастую были противопоставлены Царю как обладатели некоего тайного знания» (2021, с. 97), а Е.Н. Черноземова говорит о функции «умных дураков» «под маской дурашливости, шутовства говорить правду» (2019, с. 21).

А. Дугин в своей «Философии политики» посвящает шутам целую главу. Он пишет, что «развлекательная функция шута имеет прямое отношение к кастовой специфике кшатриев. Игра для них, – форма постижения глубоких и серьезных онтологических истин. Даже политические решения, рассмотренные в шутовском, игровом ракурсе, отличались отнюдь не легковесностью, но соответствовали внутренней природе царской власти» (Дугин, 2004, с. 125), и при этом «обнажая искусственность и имитационность человеческого, шут призывает сконцентрировать внимание на том, что является источником жизни, полюсом бытия» (Дугин, 2004, с. 126).

Таким образом мы видим, что шуты выполняли видимо ряд содержательных функций, в частности являлись способом связи правителя и народа в условиях жесткого запрета на критику верховной власти, могли влиять на принятие политических решений, обсуждая табуированные темы под прикрытием смеховых форм коммуникации.

Трикстер в переводе на русский язык означает «трюкач» или «обманщик». Широким использованием этого термина в различных областях современного гуманитарного знания мы обязаны в первую очередь К.Г. Юнгу (1996), представившему его как архетипическую теневую фигуру, хотя эта работа по сути своей являлась реакцией на целую серию исследований в области культурной антропологии (подробнее об этом см. Платицина, 2013). П. Радин описывает трикстера как амбивалентного персонажа, который «не знает ни добра, ни зла» и для которого «не существует ни моральных, ни социальных ценностей» (1999, с. 7). Образ трикстера роднит с шутом близость к сакральному и использование смеховых форм коммуникации. Однако, если шут через смеховые формы коммуникации выражает болевые точки современной ему реальности, то трикстер эту реальность искажает произвольно и непредсказуемо, создавая иллюзию, фантом, который в итоге должен быть развеян. Таким образом, ясное различение в политическом дискурсе актеров-шутов и актеров-трикстеров позволяет прийти к более глубокому пониманию текущих политических процессов, интерпретации политических решений и публичных заявлений и пр., что безусловно необходимо в практике политического анализа.

При исследовании современного политического дискурса для обозначения интересующего нас типа политических лидеров мы будем использовать термин «политический шут». При этом мы будем иметь ввиду политических лидеров, которые используют эксцентричные и сатирические формы публичной коммуникации, с целью завладения общественным вниманием и дальнейшего его удержания. Мы полагаем, что в большинстве случаев политические шуты действительно обнажают реальные общественные проблемы, хотя в качестве путей их решения предлагают «смеховые» варианты в формате радикальных идей, таких как идеи Д. Трампа о строительстве стены на границе Америки и Мексики, Х. Милея о взрыве Центрального банка Аргентины, Йона Гнарра о строительстве Диснейленда в аэропорту Рейкьявика и пр. В качестве примера шутовства мы предлагаем рассмотреть Д. Трампа и его «великую стену».

Личность Д. Трампа в роли объекта исследования довольно популярна в современных как отечественных, так и зарубежных политологических, психологических, лингвистических и пр. исследованиях. Среди риторической специфики его публичного поведения обычно выделяют значительную роль негативных описаний своих оппонентов (Левенец, 2018; Карапетова, 2022), использование эмоциональной лексики, оскорблений и запугиваний с целью мобилизации масс (Афониная, 2022; Самарцев, 2021). В итоге Д. Трампа определяют как политического шута (Карабущенко, 2022; Тощенко, 2015; Шомова, 2015) или трикстера (Eller, 2023; Chernenko, 2019; Shustov, 2023), поскольку его высказывания и поведение выходят за рамки рационального дискурса, а политический процесс ставится в зависимость от человеческой воли (Eller, 2023; Kahn, 2014). Кроме того, ученые присваивают Трампу роль авторитарного популистского «агитатора» (Gounari, 2018; Nacos, 2020), «несерьезного популиста», стирающего идеологические границы и использующего недовольство рабочего и среднего классов в борьбе за признание масс. Как правило, такой тип политической элиты всеми способами демонизирует оппонентов и продвигает различные теории заговоров (Gounari, 2018). В академической и политической дискуссии Трамп позиционируется как ищущий виноватых в общественных проблемах, распространяет негативную стигму о них и успешно влияет на формирование аутсайдерских групп (Nacos, 2020).

Однако популизм и «черная риторика» – неспецифичные черты, часто встречающиеся в современном медиапространстве. Что является для Трампа специфичным, так это наличие «великой миссии» (Карабущенко, 2023; Тощенко, 2015), заключающейся в строительстве Стены на Юге Америки с целью борьбы с мексиканскими мигрантами¹.

Чтобы понять риторический потенциал радикальной идеи Трампа – и радикальных идей политический шутов в принципе – нам следует обратиться к современной теории аргументации. Аргументологи в своем анализе убеждающих текстов среди многообразия логически некорректных уловок убеждения выделяют так называемые «пустые формулы», представляющие собой выражения с предельно размытым значением, позволяющие адресату приписать им то значение, которое будет соответствовать его мировоззрению (Шапиро, 2018, с. 25). Мощный прагматический потенциал пустых формул связан с тем, что они оказываются универсальными в том смысле, в котором об этом говорят Х. Перельман и Л. Орбрехтс-Тытека, (Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971), т. е. охватывают максимально широкую целевую аудиторию, различные кластеры которой приписывают формулам то или иное значение. Это делает использование пустых формул в политическом дискурсе крайне эффективным, учитывая, что политическая агитация сама по себе редко представляет рациональное убеждение, а чаще всего оказывается подборкой психологических способов влияния на адресата с целью создания устойчивого позитивного образа кандидата (Малюкова, 2015). Однако успешность применения разнообразных мани-

¹ Donald Trump Presidential Campaign Announcement. C-SPAN. Retrieved June 26, 2016, from: URL: <https://www.c-span.org/video/?326473-1/donald-trump-presidentialcampaign-announcement.2016>

пулятивных уловок всегда зависит от того, насколько четко специфицирована целевая аудитория (Цокало, 2021). Именно этот механизм лежит в основе, например, таргетированной рекламы.

Мы полагаем, что привлекательность политических шутов сегодня обусловлена во многом использованием радикальных идей, которые представляют собой «пустые формулы», погруженные в контекст смеховой культуры, и могут быть поняты трояко: буквально, иронически и метафорически. Таким образом, политик, предлагающий шутовскую радикальную идею, обращается сразу к трем кластерам целевой аудитории (готовым принять тот или иной способ интерпретации этой идеи соответственно).

Рассмотрим в качестве кейса идею Д. Трампа о строительстве стены. Ее можно понимать буквально (как физическое строительство), метафорически (как изменение законодательства таким образом, чтобы снизить миграцию) и иронически (как свидетельство того, что ничто кроме физического препятствия не остановит миграцию в условиях глобализации). Чтобы выяснить, действительно ли имеет место разнообразие трактовок, мы провели опрос и серию полуструктурированных интервью. Мы отдаем себе отчет в том, что мы опрашивали не граждан США, а жителей России, однако поскольку нашим предметом исследования является не электоральное поведение, а способы интерпретации радикальных идей политических шутов, мы полагаем, что результаты нашего опроса вполне валидны. Конечно, процентное распределение тех или иных способов интерпретаций в США может быть другим, однако факт состоит в том, что предложение построить стену действительно интерпретируется неоднозначно.

В рамках анкетирования было опрошено 200 респондентов из разных регионов, профессиональных сфер и возрастных групп. 37% опрошенных указали на то, что внимательно следят за деятельностью Трампа. В результате мы выяснили, что 8,8% опрошенных интерпретируют идею постройки стены буквально, 71,7% – метафорически и 15% – иронически (оставшиеся респонденты выбрали вариант «затрудняюсь ответить»). Любопытно, что на момент опроса стена фактически уже была построена – и тем не менее большинство респондентов интерпретировало ее как метафору. Вот, как это пояснил один из интервьюируемых:

«Я бы это воспринимал метафорически. Любая страна, в том числе и США, опасаются, что их сгенерированные ресурсы будут просто распределены мигрантам. Причем люди, которые без разрешения, без формального одобрения, без понимания, чем они полезны, пересекают границу и оседают в соединенных штатах. То есть он в понятный визуальный ряд, в такую метафору для своих избирателей облек вот эту мысль. Есть люди, которые не образованны и им надо объяснять просто. Мы сейчас просто закроем им дверь, построим стену, и мы будем предметно решать, кто нам нужен, а кто не нужен. Кто попало не полезет»

Мы полагаем, что сильный перевес в сторону метафорического прочтения идеи постройки стены связан с высоким уровнем образования наших респондентов (48,3% опрошенных имеют высшее образование, а 31,8% – в процессе его получения). Электорат Трампа, конечно, отличается от нашей выборки, и Трамп прекрасно понимает его особенности. Так, В.Е. Косяков среди причин победы

Трампа на выборах 2016 г. выделяет «знание своей аудитории» и «максимально упрощенную речь и подачу материала» (2017, с. 107). Именно поэтому Трамп все-таки строит стену – чтобы та часть его аудитории, которая восприняла идею буквально, не чувствовала себя разочарованной (второй вопрос – в том, что реально построенная стена несколько отличается от изначально обещанной и, по-видимому, не решает обозначенной проблемы).

Таким образом, радикальная идея Трампа о постройке стены действительно оказалась «пустой формулой». С одной стороны, ее экстравагантная форма позволила привлечь внимание к действительно острой социальной проблеме миграции, причем говорить о ней в «смеховой форме», тем самым в некоторой мере снимая напряжение при ее восприятии, а с другой стороны – в силу своего аргументативного потенциала – позволила привлечь симпатии адресатов с различным уровнем образования и мировоззренческими позициями.

Выводы

Подведем итог. Мы полагаем, что политические шуты как специфический тип харизматических политических лидеров, говорят о реально существующих острых проблемах в обществе (так, Трамп говорит о проблеме нелегальной миграции, Милей – об инфляции и пр.), однако выбирают крайне специфические формы обсуждения этих проблем. Такие формы связаны с двумя базовыми моментами: во-первых, с высоким уровнем социального напряжения вокруг обсуждаемой повестки, ее эмоциональным восприятием, а во-вторых, с неоднородностью ее оценки разными группами населения. В этом случае политику следует быть аккуратным, чтобы предлагая свою интерпретацию проблемы и способы ее решения не задеть чувства и убеждения больших групп населения. Использование радикальных идей как пустых формул оказывается ответом на оба эти запроса. С одной стороны, гротескная, «смеховая» форма подачи варианта решения выполняет традиционные карнавальные функции эмоциональной разрядки: при осмеянии той или иной идеи напряжение снижается, и участники публичной дискуссии оказываются способны выйти на новый уровень обсуждения проблемы. С другой стороны, множественность интерпретаций позволяет охватить группы населения с разными взглядами, мировоззренческими основаниями или образовательным уровнем, в одной фразе предлагая каждому то, что он готов воспринять хотя бы как приемлемое.

Именно таким образом обещание Д. Трампа построить стену, хотя и кажется на первый взгляд не более чем экстравагантным литературным оборотом, в реальности оказалось эффективным способом завоевания доверия электората: во-первых, Д. Трамп явным образом проговорил острую проблему миграции, при этом сделал это в смеховом, «карнавальном» формате, сняв табу на выражение эмоций и снизив напряжение; во-вторых, предложенное радикальное решение в формате «пустой формулы» позволило различным сегментам электората приписать ему приемлемое для них значение, а следовательно – сформировать желаемый образ будущего, связанный с фигурой Д. Трампа.

Мы полагаем, что политическое шутовство является логичным ответом на вызовы современной ситуации, характеризующейся высоким уровнем эмо-

ционального и социального напряжения, когда привычные, рациональные способы ведения политической дискуссии кажутся недостаточно эффективными, слишком рутинными для беспрецедентной политической повестки. Мы можем предположить, что дальнейшая эскалация политической напряженности может привести к концентрации лидеров-шутов на ключевых политических позициях и дальнейшей радикализации политических решений. При этом мы полагаем, что принципиально важно при интерпретации политических процессов ясно отличать шутов, отвечающих на актуальную острую повестку, от трикстеров, видимость этой повестки создающих и трансформирующих поле публичной дискуссии посредством искажения смыслов и ценностей.

Список литературы

1. Афонина, О.И. (2022). Особенности когнитивно-лингвистического анализа речей американских политиков на примере речи Д. Трампа. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 1, 86–94. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-86-94>
2. Бахтин, М.М. (2015). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: ЭКСМО.
3. Бычина, Ю.Н. (2021). Ключевая единица «шут» в культуре и коммуникации. *Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского*, 7(2), 96–103.
4. Герцман, Е.Е., Карымова, С.М. (2017). К вопросу об этимологии и дифференциации понятий «шут» и «скоморох». *European Journal of Arts*, 1, 60–64. <http://dx.doi.org/10/20534/EJA-17-1-60-64>
5. Дугин, А.Г. (2004). *Философия политики*. Москва: Арктогея.
6. Карабущенко, П.Л. (2023). Природа политического смеха: элиты в свете карнавальной политической культуры. *Философские аспекты элитологии*, 4, 54–71. <https://doi.org/10/46539/elit.v4i4.175>
7. Карабущенко, П.Л. (2020). Карнавальная политическая культура: системный анализ политических категорий. *Философские аспекты элитологии*, 2, 30–62. <https://doi.org/10.46539/elit.v1i2.16>
8. Карабущенко, П.Л., Ильин, А.А. (2022). *Шуты и клоуны большой политики: Политические элиты в свете карнавальной политической культуры*. Москва: КДУ, Добросвет.
9. Карапетова, И.Н., Жабина, Л.В., Кара-Казарьян, Т.В., Федотова, В.Ю. (2022). Сравнительная характеристика дискурса политических лидеров (на материалах выступлений Д. Трампа и Э. Макрона). *Russian Linguistic Bulletin*, 8(36), 1–7. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.5>
10. Косяков, В.Е. (2017). Особенности избирательной кампании Д. Трампа. *Вестник Поволжского института управления*, 17(1), 105–111. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2017-1-105-111>
11. Ленец, А.В., Сергеева, Д.С. (2018). Языковая манифестация коммуникативной стратегии дискредитации как способа конструирования имиджа политика в виртуальном пространстве (на материале предвыборных твитов Д. Трампа). *Вестник Томского государственного университета*.

Филология, 52, 98–111. <https://doi.org/10.17223/19986645/52/6>

12. Малюкова, О.В. (2015). Аргументационные практики в избирательных технологиях. *РАЦИО.RU*, 15, 153–177.

13. Платицина, Т.В. (2013). Архетип трикстера в зарубежных исследованиях. *Вестник Бурятского государственного университета*, 10, 151–154.

14. Радин, П. (1999). *Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев: С комментариями К.Г. Юнга и К.К. Керены*. Санкт-Петербург: Евразия.

15. Самарцев, В.Ю. (2021). Критический дискурс-анализ стратегий политического дискурса Д. Трампа (на материале президентских дебатов США 2016 года). *Политическая лингвистика*, 2(86), 116–126. <https://doi.org/10.26170/1999-2629-2021-02-11>

16. Тощенко, Ж.Т. (2015). Политические клоуны (шуты). *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*, 1, 91–110.

17. Цокало, О.А. (2021). Тексты «не для всех»: целевая аудитория в фокусе теории аргументации. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*, 3(41), 47–56.

18. Чернова, С.В. (2015). История шутовства. *Филологические науки в МГИМО*, 4, 168–177.

19. Черноземова, Е.Н. (2019). Шуты и шутовство сквозь эпохи: социальный и эстетический аспекты. *Наука и школа*, 4, 20–27.

20. Шапиро, О.А. (2018). *Аргументация: практикум*. Симферополь: Ариал.

21. Шомова, С.А. (2015). Шут, Петрушка, дурак... (ипостаси трикстера в российской политической коммуникации). *Этнографическое обозрение*, 4, 64–74. <https://doi.org/10.31857/S50000392-4-1>

22. Юнг, К.Г. (1996). Психология образа трикстера. В К.Г. Юнг, *Душа и миф: шесть архетипов* (с. 214–225). Киев: Государственная библиотека Украины для юношества.

23. Almond, G.A., & Verba, S. (1963). *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

24. Chernenko, J.A. (2019). Three faces of Trickster in modern politics: Donald Trump, Alexey Navalny and Julian Assange. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(4), 756–764. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-756-764>

25. Eller, J.D. (2023). The trickster: A political theology for our time. *Socio-Historical Examination of Religion and Ministry* 5(1). 44–67. <https://doi.org/10.33929/sherm.2023.vol5.no1.03>

26. Fischer, F., & Forester, J. (Eds.). (1993). *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning*. Durham & London: Duke University Press.

27. Fischer, F., & Gottweis, H. (Eds.). (2012). *The Argumentative Turn Revisited. Public Policy as Communicative Practice*. Durham & London: Duke University Press.

28. Gounari, P. (2018). Authoritarianism, discourse and social media: Trump as the “American agitator”. In J. Morelock (Ed.), *Critical theory and authoritarian populism* (pp. 207–227). London: University of Westminster Press.

29. Habermas, J. (1995). *Theory of communicative action* (Vol. 1). Cambridge: Polity Press.

30. Kahn, V.A. (2014). *The future of illusion: Political theology and early modern texts*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
31. Nacos, B.L., Shapiro, R.Y., & Bloch-Elkon, Y. (2020). Donald Trump: Aggressive rhetoric and political violence. *Perspectives on Terrorism*, 14(5), 2–25.
32. Perelman, Ch., & Olbrechts-Tyteca, L. (1971). *The new rhetoric: A treatise on argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.

References

1. Afonina, O.I. (2022). Osobennosti kognitivno-lingvisticheskogo analiza rechej amerikanskikh politikov na primere rechi D. Trampa [Features of cognitive-linguistic analysis of the speeches of American politicians on the example of D. Trump's speech]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*, 1, 86–94. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-1-86-94>
2. Almond, G.A., & Verba, S. (1963). *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
3. Baxtin, M.M. (2015). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: EKSMO.
4. Bychina, Yu. N. (2021). Klyuchevaya edinita "shut" v kul'ture i kommunikatsii [The key unit "jester" in culture and communication]. *Uchenye zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo*, 7(2), 96–103.
5. Chernenko, J.A. (2019). Three faces of Trickster in modern politics: Donald Trump, Alexey Navalny and Julian Assange. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(4), 756–764. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-756-764>
6. Chernova, S.V. (2015). Istoriya shutovstva [The history of buffoonery]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 4, 168–177.
7. Chernozemova, E.N. (2019). Shuty i shutovstvo skvoz' epokhi: sotsial'nyj i esteticheskij aspekty [Buffoons and buffoonery through the ages: Social and aesthetic aspects]. *Nauka i shkola*, 4, 20–27.
8. Dugin, A.G. (2004). *Filosofiya politiki* [The philosophy of politics]. Moscow: Arktogetya.
9. Eller, J.D. (2023). The trickster: A political theology for our time. *Socio-Historical Examination of Religion and Ministry* 5(1). 44–67. <https://doi.org/10.33929/sherm.2023.vol5.no1.03>
10. Fischer, F., & Forester J. (Eds.). (1993). *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning*. Durham & London: Duke University Press.
11. Fischer, F., & Gottweis, H. (Eds.). (2012). *The Argumentative Turn Revisited. Public Policy as Communicative Practice*. Durham & London: Duke University Press.
12. Gercman, E.E., & Karymova, S.M. (2017). K voprosu ob etimologii i differentsiatsii ponyatiy "shut" i "skomorokh" [On the issue of etymology and differentiation of the concepts of "buffoon" and "skomorokh"]. *European Journal of Arts*, 1, 60–64. <http://dx.doi.org/10.20534/EJA-17-1-60-64>
13. Gounari, P. (2018). Authoritarianism, discourse and social media: Trump

as the “American agitator.” In J. Morelock (Ed.), *Critical theory and authoritarian populism* (pp. 207–227). London: University of Westminster Press.

14. Habermas, J. (1995). *Theory of communicative action* (Vol. 1). Cambridge: Polity Press.

15. Kahn, V.A. (2014). *The future of illusion: Political theology and early modern texts*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

16. Karabushchenko, P.L. (2020). Karnaval'naya politicheskaya kul'tura: sistemnyj analiz politicheskikh kategorij [Carnival political culture: Systematic analysis of political categories]. *Filosofskie aspekty elitologii*, 2, 30–62.

17. Karabushchenko, P.L. (2023). Priroda politicheskogo smekha: elity v svete karnaval'noj politicheskoy kul'tury [The nature of political laughter: Elites in the light of carnival political culture]. *Filosofskie aspekty elitologii*, 4, 54–71. <https://doi.org/10/46539/elit.v4i4.175>

18. Karabushchenko, P.L., & Ilyin, A.A. (2022). *Shuty i klouny bol'shoj politiki: politicheskie elity v svete karnaval'noj politicheskoy kul'tury* [Buffoons and clowns of big politics: Political elites in the light of carnival political culture]. Moscow: KDU, Dobrosvet.

19. Karapetova, I.N., Zhabina, L.V., Kara-Kazaryan, T.V., & Fedotova, V. Yu. (2022). Sravnitel'naya kharakteristika diskursa politicheskikh liderov (na materialakh vystuplenij D. Trampa i E. Makrona) [Comparative characteristics of the discourse of political leaders (based on speeches by D. Trump and E. Macron)]. *Russian Linguistic Bulletin*, 8(36), 1–7. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.36.5>

20. Kosyakov, V.E. (2017). Osobennosti izbiratel'noj kampanii D. Trampa [Features of D. Trump's election campaign]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 17(1), 105–111. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2017-1-105-111>

21. Lenets, A.V., Levenec, A.V., & Sergeeva, D.S. (2018). Yazykovaya manifestatsiya kommunikativnoj strategii diskreditatsii kak sposoba konstruirovaniya imidzha politika v virtual'nom prostranstve (na materiale predvybornykh tvitov D. Trampa) [Linguistic manifestation of the communicative strategy of discrediting as a way of constructing the image of a politician in the virtual space (based on D. Trump's election tweets)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 52, 98–111. <https://doi.org/10.17223/19986645/52/6>

22. Malyukova, O.V. (2015). Argumentatsionnye praktiki v izbiratel'nykh tekhnologiyakh [Argumentation practices in electoral technologies]. *RACIO.RU*, 15, 153–177.

23. Nacos, B.L., Shapiro, R.Y., & Bloch-Elkon, Y. (2020). Donald Trump: Aggressive rhetoric and political violence. *Perspectives on Terrorism*, 14(5), 2–25.

24. Perelman, Ch., & Olbrechts-Tyteca, L. (1971). *The new rhetoric: A treatise on argumentation*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.

25. Platicina, T.V. (2013). Arkhetip trikstera v zarubezhnykh issledovaniyakh [The trickster archetype in foreign studies]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 10, 151–154.

26. Radin, P. (1999). *Trikster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indejtssev. S kommentariyami K.G. Yunga i K.K. Keren'i* [The Trickster. A study of the myths of the North American Indians. With comments by C.G. Jung and K.K. Kerenyi]. St. Petersburg: Evraziya.

27. Samarcev, V. Yu. (2021). Kriticheskij diskurs-analiz strategij politicheskogo diskursa D. Trampa (na materiale prezidentskikh debatov SShA 2016 goda) [Critical discourse-analysis of D. Trump's political discourse strategies (based on the 2016 US presidential debates)]. *Politicheskaya lingvistika*, 2(86), 116–126. <https://doi.org/10.26170/1999-2629-2021-02-11>

28. Shapiro, O. A. (2018). *Argumentatsiya: praktikum* [Argumentation: Practical training]. Simferopol: Arial.

29. Shomova, S. A. (2015). Shut, Petrushka, durak... (ipostasi trikstera v rossijskoj politicheskoy kommunikatsii) [Buffoon, Petrushka, fool... (hypostases of the trickster in Russian political communication)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4, 64–74. <https://doi.org/10.31857/S50000392-4-1>

30. Toshchenko, Zh. T. (2015). Politicheskie klouny (shuty) [Political clowns (buffoons)]. *Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovanij*, 1, 91–110.

31. Tsokalo, O. A. (2021). Teksty “ne dlya vsekh”: tselevaya auditoriya v fokuse teorii argumentatsii [Texts “not for everyone”: The target audience in the focus of argumentation theory]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 3(41), 47–56.

32. Yung, K. G. (1996). Psikhologiya obraza trikstera [The psychology of the trickster image]. In K. G. Yung, *Dusha i mif: shest' arkhetipov* [Soul and myth: Six archetypes] (pp. 214–225). Kiev: Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshstva.

Информация об авторах

Ольга Александровна Шапиро, кандидат философских наук, доцент кафедры сравнительных политических исследований, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3934-8498>, e-mail: shapiro-oa@ranepa.ru

Анастасия Игоревна Долина, студентка 4-го курса бакалавриата направления «Политология», Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: adolina-22@ranepa.ru

Information about the authors

Olga Alexandrovna Shapiro, Candidate of Philosophical Sciences, docent of Department of Comparative Political Studies, Northwestern Institute of Management, RANEPa, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3934-8498>, e-mail: shapiro-oa@ranepa.ru

Anastasia Igorevna Dolina, 4rd year student of the Bachelor's degree in Political Science, Northwestern Institute of Management, RANEPa, St. Petersburg, Russia, e-mail: adolina-22@ranepa.ru

ПРОПАГАНДА И АГИТАЦИЯ В ЭПОХУ МОДЕРНА, ПОСТМОДЕРНА И МЕТАМОДЕРНА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Константин Викторович Старостенко,

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Орёл, Россия,
pilotskv@bk.ru

Андрей Сергеевич Коновалов,

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Орёл, Россия,
andrei070199@mail.ru

Получена 10.09.2025.

Поступила после рецензирования 24.11.2025.

Принята к публикации 14.01.2026.

Для цитирования: Старостенко К.В., Коновалов А.С. Пропаганда и агитация в эпоху модерна, постмодерна и метамодерна (сравнительный анализ) // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1. С. 130–145. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_130

Аннотация

В статье рассматривается эволюция пропаганды и агитации в контексте философско-культурных парадигм модерна, постмодерна и метамодерна. Основная научная проблема заключается в изменении механизмов воздействия на массовое сознание в условиях смены мировоззренческих ориентиров. Актуальность темы

© Старостенко К.В., Коновалов А.С., 2026

обусловлена современными вызовами политической коммуникации, когда традиционные формы убеждения утрачивают эффективность, а информационная среда характеризуется скептицизмом и фрагментацией. Цель работы – проследить историко-философскую динамику политической пропаганды, выявить ее ключевые черты в каждом из периодов и оценить перспективы ее трансформации в условиях формирования метамодерна. В работе показано, что эпоха модерна опиралась на рационализм и идею прогресса, предусматривая систематическое убеждение через «великие нарративы». Постмодерн, напротив, подверг эти «нарративы» критике, заменив прямолинейное воздействие деконструкцией, иронией и игрой с символами. Однако такая стратегия привела к утрате коллективного доверия, что, в свою очередь, подорвало эффективность коммуникации. Метамодерн как синтез модерна и постмодерна предлагает новую модель пропаганды, основанную на концепции «новой искренности». В данном случае речь идет о гибридном подходе, который объединяет рациональное и эмоциональное, предполагает ориентацию на масштабные цели и учет сложности и неоднозначности современного мира. В заключение подчеркивается, что метамодерн создает перспективную основу для обновления методов политической коммуникации, поскольку концепция «новой искренности» способна стать тем инструментом преодоления тотального скептицизма, который поможет создать условия для объединения перед лицом неизбежных глобальных вызовов.

Ключевые слова:

пропаганда, агитация, модерн, постмодерн, метамодерн, «новая искренность»

UDC 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_130

PROPAGANDA AND AGITATION IN THE ERA OF MODERNITY, POSTMODERNITY AND METAMODERNITY (COMPARATIVE ANALYSIS)

Konstantin V. Starostenko,

Orel State University named after I.S. Turgenev,
Orel, Russia,
pilotskv@bk.ru

Andrei S. Konovalov,

Orel State University named after I.S. Turgenev,
Orel, Russia,
andrei070199@mail.ru

Received 10.09.2025.

Revised 24.11.2025.

Accepted 14.01.2026.

For citation: Starostenko, K.V., Konovalov, A.S. (2026). Propaganda and Agitation in the Era of Modernity, Postmodernity and Metamodernity (Comparative Analysis). *Discourse-P*, 23(1), 130–145. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_130

Abstract

The article examines the evolution of propaganda and agitation in the context of the philosophical and cultural paradigms of modernity, postmodernity and metamodernity. The main scientific problem is to analyze changes in the mechanisms of influence on mass consciousness under the influence of changing worldview orientations. The relevance of the topic is determined by modern challenges in political communication, where traditional forms of persuasion are losing their efficacy, and the information environment is characterized by skepticism and fragmentation. The purpose of the research is to trace the historical and philosophical dynamics of political propaganda, identify the key features of each period and estimate the prospects for its transformation in the context of the formation of metamodernity. The research shows that the era of modernity was based on rationalism and linear progress, offering systemic persuasion through “grand narratives”. Postmodernity criticized these “narratives”, replacing direct agitation with deconstruction, irony and symbolic play. However, this strategy reduced to a loss of collective trust and, as a result, the effectiveness of communication. Metamodernity as a synthesis of modernity and postmodernity offers a new model of propaganda based on the concept of “new sincerity”. This approach combines rational and emotional elements, appeals to large-scale goals, while recognizing the complexity and ambiguity of the modern world. From all the above it can be concluded that metamodernity provides a promising basis for updating political communication methods inasmuch as the concept of “new sincerity” has the potential to become a tool for overcoming pervasive skepticism, creating conditions for unity in the face of inevitable global challenges.

Keywords:

propaganda, agitation, modernity, postmodernity, metamodernity, “new sincerity”

Введение

В последнее десятилетие в среде гуманитарной мысли все чаще говорят о кризисе постмодерна и становлении новой парадигмы, которую Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер предложили именовать парадигмой метамодерна (Vermeulen, van den Akker, 2010). Цель данной работы: проследить историко-философскую эволюцию от модерна к постмодерну, а затем к метамодерну, акцентируя внимание на том, как в эти периоды трансформировались механизмы и формы политической пропаганды и агитации. Подчеркнем, что под политической пропагандой в нашем исследовании понимается систематическое и целенаправленное воздействие на массовое сознание, призванное формировать ту или иную социально-полити-

ческую установку. Это вполне согласуется с классическими трактовками, представленными в работах Г. Лассуэлла (Lasswell, 1927), Э. Бернейса (Бернейс, 2010, с. 19) и Ж. Эллюля (Ellul, 1973, p. 61). Концепция У. Липпмана в данном случае позволяет уточнить, что массовое сознание формируется главным образом через так называемую «псевдосреду» (англ. pseudo-environment), создаваемую медиа, превращая пропаганду в структурный элемент современного публичного пространства (Lippmann, 1998, p. 25).

Следует, однако, учесть, что исследовательская литература предлагает различные версии взаимосвязи пропаганды и агитации. Если В.И. Ленин четко разграничивает понятия (Ленин, 1945, с. 86–87), то Ж. Эллюль рассматривает агитацию лишь как разновидность пропаганды. В рамках настоящего исследования мы будем придерживаться второго подхода. В таком понимании политическая агитация будет представлять собой убеждение аудитории в необходимости конкретных действий, часто обращенных к каким-либо срочным задачам.

Определив понятийные рамки, мы переходим к вопросу о том, почему анализ пропаганды и агитации в их эволюционной динамике становится сегодня особенно значимым. Проблема, по нашему мнению, заключается в противоречии между унаследованными из прошлого методами убеждения и новыми условиями их восприятия. С одной стороны, классические стратегии, апеллирующие к объективности, утратили мобилизующую силу в ситуации тотального недоверия; с другой стороны, логика деконструкции, обесценившая любые претензии на эту самую объективность, оказалась непригодна для выработки позитивной программы коллективного действия. Стало быть, возникновение метамодерна свидетельствует о том, что наступает эпоха, способная заново открыть «великие идеи» модерна, но уже переосмысленные в свете постмодернистского опыта.

Наконец, нельзя обойти стороной методологический аспект данной работы. Историко-философский анализ позволяет проследить преемственность идей и критических возражений: от рационализма и идеалов Просвещения через тотальное отрицание «великих нарративов» к новому синтезу. Сравнительный анализ, сопоставляющий три эпохи (модерн, постмодерн, метамодерн) по тому, как они соотносятся с политической пропагандой, помогает выявить не просто формальные различия, но глубинные изменения в антропологической модели человека. Ведь пропаганда предполагает определенное представление о том, как люди принимают решения, во что верят, на что отзываются в первую очередь.

Модерн: вера в прогресс и триумф «великих нарративов»

Говоря о модерне, мы имеем в виду эпоху, охватывающую период примерно с XVII до середины XX в. Однако термин «модерн» нельзя считать исключительно хронологическим. Скорее, это совокупность идей и принципов, сформировавшихся под влиянием европейского Просвещения и усилившихся в результате научно-технического прогресса. Разумеется, эта интеллектуальная трансформация не могла не отразиться на практиках государственной пропаганды и агитации.

Прежние способы убеждения масс имели традиционный, в большей степени религиозный, характер: проповеди, указы царя, прямая апелляция к страху перед загробным миром или сакральной волей властителя. Показательно, что

даже само слово «пропаганда» первоначально фиксировало эту религиозность, ибо Конгрегация пропаганды веры (Sacra Congregatio de Propaganda Fide), учрежденная папой Григорием XV в 1622 г., занималась сугубо миссионерской деятельностью (Guilday, 1921). Модерн, в свою очередь, внес решительные изменения: отныне воздействие на массовое сознание опиралось не только на древние символы и церковную риторику, но и на прогрессивные научно обоснованные идеи. Более того, сами деятели эпохи Просвещения писали и распространяли памфлеты, создавали кружки по интересам, проводили диспуты – все это можно считать своеобразными аналогами пропагандистских мероприятий, способными, как бы выразился В.И. Ленин, «вооружать разум» людей новыми концепциями.

Одним из наиболее показательных примеров в этом смысле стала Французская революция. Под воздействием просветительских идей общественное сознание оказалось восприимчивым к тезису о том, что весь социальный порядок можно преобразить, если разрушить старые институты. Революционеры напрямую апеллировали к разуму и естественным правам человека, а их агитация подчеркивала, что королевская власть больше не имеет достаточного оправдания. В памфлетах того времени, особенно на страницах газеты «Друг народа» (Марат, 1937, с. 121), регулярно звучали такие тезисы, как «свобода», «равенство» и «братство». Вершиной этой риторики стало принятие «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.)¹, провозгласившей, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Размноженная в тысячах экземпляров, она явилась поистине мощным инструментом пропагандистского воздействия, формирующим у масс ощущение, что они ведут борьбу не просто за смену власти, но за новую эпоху в истории человечества.

С течением времени все большее значение обретала массовая печатная продукция в виде газет, листовок, брошюр, а позднее и первых периодических журналов, ставших предшественниками современной медийной сферы (Маклюэн, 2022). Именно этот способ тиражировать политическую информацию и доносить ее до широкой аудитории породила феномен идеологической мобилизации.

Вместе с тем пропаганда модернистского типа все еще оставалась, по сути, линейной: ее главная идея – существует великая цель, существуют конкретные понятные пути ее достижения, а людям необходимо сплотиться вокруг этой истины и подтвердить ее либо силой оружия, либо на выборах.

В XX в. модерн перешагнул на новый этап, отныне пропаганда обрела небывалую материальную опору в виде ресурсов государственной машины и арсенала новых на тот момент медиа. Довольно ярким примером воплощения этого на практике стала деятельность Комитета общественной информации (CPI) в США под руководством Дж. Крила во время Первой мировой войны. Как отмечает Д. В. Суржик, это было «первое в истории США государственное агитационное ведомство» (2014, с. 11), создавшее централизованный механизм производства и распространения патриотических нарративов. Комитет выпускал миллионы

¹ Декларация прав человека и гражданина, принятая Национальным собранием 26 августа 1789 г. (Франция) / пер. И. Васильевой // Документы французской революции. Публикация на сайте «Восточная литература». Взято 25 февраля 2026, с https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Dokumenty_fr_rev_1789/text.htm

брошюр, плакатов и пресс-релизов, однако наиболее впечатляющим элементом кампании стала программа «Four Minute Men» («четырёхминутчики»), представлявшая собой сеть добровольных ораторов, выступавших с краткими агитационными речами перед киносеансами, в школах и церквях. Эффект оказался ошеломительным – общественная поддержка войны была обеспечена. Опыт Комитета наглядно показал, что пропаганда может быть не просто средством убеждения, а эффективным инструментом социального управления.

Однако возможности этого инструмента не ограничивались мобилизацией в уже сложившихся государствах. Очевидно, более радикальное применение он получил там, где предстояло не просто сплотить нацию, а «создать ее заново» – в революционной России. На практике это означало развертывание целого комплекса мероприятий: газета «Правда» выступала идеологическим рупором, специальные агитпоезда и агитпароходы доставляли «живое слово» в самые отдаленные уголки страны, а «Окна сатиры РОСТА» оперативно откликались на злобу дня плакатами и карикатурами. Все это работало на решение двуединой задачи – легитимацию новой власти и создание «нового человека» – носителя революционного сознания).

Особенно жесткий характер пропаганда приобрела в тоталитарных режимах, вполне закономерно унаследовавших модернистскую веру в возможность грандиозного социального эксперимента. В этих условиях она превращалась во всеобъемлющий инструмент идеологического воздействия, охватывавший не только политическую сферу, но в первую очередь культуру и образование. Речь шла о целенаправленной инженерии, где каждый учебный предмет, каждая книга становились инструментом формовки граждан.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что эпоха модерна не ограничивается тоталитарной логикой. Многие демократические институты, общественные свободы, концепции прав человека и даже само понятие социального прогресса напрямую восходят к модернистскому мировоззрению. Именно в этой парадигме политическая пропаганда впервые приобрела конституционный и общественно значимый характер.

Таким образом, модерн можно охарактеризовать как эпоху, в которой возникла и укоренилась вера в линейный прогресс, основанный на рациональном методе и объективном научном знании. Политическая пропаганда в этих условиях есть систематическое убеждение больших групп людей в единственно правильной программе, способной обеспечить исторический прорыв к обществу «всеобщего благоденствия». Этот прорыв мыслится как сознательный, управляемый процесс, находящийся под контролем человеческого разума и оперирующий теми или иными «великими нарративами».

Постмодерн: фрагментация истины и скепсис к «великим нарративам»

Смена эпохи от модерна к постмодерну не была одномоментным актом, скорее, это постепенный процесс, вызванный тем, что большие надежды, порожденные Просвещением и витавшие в воздухе вплоть до начала XX в., столкнулись с суровыми реалиями мировых войн, тоталитарных режимов и повсеместного

контроля. В результате у значительной части интеллектуалов возникло подозрение: а не являются ли те самые «великие нарративы» всего лишь рационализированными иллюзиями, которые служат прикрытием для угнетения и насилия (Адорно, Хоркхаймер, 1969; Лиотар, 1998)?

Так сформировалась философская почва для постмодерна – культурно-интеллектуальной парадигмы второй половины XX в., классическим выражением которой стала работа Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», где автор утверждает, что прежняя эпоха больше не обладает полной легитимностью, а «великие нарративы» прогресса и исторического оптимизма оказываются дискредитированными. Под «великими нарративами» он понимает крупные метатеории, претендующие на универсальность и полноту объяснения реальности² (Лиотар, 1998).

Основополагающим принципом становится недоверие к так называемым «объективным истинам», подозрение к самой возможности однозначного языка, описывающего реальность. Ж. Бодрийяр, продолжая линию критики, вводит понятие гиперреальности, где подлинное и симулированное настолько переплетены, что становятся трудноразличимыми (2015). В такой обстановке жесткая государственная пропаганда, да еще и основанная на пафосе, в корне теряет убедительность. Ведь аудитория, насквозь пропитанная постмодернистским духом, готова ревностно разоблачать любые претензии на универсальность, воспринимая их как инструмент власти или элемент массивированной медийной манипуляции.

Если в модерне убеждение опиралось на науку, либо историческую миссию, иными словами, на строгую логику, то в постмодерне оно все чаще прибегает к ироничной маске, к игре символами и бесконечному цитированию. Н. Постман связывал это с тем, что медиа – прежде всего телевидение – трансформируют политический дискурс, превращая его в разновидность развлечения. В результате этого серьезные сообщения утрачивают аргументативную силу и начинают восприниматься как элементы шоу (Postman, 2005). Развивая эту линию, А. Эдельштейн показывает, как в эпоху постмодерна окончательно стирается грань между манипуляцией и массовой культурой. Если раньше подобные формы политического воздействия исходили от государства и носили во многом принудительный характер (oldprop), то теперь они встраиваются в добровольно потребляемые формы популярной культуры (newprop) (Edelstein, 1997). Г.Г. Почепцов называет это пропагандой 2.0 и, в свою очередь, утверждает: если «пропаганда 1.0» опиралась на идеологическую доминанту и работала через содержание, то «пропаганда 2.0» строится на эстетической доминанте (2018). Иными словами, делается ставка не на убеждение с помощью лозунгов и фактов, а на погружение в эмоциональную среду, где главным инструментом становится переживание.

---

² В данном контексте присутствует некий парадокс: рассуждая о крахе «великих нарративов», Жан-Франсуа Лиотар, по сути, сам формирует своего рода объемлющий «великий нарратив» – о делегитимации этих самых нарративов. Этот момент открывает простор для дальнейших размышлений, однако в рамках нашего исследования мы сосредоточимся на других проявлениях постмодернизма, оставив обсуждение данной темы за его пределами.

Яркой иллюстрацией этого сдвига может служить предвыборная кампания Б.Н. Ельцина в 1996 году «Голосуй или проиграешь». Вместо выверенных апелляций к «светлому будущему» избирателям предлагался яркий, клиповый видеоряд с поп-музыкой, танцующими массами и молодыми ведущими. Политика здесь впервые (в нашей стране) подавалась как развлечение, как шоу, где главное – не программа кандидата, а эмоция, драйв и ощущение причастности к «молодежной» культуре. О том же свидетельствует и проникновение политической риторики в интернет-мемы. Лидеры мнений и партии сами начинают использовать их, иронизировать над собой и своими оппонентами, создавая иллюзию близости к народу. Отлично понимал эту специфику В.В. Жириновский, и потому стал, пожалуй, одним из главных политических мем-символов постсоветской России, ибо активно способствовал производству различного рода контента, в том числе юмористического, с собой в главной роли.

Разумеется, постмодернистский перелом затронул и символический уровень политической коммуникации. Хрестоматийным примером стала судьба образа Че Гевары, который трансформировался в расхожий принт на футболках, лишенный какого-либо политического содержания и работающий исключительно на создание «бунтарского» имиджа. По всей видимости, сама идея «манипуляции» становится относительной, поскольку современный человек погружен в потоки политической информации и воспринимает их не в категориях «истинности» или «ложности», а как множество разноразмерных симулякров (Джеймисон, 2019). Это говорит о том, что теперь агитатор или пропагандист может достичь цели лишь при условии, что он умеет работать с фрагментированной публикой, где каждая группа живет в собственной «реальности», изолируясь в информационных пузырях. Парадоксальным образом политическая реклама, адресованная «всем сразу», часто проваливается, потому что никакого единого «все» уже нет, есть различающиеся субкультуры и субобщества (Бауман, 2008).

Такое состояние усиливает цинизм и недоверие, что, как отметили Ю. Хабермас и другие представители Франкфуртской школы, подрывает способность к коллективному действию (2003). И если модерн видел противоречия как временные препятствия, преодолимые в процессе развития разума, то постмодерн возводит саму множественность и недоверие в разряд нормы. Следовательно, пропаганда теперь не столько убеждает, сколько иронизирует, цитирует, превращает политическое сообщение в элемент игры. Ее задача – не утвердить окончательную истину, а хотя бы на короткое время захватить внимание реципиентов. Но любопытно то, что в определенный момент общество, окончательно утратившее веру в единые смыслы, все равно продолжает интуитивно жаждать их.

Метамодерн: «новая искренность» и гибридный подход

Если на пике своего развития постмодерн сумел вскрыть уязвимости прошлого, то уже к концу XX в. в культурно-философском поле созрело понимание, что данное направление привело в тупик. На этой почве возник общественный, в некоторой степени бессознательный, запрос на новую альтернативную парадигму.

Метамодерн, как его обычно описывают современные исследователи, стремится удержать в себе полярные особенности двух эпох. С одной стороны, он

не отрицает наследие постмодерна, т.е. множественность точек зрения, языковую игру и перманентное сомнение. С другой – он в какой-то мере, разумеется, не в полной, но достаточной для своего времени, возвращает тот модернистский энтузиазм по поводу больших идей о стремлении к научному, социальному и моральному прогрессу. При этом возникает особый тип мировоззрения, где противоположности начинают «осциллировать», то есть, колебаться и порождать новое качество. Т. Вермюлен и Р. Ван ден Аккер подчеркивают, речь идет не об отказе от скептицизма, а о сознательном шаге навстречу «великим нарративам» в их переосмысленном виде (Vermeulen, van den Akker, 2010).

Примечательно, что приставка «мета-» явно отсылает к Платоновскому термину «metaxu», который трактовался как «промежуточное состояние», соединяющее в себе две противостоящие формы бытия (Хохлова, 2017, с. 50).

Показательно здесь также и сама терминологическая отсылка. Автор «Манифеста Метамодернизма»³ намеренно возвращается к слову «манифест», напоминающему нам о традициях программных заявлений эпохи Просвещения и движений XIX в. Однако, если прежние манифесты требовали безусловного принятия истины («Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса (1955) или «Манифест футуризма» Маринетти (1914)), то метамодернистский звучит как приглашение к переосмыслению. Л. Тёрнер указывает, что его позиция заключается не в диктате новых постулатов, а в осознании взаимной хрупкости и необходимости соединять прямолинейный пафос с привычкой сомневаться в любых окончательных версиях реальности⁴.

В этом гибридном пространстве вырастает и то, что ныне принято называть «новой искренностью». Речь идет о стремлении говорить о высоком, важном, масштабном без оглядки на то, что любое подобное утверждение может быть высмеяно или деконструировано. Человек эпохи метамодерна сохраняет внутреннюю иронию, но она перестает быть главным способом выражения мысли. Ирония теперь становится, скорее, механизмом безопасности, который не дает идее застыть в догматизме. Однако внешний акцент смещается к искренности и эмпатии, когда проповедование той или иной общественной идеологии уже не выглядит простым лозунгом. Лидер, выступающий в метамодернистском ключе, не претендует на окончательную истину, но демонстрирует открытость к диалогу и готовность допустить ошибку. Возникает новый образ публичного политика или общественного деятеля: не всезнающего гуру, но и не циничного шоумена, а человека, признающего свою уязвимость.

Подобная открытость требует также и соответствующей формы коммуникации. Большинство современных кампаний, если их внимательно рассмотреть, сочетают в себе научные данные, художественные метафоры, личные истории и даже самоироничные комментарии. Подобная эклектика, еще недавно воспринимаемая как нечто непрофессиональное, обретает теперь особую убедительность.

³ Turner, L. (2011). *Metamodernist Manifesto*. Retrieved January 27, 2025, from <http://www.metamodernism.org/>

⁴ Turner, L. (2015, January 12). *Metamodernism: A Brief Introduction*. Retrieved January 27, 2025, from <https://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction/>

Агитация, исходя из этой логики, больше не сводится к жестким директивам. Это, скорее, приглашение к соучастию, к совместному созиданию. В результате пропагандистская стратегия выстраивается вокруг признания сложности будущего, но при этом призывает не отказываться от глобальных целей. Подобный двойственный ход, пожалуй, и создает ту самую «осцилляцию». Именно так в общем виде выглядит гибридизация форматов. Вопрос о том, насколько органично новые стратегии приживаются в разных политических и культурных контекстах, остается открытым.

В этом смысле кейс российского мессенджера «МАХ» приобретает особый интерес. На начальном этапе кампания демонстрировала явное стремление работать в логике «новой искренности», поскольку были задействованы ирония и самоирония, активно использовались мемы и работа с блогерами, делалась ставка на горизонтальное вовлечение аудитории через соучастие. Все это – узнаваемый инструментарий пропаганды 2.0, ориентированный на добровольное принятие ценностей, а не на их принудительное насаждение. Сам по себе этот ход заслуживает внимания как попытка адаптировать гибкие, постмодернистские по своей природе формы коммуникации к продвижению «великого нарратива» цифрового суверенитета. Но столкнувшись с недоверием со стороны потенциальных пользователей, система мгновенно переключилась на архаичный, но безотказный механизм пропаганды 1.0: она активировала образ Врага (иностранные мессенджеры как угроза суверенитету) и включила строго вертикальную модель, заменив «мягкое» убеждение «грубым» привлечением административного ресурса⁵.

Иной, более успешный пример дает образ «вежливых людей» времен Крымской кампании 2014 г. Само название, изначально балансирующее на грани абсурда, не было навязано сверху как неуклюжий пиар-ход. Оно органично родилось после случившегося (появления военных без опознавательных знаков) и было мгновенно подхвачено массами, став основой для мощнейшего потока контента (Моисеенко, 2015). Ирония здесь не разрушала серьезность миссии, а, напротив, делала ее доступной и при этом вызывающей симпатию и гордость у россиян. Публика не просто потребляла готовый образ – она становилась его со-автором, дотраивая нарратив и укрепляя тем самым собственную идентичность.

Эти примеры не должны, однако, создавать впечатление, что «новая искренность» – сугубо российский феномен. Сама логика универсальна, и ее наиболее яркое и концептуально чистое воплощение в современной западной политике мы обнаруживаем в беспрецедентной кампании З. Мамдани, избранного мэром Нью-Йорка в 2025 г. Его путь от кандидата с рейтингом в 1 % до самого молодого мэра⁶ мегаполиса за последние сто лет и первого мусульманина на этом посту – это, по сути, пошаговая инструкция по применению метамодернистской стратегии.

⁵ Меньшикова, Л. (2025, 16 декабря). Средство массовой коммуникации: есть ли альтернатива родительскому чату в Max. *Forbes Education*. Взято 7 марта 2026, с <https://www.forbes.ru/education/552094-sredstvo-massovoj-kommunikacii-est-li-al-ternativa-roditel-skomu-catu-v-max>

⁶ Campanile, C. (2025, June 23). Shocking poll shows Zohran Mamdani overtaking Andrew Cuomo in NYC's ranked choice primary. *New York Post*. Retrieved March 7, 2026, from <https://nypost.com/2025/06/23/us-news/poll-shows-mamdani-overtaking-cuomo-in-nycs-ranked-choice-primary/>

Кандидат сумел стать для избирателя «своим», а его кампания – образцом горизонтального соучастия. Ключевых моментов здесь три. Во-первых, З. Мамдани является сыном известного кинорежиссера Миры Наир⁷. Он с детства был погружен в мир визуальных медиа, что позволило ему свободно овладеть языком современного контента и одинаково органично выступать как в роли его создателя, так и в роли главного героя. Видео, снятые не в студии, а в метро, в такси, на рынках, транслировали готовность быть «несовершенным» – именно это стало его главным капиталом. Во-вторых, важную роль сыграли мемы, которые работали на серьезный месседж. Ролик с прыжком в ледяную воду и фразой «Я замораживаю вашу арендную плату» набрал колоссальное количество просмотров⁸, доказывая, что шутка не разрушает пафос, а делает его запоминающимся. В-третьих, решающее значение имела продуманная работа с алгоритмами и выстроенная инфраструктура соучастия. З. Мамдани инвестировал в качественный контент еще при минимальной узнаваемости и проводил отдельные брифинги не для прессы, а для инфлюенсеров, создав тем самым «армию» волонтеров-креаторов. Возникшая платформа *Creators for Zohran* превратила аудиторию из пассивного потребителя в соавтора нарратива, доставляющего его нужным сегментам избирателей⁹. К слову, эта стратегия полностью соответствует выводам о том, что в условиях цифровой среды успех кампании определяется не столько масштабом административного ресурса, сколько способностью задействовать механизмы горизонтального влияния, ибо: «массовое высказывание мнения рядовыми пользователями значительно реже вызывает сомнения и подвергается критическому осмыслению» (Виловатых, 2020, с. 160).

Да, несомненно, как и любая свежая концепция, метамодерн имеет также и своих противников. Так, А. Кардаш подчеркивает, что это лишь видоизмененный постмодернизм, а не что-то радикально новое¹⁰. Развивая эту критическую линию в духе Ф. Джеймисона (2019), можно также усмотреть в этом продолжение экономической логики постмодернизма, органично встроенной в условия позднего капитализма, где декларации о «новой искренности» и возвращении к «великим нарративам» становятся формой культурной продукции, адаптированной к медийным и коммерческим реалиям. Однако современные технологии политической пропаганды и агитации не просто интегрированы в маркетинговые механизмы – они стали их неотъемлемой частью. Еще Э. Бернейс указывал, что принципы политического влияния и рекламы опираются на общую логику работы

⁷ Кандаян, И. (2025, 7 ноября). Что нужно знать о Зоране Мамдани – первом мусульманине-мэре Нью-Йорка, о котором сейчас все говорят. *Peopletalk*. Взято 7 марта 2026, с <https://dzen.ru/a/aQ7SJkX4ei207zb4>

⁸ ForkLog. (2025, 4 ноября). Путь налево: что победа Зохрана Мамдани принесет биткоин-рынку Нью-Йорка. *TradingView*. Взято 7 марта 2026, с <https://ru.tradingview.com/news/forklog:89a23ac5267b8:0/>

⁹ Lorenz, T. (2025, October 29). Zohran just hosted the first press conference exclusively for content creators. *User Mag*. Retrieved March 7, 2026, from <https://www.usermag.co/p/zohran-just-hosted-the-first-press>

¹⁰ Кардаш, А. (2019, 15 июня). Критика философских оснований метамодерна. *Insolarance*. Взято 28 января 2025, с <https://insolarance.com/metamodern-criticism/>

с массовым сознанием (2010). В таком случае, если идея «новой искренности» оказывается коммерчески успешной, это лишь доказывает ее способность создавать ту самую благоприятную почву в сознании масс, на которой могут прорасти семена «великих нарративов».

А. Павлов (2018) и А. Заньковский¹¹, в свою очередь, критикуют метамодернизм за декларативность, слабую теоретическую проработку и ограниченные аналитические возможности. Однако, здесь стоит отметить, что эта слабость может быть воспринята, напротив, как скрытая сила. Метамодернизм, вместо того чтобы сходу менять общественно-политический порядок, создает предпосылки для этих изменений, помогая массам преодолеть всеобъемлющий скептицизм постмодерна. Таким образом, «новая искренность» становится неким инструментом подготовки общественного сознания к восприятию обновленных «великих нарративов». К тому же, как показывает Д.Д. Хохлова, это не умозрительная конструкция, а концепция, находящая прямое подтверждение в актуальных политических процессах (2017, с. 54).

Говоря о самой сути политической пропаганды и агитации в эту эпоху, мы видим, что это сочетание нескольких важных элементов. Во-первых, сохраняется стремление к идеалу, ибо в центре повестки могут быть довольно масштабные темы. Во-вторых, всегда подчеркивается, что никаких окончательных решений не существует, а потому любой призыв к действию – это лишь один из вариантов потенциальных сценариев. В-третьих, агитатор старается выстроить доверительную политическую коммуникацию, приглашая аудиторию к сотворчеству, а не просто к послушанию. Такая модель осмысленной вовлеченности близка к тому, что Ю. Хабермас называл «коммуникативным действием» (2001).

Важно понимать, что метамодернистский подход к политической пропаганде находится в самом начале своего утверждения. Современные политики, общественные движения и интеллектуалы все еще только осваивают его, стремясь найти ту формулу, которая позволила бы сохранить большие цели, но не скатиться в авторитарный стиль. Л. Тёрнер прямо указывает, что главная сложность и прелесть метамодерна заключаются в признании неоднозначности собственной позиции: мы хотим вдохновения, но помним о скепсисе, мы движемся к правде, однако знаем, что «правда» всегда условна¹².

Заключение

Проведенный анализ позволяет зафиксировать не просто смену исторических эпох, но и глубинную трансформацию самой модели политической коммуникации. Пропаганда в каждом из рассмотренных периодов выступала не столько инструментом убеждения, сколько зеркалом доминирующей антропологической

¹¹ Заньковский, А. (2021, 29 марта). *Время твердых медуз: метамодерн, который мы заслужили*. Взято 28 января 2025, с <https://metamodernizm.ru/metamodern-which-we-deserve/>

¹² Turner, L. (2011). *Metamodernist Manifesto*. Retrieved January 27, 2025, from <http://www.metamodernism.org/>

парадигмы – представлений о том, как человек познает мир и что побуждает его к действию.

В эпоху модерна пропаганда носила линейно-мобилизационный характер. Она, главным образом через «великие нарративы», стремилась сплотить массы вокруг единой цели. Ее эффективность обеспечивалась не только институциональной мощью государства, но и самой верой аудитории в возможность постижения так называемой объективной истины.

Постмодерн, напротив, осуществил тотальную деконструкцию предыдущей модели. Обнажив механизмы власти, скрытые за любыми претензиями на универсальность, он низвел пропаганду до уровня игры, иронии и симуляции. Однако, обратной стороной этого процесса стала утрата всеобщего доверия и невозможность эффективной мобилизации.

Метамодерн же, в свою очередь, предлагает не возврат к наивности модерна и не бегство в цинизм постмодерна, а сложный, рефлексивно-синтетический путь. Его ключевая инновация – «новая искренность», которая представляет собой сознательный выбор «великого нарратива» при полном понимании его условности. Как показывают разобранные кейсы, эта стратегия работает лишь там, где за формой стоит подлинное содержание и реальный запрос аудитории. Стало быть, уход в «новую искренность» остается все же хрупким и рискованным экспериментом, но в случае неудачи система всегда готова откатиться к бинарной логике «свой–чужой», которая, как напоминает Г.Г. Почепцов, уходит корнями в древнейшие механизмы выживания коллектива (2018).

Таким образом, метамодерн предлагает политической коммуникации не готовые рецепты, а скорее гибкую оптику: умение удерживать баланс между пафосом и иронией, между убеждением и приглашением к диалогу. И главный вызов здесь – не допустить, чтобы «новая искренность» превратилась в очередной симулякр. Однако ответ на него лежит уже не в плоскости технологий, а в плоскости этики и подлинности тех целей, которые политическая коммуникация призвана обслуживать.

Список литературы

1. Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Питер.
2. Бернейс, Э. (2010). *Пропаганда*. Москва: Hippo Publishing.
3. Бодрийяр, Ж. (2015). *Симулякры и симуляции*. Москва: Издательский дом «ПОСТУМ».
4. Виловатых, А.В. (2020). Манипулирование социальным поведением в условиях цифровой среды. *Дискурс-Пи*, 2(39), 149–164. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10210>
5. Джеймисон, Ф. (2019). *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. Москва: Издательство Института Гайдара.
6. Ленин, В.И. (1945). *Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения*. Москва: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы.
7. Лиотар, Ж.-Ф. (1998). *Состояние постмодерна*. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя.

8. Маклюэн, Г.М. (2022). *Галактика Гутенберга: становление человека печатающего*. Москва: Академический проект.
9. Марат, Ж.-П. (1937). *Памфлеты*. Москва: Государственное социально-экономическое издательство.
10. Маринетти, Ф.Т., Боччони, У., Карра, К., Руссоло, Л., Балла, Д., Северини, Д., Прателла, Б., Сень-Пуань, В (1914). *Собрание манифестов итальянского футуризма*. Москва: Типография Русского товарищества.
11. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). *Сочинения* (2-е изд., т. 4). Москва: Государственное издательство политической литературы.
12. Моисеенко, Л.В. (2015). Интернет-мем как единица социально-культурного контента. *Вестник МГЛУ*, 27(738), 105–112.
13. Павлов, А. (2018). Образы современности в XXI веке: метамодернизм. *Логос*, 28(6), 1–19. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-6-1-16>
14. Почепцов, Г.Г. (2018). *Пропаганда 2.0*. Харьков: Фолио.
15. Суржик, Д.В. (2014). Первая мировая (информационная) война в США. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология»*, (2), 11–25.
16. Хабермас, Ю. (2001). *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Санкт-Петербург: Наука. («Слово о сущем»).
17. Хабермас, Ю. (2003). *Философский дискурс о модерне*. Москва: Издательство «Весь Мир».
18. Хохлова, Д.Д. (2017). Переосмысление политики в контексте метамодерна. *Политика и Общество*, (10), 48–58. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.10.22610>
19. Хоркхаймер, М., Адорно, Т.В. (1997). *Диалектика просвещения: Философские фрагменты*. Москва–Санкт-Петербург: Медиум, Ювента.
20. Edelstein, A.S. (1997). *Total propaganda: From mass culture to popular culture*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
21. Ellul, J. (1973). *Propaganda: The Formation of Men's Attitudes*. New York: Vintage Books.
22. Guilday, P. (1921). The Sacred Congregation de Propaganda Fide (1622–1922). *The Catholic Historical Review*, 6(4), 478–494.
23. Lasswell, H.D. (1927). The Theory of Political Propaganda. *The American Political Science Review*, 21(3), 627–631.
24. Lippmann, W. (1998). *Public Opinion* (2nd printing). New Brunswick (U.S.A.); London (U.K.): Transaction Publishers.
25. Postman, N. (2005). *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*. New York: Penguin Books.
26. Vermeulen, T., & van den Akker, R. (2010). Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, (2), 1–14, <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677>

References

1. Baudrillard, J. (2015). *Simuljakry i simuljatsii* [Simulacra and Simulation]. Moscow: Izdatel'skij dom "POSTUM".

2. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg: Piter.
3. Bernays, E.L. (2010). *Propaganda* [Propaganda]. Moscow: Hippo Publishing.
4. Edelstein, A.S. (1997). *Total propaganda: From mass culture to popular culture*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
5. Ellul, J. (1973). *Propaganda: The Formation of Men's Attitudes*. New York: Vintage Books.
6. Guilday, P. (1921). The Sacred Congregation de Propaganda Fide (1622–1922). *The Catholic Historical Review*, 6(4), 478–494.
7. Habermas, J. (2001). *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral Conscience and Communicative Action]. Saint Petersburg: Nauka.
8. Habermas, J. (2003). *Filosofskij diskurs o moderne* [The Philosophical Discourse of Modernity]. Moscow: Izdatel'stvo "Ves' Mir".
9. Horkheimer, M., & Adorno, T.W. (1997). *Dialektika prosveshcheniya: Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments]. Moscow–Saint Petersburg: Medium, Yuventa.
10. Jameson, F. (2019). *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.
11. Khokhlova, D.D. (2017). Pereosmyslenie politiki v kontekste metamoderna [Reinterpretation of Politics in the Context of Metamodernism]. *Politika i Obshchestvo*, (10), 48–58. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.10.22610>
12. Lasswell, H.D. (1927). The Theory of Political Propaganda. *The American Political Science Review*, 21(3), 627–631.
13. Lenin, V.I. (1945). *Chto delat'?* *Nabolevshie voprosy nashego dvizheniya* [What Is to Be Done? Burning Questions of Our Movement]. Moscow: OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
14. Lippmann, W. (1998). *Public Opinion* (2nd printing). New Brunswick (U.S.A.); London (U.K.): Transaction Publishers.
15. Lyotard, J.-F. (1998). *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Moscow: Institut eksperimental'noj sociologii; Saint Petersburg: Aleteyja.
16. Marat, J.-P. (1937). *Pamflety* [Pamphlets]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
17. Marinetti, F.T., Boccioni, U., Carra, K., Russolo, L., Balla, D., Severini, D., Pratella, B., & Saint-Point, V. (1914). *Sobranie manifestov ital'yanskogo futurizma* [Collected Manifestos of Italian Futurism]. Moscow: Tipografiya Russkogo tovarishchestva.
18. Marx, K., & Engels, F. (1955). *Sochineniya* [Works] (2nd ed., Vol. 4). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
19. McLuhan, H.M. (2022). *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Moscow: Akademicheskij proekt.
20. Moiseenko, L.V. (2015). Internet-mem kak edinita sotsial'no-kul'turnogo kontenta [Internet Meme as a Unit of Sociocultural Content]. *Vestnik MGLU*, 27(738), 105–112.
21. Pavlov, A. (2018). *Obrazy sovremennosti v XXI veke: metamodernizm*

[Images of Modernity in the 21st Century: Metamodernism]. *Logos*, 28(6), 1–19. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-6-1-16>

22. Pocheptsov, G.G. (2018). *Propaganda 2.0* [Propaganda 2.0]. Kharkiv: Folio.

23. Postman, N. (2005). *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*. New York: Penguin Books.

24. Surzhik, D.V. (2014). Pervaya mirovaya (informatsionnaya) voyna v SShA [The First World (Information) War in the USA]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Seriya "Istoriya i politologiya"*, (2), 11–25.

25. Vermeulen, T., & van den Akker, R. (2010). Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, (2), 1–14. <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677>

26. Vilovatykh, A.V. (2020). Manipulirovanie sotsial'nym povedeniem v usloviyakh tsifrovoy sredy [Manipulation of Social Behavior in the Digital Environment]. *Diskurs-Pi*, 2(39), 149–164. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10210>

Информация об авторах

Константин Викторович Старостенко, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и прикладной политологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, Орёл, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1850-8606>, e-mail: pilotskv@bk.ru

Андрей Сергеевич Коновалов, аспирант 3 года обучения кафедры общей и прикладной политологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, Орёл, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5219-7982>, e-mail: andrei070199@mail.ru

Information about the authors

Konstantin Viktorovich Starostenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of General and Applied Political Science, Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1850-8606>, e-mail: pilotskv@bk.ru

Andrei Sergeevich Konovalov, 3rd year postgraduate student, Department of General and Applied Political Science, Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5219-7982>, e-mail: andrei070199@mail.ru

---

УДК 316.77

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_146

ПРАКТИКИ ВЫРАЖЕНИЯ УТРАТЫ И ЗАПРОСА ПОДДЕРЖКИ В РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (2024–2025)

Мария Владимировна Григорьева,

Высшая школа экономики,
Москва, Россия,
mariya.grigoreva@hse.ru

Екатерина Никитична Соколова,

Высшая школа экономики,
Москва, Россия,
e.sokolova@hse.ru

Получена 06.09.2025.

Поступила после рецензирования 10.11.2025.

Принята к публикации 19.01.2026.

Для цитирования: Григорьева М.В., Соколова Е.Н. Практики выражения утраты и запроса поддержки в российских социальных сетях (2024–2025) // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1. С. 146–161. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_146

Аннотация

В статье рассматриваются новые практики выражения утраты и запроса поддержки в российских социальных сетях в 2024–2025 гг. Научная проблема заключается в недостаточной изученности цифровых форм горевания, которые соединяют личные переживания и общественные нарративы. Актуальность исследования обусловлена

© Григорьева М.В., Соколова Е.Н., 2026

изменением культурных норм, при котором интимная сфера траура переносится в публичное пространство интернета, а также влиянием социальных потрясений, связанных с пандемией и боевыми действиями, усиливших видимость темы смерти в обществе. Цель работы – проанализировать способы артикуляции горя в онлайн-среде и выявить фреймы, через которые осмысливается утрата.

Эмпирическая база исследования включает более 7 тысяч сообщений российского сегмента социальных сетей, собранных с января 2024 по июнь 2025 года с использованием системы мониторинга Brand Analytics. В исследовании применен комбинированный количественно-качественный подход, позволивший выявить и типологизировать ключевые нарративные фреймы: героико-патриотический, трагедийный, солидарный, обвинительный и основанный на исторической памяти.

Результаты показывают, что публичное горевание в цифровой среде становится значимой социальной практикой, соединяющей личные эмоции с коллективными и государственными интерпретациями. Наибольшее распространение получили сообщения, связанные с военными потерями, где индивидуальное горе интегрируется в патриотический нарратив. Одновременно фиксируется рост значимости сетевой поддержки, а также появление рисков, связанных с публичностью чувств. Практическая ценность работы состоит в возможности использования полученных результатов для разработки стратегий онлайн-поддержки скорбящих и анализа ценностных ориентиров российского общества.

Ключевые слова:

утрата, горе, социальные сети, цифровое горевание, фреймы, публичность, солидарность, социальная поддержка, онлайн-коммуникации

Источники финансирования:

публикация подготовлена в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № ФИ-2025–83 «Современные технологии социально-политической коммуникации»).

UDC 316.77

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_146

PRACTICES OF EXPRESSING LOSS AND SEEKING SUPPORT IN RUSSIAN SOCIAL MEDIA (2024–2025)

Maria V. Grigoreva,

Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
mariya.grigoreva@hse.ru

Ekaterina N. Sokolova,

Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
e.sokolova@hse.ru

*Received 06.09.2025.**Revised 10.11.2025.**Accepted 19.01.2026.*

For citation: Grigoreva, M.V., Sokolova, E.N. (2026). Practices of Expressing Loss and Seeking Support in Russian Social Media (2024–2025). *Discourse-P*, 23(1). 146–161. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_146

Abstract

The article explores emerging practices of expressing loss and seeking support in Russian social media in 2024–2025. The research problem lies in the insufficient scholarly understanding of digital mourning practices, which merge individual grief with broader collective and political narratives. The relevance of the study is determined by cultural shifts in which intimate aspects of bereavement are transferred into the public domain of the internet, as well as by social upheavals such as the COVID-19 pandemic and ongoing military conflict that have increased the visibility of death in public discourse. The aim of the study is to analyze the ways grief is articulated in online environments and to identify the interpretive frames through which loss is rationalized.

The empirical basis includes over 7,000 social media posts collected from January 2024 to June 2025 using the Brand Analytics monitoring system. Data were pre-processed to exclude irrelevant content and validated manually. A mixed quantitative and qualitative approach was applied, enabling the identification and typologization of key narrative frames: heroic-patriotic, tragic, solidaristic, accusatory, and those rooted in historical memory.

The findings demonstrate that digital mourning is becoming a significant social practice, intertwining personal emotions with collective and state-driven interpretations. Posts related to military losses dominate, integrating individual bereavement into patriotic discourse. At the same time, the study highlights the increasing role of online solidarity

and social support, as well as risks associated with the public exposure of grief. The practical significance of the research lies in its potential to inform strategies for online bereavement support and to contribute to understanding value orientations and cultural transformations within contemporary society.

Keywords:

loss, grief, social media, digital mourning, frames, publicity, solidarity, social support, online communication

Funding:

This publication was prepared at the National Research University Higher School of Economics within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FI-2025–83 «Contemporary Technologies of Socio-Political Communication»).

Введение

Пользователи социальных сетей в России публично выражают личную утрату в цифровой коммуникации: говорят о смерти близких, тяжелых потерях и непростых жизненных ситуациях. Социальные сети стали пространством, в котором личное горе становится видимым обществу, приобретая новые формы и смыслы. Одновременно они дают скорбящим новые инструменты – от онлайн-мемориалов до групп поддержки, а также ставят перед пользователями новые вызовы, связанные с публичностью чувств.

Актуальность изучения выражения утраты в соцсетях обусловлена рядом факторов. В современной России происходят значимые социальные потрясения, ведущие не только к росту числа людей, переживающих горе (смерти от пандемии вируса COVID-19, боевые потери в ходе СВО и пр.), но, что более важно – делающие это горе частью социального процесса, общественно значимым. Цифровая среда также меняет культурные нормы горевания: то, что раньше оставалось приватным (траур дома, на кладбище, прощание в церкви и с близкими), теперь частично выносится в публичное онлайн-пространство.

Цель данной статьи – проанализировать, как пользователи российских социальных сетей выражают утрату, горе и связанные с ними сложные переживания. Статья фокусируется на тех смыслах, через которые рационализируется смерть (например, «героический подвиг», «непостижимая трагедия» и др.).

Публичность и цифровизация утраты

Появление социальных сетей радикально изменило практики публичного выражения горя. Если раньше личная утрата становилась достоянием общества лишь опосредованно – через некрологи в газетах, сюжеты СМИ, траурные цере-

монии и в некоторых странах через уличные объявления – то сегодня социальные медиа сняли многие барьеры между частным и публичным.

Согласно классической теории «gatekeeping», коммуникация скорби в до-компьютерную эпоху проходила через посредников (редакторов, журналистов, цензоров, чиновников), которые контролировали, как и что выходит в публичную сферу – выбор текста, тональность, аудитория были достаточно сильно регламентированы (Walter et al., 2012). С развитием социальных сетей эта структура была нарушена: каждый скорбящий теперь может напрямую поделиться своими переживаниями, воспоминаниями и призывами к поддержке с широкой аудиторией, без необходимости проходить через медийные институты (Walter et al., 2012). В социальных сетях практически отсутствует внешняя редактура чувств: личные эмоции транслируются публице «без посредников», что изменяет власть над нарративом горя. Иными словами, цифровизация децентрализовала процесс горевания, позволив ему выходить за рамки узкого круга семьи.

Эта новая публичность горя имеет двойственный эффект. С одной стороны, она открывает возможности для демонстрации солидарности и получения поддержки. Публичные проявления скорби онлайн могут снижать табуированность темы смерти, поощряя людей свободнее говорить о потере (Scheinfeld et al., 2024). Обсуждение горя в соцсетях сопровождается словами поддержки от друзей и незнакомцев, что создает чувство общности. По наблюдениям исследователей, цифровое горевание повышает ощущение, что ты не одинок в своем страдании: интернет позволяет найти других, кто пережил подобное, и получить помощь и поддержку (MarínCortés et al., 2023). Виртуальные мемориальные сообщества и страницы памяти служат «безопасным пространством» для скорбящих, где они могут оплакать умершего и сохранить с ним символическую связь (Bailey et al., 2015). Создание онлайн-мемориалов воспринимается людьми как комфортный способ поддерживать продолжение связи с ушедшим, «держат» его часть жизни в цифровом виде (Bailey et al., 2015).

С другой стороны, вынесение горя на всеобщее обозрение рождает новые социальные феномены и риски. Появились понятия «виртуальное кладбище» и «цифровое наследие»: страницы умерших в соцсетях продолжают существовать, собирая комментарии памяти, виртуальные «свечи» и т.д. (Roberts, 2004). Вокруг публичного горевания возможны и искажения – от обвинений в неискренности до феномена RIP-троллинга, когда злоумышленники нарочно оставляют оскорбительные комментарии под постами скорби («RIP-тролли», «туристы скорби»), которые ходят по страницам покойных и издевательски комментируют, являются деструктивной девиацией, мало связанной с самим скорбящим (Боженко, 2022). Тем не менее сам факт ее существования подчеркивает: публичное горевание – новая социальная практика, балансирующая между сочувствием и цинизмом.

В целом, современная литература сходится во мнении, что социальные сети трансформировали ритуалы и культуру траура. Традиционные формы (похороны, поминки, посещение могил, отпевание и пр.) дополняются онлайн-элементами. Импульс этому дала пандемия COVID-19, когда из-за локдауна многие были вынуждены прощаться виртуально (Chen, 2022; MacNeil et al., 2021). В последние

годы трансляция церемоний прощания онлайн в России также распространена в связи с эмиграцией, «релокацией» в определенных средах.

Появился термин «thanatechnology» – технологии для работы с горем (онлайн-группы скорби, виртуальные мемориалы и пр.). Для молодого поколения обращаться в социальные сети по поводу утраты стало столь же естественно, как для старшего поколения – пойти в церковь или позвонить близким (Biçer & Yıldırım, 2022). Это ведет к размыванию классического противопоставления индивидуальной и коллективной скорби.

Методология исследования

Для решения поставленных задач был применен комбинированный количественно-качественный подход к анализу сообщений из русскоязычных социальных медиа. Исследование охватывает период с 1 января 2024 по июнь 2025 года и включает более 7 тысяч публичных сообщений российского сегмента социальных сетей. Сбор данных осуществлен с помощью системы мониторинга Brand Analytics по заранее составленному списку ключевых фраз. В их число вошли, например: «не стало [кого]», «ушел из жизни», «погиб», «умер от», «не могу пережить», «тяжело потерять» и т.п. Эти лексические маркеры послужили фильтром при выгрузке постов: в выборку вошли сообщения, в которых явно артикулирована тема смерти, горя, траура или тяжелейшей жизненной ситуации. В анализ включены все доступные в Brand Analytics источники – социальные сети, мессенджеры, видеосервисы, микроблоги, блоги и др., наибольшая доля пришлась на социальную сеть «ВКонтакте» (38,78%), YouTube (15,16%) и «Дзен» (9,19%). В рамках настоящего исследования не ставилась задача проводить платформенный анализ и выявлять взаимосвязь фреймов с конкретными платформами; этот аспект выходит за пределы статьи и может стать предметом последующих исследований. Помимо этого, анализ адресанта не входил в фокус данного исследования, поскольку задача состояла в выявлении и сопоставлении текстовых фреймов вне зависимости от принадлежности источника, тогда как атрибуция адресанта в рассматриваемых платформах неоднородна, часто анонимна и методологически несопоставима.

Тексты прошли стандартную предобработку. Предобработка включала исключение сообщений с откровенно нерелевантными маркерами: рекламными и промо-обозначениями («Реклама», «Промо», «Партнерский материал», «Спонсорская публикация», «по промокоду...»), редакционно-служебными заголовками и выпусками («Новости», «Дайджест», «Итоги дня», «Специальный выпуск/спецвыпуск», «Анонс», «Прямой эфир/LIVE» и др.), техническими пометками («Обновление канала», «Служебное объявление», «Правила сообщества» и др.) и явными индикаторами художественных текстов («Часть N», «Глава N», «Эпизод N», «Продолжение следует», «Отрывок из романа/повести» и др.). Также удалялись публикации с маркерами агрегированной перепечатки без собственного содержательного текста («репост», «см. источник», «подробнее по ссылке»), если они не содержали аналитически значимого фрагмента.

На очищенном корпусе выполнено тематическое моделирование LDA (Latent Dirichlet Allocation). Тексты были токенизированы, приведены

к нижнему регистру, нормализованы (лемматизация русскоязычных словоформ), из них удалены общеязыковые и доменные стоп-слова; отфильтрованы редкие и чрезмерно частотные термины, объединены устойчивые словосочетания. Число тем подбиралось итеративно по метрике согласованности дополнительной экспертной проверкой интерпретируемости тем и стабильности при разных инициализациях. Для каждого документа рассчитывалось распределение вероятностей по темам; в дальнейшем для фрейм-анализа использовалась доминирующая, а случаи с неоднозначной тематической структурой направлялись на ручную валидацию с последующей корректировкой. После структурирования данных мы перешли к глубинному содержательному анализу каждого тематического блока, опираясь на текстовые примеры (цитаты из постов).

Фреймы утраты: героизм, трагедия и новые нарративы

Социальные платформы не только изменили форму выражения горя, но и привнесли новое многообразие нарративов (фреймов), через которые осмысляется утрата. Так, в русскоязычном цифровом пространстве персонализированные мемориальные тексты создают connective presence – символическое присутствие умерших в памяти сети, основанное на биографических деталях и эмоциональных связях, а не только на официальной риторике (Linden, 2021).

В текущем геополитическом контексте основным содержательным вектором пользовательских высказываний о горе и утрате в российских социальных сетях выступает рефлексия вокруг событий, связанных со СВО. Анализ тематической структуры сообщений показывает, что наиболее частотными и эмоционально насыщенными являются посты, посвященные гибели участников боевых действий. Эти сообщения включают как прямые свидетельства личной утраты (гибель родственника, друга, знакомого), так и публикации, поддерживающие публичную память о погибших: участие в официальных мероприятиях, церемонии прощания, размещение мемориальных досок и табличек, школьные «уроки мужества» и региональные инициативы по увековечиванию памяти героев. Таким образом, индивидуальное горевание все чаще переплетается с государственным и коллективным форматами памяти.

Следует отметить, что высказывания, не связанные со СВО, например, воспоминания о смерти близких людей, публикации к годовщинам личных потерь, сообщения о трагедии в Беслане или событиях в Крокус Сити Холле – встречаются значительно реже. Их удельный вес в общем массиве проанализированных данных оказывается минимальным, что позволяет говорить о символическом смещении центра дискурса о горевании в сторону военных потерь.

Нарративы о солдатах в соцсетях чаще являются биографическими, эмоционально насыщенными и интимными, нежели стандартные героические формулировки (Giachoglou, 2020). Люди описывают умерших как сыновей, друзей, любимых, акцентируя их человеческие черты. Частные лица, пишущие о погибших, акцентируют не только подвиг, но и человеческий облик ушедших. Получается, что фрейм героизма дополняется фреймом личной потери – герой становится ближе и реальнее аудитории, когда о нем рассказывают живые детали биографии. Одновременно воспоминания родных подчеркивают доброту,

юмор, мягкость погибших мужчин, что ломает гиперболизировано-маскулинный канон воинской славы.

Однако героически-патриотический фрейм, хоть и зачастую окрашенный личными историями, наиболее представлен в имеющемся массиве (5860 сообщений). В российском онлайн-пространстве смерть в военном конфликте зачастую оформляется как геройская и осмысленная. Во многих публичных сообщениях гибель военнослужащих через призму долга и победы: «погиб, сражаясь за мир и нашу победу», «отдал жизнь за Родину» – подобные формулировки нередки как в официальных сообщениях, так и в личных постах. Например, в сообщении: «Ушел добровольцем на СВО в июле 23 года... К сожалению, судьба так распорядилась, что не вернулся, погиб, защищая Родину от нацизма. Награжден Орденом Мужества (посмертно). Был смелым, честным, открытым, прямолинейным, всегда был готов оказать помощь и воодушевить своим примером, был самым лучшим!», сочетается личное горе с гордостью за подвиг, осознанием значимости потери. Как официальные сообщения, так и близкие, публикующие сообщения, подчеркивают героизм участников СВО.

«Встретился с родителями Андрея Тизилова – настоящего героя, который по зову сердца встал на защиту нашей Родины и всех нас. Его мужество и преданность служению пример для многих... К великому сожалению, в феврале этого года Андрей героически погиб в Курском приграничье, исполняя свой воинский и гражданский».

«Дороги мои! Спасибо вам за помощь и поддержку, за то, помогаете справляться с горем и жить дальше... Саша был настоящим мужиком, патриотом, он отдал жизнь за нас с вами. Я безмерно горжусь его Подвигом! Помяните Героя добрым словом!»

«... Каждый день я плачу, вспоминая своего любимого мальчика, его теплую улыбку и добрые глаза. Моему горю нет предела, ведь я лишилась самого дорогого, что у меня было. Однако я знаю, что Сережа отдал свою жизнь не зря, сражаясь за свободу и безопасность нашей страны. Я горжусь своим сыном и буду хранить память о нем вечно».

«Вечная память ГЕРОЮ!!! Жаль очень Пацанов наших!!! Но они ушли Героями!!! У меня воюют, братья, друзья, знакомые! ... Очень жаль погибших Пацанов, но погибают они не напрасно, эти Бойцы делают историю, наши Войны это лучшие ЛЮДИ России!!! И только благодаря их отваги, духовитости, смелости, и ценой жизни многих Ребят, война не зашла на нашу Великую РОДИНУ! Россия самая лучшая Страна на всем белом свете! Я горжусь нашими Матерями, Я горжусь нашими Бойцами, и Я буду всю свою жизнь помнить, и благодарен погибшим ребятам, это настоящие Герои нашего времени!!!»

Героически-патриотический фрейм рационализирует смерть: она представляется не напрасной, а наполненной высшим смыслом (защита Родины, служение народу, исполнение долга). Это облегчает социальное принятие потери, придает ей «ауру славы и памяти».

Вместе с тем фрейм трагедии и невосполнимости в сообщениях также присутствует (5001 сообщение) и зачастую смешивается с героически-патриотическим (3800 сообщений с пересечением фреймов). В неофициальных сообщениях пользователи обобщенно говорят о трагедии смерти и жестокости.

«Войны во все времена приносили горе, беду, разрушение и смерть... Цивилизация развивается, но уровень жестокости не становится меньше... погибают люди с обеих сторон. Море слез и море крови». Трагический фрейм проявляется и через тему прерванной жизни: скорбящие акцентируют юный возраст погибших, несбывшиеся надежды и пр.

«Страшное известие разорвало жизнь Евгении Глушковой на «до» и «после». Всего через несколько месяцев после начала СВО во время спецоперации погиб ее сын Клим, которому было всего 28 лет».

«Боже! Ведь у каждого из погибших мальчишек, мужчин, рядовых и имеющих чин, почему вы их жизни не сберегли, не успели пожить и на небо ушли...»

Тем самым смерть осмысливается как нарушение естественного хода вещей.

Интересно отметить появление фрейма взаимопомощи и солидарности (3122 сообщения). Его суть в том, что акцент делается не только на самой утрате, но и на отклике сообщества. Например, в рассказах о горе подчёркивается: *«Мы всем миром собрали помощь»*, *«Друзья не дали сломаться»*. Такой фрейм переводит историю из плоскости индивидуального страдания в плоскость социальной поддержки, где в центре оказывается участие окружающих. Это во многом новое явление, связанное с видимостью сетевых сообществ: люди публично благодарят за поддержку, тем самым формируя позитивный нарратив вокруг негативного события.

«Откуда берем силы и почему третий год не отдыхаем. Где находится наша батарейка – и почему мы так уверенно шагаем вперед, не врем и не боимся. С первых дней СВО – просто собрали машины и поехали, туда, где нужны, туда, где нужна наша помощь-к вдовам Донбасса, к раненым братишкам».

«А нас всех объединила беда и война. Нас вчера еще не знакомых, а сегодня мы готовы друг за друга -горой встать, снести любого -кто трусит и свою шкуру бережет. Ответ один -мы внуки Героев былых времен, мы дети Героев Афгана и Чечни, мы жены Офицеров, и сестры бойцов, всех наших солдат».

Одним из устойчивых способов осмысления современной военной утраты в социальных сетях становится апелляция к исторической памяти о Великой Отечественной войне (2008 сообщений). Этот фрейм строится на риторике преемственности поколений, где бойцы настоящего наследуют не только форму и воинские традиции, но и моральный статус защитника Родины. Образы прадедов и бабушек-медсестер становятся символами опоры, силы и гордости, а рассказы о них – рамкой, через которую осмысливается сегодняшняя утрата.

В высказываниях пользователей актуальные события перекликаются с памятью о «священной Победе», вызывающей эмоциональный отклик и обеспечивающей моральную легитимацию. Здесь проявляется характерный для цифрового горевания прием – сопоставление поколений, в котором участники СВО оказываются в цепи героизма, начатой их предками:

«Ребята, вас ждут дома! Мы гордимся, что у нас такие защитники, верим, что Победа будет за нами... Ваши прадеды и деды гордятся вами!»

Символика 9 мая, поисковые экспедиции и образы стариков в военной форме становятся культурными реперными точками, обеспечивающими не только рамку интерпретации, но и средство утешения – если предки справились, значит и се-

годняшние солдаты достойны памяти. Это одновременно патриотический и терапевтический фрейм, позволяющий придать утрате историческую значимость.

Современные исследования подчеркивают, что онлайн-мемориализация все чаще опирается на архетипические образы прошлого – будь то «великая Победа», «прабабушка-медсестра» или «красноармеец, найденный поисковиками» (Giachoglou, 2020). Такие фреймы работают как коллективные нарративные конструкции, стабилизирующие индивидуальные переживания. Цифровые формы горевания часто организуются вокруг устойчивых культурных шаблонов, которые «обеспечивают смысловую опору в условиях неопределенности». Такой смысловой опорой в российском дискурсе и является Великая Отечественная война (ВОВ). Фрейм исторической преемственности не просто связывает настоящих бойцов с их дедами, но и предоставляет ритуальный, легитимный язык. Это социально приемлемый и эмоционально насыщенный способ публичного горевания, вписанный в коллективную память и укорененный в культурной матрице Победы.

«9 мая, праздник со слезами на глазах, как поется в знаменитой песни, а ведь это действительно так... Война, которая пришла на русскую землю в 1941 вошла в каждый дом, никого не пощадила, затронула каждого, от мала, до велика... Кто думал, что и на наш век такое будет, что возродится эта нечесть и опять будет покушаться на Русскую землю!!! ... Ребята, вас ждут дома! Мы гордимся, что у нас такие защитники, верим, что Победа будет за нами несмотря ни на что! Ваши прадеды и деды гордятся вами! Низкий вам поклон и вечная память, кого нет с нами»;

«Аткин Григорий Илларионович, 1923 года рождения, уроженец Алтайского края. Имя еще одного героя Великой Отечественной войны вернули поисковики... Низкий поклон всем поисковикам за сохранение памяти о подвигах наших отцов и дедов. Мы помним. Мы гордимся. Бойцы на СВО сегодня тоже борются с фашизмом. Наше дело правое. Победа будет за нами».

В числе наиболее эмоционально насыщенных способов осмысления утраты и участия в военных действиях в цифровом пространстве следует выделить обвинительный фрейм (442 сообщения), в котором авторы пользовательских высказываний противопоставляют тех, кто находится на передовой, и гражданских, живущих мирной жизнью в тылу. Этот фрейм строится на моральной поляризации: с одной стороны – солдаты, волонтеры, семьи погибших; с другой – «равнодушные», «веселящиеся», «не замечающие» происходящего.

Авторы подобных сообщений артикулируют переживание социальной несправедливости и морального разрыва, в котором «две России» существуют параллельно. Такой фрейм строится на моральной дихотомии: сострадание – равнодушие, самопожертвование – эгоизм. Так, согласно наблюдениям исследователей, горевание в соцсетях приобретает не только аффективную направленность, но и нормативную функцию – оно предъявляет ожидания к поведению других, формируя своего рода «этическую аудиторию».

«А мы отдыхаем и веселимся ... считаем свои проблемы важнее войны и жизни ребят. Я знаю людей лично, которые если и помогают, то администрации, потому как обязывают. И они злятся на СВОИХ, что у них деньги собирают,

чтобы помочь ... Мы открываем мемориальные доски и доски памяти тогда, когда ребят уже нет! А что вы сделали, чтобы и. Помочь, когда они были живы?»;

«Правильно, не вы там и не ваши родные, не можете понять ... Искренне хочу, чтобы все поняли, что война идет, что ребята гибнут ... и не делают по утрам в ТВ минуту молчания по погибшим в СВО и не помнит о них уже никто кроме родных, у которых нет ни здоровья, ни сил жить дальше;

«Чем дольше, тем больше я понимаю, что Россия разделилась на две половины... Вот второй половине, которая нигде, Бог и посылает вторую мобилизацию ...»;

«Только жить-то как ты будешь и смотреть в глаза этим мужикам, которые в холоде и голоде шли на смерть? А в глаза соседской девчонки, у которой отец погиб на «не твоей войне»?... И это их война и тех пацанов, но не Ваша, да? Завтра корпоратив и куда важнее обсудить наряд, стол и «что пить будем».

Далее в Таблице 1 представлена матрица пересечений фреймов.

Таблица 1 – Пересечение фреймов

Table 1 – Intersection of Frames

	Героически-патриотический	Трагедии и невосполнимости	Взаимопомощи и солидарности	Историческая память о ВОВ	Обвинительный
Героически-патриотический	5860	3800	2645	2008	347
Трагедии и невосполнимости	3800	5001	2527	1901	338
Взаимопомощи и солидарности	2645	2527	3122	1429	321
Историческая память о ВОВ	2008	1901	1429	2401	211
Обвинительный	347	338	321	211	442

Матрица пересечений показывает, что ядром дискурса выступает героически-патриотический фрейм (5860 упоминаний), наиболее часто сочетающийся с трагедийным и фреймом исторической памяти. Это указывает на устойчивую модель интерпретации утраты, в которой личная потеря интегрируется в кол-

лективный нарратив о долге и преемственности поколений, а эмоции гордости и скорби сосуществуют в одном сообщении.

Отдельно выделяется обвинительный фрейм: он практически не употребляется самостоятельно и почти всегда присутствует в комбинации с другими рамками. Такое распределение указывает на то, что осуждение и моральная поляризация в публичных высказываниях о смерти используются как риторическое усиление основного нарратива – будь то патриотическое, трагическое или солидарное осмысление. Взаимодействие фреймов, как видим из матрицы, демонстрирует, что осмысление утраты в онлайн-пространстве редко опирается на единственную рамку, а строится как многослойная конструкция, соединяющая разные эмоциональные и ценностные регистры.

Пересечения трех и более фреймов в данном исследовании специально не анализировались, однако наблюдение за ними также может представлять интерес. Такие комбинации способны выявить еще более сложные нарративные структуры, в которых одновременное присутствие нескольких рамок формирует многослойные и потенциально противоречивые интерпретации утраты. Кроме того, в перспективе в массиве данных можно выделить и менее заметные по числу сообщений фреймы, что позволит оценить их присутствие в структуре дискурса и понять, каким образом они встраиваются в преобладающие нарративные схемы.

Обсуждение результатов и ограничения

Настоящее исследование показало, что выражение утраты в российских соцсетях в 2024–2025 гг. – сложное, многогранное явление, находящееся на пересечении личных чувств, культурных норм и социально-политического контекста. Сетевой дискурс горя вобрал в себя элементы традиционной траурной культуры (ритуальные фразы, коллективный контекст) и новые формы, возникшие благодаря технологиям (мгновенная обратная связь, меметические выражения скорби).

Одним из ключевых наблюдений стало наличие различных нарративных рамок (фреймов) для осмысления смерти и их пересечения. Мы видим, например, гибель человека на СВО – описываются возвышенно (герой, долг, гордость, борьба за Родину и мир) и как глубочайшая личная трагедия.

Также результаты демонстрируют важность социальной поддержки онлайн. Практически во всех случаях открытого выражения утраты находился кто-то, кто откликнулся. Это подтверждает концепцию о социальных сетях как о новой платформе для переживающих горе (Linden, 2021). Публичные проявления скорби не остаются в вакууме – они вовлекают других, вызывая эмпатию или хотя бы внимание. Таким образом, сетевая публичность горя, при всех рисках, имеет позитивный потенциал: она снимает запрет на обсуждение темы смерти, позволяет строить сообщества солидарности, облегчает бремя изоляции скорбящих. Это согласуется с выводами зарубежных исследователей о том, что цифровое горевание может уменьшать табу и усиливать чувство общности у переживших потерю (MarínCortés et al., 2023).

В то же время, на фоне положительных сторон, были выявлены и ограничивающие тенденции. Наши данные (публичные посты) не включают тех, кто сознательно воздержался от публичного выражения. Структура социальных

сетей тоже вносит вклад: алгоритмы могут раздувать или наоборот скрывать посты о горе. Если траурный пост стал вирусным, автор оказывается в центре внимания. С другой стороны, платформы стараются фильтровать потенциально опасный контент – например, сообщения с суицидальными мотивами могут помечаться. Таким образом, технологическая сторона тоже участвует в формировании публичного горя.

Что касается культурных сдвигов, видимых из наших результатов: можно говорить о формировании новой культуры публичного горевания, в которой интимное соединяется с публичным, и это принимает общество. Конечно, такие перемены встречают сопротивление у консервативной части (критика блога вдовы, увеличившей аудиторию на своей трагедии) (Боженко, 2022). Но постепенно, по мере смены поколений, вероятно, публичное проговаривание горя станет такой же нормой, как публичное выражение радости.

Наше исследование имеет ряд ограничений, которые важно отметить. Во-первых, данные соцсетей не репрезентативны для всего населения России. Наша выборка смещена в сторону активных интернет-пользователей. Голоса тех, кто вне цифрового поля (пожилых, сельских жителей и пр.), в материале не представлены. Поэтому выводы скорее характеризуют цифровое сообщество страны, а не население в целом. К тому же, как упоминалось, сетевые дискуссии могут быть эхо-камерой: одна и та же активная группа людей может генерировать непропорционально много контента. Мы анализировали единицы текста, а не людей – один человек мог написать десятки постов, другой ни одного, и это накладывает ограничения на интерпретацию.

Во-вторых, нельзя гарантировать полную достоверность онлайн-контента. В соцсетях люди иногда приукрашивают или, наоборот, драматизируют ситуацию, чтобы привлечь внимание аудитории. Есть риск и откровенно фейковых историй. Мы в работе изучаем массовый текст как социальный факт, но не можем утверждать, что каждый отдельный рассказ – правда.

В-третьих, мы сфокусировались на текстовой составляющей. Но выражение утраты может быть и невербальным – фото, видео, музыка. Ограничение нашего подхода в том, что визуальный и аудио-контент практически не анализировался. Между тем, некоторые выбирают молча поставить траурную свечу на аватарку или сменить ее на черный круг – и это их способ выразить горе.

Еще одно ограничение – временной промежуток. Мы рассмотрели 2024 – начало 2025 гг. Это период активной фазы СВО. Если конфликт затянется или трансформируется, дискурс может поменяться. Кроме того, есть эффект новизны: публичное горевание в соцсетях – относительно свежий феномен для россиян, и реакция может меняться с насыщением. Тема смерти, о которой часто говорят, может со временем десенсибилизироваться (будет меньше остроты эмоций в постах). Нужен мониторинг динамики дальше. Наш «срез» актуален для обозначенного периода, но не гарантирует тех же тенденций позже.

Несмотря на ограничения, полученные результаты ценны тем, что они подтверждают наличие новых социальных практик в российском обществе и описывают их черты. Публичное выражение утраты – индикатор более глубоких процессов: изменения норм эмоциональности, влияния политической ситуации на частную жизнь, роли технологий в переработке травмы.

Заключение

В заключение отметим основные выводы нашего исследования. В российском сегменте социальных сетей 2024–2025 гг. публичное горевание оформилось как важный элемент коммуникативной культуры. Пользователи активно используют онлайн-платформы для выражения скорби, поиска сочувствия и совместного переживания утрат. Социальные сети стали новым пространством публичности смерти, где переплетаются личное и коллективное, традиционное и инновационное.

В цифровом дискурсе сосуществуют героико-патриотические интерпретации потери (особенно в контексте СВО), трагически-экзистенциальные, исторические и фреймы осуждения. Выбор фрейма зависит от аудитории, целей говорящего и социального окружения. Многие посты о горе выполняют не только информативную, но и терапевтическую функцию для автора, а также служат триггером для социальной поддержки со стороны аудитории.

Практическая значимость результатов состоит в том, что понимание онлайн-практик горевания может помочь разработке эффективных стратегий поддержки переживающих утрату. Например, специалисты могли бы создавать безопасные онлайн-платформы для скорби (модерируемые группы поддержки), учитывать феномен публичного горя в информационной политике (не замалчивать потери, а направлять дискуссию в конструктивное русло), работать с рисками (предупреждать травлю, предоставлять кризисную помощь тем, кто в постах выказывает опасные симптомы депрессии). Кроме того, мониторинг цифрового дискурса утрат дает важные данные для социологии ценностей: по тому, как люди говорят о смерти, можно судить об обществе в целом – о степени его сплоченности, доверия, господствующих нарративах. Наш подход продемонстрировал возможность такого мониторинга в реальном времени на больших данных.

Список литературы

1. Боженко, Р. (2022). Memento mori. Социолог о виртуальных кладбищах и горевании публичном. *Аргументы и Факты. Урал*. Взято 21 сентября 2025, с https://ural.aif.ru/society/memento_mori_sociolog_o_virtualnyh_kladbishchah_i_publichnom_gorevanii
2. Bailey, J., Bell, L., & Kennedy, D. (2015). 'We do it to keep him alive': Bereaved individuals' experiences of online suicide memorials and continuing bonds. *Mortality*, 20(4), 375–389. <https://doi.org/10.1080/13576275.2015.1083693>
3. Biçer, Ş., & Yıldırım, A. (2022). Digital death and thanatechnology: New ways of thinking about data (im) mortality and digital transformation. *OMICS: A Journal of Integrative Biology*, 26(2), 88–92. <https://doi.org/10.1089/omi.2021.0096>
4. Chen, C. Y. C. (2022). Grieving during the COVID-19 pandemic: In-person and virtual "goodbye." *Omega: Journal of Death and Dying*, 89(3), 1176–1192. [Kyekshy https://doi.org/10.1177/00302228221090754](https://doi.org/10.1177/00302228221090754)
5. Giaxoglou, K. (2020). *A narrative approach to social media mourning: Small stories and affective positioning*. New York, NY: Routledge.

6. Linden, K. (2021). *Death online in contemporary Russia: Memory, forgetting and the connective presence of mourning on the Internet* (Uppsala Studies in Media and Communication, 17). Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis. Retrieved 6 August, 2025, from <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1520018/FULLTEXT01.pdf>
7. MacNeil, A., Findlay, B., Bimman, R., Hocking, T., Barclay, T., & Ho, J. (2021). Exploring the use of virtual funerals during the COVID-19 pandemic: A scoping review. *Omega: Journal of Death and Dying*, 88(2), 425–448. <https://doi.org/10.1177/00302228211045288>
8. Marín-Cortés, A., Acosta, S., Gómez, F., García, A., & Quintero, S. (2023). Identification and validation of grief in Facebook groups on mourning. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 17(1), Article 4. <https://doi.org/10.5817/CP2023-1-4>
9. Roberts, P. (2004). The living and the dead: Community in the virtual cemetery. *Omega: Journal of Death and Dying*, 49(1), 57–76. <https://doi.org/10.2190/D41T-YFNN-109K-WR4C>
10. Scheinfeld, E., Elue, C., & Wilcox, G.B. (2024). Grieving online: A text analysis of narratives of grief on Reddit. *The Journal of Social Media in Society*, 13(1), 75–96. Retrieved 6 August, from https://www.researchgate.net/publication/382453594_Grieving_Online_A_Text_Analysis_of_Narratives_of_Grief_on_Reddit
11. Walter, T., Hourizi, R., Moncur, W., & Pitsillides, S. (2012). Does the Internet change how we die and mourn? *Omega: Journal of Death and Dying*, 64(4), 275–302. <https://doi.org/10.2190/OM.64.4>

References

1. Bailey, J., Bell, L., & Kennedy, D. (2015). ‘We do it to keep him alive’: Bereaved individuals’ experiences of online suicide memorials and continuing bonds. *Mortality*, 20(4), 375–389. <https://doi.org/10.1080/13576275.2015.1083693>
2. Biçer, Ş., & Yıldırım, A. (2022). Digital death and thanatechnology: New ways of thinking about data (im) mortality and digital transformation. *OMICS: A Journal of Integrative Biology*, 26(2), 88–92. <https://doi.org/10.1089/omi.2021.0096>
3. Bozhenko, R. (2022). Memento mori. Sociolog o virtual’nyh kladbishchah i publichnom gorevanii [Memento mori. A sociologist on virtual cemeteries and public mourning]. in *Argumenty i fakty.Ural*. Retrieved September 21, 2025, from [s https://ural.aif.ru/society/memento_mori_sociolog_o_virtualnyh_kladbishchah_i_publichnom_gorevanii](https://ural.aif.ru/society/memento_mori_sociolog_o_virtualnyh_kladbishchah_i_publichnom_gorevanii)
4. Chen, C. Y. C. (2022). Grieving during the COVID-19 pandemic: In-person and virtual “goodbye.” *Omega: Journal of Death and Dying*, 89(3), 1176–1192. <https://doi.org/10.1177/00302228221090754>
5. Giaxoglou, K. (2020). *A narrative approach to social media mourning: Small stories and affective positioning*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315268675>
6. Linden, K. (2021). *Death online in contemporary Russia: Memory, forgetting and the connective presence of mourning on the Internet* (Uppsala Studies in Media and Communication, 17). Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis. Retrieved August 06, 2025,

from: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1520018/FULLTEXT01.pdf>

7. MacNeil, A., Findlay, B., Bimman, R., Hocking, T., Barclay, T., & Ho, J. (2021). Exploring the use of virtual funerals during the COVID-19 pandemic: A scoping review. *Omega: Journal of Death and Dying*, 88(2), 425–448. <https://doi.org/10.1177/00302228211045288>

8. Marín-Cortés, A., Acosta, S., Gómez, F., García, A., & Quintero, S. (2023). Identification and validation of grief in Facebook groups on mourning. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 17(1), Article 4. <https://doi.org/10.5817/CP2023-1-4>

9. Roberts, P. (2004). The living and the dead: Community in the virtual cemetery. *Omega: Journal of Death and Dying*, 49(1), 57–76. <https://doi.org/10.2190/D41T-YFNN-109K-WR4C>

10. Scheinfeld, E., Elue, C., & Wilcox, G.B. (2024). Grieving online: A text analysis of narratives of grief on Reddit. *The Journal of Social Media in Society*, 13(1), 75–96. Retrieved August 06, 2025, from: https://www.researchgate.net/publication/382453594_Grieving_Online_A_Text_Analysis_of_Narratives_of_Grief_on_Reddit

11. Walter, T., Hourizi, R., Moncur, W., & Pitsillides, S. (2012). Does the Internet change how we die and mourn? *Omega: Journal of Death and Dying*, 64(4), 275–302. <https://doi.org/10.2190/OM.64.4>

Информация об авторах

Мария Владимировна Григорьева, старший преподаватель факультета креативных индустрий, Школа коммуникаций НИУ, Высшая Школа Экономики (ВШЭ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2413-7721>, e-mail: mariya.grigoreva@hse.ru

Екатерина Никитична Соколова, канд. полит. наук, заведующая проектно-учебной лаборатории Политических коммуникаций Школы коммуникаций факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3188-707X>, e-mail: e.sokolova@hse.ru

Information about the authors

Maria Vladimirovna Grigorieva, Senior Lecturer at the Faculty of Creative Industries, School of Communications, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2413-7721>, e-mail: mariya.grigoreva@hse.ru

Ekaterina Nikitichna Sokolova, Candidate of Political Sciences. PhD, Head of the Design and Educational Laboratory of Political Communications, School of Communications, Faculty of Creative Industries, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3188-707X>, e-mail: e.sokolova@hse.ru

УДК 304.444

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_162

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ТРАНСМЕДИЙНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ ЛОКАЦИИ АРКАИМ

Андрей Владимирович Сафонов,

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия,
mihbg@mail.ru

Ирина Владимировна Топчий,

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия,
ivtopchiy@mail.ru

*Получена 03.03.2025.**Поступила после рецензирования 08.09.2025.**Принята к публикации 19.01.2026.*

Для цитирования: Сафонов А.В., Топчий И.В. Антропоцентричность как свойство трансмедийного повествования локации Аркаим // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1 С. 162–178. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_162

Аннотация

В статье рассматривается вопрос материализации идентичности в меморативном ландшафте археологического памятника Аркаим в Челябинской области. Авторы статьи отмечают необходимость уточнить параметры материализации идентичности в Аркаиме, чтобы в дальнейшем успешно представить его в качестве значимой со-

© Сафонов А.В., Топчий И.В., 2026

ставляющей символического капитала региона. Для этого предлагается учитывать актуальные тенденции медиасреды, такие как расширение понятия «медиа», эстетизация медиaprостранства и противопоставление информационно-технологичной природы медиа и потребности человека в расширении сознания через воображение. Авторы указывают на особенность пространства Аркаима, посетители которого являются одновременно и потребителями, и трансляторами медиаконтента, а также на антропоцентричность действий акторов в этом пространстве. В качестве объекта исследования авторы выбирают меморативный ландшафт Аркаима как пространство трансмедийного повествования, а предметом исследования являются факторы, обуславливающие антропоцентричность трансмедийного повествования Аркаима. Цель исследования заключается в выявлении формально-содержательных аспектов проявления антропоцентричности в трансмедийном повествовании Аркаима. Для достижения этой цели ставится ряд задач: изучить научные трактовки феномена трансмедийности в соотношении с критериями антропоцентричности, а также с категориями эстетики и медиаэстетики; проанализировать контент записей результатов «насыщенных описаний», сделанных по методу Клиффорда Гирца, и записей глубинных интервью с позиции наличия / отсутствия в них указаний на факторы антропоцентричности; систематизировать формально-содержательные аспекты проявления антропоцентричности как свойства трансмедийного повествования локации Аркаим. В результате авторы приходят к выводу, что пребывание в пространстве меморативного ландшафта Аркаима для актора является целенаправленным отклонением от нормы повседневности, переходом в пограничье между настоящим и прошлым, миром живых и миром ушедших. Интермедийность, интертекстуальность и трансмедийность являются факторами расширения сознания, обуславливающими антропоцентричность меморативного ландшафта Аркаима. Для пространства Аркаима органичны формы материализации идентичности, имеющие медиумную природу и не препятствующие расширению сознания посетителей как проявлению антропоцентричности.

Ключевые слова:

антропоцентричность, Аркаим, трансмедийность, меморативный ландшафт, эстетизация, медиaprостранство, идентичность, символический капитал

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (совместно с органами власти Челябинской области) № 23–18–20098, <https://rscf.ru/project/23-18-20098>, проект «Материализованная идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника Аркаим)».

ANTHROPOCENTRICITY AS A PROPERTY OF TRANSMEDIA NARRATIVE OF THE ARKAIM LOCATION

Andrey V. Safonov,

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia,
mihbig@mail.ru

Irina V. Topchii,

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia,
ivtopchii@mail.ru

Received 03.03.2025.

Revised 08.09.2025.

Accepted 19.01.2026.

For citation: Safonov, A.V., Topchii, I.V. (2026). Anthropocentricity as a Property of Transmedia Narrative of the Arkaim Location. *Discourse-P*, 23(1), 162–178. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_162

Abstract

The article examines the issue of identity materialization in the memorial landscape of the Arkaim archaeological site in the Chelyabinsk region. The authors of the article note the need to clarify the parameters of identity materialization in Arkaim in order to successfully present it as a significant component of the symbolic capital of the region. To this end, it is proposed to take into account current trends in the media environment, such as the expansion of the concept of “media”, the aestheticization of the media space, and the opposition of the information technology nature of media and the human need to expand consciousness through imagination.

The authors point to the unique nature of the Arkaim space, which is both a consumer and a transmitter of media content, as well as the anthropocentrism of the actors' actions in this space. The authors choose the memorial landscape of Arkaim as a space of transmedia narration as the object of their research, and the subject of their research is the markers of anthropocentrism in the transmedia narration of Arkaim. The purpose of the study is to identify the formal and substantive aspects of the manifestation of anthropocentrism in the transmedia narration of Arkaim. To achieve this goal, a number of tasks are set: to study scientific interpretations of the transmedia phenomenon in relation to the criteria of anthropocentrism, as well as to the categories of aesthetics and media aesthetics; to analyze the content of the recordings of the results of the “rich description” made

according to the Clifford Geertz method and the recordings of in-depth interviews from the position of the presence / absence of anthropocentric markers in them; to systematize the formal and substantive aspects of the manifestation of anthropocentrism as a property of the transmedia narration of the Arkaim location.

As a result, the authors conclude that for the actor, being in the space of the Arkaim memorial landscape is a purposeful deviation from the norm of everyday life, a transition to the borderland between the present and the past, the world of the living and the “world of the departed”. Intermediality, intertextuality and transmediality are factors of the expansion of consciousness, determining the anthropocentrism of the Arkaim memorial landscape. For the space of Arkaim, forms of materialization of identity are organic, having a mediumistic nature and not hindering the expansion of visitors’ consciousness as a manifestation of anthropocentrism.

Keywords:

anthropocentrism, Arkaim, transmedia, memorial landscape, aestheticization, media space, identity, symbolic capital

Funding:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (in cooperation with the authorities of the Chelyabinsk region) No 23–18–20098, <https://rscf.ru/en/project/23-18-20098/>, project “Materialized identity: construction of memory in a socio-economic perspective (on the example of the archaeological site Arkaim)”.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнить параметры материализации идентичности в меморативном ландшафте (Вандышев и др., 2022) археологического памятника Аркаим Челябинской области, что позволит в дальнейшем обозначить условия его успешной публичной репрезентации в качестве значимой составляющей символического капитала региона (Зубанова и др., Котова, 2024; Симакова, 2023; Симакова, 2024). Меморативный ландшафт Аркаима состоит из природных объектов (степь, ряд возвышенностей, река, участки леса), научно-исторических объектов (найденное археологами городище бронзового века, реконструированные объекты прошлых эпох, Музей природы и человека, где представлены результаты археологических исследований), арт-объектов, объектов для осуществления медитативных и эзотерических практик.

Эффективность публичного позиционирования Аркаима, на наш взгляд, связана с учетом актуальных тенденций медиасреды, проявляющихся в следующих аспектах:

1) расширение понятия «медиа» с включением в него не только традиционных и новых медиакластеров, но и любых компонентов реальности, транслирующих набор сведений относительно широкому кругу реципиентов, что отмечается, например, в работе О. А. Пичугиной и Л. В. Морозовой (2017).

2) эстетизация медиапространства, параметры которой детально изложены, например, в коллективной монографии под редакцией М.В. Загидуллиной и А.К. Киклевича (2020) и в целом ряде других работ; в рамках данной статьи особый интерес представляет специфика проявления эстетического в медиасфере, раскрытая М.В. Загидуллиной (2022).

3) закрепляющиеся в значимых секторах гуманитаристики представления о противопоставленности информационно-технологичной природы медиа (особенно трансмедиа) и потребности человека в расширении сознания через воображение и мнимость. По мнению ряда исследователей, неспособность трансмедиа удовлетворить данную человеческую потребность приводит к де-антропологизации (Гиренок, 2021; Козолупенко, 2021). Вместе с тем, на наш взгляд, именно трансмедийная сущность меморативного ландшафта Аркаима способствует расширению сознания его посетителей – участников экскурсий по археологическим и историческим объектам, участников культурно-исторических мероприятий, а также медитативных и эзотерических практик. Особенность пространства Аркаима заключается, во-первых, в том, что его посетители являются одновременно и потребителями медиаконтента данной локации, и медийными акторами, транслирующими собственный контент. Во-вторых, действия акторов в той или иной степени направлены на поиск, либо на актуализацию (материализацию) собственной идентичности, соответственно, характер их действий антропоцентричен по своей сути. Особенности сочетания таких свойств меморативного ландшафта Аркаима, как трансмедийность и антропоцентричность мы попытаемся раскрыть в данной статье.

Объект исследования – меморативный ландшафт археологического памятника Аркаим как пространство трансмедийного повествования.

Предмет исследования – факторы, обуславливающие антропоцентричность трансмедийного повествования Аркаима.

Цель исследования – выявить формально-содержательные аспекты проявления антропоцентричности в трансмедийном повествовании Аркаима.

Методы исследования – включенное наблюдение («насыщенное описание») по Клиффорду Гирцу (2004), глубинные интервью, анализ контента текстов «насыщенных описаний» и глубинных интервью, систематизация и интерпретация результатов анализа.

Материалом исследования послужили 11 текстов «насыщенных описаний» и 19 глубинных интервью с акторами меморативного ландшафта, в числе которых научные сотрудники и сотрудники администрации археологического памятника Аркаим, участники исторических реконструкций и других культурных мероприятий, организуемых на территории памятника, организаторы и участники медитативных и эзотерических практик, а также владельцы и работники гостиниц, кафе и торговых точек, расположенных на территории и в окрестностях Аркаима.

Феномен трансмедийного повествования в аспекте антропоцентричности

Целый ряд исследователей фиксирует такую характеристику трансмедийного повествования, как одновременное проявление самодостаточности

участвующих в нем медиа и способности этих медиа создавать единый нарратив. Различие исследовательских подходов наблюдается относительно природы и функций трансмедийного повествования. Зачастую авторы научных работ, в русле концепции Г. Дженкинса, рассматривают трансмедийность как технологию создания и продвижения в коммерческих целях медиакоммуникационных продуктов, рассчитанных на массовую аудиторию. Под медиа в данном случае подразумеваются, в том числе, медийные платформы или форматы. Соответственно, идея, например, популярного сериала воплощается в комиксе, книге, компьютерной игре и т. д. Сюжет не дублируется на каждой из платформ, однако между этими самодостаточными нарративами существует легко считываемая связь, позволяющая создателям эффективно продвигать свой продукт в сегментах массовой аудитории, различающихся по интересам.

В значительной части исследований массмедийная технологичность противопоставлена художественному творчеству. Согласно этому подходу, в отличие от сферы художественного творчества медиа направлены «не на уникальное сознание одинокого человека, а на унифицированное восприятие массы» и имеют дело «не с пространством воображаемого, отображаемого в сфере символического, а с пространством реального или мнимо-реального (выдаваемого за реальное), отображаемого в сфере знаково-информационной» (Козолупенко, 2021, с. 152). Эта особенность медиасферы, по мнению исследователей, влечет ряд последствий. Во-первых, возникает препятствие для формирования и раскрытия авторской идеи. На это, в частности, указывает Н.Б. Афанасов, демонстрируя на примере «Игры престолов», как заявка на оригинальность авторского замысла, очевидная в начале сериала, в заключительном сезоне уступает место «удовлетворению зрительских желаний» (2019, с. 134). Во-вторых, создается пространство манипуляций сознанием аудитории для внедрения или разрушения тех или иных социальных конструктов: культивирование тотальной толерантности, формирование трансграничных идентичностей и др. Данный аспект рассматривают в своих работах Ф.И. Гиренок (2021), В.Н. Расторгуев (2021) и др. В-третьих, происходит подмена разнообразного, но цельного мира реальности (чувство причастности к которому ищет человек) технологически созданным миром, где посредством трансмедийности имитируется разнообразие, естественность бытия, связь с повседневностью. Трансмедийность вытеснила художественное творчество, которое «было способом воздействия человека на самого себя, самоактуализацией и выражением индивидуальной грезы творящего – и самоаффектацией и катализатором возникновения индивидуальной грезы воспринимающего» (Козолупенко, 2021, с. 152). Утрата грез, по мнению исследователя, – проявление деантропологизации.

Схожую трактовку феномена трансмедийности предлагает Ф.И. Гиренок. Он рассматривает грезу как фактор расширения сознания, правда, маркирует ее понятием «галлюцинация», но также увязывает последнюю с воображением. Зафиксируем несколько тезисов из его работы. 1. Если медиа – посредник между истиной и массой, то трансмедиа претендуют на восприятие себя в качестве источника истины, но не могут дать массе, превратившейся в постмассу, цельную картину мира, однако пытаются это сделать, прибегая к сетевому сторителлингу. 2. Сеть – возможность ухода от общества, не способного дать человеку полную

идентичность и превращающего его в социальный автомат. 3. Сознание – несовпадение с собой, способ избежать социальной автоматизации самого себя, возможность жить «не среди вещей, а среди подобий, призраков, видимостей, мыслей и чувств», соответственно, сознание – это расширение реальности посредством мнимости, «в котором только и живет человек <...> Это воздействие на себя во времени» (2021, с. 98). 4. Мнимость – то, чего нет, но к чему мы относимся как к существующему, а значит, оно существует. «Трансмедиа – это попытки расширить реальность посредством мнимостей» (Гиренок, 2021, с. 99). 5. Трансмедиа пытаются взять на себя функции сознания, но при этом не могут обеспечить расширение реальности личностного начала человека, лишая его способности мыслить. 6. Мысль (сознание) противопоставлена разуму – интеллекту и технологическому прогрессу, то есть, тому, что М. Маклюэн называл внешним расширением человека (2003). 7. Мысль – продуктивная способность воображения, которая нивелируется трансмедиа, в результате чего теряется связь между воображением и словом (знак не превращается в образ) и «трансмедийное содержание схлопывается в числовых отношениях» (Гиренок, 2021, с. 99).

Значимость перечисленных философских подходов в том, что они указывают на аксиологические риски трансмедийного повествования. Однако, на наш взгляд, неизбежность реализации этих рисков не вполне очевидна. Мы исходим из того, что суть трансмедийности не исчерпывается технологическими приемами актуализации для разных целевых групп и продвижения нарративов единого медиапроекта. Нам близки позиции исследователей, рассматривающих трансмедийность как естественно самоорганизующийся и, соответственно, более сложный феномен, не всегда предполагающий централизованное (пусть и коллективное) авторство и, соответственно, централизованное управление формально-содержательными параметрами общей истории.

Под общей историей мы понимаем нарратив, сосредоточенный либо в пределах относительно четко очерченной тематики, либо в границах той или иной локации. Общелокационный характер нарратива рассматриваем с опорой на идею общегородской истории, сформулированную О. А. Пичугиной, подразумевающей под этим возможность собрать «в единый поток голоса, которые сегодня говорят о городе, при этом сохраняя их идентичность» (2016, с. 229). Голоса, в трактовке исследователя, представлены рядом медийных кластеров: традиционными СМИ (телевидение, радио, печать), интернет-СМИ, социальными медиа, гиперлокальными медиа, мобильными приложениями (Пичугина, 2016, с. 227). О. А. Пичугина рассматривает феномен трансмедийности на примере городских пространств, что и обуславливает выбор определения истории как «общегородской». В контексте нашего исследования меморативный ландшафт Аркаима как пространство культуры памяти (Вандышев и др., 2022) уместно воспринимать как локацию, соответственно, трансмедийное повествование в его границах – общелокационная история. Поток транслирующих ее голосов формируется не столько традиционными и новыми медийными кластерами, сколько элементами природного ландшафта, объектами археологии и истории, а также разного рода акторами, осуществляющими научно-просветительские (проведение экскурсий), социокультурные, медитативные и эзотерические практики.

Проблемы сосуществования в одной локации источников научно-исторического знания и эзотерических, а также прочих антинаучных проявлений описаны в монографии Е.В. Куприяновой (2021). Тем не менее, на наш взгляд, есть основания полагать, что наличие альтернативных моделей восприятия меморативного ландшафта Аркаима и, в некоторых случаях, их сочетание во многом обуславливают его трансмедийность и такую особенность трансмедийного повествования данной локации, как антропоцентричность.

Акторы меморативного ландшафта Аркаима и составляющие его природные объекты, а также объекты и предметы материальной культуры (в том числе найденные в ходе археологических раскопок) выполняют медийные функции в русле идей о всеобъемлющей природе текста Ж. Деррида (Антропова, 2022), концепций «глобальной деревни» (Маклюэн, 2022) и внешнего расширения человека (Маклюэн, 2003). Они же, с нашей точки зрения, создают пространство трансмедийного повествования, являющееся фактором расширения сознания с теми составляющими этого процесса, которые раскрывает Ф.И. Гиренок, отказывающий трансмедиа в способности расширять сознание человека (2021). Однако возможность подобного расширения, на наш взгляд, обусловлена антропоцентричным характером трансмедийного повествования меморативного ландшафта Аркаима.

Если трансмедийность воспринимать не как технологию манипуляции медийными предпочтениями аудитории, а как естественно сложившееся, например, в границах определенной локации свойство, то популярность меморативного ландшафта Аркаима среди посетителей отчасти объясняется философским наблюдением за актуальными социокультурными процессами, сделанным Д.П. Козолупенко. Исследователь отмечает, что человек начинает ускользать от внешнего воздействия, что люди «предпочитают как можно более глубокое погружение в один, но как можно более разносторонний мир – а не частичное знакомство с множеством разрозненных картинок и образов, относящихся к разным мирам» (Козолупенко, 2021, с. 150). Далее он констатирует реакцию трансмедиа на этот запрос, выразившуюся в создании деантропологизирующего псевдомира. Данная констатация, на наш взгляд, актуальна в том случае, если трансмедийность мы воспринимаем исключительно как технологию продвижения медийного проекта. Но мы ищем возможность посмотреть на этот феномен с альтернативного ракурса. Теоретические основания для этого находим в работе Я.О. Давиденко, С.Б. Никонова, Ю.В. Пую, которые рассматривают трансмедийность как проявление интермедиальности и увязывают ее с категорией интертекстуальности. По их мнению, интертекстуальность обуславливает семантический характер связи между объектами, соответственно данной взаимосвязи не препятствуют различия в жанровой принадлежности текстов, стилистике или языке. Следовательно, «любой текст можно считать интертекстом, если он формирует или выступает частью контекста, при этом предтекстом каждого отдельного произведения является не только совокупность всех предшествующих ему текстов, но и сумма лежащих в их основе общих кодов и смысловых систем» (Давиденко и др., 2023, с. 83). Объединяющее тексты «общее интертекстуальное поле <...> содержит в себе весь культурно-исторический опыт или <...> информационный контекст, который можно считать особой системой (Давиденко и др., 2023, с. 83). Не менее значимым для нас является замечание о том, что «интертекстуальное

множество, включающее в себя самодостаточные смысловые единицы, в процессе развития собственного дискурса теряет условный субъект повествования <...> субъект сам становится единицей дискурса и, можно сказать, растворяется в нем» (Давиденко и др., 2023, с. 83). Исследователи подчеркивают, что «дискурс, в отличие от утверждения или устного заявления, не зависит от автора, он развивается внутри самого себя, ситуативно взаимодействуя с другими дискурсами» (Давиденко и др., 2023, с. 83).

На наш взгляд, последний тезис, несмотря на формальные различия, гармонично соотносится с трактовкой М.В. Загидуллиной концепции эстетического И. Канта. Исследователь акцентирует внимание на выделяемом И. Кантом понятии «интуитивного рассудка» и отмечает, что «интуитивность преодолевает дискретность дискурсивности и «работает» с синтезом, с общим, стремясь охватить его как целое» (Загидуллина, 2022, с. 42). Можно предположить, что описываемый выход «интуитивного рассудка» за пределы каждой из дискурсивных конвенций для восприятия их как целого – и есть процесс расширения сознания, являющийся признаком антропоцентричности повествования.

Примечательно, что медиальность в научном поле все чаще рассматривается как процесс, включающий в себя две составляющие. Вторая связана с функционированием медиа – традиционными и новыми – как средством отображения реальности. В качестве первой, с нашей точки зрения, уместно рассматривать саму реальность. Основанием для этого является концепция внешнего расширения человека М. Маклюэна (2003), идея Ж. Деррида о том, что все есть текст (Антропова, 2022), а также восприятие современного города в качестве медиа (Пичугина, Морозова, 2017). С этой точки зрения пространство Аркаима является, во-первых, и медийным, и трансмедийным, и интертекстуальным, и, во-вторых, проявление всех этих свойств данной локации имеет свою специфику. В значительной степени ее раскрывает А.Р. Медведева (2023), которая, опираясь на концепцию интерфейса Л. Мановича и теорию шизоанализа Ф. Гваттари, фактически обосновывает медийную сущность Аркаима. Кстати, автор проводит аналогию между внешним расширением человека по М. Маклюэну и «культурными расширениями», которые, с нашей точки зрения, уместно рассматривать в качестве синонимичных расширению сознания. В своей статье мы лишь пытаемся детализировать обозначенные А.Р. Медведевой подходы, акцентируя внимание на антропоцентричности данной локации.

Медиаэстетические параметры трансмедийности Аркаима

Уместен вопрос о том, почему пространство Аркаима как фактор расширения сознания мы рассматриваем в качестве именно медийного, а не художественного феномена, хотя наполняющие Аркаим социокультурные (например, исторические реконструкции), медитативные и эзотерические практики содержат в себе элементы, выходящие за рамки повседневности, то есть соответствующие, скорее, художественному, нежели медиатексту.

Наиболее иллюстративно в контексте нашей темы разграничения между художественным и медийным представлены в работе И.Н. Кемарской (2022). Исследователь систематизирует медиаэстетические параметры продукции

экранной периодики и, по сути, демонстрирует их сходство с внеэкранными проявлениями медийности, хотя цель ее работы совершенно иная – с помощью драматургических инструментов выявить критерии ценностной состоятельности именно экранных периодических произведений. Опираясь на воззрения Ю.М. Лотмана, других ученых и опыт собственных исследований, автор отмечает, что отличие единичного художественного кинофильма от произведения экранной периодики заключается в их кодовой природе. В первом случае кодовая природа не известна зрителю до начала восприятия кинокартины, а во втором для зрителя важна не новизна, «а получение предвкушаемого эмоционального удовольствия» (Кемарская, 2022, с. 140). Самоорганизующееся трансмедийное повествование пространства Аркаима, как показывают включенные наблюдения и интервью с его посетителями, привлекает, в значительной степени, предвкушением эмоционального переживания. То есть, в Аркаим приезжают люди, имеющие изначальные представления о тех или иных аспектах его кодовой природы.

Рассмотрим, как в пространстве Аркаима реализуется характерный для медиа принцип моделирования (Кемарская, 2022, с. 142), сочетающий относительную устойчивость форматных рамок и существующее в их границах разнообразие вариантов поведения акторов. Ниже приведены фрагменты 58-минутного наблюдения по методу Клиффорда Гирца (2004). Топонимы в описаниях использованы те, которые чаще других упоминаются посетителями.

«17.42. Склон Шаманки ближе к вершине со стороны горы Покаяния и Нижнего лагеря. Девушка лет 25 с распушенными волнистыми темно-русыми волосами прикасается к маленьким желтым цветам, напоминающим лютики. Девушка лет 30 в белой футболке, шляпке и длинной юбке ее фотографирует. В десятке метров к востоку – мальчик лет восьми в синей кепке и куртке, мальчик и девочка лет по 14. Мальчик в серой куртке с капюшоном, девочка с прямыми длинными волосами, в очках, встают на небольшой камень и тут же соскакивают с него, общаются, смеются, слышна фраза «Я – сигма».

В центре спирали группа мужчин и женщин лет 40 и ребенок лет пяти в ярко-желтом костюме и темно-синей кепке. В руках женщины лет 35 маленькая собачка с мордочкой, как у корги, только меньше. Компания расположилась на каменных стенках спирали, весело и непринужденно общаются. Минут через пять столь же непринужденно они пойдут по часовой стрелке по спирали к выходу из нее. Здесь же, по спирали идут другие люди, в том числе высокий плотного телосложения мужчина в красно-серой, из мягкой ткани, спортивной кофте и таких же брюках серого цвета. Он идет с опущенными руками, развернув их так, чтобы ладони смотрели вперед, но в левой ладони держит полторалитровую пластиковую бутылку, заполненную на четверть желтой жидкостью. На «козырьке» («Мыс Жриц») группа женщин лет 60 в ярких спортивных костюмах совершают под руководством «мастера» духовную практику, делая не выраженные явно ритуальные жесты руками.

<...> 18.00. На южном склоне, над рекой, двое мужчин старше 55. Один седой, сидит лицом к реке. Второй рассказывает:

– И вот он говорит царю: «Я могу убить тебя без единого меча». А у него оружие же отобрали перед встречей с царем [...] И царь был бы рад отпустить его. Но вынужден был казнить – таков закон.

<...> 18.30.

– Андрей! – мужчина за 55, высокий и худощавый, в черной короткой куртке, брюках и серой панаме, стоит на скале горы Покаяния перед самым обрывом, лицом к нижнему лагерю, расправив руки вперед и вверх. Кричит своему спутнику лет 40–50:

– Сфоткай меня вот так.

Запечатлевшись на фото, мужчина направляется вниз по склону со стороны Шаманки, докуривая сигарету и выбрасывая ее по пути.

(Из включенных наблюдений от 29.04.2024)

Результаты включенных наблюдений и анализа интервью с актерами показывают, что осуществляемые на Аркаиме практики делятся на относительно устойчивые (знакомство с историческими объектами и экспонатами, восхождение на сопки, хождение по спиральям, встреча восхода солнца и т. д.) и вариативные, предполагающие свободу действий, мягко ограничиваемую спецификой сформировавшегося контекста. В этой связи интересна трактовка функционала трансмедиа, предложенная В.Н. Расторгуевым. Исследователь не противопоставляет понятия «медиа» и «трансмедиа». Феномен трансмедийности он рассматривает, опираясь на традиционное значение слова «медиум» – посредник между загробным и реальным мирами. Условием такого посредничества, отмечает философ, было «погружение в транспограничное состояние, выходящее за рамки нормального» (Расторгуев, 2021, с. 105). По его словам, аналогичную роль в жизни современного общества играют массмедиа, чему способствуют ряд перечисленных исследователем черт. В их числе: 1) медийная трансекторальность (телеканалы используют инструменты интернет-коммуникаций, централизованное производство контента сочетается с интерактивностью и т. д); 2) отсутствие выраженных этнокультурных особенностей и интернационализм; 3) отсутствие «непреодолимых государственных, клановых и идеологических границ» (Расторгуев, 2021, с. 106); 4) размывание традиционных идентичностей (гендерной, гражданской) и формирование новых, в том числе трансграничных; 5) размывание временных границ; 6) «транспарадигмальность», т. е. смешение образцов поведения и мышления, смещение традиционных парадигм, характерных для массовой культуры и для специализированных областей интеллектуальной деятельности» (Расторгуев, 2021, с. 108), стирание в медийном поле границ между профессиональным ученым и самодостаточным профаном; 7) стирание функциональных различий «между наукой, искусством, правом, моралью, политикой и религией» (Расторгуев, 2021, с. 108). Исследователь заостряет внимание на сущности события, трактуя ее как «то, что выделяет себя из текущего бытия, или производя шок (главный инструмент массмедиа), или вскрывая сущность бытия, или становясь в нашем воображении реперной точкой истории» (Расторгуев, 2021, с. 110).

На наш взгляд, черты массмедиа, перечисленные В.Н. Расторгуевым, так же, как и медиаэстетические параметры, систематизированные И.Н. Кемарской, соответствуют практикам, осуществляемым актерами меморативного ландшафта Аркаима.

Заключение

Таким образом, можем перечислить следующие черты медийности и транс-медийности пространства Аркаима, являющиеся факторами его антропоцентричности.

1. Процесс восприятия образа каждого актора или каждой группы акторов складывается в отдельный микронарратив, который, одновременно, и относительно самодостаточен, и не завершен.

2. Все эти нарративы материализации идентичности, каждый из которых выполняет медийные функции, формируют общее пространство трансмедийного повествования, при этом незавершенность каждого отдельного нарратива обуславливает свободу домысливания, интерпретации зрителем увиденного (он же – полноценный актер, герой и участник трансмедийного повествования).

3. Происходящее действие обладает как форматными доминантами (в виде археологических и научно-исторических памятников, элементов рельефа, топонимов, придающих этим элементам символический смысл, искусственно сложенных спиралей для медитативных практик), так и вариативностью поведения акторов в границах данных форматов. Вариативность обуславливает отмеченное И.Н. Кемарской относительно текстов экранной периодики и характерное, на наш взгляд, для трансмедийного повествования Аркаима сочетание элементов постмодернистской эстетики с ее фрагментарностью и коллажностью и эстетики метамодерна с мотивами новой искренности и неочувствительности (2022). Последние, на наш взгляд, являются маркерами антропоцентричности так же, как и значимый для акторов Аркаима мотив самоидентификации.

4. Микронарративы иллюстрируют бесконечно широкую вариативность действий разных акторов, и, соответственно, палитру восприятий акторами данного пространства: локация, вызывающая любопытство; место особого типа развлечений с элементами современного масскульта; оригинальная фотозона; пространство для рассказа исторических легенд, даже не имеющих к данной локации отношения; источник исторических и археологических знаний, получаемых в ходе экскурсий, проводимых профессионалами-исследователями; священное место силы, способствующее исцелению и обретению значимых для себя смыслов и т.д.

5. Выраженная трансграничность действий акторов, их мотивов и особенностей восприятия меморативного ландшафта. Научное и обыденное, священное и профанное сосуществуют рядом, не вступая на уровне повседневных практик в противостояние друг с другом, а взаимно переплетаясь, способствуя генерации эмоций и смыслов, то есть, все тех же проявлений антропоцентричности. Разница в восприятии пространства Аркаима в качестве жертвенного алтаря, где можно оставить монету во благо семьи, и места, где можно бросить окуроч, сглаживается символической емкостью характерного для Аркаима хронотопа, обуславливающего единство разных дискурсов, их совокупную цельность. Отсюда транслируемое в глубинных интервью неприятие посетителями Аркаима разного рода ограничителей в виде шлагбаумов и заборов. Именно здесь, на наш взгляд, открываются перспективы поиска критериев допустимого уровня технологизации Аркаима: гаджет в силу своей медийной (медиумной) природы

органично вписывается в меморативный ландшафт, а, например, современный дизайн тротуарной плитки вызывает вопросы.

6. Высокая степень погруженности акторов в содержательное пространство меморативного ландшафта Аркаима, имеющая свою градацию, обусловленную глубиной мотивов и, соответственно, характером тех или иных действий. Наиболее погружены акторы, самостоятельно посещающие объекты Аркаима для решения своих задач личностного плана. Именно эта категория посетителей не ограничена в выборе вариантов осуществления практик и естественно (без привязки к жесткому сценарию) сочетает близкие к ритуалу форматные рамки и свободу самовыражения. Встреча восхода солнца на Шаманке – своего рода, ритуал, но то, как человек ведет себя во время встречи, никем и ничем не регламентировано. Элементы ритуала обуславливают выход сознания актора за рамки повседневности, а свобода его действий создает ощущение естественности происходящего. Парадокс сочетания ритуала и естественности – антропологизирующий фактор расширения сознания.

Таким образом, пребывание в пространстве меморативного ландшафта Аркаима для актора – целенаправленное отклонение от нормы повседневности, переход в пограничье между настоящим и прошлым, миром живых и миром ушедших (не только в эзотерическом, но и в метафорически осмысленном научно-историческом аспекте). Интермедийность, интертекстуальность и трансмедийность выступают факторами расширения сознания, обуславливающего антропоцентричность меморативного ландшафта Аркаима, воплощающего собой пространство пограничий между естественной природой, историей, археологией, естественной наукой, культурой и эзотерикой.

Список литературы

1. Антропова, В. В. (2022). *Концептосфера «духовность» в журналистском дискурсе: экспликация ценностей*. Челябинск: Челябинский государственный университет.
2. Афанасов, Н. Б. (2019). Разочарование в «Игре престолов»: сериальная логика, трансмедийное повествование и капитализм платформ. *Галактика медиа: журнал медиа исследований*, (2), 120–141. <https://doi.org/10.24411/2658-7734-2019-10016>
3. Вандышев, М. Н., Веселкова, Н. В., Прямикова, Е. В. (2022). Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения. *Социология власти*, 34(1), 69–94. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-69-94>
4. Гиренок, Ф. И. (2021). Философское истолкование принципов трансмедийного повествования. *Философия хозяйства*, (3), 93–102.
5. Гирц, К. (2004). *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН.
6. Давиденко, Я. О., Никонов, С. Б., Пую, Ю. В. (2023). Теоретическое обоснование феномена интермедийность в современной науке. *Этносоциум и межнациональная культура*, 1(175), 80–84.
7. Загидуллина, М. В. (2022). К вопросу о разделении «эстетического» и «медиаэстетического». *Челябинский гуманитарий*, 1(58), 37–45. <https://doi.org/10.47475/1999-5407-2022-10104>

8. Зубанова, Л.Б., Зыховская, Н.Л., Шуб, М.Л. (2024). Археологический памятник Аркаим: практики освоения и субъективные смыслы восприятия мемориальных ландшафтов. *Дискурс-Пи*, 21(2), 90–110. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_90
9. Котова, В.С. (2024). Формирование символического капитала на примере фестиваля «Зимнее солнце Аркаима». *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 2(52), 96–108. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2024-52-2-96-108>
10. Киклевич, А.К., Загидуллина, М.В., Панова, Е.Ю. [и др.] (2020). *Медиаэстетический компонент современной коммуникации*. Челябинск: Челябинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
11. Козолупенко, Д.П. (2021). Деантропологизирующая тенденция в философии трансмедиа. *Философия хозяйства*, (6), 146–156.
12. Кемарская, И.Н. (2022). Ценностные ориентиры драматургии аудиовизуальной периодики: перенастройка научной оптики. *Гуманитарный вектор*, 17(1), 138–147. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-1-138-147>
13. Куприянова, Е.В. (2021). *Аркаим: рождение легенды*. Челябинск: Край РА.
14. Маклюэн, М. (2022). *Галактика Гутенберга. Становление человека читающего*. М.: Академический проект.
15. Маклюэн, М. (2003). *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле.
16. Медведева, А.Р. (2023). Интерфейс пространства Аркаима: к вопросу о метафоризации. *Горизонты цивилизации*, 14(2), 32–40. <https://doi.org/10.47475/2413-0125-2023-14-2-32-40>
17. Пичугина, О.А., Морозова, Л.В. (2017). Мобильные приложения в коммуникативном пространстве города. В *Современные информационные и коммуникативные технологии в глобальном мире: вызовы и возможности: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции (20–22 октября 2016 г., Симферополь)* (с. 215–218). Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал».
18. Пичугина, О.А. (2016). Трансмедийное повествование в коммуникативном пространстве мегаполиса. *Коммуникология*, 4(5), 225–238.
19. Расторгуев, В.Н. (2021). Трансмедийные технологии в освещении и производстве событий. *Философия хозяйства*, (3), 102–113.
20. Симакова, С.И. (2023). Аркаим как элемент символического капитала Челябинской области. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 4(50), 112–118. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-50-4-112-118>
21. Симакова, С.И. (2024). Практики освоения пространства меморативного ландшафта как элемент символического капитала Аркаима. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 1(51), 103–107. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2024-51-1-103-107>

References

1. Antropova, V.V. (2022). *Kontseptosfera “dukhovnost” v zhurnalistskom diskurse: eksplikatsiya tsennostey* [The conceptual sphere of “spirituality” in journalistic discourse: an explication of values]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
2. Afanasov, N.B. (2019). Razocharovanie v “Igre prestolov”: serial'naya logika, transmediynoe povestvovanie i kapitalizm platform [Disillusionment in “game of thrones”: logic of tv series, transmedia storytelling and platform capitalism]. *Galaktika media: zhurnal media issledovaniy*, (2), 120–141. <https://doi.org/10.24411/2658-7734-2019-10016>
3. Vandyshchev, M.N., Veselkova, N.V., & Pryamikova, E.V. (2022). Memorativnyy landschaft: kontseptsiya i opyt primeneniya [Memorative landscape: concept and experience]. *Sotsiologiya vlasti*, 34(1), 69–94. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-69-94>
4. Girenok, F.I. (2021). Filosofskoe istolkovanie printsipov transmediynogo povestvovaniya [Philosophical interpretation of the principles of transmedia narration]. *Filosofiya khozyaystva*, (3), 93–102.
5. Geertz, K. (2004). *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow: ROSSPEN.
6. Davidenko, Ya.O., Nikonov, S.B., & Puyu, Yu.V. (2023). Teoreticheskoe obosnovanie fenomena intermedial'nost' v sovremennoy nauke [Theoretical substantiation of the phenomenon of intermediality in modern science]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, 1(175), 80–84.
7. Zagidullina, M.V. (2022). K voprosu o razdelenii “esteticheskogo” i “mediaesteticheskogo” [The difference between “aesthetics” and “media-aesthetics”]. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 1(58), 37–45. <https://doi.org/10.47475/1999-5407-2022-10104>
8. Zubanova, L.B., Zykhevskaya, N.L., & Shub, M.L. (2024). Arheologicheskij pamyatnik Arkaim: praktiki osvoeniya i sub'yektivnye smysly vospriyatiya memorial'nykh landshtafov [The archeological site of arkaim: development practices and meanings in individual perception of memorial landscapes]. *Discourse-P*, 21(2), 90–110. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_90
9. Kotova, V.S. (2024). Formirovanie simvolicheskogo kapitala na primere festivalya “Zimnee solntse Arkaima” [Formation of symbolic capital on the example of the festival winter sun of Arkaim]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2(52), 96–108. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2024-52-2-96-108>
10. Kiklevich, A.K., Zagidullina, M.V., & Panova, E.Yu. [et al.] (2020). *Mediaesteticheskiy komponent sovremennoy kommunikatsii* [Media Aesthetic Component of Modern Communication]. Chelyabinsk: Chelyabinsk branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”.
11. Kozolupenko, D.P. (2021). Deantropologiziruyushchaya tendentsiya v filosofii transmedia [Deanthropologizing tendency in the philosophy of transmedia]. *Filosofiya khozyaystva*, (6), 146–156.
12. Kemarskaya, I.N. (2022). Tsennostnye orientiry dramaturgii audiovizual'noy

periodiki: perenastroyka nauchnoy optiki [Value orientations of the audiovisual periodicals dramaturgy: reconfiguring scientific optics]. *Gumanitarnyy vector*, 17(1), 138–147. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-1-138-147>

13. Kupriyanova, E. V. (2021). *Arkaim: rozhdenie legendy* [Arkaim: birth of a legend]. Chelyabinsk: Krai RA.

14. McLuhan, M. (2022). *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka chitayushchego* [The Gutenberg Galaxy. The Formation of a Reading]. Moscow: Akademicheskii proekt.

15. McLuhan, M. (2003). *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External Extensions of Man]. Moscow: KANON-press-C; Zhukovsky: Kuchkovo pole.

16. Medvedeva, A.R. (2023). Interfeys prostranstva Arkaima: k voprosu o metaforizatsii [Interface of Arkaim: on the question of metaphORIZATION]. *Gorizonty tsivilizatsii*, 14(2), 32–40. <https://doi.org/10.47475/2413-0125-2023-14-2-32-40>

17. Pichugina, O.A., & Morozova, L.V. (2017). Mobil'nye prilozheniya v kommunikativnom prostranstve goroda [Mobile apps and urban communications]. In *Sovremennye informatsionnye i kommunikativnye tekhnologii v global'nom mire: vyzovy i vozmozhnosti. Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (October 20–22, 2016, Simferopol)* (pp. 215–218). Simferopol: Limited Liability Company “Publishing House Printing House “Arial”.

18. Pichugina, O.A. (2016). Transmediynoe povestvovanie v kommunikativnom prostranstve megapolisa [Transmedia narrative in urban communications]. *Kommunikologiya*, 4(5), 225–238.

19. Rastorguev, V.N. (2021). Transmediynye tekhnologii v osveshchenii i proizvodstve sobytiiy [Transmedia technologies in covering and producing events]. *Filosofiya khozyaystva*, (3), 102–113.

20. Simakova, S.I. (2023). Arkaim kak element simvolicheskogo kapitala Chelyabinskoy oblasti [Arkaim as an element of the symbolic capital of the Chelyabinsk region]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 4(50), 112–118. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-50-4-112-118>

21. Simakova, S.I. (2024). Praktiki osvoeniya prostranstva memorativnogo landshafta kak element simvolicheskogo kapitala Arkaima [Practices of developing the space of the memorial landscape as an element of the symbolic capital of Arkaim]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 1(51), 103–107. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2024-51-1-103-107>

Информация об авторах

Андрей Владимирович Сафонов, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории медиа Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1347-7951>, e-mail: mihbig@mail.ru

Ирина Владимировна Топчий, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиапроизводства Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8601-9041>, e-mail: ivtopchiy@mail.ru

Information about the authors

Andrey Vladimirovich Safonov, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Media Theory at Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1347-7951>, e-mail: mihbig@mail.ru

Irina Vladimirovna Topchii, PhD in Philology, Docent, Associate Professor of the Department of Media Production at Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8601-9041>, e-mail: ivtopchiy@mail.ru

---

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_179

ПОЛИТИКА ИНДИИ И КИТАЯ В АРКТИКЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Дарья Николаевна Веселова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университет при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС,
Северо-Западный Институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия,
daria-voronchikhina@mail.ru

Получена 02.11.2024.

Поступила после рецензирования 15.04.2025.

Принята к публикации 12.01.2026.

Для цитирования: Веселова Д.Н. Политика Индии и Китая в Арктике: общее и особенное // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1 С. 179–202. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_179

Аннотация

В статье рассматриваются и сравниваются национальные интересы, направления деятельности, стратегические документы Индии и Китая по Арктике, изучаются взаимоотношения стран с Россией и США. Роль данных стран на международной арене усиливается, темп экономического развития ускоряется, растут амбиции в Арктике, увеличивается уровень взаимодействия России с Китаем и Индией с 2022 г. Целью работы является сопоставление арктической политики Индии и Китая, определение общих характеристик и особенностей при ее реализации. Задачами являются выявление общих черт и различий при осуществлении арктической политики; изучение взаимоотношений двух стран с арктическими государствами (с Россией и США). Методы: структурно-аналитический подход, анализ документов, сравнительный анализ. Эмпирической базой исследования служат стратегические документы Китая, Индии, США и России. Общими чертами Индии и Китая являются их статус неарктических государств, наличие ключевых стратегических документов, посвященных

© Веселова Д.Н., 2026

регулированию деятельности в Арктике, создание государственных органов и учреждений, ответственных за проведение арктической политики, акцентирование внимания на приоритете решения научных и экологических вопросов в Арктике, заключение долгосрочных контрактов на поставку углеводородного сырья, добытого на арктическом шельфе, развитие тесных связей с Россией. Особенности политики Индии и Китая связаны с различным пониманием вопроса касательно развития Северного морского пути (далее – СМП) и инфраструктуры вдоль него, добычи полезных ископаемых на континентальном шельфе и угроз для хрупкой экосистемы региона, готовности инвестирования в арктические проекты, наличия взаимоотношений с США. Кроме того, Индия на данный момент не имеет ни одного ледокола, в отличие от Китая, но заинтересована в изучении знаний и традиций коренных народов Арктики. В целом, арктическая политика Индии находится на стадии становления. Политика Китая в Арктике уже сформирована и направлена на принятие страны в круг акторов, принимающих решения по освоению и развитию региона.

Ключевые слова:

Арктика, Северный морской путь, добыча углеводородов, «Арктическая политика Индии», Белая книга «Арктическая политика Китая», международное сотрудничество

Источники финансирования:

исследование выполнено в рамках проекта № 116233367 «Развитие Северного морского пути как части «синей» экономики Арктической зоны Российской Федерации» по линии Санкт-Петербургского государственного университета.

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_179

THE POLICY OF INDIA AND CHINA IN THE ARCTIC: GENERAL AND SPECIFIC

Daria N. Veselova,

Saint Petersburg State University,
University of the EurAsEC Interparliamentary Assembly,
North-Western Institute of Management
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg, Russia,
daria-voronchikhina@mail.ru

Received 02.11.2024.

Revised 15.04.2025.

Accepted 12.01.2026.

For citation: Veselova, D.N. (2026). The Policy of India and China in the Arctic: General and Specific. *Discourse-P*, 23(1), 179–202. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_179

Abstract

The article examines and compares the national interests, areas of activity, and strategic documents of India and China in the Arctic and studies the countries' relations with Russia and the United States. The role of these countries in the international arena is strengthening, the pace of economic development is accelerating, ambitions in the Arctic are growing, and the level of interaction between Russia and China and India is increasing from 2022. The purpose of the article is to compare the Arctic policies of India and China, to determine the common characteristics and features of its implementation. The objectives are to identify common features and differences in the implementation of Arctic policy; to study the relationship between the two countries with the Arctic states (with Russia and the USA). Methods: structural-analytical approach, document analysis, comparative analysis. The empirical basis of the study are the strategic documents of China, India, the USA and Russia. The common features of India and China are their status as non-Arctic states, the presence of key strategic documents devoted to the regulation of activities in the Arctic, the creation of government bodies and institutions responsible for the implementation of Arctic policy, focusing on the priority of resolving scientific and environmental issues in the Arctic, concluding long-term contracts for the supply of hydrocarbons produced on the Arctic shelf, development of close ties with Russia. The peculiarities of Indian and Chinese policies are associated with different understandings of the issue regarding the development of the Northern Sea Route and infrastructure along it, mining on the continental shelf and threats to the fragile ecosystem of the region, and the readiness to invest in Arctic projects, the presence of relations with the United States. In addition, India doesn't currently have a single icebreaker, unlike China, but it is interested in studying the knowledge and traditions of the indigenous peoples of the Arctic. In general, India's Arctic policy is in its infancy. China's policy in the Arctic has already been formed and is aimed at accepting the country into the circle of actors making decisions on the exploration and development of the region.

Keywords:

Arctic, Northern Sea Route, hydrocarbon production, "India and the Arctic", the White Paper "China's Arctic Policy", international cooperation

Funding:

The study was carried out within the framework of project No. 116233367 "Development of the Northern Sea Route as part of the "blue" economy of the Arctic zone of the Russian Federation" through St. Petersburg State University.

Введение

Арктика притягивает внимание не только арктических стран, к которым относят Данию, Исландию, Канаду, Норвегию, Россию, США, Финляндию и Швецию, имеющих собственные арктические стратегии, но и неарктических государств. Особый интерес к данному региону проявляют Китай и Индия. Обе страны являются лидерами по численности населения, основными эмитентами парниковых газов и входят в топ-5 стран по экономическому развитию на 2024 г. В своих ключевых документах, закрепляющих арктическую политику, и Китай и Индия выделили научные, экологические, экономические и геополитические интересы среди своих государственных интересов в регионе¹. Оба государства стремятся к получению доступа к многочисленным полезным ископаемым, залегающим на территории Арктики, к усилению своего присутствия и влияния в этом регионе. Обе страны являются наблюдателями в Арктическом Совете (далее – АС) и предоставляют отчеты в данную организацию. Оба государства с каждым отчетным периодом увеличивают число проектов, в которых они принимают участие в рамках деятельности в АС. Так, согласно отчету Китая за 2019 г. эксперты КНР принимали участие в 2017–2019 гг. в восьми проектах рабочих групп АС². За период 2019–2021 гг. Китай участвовал в реализации 19 проектов³, за период 2021–2023 г. уже в 28⁴. Согласно отчету Индии за период 2017–2019 гг. ее представители входили в состав девяти проектов рабочих групп АС⁵, в 2019–2021 гг. – в 21 проекте⁶. За период 2021–2023 гг. отчет Индии на официальном сайте АС отсутствует. Данный пример показывает положительную динамику присутствия обеих стран как в деятельности в АС, так и в регионе в целом.

В связи с ужесточением санкций коллективного Запада после начала специальной военной операции на Украине, Россия переориентировалась как в экономике,

¹ *China's Arctic Policy 2018* (China). Retrieved May 27, 2024, from http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm; *India and the Arctic: Building a Partnership for Sustainable Development 2022* (India). Retrieved May 27, 2024, from https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-05/India_Arctic_Policy_2022.pdf

² *Observer Review report of People's Republic of China* (2019). Retrieved May 27, 2024, from <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/9a0755f2-bc1a-4f04-8a21-11beee7306ef/content>

³ *Observer report of People's Republic of China* (2021). Retrieved May 27, 2024, from <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/bfbc67b9-0cf8-4a5a-a304-69091591e58b/content>

⁴ *Observer report of People's Republic of China* (2023). Retrieved May 27, 2024, from <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/9901dfc3-33dc-4727-b469-6a7f9f52c21e/content>

⁵ *Observer Review report of Republic of India* (2019). Retrieved May 27, 2024, from <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/dc6b5a0f-b571-4703-b603-f55dbb984643/content>

⁶ *Observer report of Republic of India* (2021). Retrieved May 27, 2024, from <https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/3b685e92-8caa-4e8a-b275-23491a9a4d1d/content>

так и в политике на Восток. Среди основных партнеров России следует выделить страны ЕАЭС, Китай и Индию. Кроме того, Россия, Индия и Китай являются участниками ШОС и БРИКС. Так, весной 2023 г. участники сессии «Перспективы сотрудничества в сфере устойчивого развития Арктики в рамках БРИКС» международного проекта Think Arctic – Think Global обсудили перспективы совместных проектов стран БРИКС в Арктике⁷ и закрепили свои идеи в докладе «The Arctic as a special area of international cooperation: projects and opportunities»⁸. В докладе отмечена важность конструктивного взаимодействия Индии и России в Арктике. При этом разведка и добыча природных ресурсов, энергетическое сотрудничество, коммерческое использование СМП выделены в качестве ключевых направлений⁹. Партнерство России и Китая завязано на поставках углеводородов с арктического континентального шельфа, на реализации совместных инфраструктурных проектах в Арктической зоне Российской Федерации (далее – АЗ РФ); выделено сотрудничество в сфере науки и образования, а также в области развития туризма в Арктике¹⁰. В феврале 2023 г. Россия внесла изменения в документ «Основы государственной политики России в Арктике на период до 2035 года», закрепив развитие отношений с иностранными государствами в Арктике вместо укрепления добрососедских отношений с арктическими странами¹¹. В Концепции внешней политики РФ, принятой в марте 2023 г., говорится о налаживании взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, заинтересованными в осуществлении международной деятельности в Арктике¹². В феврале 2024 г. Москва заявила о приостановлении ежегодных выплат АС¹³. Данные факты говорят о поиске РФ новых партнеров по развитию Арктики, в первую очередь, среди азиатских стран.

Отдельно стоит отметить, что ужесточение западными странами санкций в отношении России положительно повлияло на товарооборот с Индией и Китаем. Так, в 2021 г. товарооборот России с Индией составил \$13,556 млрд¹⁴.

⁷ *Формирование общей повестки стран БРИКС в Арктике обсудили на сессии проекта Think Arctic – Think Global* (2023). Взято 27 мая 2024, с <https://forumarctica.ru/news/formirovanie-obschej-povestki-stran-briks-v-arktike-obsudili-na-sessii-proekta-think-arctic-think-global/>

⁸ *The Arctic as a special area of international cooperation: projects and opportunities* (2023). Retrieved May 27, 2024, from <https://as.arctic-russia.ru/upload/docs/2023/think-arctic-report-spief-eng.pdf>

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 5 марта 2020 года (№ 164) п. 16* (Россия). Взято 27 мая 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/564371920>

¹² *Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 марта 2023 года (№ 229) п. 50* (Россия). Взято 27 мая 2024, с <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

¹³ *Россия приостановила выплату ежегодных взносов в Арктический совет* (2024, 14 февраля). Взято 27 мая 2024, с <https://ria.ru/20240214/vyplata-1927224969.html>

¹⁴ *Товарооборот России с Индией* (2022, 12 февраля). Взято 27 мая 2024, с <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-indiye-v-2021-g/>

В финансовом году, закончившемся в марте 2024 г., товарооборот между Индией и Россией вырос уже до \$65,7 млрд что на 33 % больше, чем годом ранее¹⁵. Товарооборот между РФ и Китаем в 2021 г. составил \$146,88 млрд. В 2022 г. он вырос на 29,3 %, до \$190 млрд¹⁶. По итогам 2023 г. объем торговли между Россией и Китаем достиг \$240,11 млрд увеличившись на 26,3 %¹⁷.

Увеличение динамики присутствия Китая и Индии в Арктике, расширение сотрудничества России с данными странами, ухудшение отношений между США и Китаем в данном регионе планеты определяют научный и практический интерес изучения общих черт и различий при осуществлении Пекином и Дели государственной политики в этом регионе, в том числе для выстраивания дальнейших отношений РФ с данными странами.

Степень исследованности в науке вопроса сравнения арктической политики Индии и Китая невелика. Среди российских ученых, изучавших вопрос политики Индии в Арктике, следует выделить Бродт Л. (2023), Зайкова К.С. (2022), Лексютину Я.В. (2019), Николаева Н.А. (2017), Райкова Ю.А. (2020), Шаумян Т.Л. и Журавеля В.П. (2016). Китайскую политику в Арктике рассматривали Забелла А.А. (2019), Кобзева М.А. и Коньшев В.Н. (2017), Петровский В.Е. (2020), Печерица В.Ф. (2020) и ряд других. Печерица В.Ф. (2020) рассматривал основные направления политики КНР в Арктике. Петровский В.Е. (2020) представил институциональную основу политики Китая в Арктике. Сравнительные исследования арктических политик двух стран проводили Николаев Н.А. (2017) и Зиннатуллин Д.А. (2024). Лексютина Я.В. в своей научной работе сопоставила интересы Китая и Индии в Арктике до принятия Индией Арктической политики (2019). Райков Ю.А. в своей научной статье рассмотрел интересы США, Японии, Южной Кореи, Китая и Индии в Арктике (2020). Сергунин А.А. рассмотрел вопрос концепции «Трех полюсов холода», третьим из которых является регион, включающий Гималаи, Гиндукуш и Тибетское нагорье, и затрагивающий, таким образом, интересы Индии и Китая (2024).

Зарубежные ученые также изучали вопрос проведения в жизнь Индией и Китаем их стратегий в Арктике. Так, Хуа Ц. (2023), Bhagwat J., Shaparov, A.E. (2022), Gadiloke N. (2012), Sinha U.K., Gupta A. (2014) рассматривали вопросы проведения политики Индии в Арктике. Chuan Chen (2023), Guo Peiqing и Chen Huiwen (2023), Koivurova T., Nielsson E., Śmieszek M.G. (2020), Kong Soon Lim (2018) изучали китайскую арктическую политику. Сунь С. проанализировала государственные интересы Индии, России и Китая в Арктике и развила тему сотрудничества между государствами (2017). Среди индийских исследователей,

¹⁵ *Индия: Рост торговли с поворачивающейся на восток Россией – не мимолетная тенденция* (2024, 18 мая). Взято 27 мая 2024, с <https://easaily.com/ru/news/2024/05/18/india-rost-torgovli-s-povorachivayushcheysya-na-vostok-rossiey-ne-mimoletnaya-tendenciya>

¹⁶ *Товарооборот России и Китая в январе – июле вырос на 36,5 %* (2023, 8 августа). Взято 27 мая 2024, с <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/03/07/1024161-tovarooborot-kitaya-i-rossii>

¹⁷ *Товарооборот Китая и России в январе – феврале вырос на 9,3 %* (2024, 7 марта). Взято 27 мая 2024, с <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/03/07/1024161-tovarooborot-kitaya-i-rossii>

рассматривающих вопрос конкуренции Пекина и Дели в арктическом регионе, стоит выделить Kanagavalli S. (2022), Bhagwat J., Shaparov, A.E. (2022).

В целом, стоит отметить наличие небольшого числа научно-исследовательских трудов, посвященных вопросу сравнения политики Индии и Китая в Арктике. Автор в статье выделяет проблемы «третьего полюса» и сохранения традиций коренных народов, обосновывает противоречивое отношение к развитию СМП и добыче углеводородов в Арктике как между КНР и Индией, так и внутри самой Индии, приводит статистические данные по участию Индии и Китая в работе АС, рассматривает направления сотрудничества между Индией/Китаем и арктическими странами, а также выделяет противоречия: США, с одной стороны, и Россия и Китай – с другой, что представляет новизну данной работы.

Цель работы – сравнить арктическую политику Индии и Китая, выявляя схожие моменты и подчеркивая особенности.

В качестве методологической основы использован структурно-аналитический подход, а также специальные научные методы – анализ документов и сравнительный анализ. В частности, автор исследует положения ключевых стратегических документов Китая, Индии, России и США, а также сравнивает индийскую и китайскую политику в Арктике. Также были использованы такие методы, как обобщение и синтез.

Эмпирической базой исследования являются политические документы Китая и Индии, закрепляющие аспекты проведения арктической политики, публичные заявления лидеров двух стран и их представителей, содержащиеся в СМИ, подтвержденные данные с официальных сайтов СМИ, сведения с официальных сайтов государственных органов КНР и Индии. Также в основу исследования легли положения стратегических документов России и США, заявления представителей двух стран.

Теоретико-методологическая база исследования сформирована под влиянием идей, сформулированных в российской и зарубежной специализированной научной литературе, посвященной вопросу освоения и развития Арктики; статьях в журналах и сборниках, интернет-ресурсах, раскрывающих вопрос сопоставления китайской и индийской политики в Арктике.

Результаты исследования

Индия и Китай в Арктике: общее

Индия и Китай не относятся к арктическим государствам. Территории обеих стран находятся в тысячах километров от Арктики. Однако оба государства стремятся участвовать в освоении, развитии и управлении данным регионом. И Индия и Китай являются основными потребителями энергоресурсов. Обе страны входят в пятерку лидеров по эмиссии парниковых газов на 2023 г., но при этом являются странами-участниками Парижского соглашения по климату 2015 г. Поэтому государства установили цель перейти от использования угля в ТЭК к «зеленой» энергетике. В ближайших планах стран значится переход

на использование природного газа, в долгосрочной перспективе – переход к возобновляемым источникам энергии.

Арктика – кладовая природных ресурсов. На материковой части и на континентальном шельфе расположены залежи не только углеводородов (нефти, газа), но и другого минерального сырья (платины, олова, вольфрама и др.). Поэтому Индия и Китай заинтересованы в добыче полезных ископаемых Арктики.

Помимо экономического интереса, обе страны стремятся увеличить свое присутствие на международной арене. С конца XX в. освоение Арктики является актуальным трендом среди стран. И арктические, и неарктические государства предпринимают попытки взять в свои руки лидерство в управлении регионом. До сих пор территориальные споры арктических государств остаются неразрешенными¹⁸. Однако неарктические страны не идут на конфликт с арктическими и в своих стратегиях признают за последними эксклюзивные права на освоение, развитие и управление арктическим регионом¹⁹.

В настоящее время наблюдается конфронтация между странами Глобального Севера и государствами Глобального Юга. В Арктике это противостояние наблюдается, в первую очередь, между США и Россией. В основном противоречия лежат в плоскости экономических и политических интересов. Однако, санкции западных стран затронули и научную сферу. В то же время, Коньшев В.Н. и Сергунин А.А. (2024) отмечают в своей научной работе, что не все связи между американскими и российскими учеными, научными центрами, университетами утрачены. Сотрудничество продолжается и в рамках деятельности в определенных международных организациях таких, как МГЭИК (Межправительственная группа экспертов по изменению климата), ПРООН (Международная обсерватория по выбросам метана) и др. Основными направлениями совместных исследований являются вопросы сохранения окружающей среды, изменения климата, изучение коренных народов, а также тематика развития арктической научной дипломатии.

Ранее уже отмечалось, что Россия в своих стратегических документах закрепила положение о развитии в Арктике взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, в первую очередь, с Китаем, а также с Индией, вместо укрепления добрососедских отношений с арктическими странами. Ниже будут расписаны примеры такого партнерства. США же в своей Национальной стратегии для Арктического региона 2022 г. прописывает среди принципов углубление сотрудничества с арктическими союзниками и партнерами. При этом Россия и Китай рассматриваются в качестве основных конкурентов и противников. Кроме того, со стороны Соединенных Штатов отмечается неспровоцированный агрессивный характер вторжения России на Украину, в связи

¹⁸ *Битва за Арктику: чем так привлекательны заполярные территории* (2021, 21 мая). Взято 27 мая 2024, с <https://rgo.ru/activity/redaction/articles/bitva-za-arktiku-chem-tak-privlekatelny-zapolyarnye-territorii/>

¹⁹ *China's Arctic Policy 2018* (China). Retrieved May 27, 2024, from http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm; *India and the Arctic: Building a Partnership for Sustainable Development 2022* (India). Retrieved May 27, 2024, from https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-05/India_Arctic_Policy_2022.pdf

с чем сотрудничество между правительствами США и России в Арктическом регионе невозможно и маловероятно в обозримом будущем²⁰.

Таким образом, арктическая политика России направлена на привлечение внимания к Арктическому региону и его проблемам неарктических государств; США же сосредоточены на собственном лидерстве в регионе, а также на оказании влияния на проводимую в Арктике политику северными арктическими странами. Так, Guo Peiqing и Chen Huiwen в своем научном труде указывают на подстрекательство со стороны США в отношении стран Северной Европы против Китая, так как Соединенные Штаты боятся усиления власти КНР в регионе. В то же время, конкуренция КНР и США в регионе благоприятно сказывается на экономике Скандинавских стран (Peiqing, Huiwen, 2023). Для России Китай предстает союзным государством, партнером в Арктике; для США – одним из основных противников в регионе.

В 2013 г. АС одобрил заявки Китая и Индии на присвоение им статуса государств-наблюдателей в данном институте, в результате чего страны приобрели возможность влиять на проводимую в регионе политику. В данной работе выявим сходства и особенности при реализации Китаем и Индией арктической политики.

В 1920 г. был подписан Шпицбергенский трактат, который закрепил территории архипелага Свальбард за Норвегией, предоставив возможность другим странам-участницам пользоваться естественными ресурсами региона и проводить там научные исследования. Индия и КНР являются участниками данного трактата, а потому имеют собственные научно-исследовательские станции на архипелаге.

Индия и Китай в своих арктических стратегиях основной движущей силой при освоении Арктики определили научные исследования. Так, в Белой книге отмечены гидрологические, метеорологические, биологические, геологические, геофизические исследования, мониторинг климатических и экологических изменений, а также исследования в области социальных наук²¹. Индия в своем стратегическом документе также закрепляет положения о проведении метеорологических, геологических, геофизических, геоинжиниринговых, экологических и биологических исследований. Также признается важность социально-экономических, политических, антропологических, этнографических исследований, а также изучения традиционных знаний коренных народов. Однако приоритет отдается исследованиям, связанным с изменением климата²². Таяние морских льдов приводит к увеличению уровня мирового океана, что грозит затоплению прибрежных территорий. Индия и Китай являются прибрежными государствами,

²⁰ National Strategy for the Arctic region 2022 (USA). Retrieved August 27, 2024, from <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf>

²¹ *China's Arctic Policy 2018* (China). Retrieved May 27, 2024, from http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

²² *India and the Arctic: Building a Partnership for Sustainable Development 2022* (India). Retrieved May 27, 2024, from https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-05/India_Arctic_Policy_2022.pdf

а, значит, под угрозой затопления находятся их территории. Кроме того, индийские ученые связывают изменение системы муссонов с изменениями климата в Арктике. Цикл муссонов влияет на сельское хозяйство страны. В случае смены цикла пострадает аграрная отрасль, миллионы людей останутся без пропитания и трудовой деятельности. Также ученые отмечают связь между таянием льдов в Арктике и таянием горных ледников в Гималаях (Сунь, 2017, с. 352). Изучив подобные процессы в Арктике, будет проще смоделировать и перенести их влияние на плоскость горных хребтов. Таким образом, повышение температуры приведет к негативным последствиям в экономической, социальной, энергетической сферах обеих стран. Поэтому научные экспедиции, проводимые Дели и Пекином в Арктике, проходят под эгидой сбора данных для построения климатических моделей, включая палеоклиматические реконструкции, которые помогут ученым оценить риски климатических изменений в Арктике и выявить их негативные последствия, сказывающиеся на хозяйстве рассматриваемых стран. Также данные собираются для экологического мониторинга экосистем региона и для проведения оценки ситуации в области социально-экономических и политических наук.

Как уже ранее отмечалось, оба государства входят в топ лидеров по выбросам углекислого газа в мире. Китай на 2024 г. находится на первом месте с 10504 млн тонн, а Индия – на третьем (2481 млн тонн)²³. Обе страны ответственны за продолжающееся изменение климата на планете, в том числе и в Арктическом регионе. Поэтому экологическая повестка также декларируется в политических документах, посвященных Арктике²⁴, в качестве основополагающей. Таким образом, и Индия и Китай используют научную, климатическую и экологическую тематику для обоснования своей деятельности в арктическом регионе.

Индийские и китайские ученые проводят экспедиции не только на Северный Полюс. Квалифицированные специалисты и ученые обоих государств не раз принимали участие в исследованиях Южного Полюса (Николаев, 2017, с. 327), поэтому их знания и умения могут быть успешно перенесены для осуществления деятельности в Арктике. Проблемным вопросом является отсутствие специалистов, разбирающихся в технологиях строительства судов ледового класса и ледоколов, а также управления ими (Николаев, 2017, с. 327). Для решения этого вопроса оба государства выстраивают доверительные отношения с Россией.

Еще в 2013 г. Си Цзиньпин выступил с инициативой создания «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского пути XXI века», результатом объединения которых стало провозглашение идеи «Один пояс, один путь». В рамках данной концепции Северный морской путь и Северо-Западный

²³ *Выбросы CO2 от сжигания топлива* (2023). Взято 14 марта 2024, с <https://energystats.enerdata.net/co2/emissions-co2-data-from-fuel-combustion.html>

²⁴ *China's Arctic Policy 2018* (China). Retrieved May 27, 2024, from http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm; *India and the Arctic: Building a Partnership for Sustainable Development 2022* (India). Retrieved May 27, 2024, from https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-05/India_Arctic_Policy_2022.pdf

проход выступают как транспортные магистрали «Морского Шелкового пути XXI века» (Веселова, 2022а, с. 48). Так, планируется использовать СМП для транспортировки товаров и сырья из юго-восточной и южной Азии в Европу и обратно.

Индия также стремится активно участвовать в арктической деятельности. В 2000 г. в ходе II Евроазиатской конференции по транспорту, проходившей в Санкт-Петербурге, Россия, Иран и Индия подписали межправительственное соглашение о международном транспортном коридоре «Север-Юг» (INSTC)²⁵. Данная магистраль представляет собой быструю и дешевую альтернативу пути через Суэцкий канал для перевозки грузов из Южной и Юго-Восточной Азии, Африки и Ближнего Востока в Европу. Данный путь проходит через Мумбаи, Энзели, Астрахань, Москву, Санкт-Петербург²⁶. Транспортный коридор также соединит Индию с российской Арктикой, так как планируется дальнейшее расширение географии данного коридора как в западном направлении (в Европу), так и в восточном и северном (его дальнейшее углубление в Арктику)²⁷. Однако если Китай собирается перевозить грузы морским путем, то индийская задумка позволит перемещать товары морем, поездом и автомобильным транспортом.

Китай и Индия имеют сходные геополитические интересы в арктическом регионе, стремясь таким образом укрепить свои позиции на международной арене и обеспечить при этом свою национальную безопасность. Амбиции и Пекина и Дели направлены на получение статуса великой державы (Лексютина, 2019, с. 40).

Перед получением статуса наблюдателя в Арктическом Совете в 2013 г. Пекин и Дели считали Арктику «общим достоянием всего человечества», подобно договору об Антарктике, а не эксклюзивной зоной интересов арктических государств (Лексютина, 2019, с. 42). Однако присоединение к региональному институту автоматически привело к признанию суверенных прав арктических стран на управление своими территориями в регионе.

Несмотря на схожесть во взглядах относительно проводимой в Арктике политики, их подходы к участию в арктических делах имеют свои особенности.

Индия и Китай в Арктике: особенности

Во-первых, Индия заинтересовалась регионом гораздо позже Китая. КНР начал исследовать Арктику на практике с 1995 г. (Веселова, 2022b, с. 113). По состоянию на 2024 г. китайскими учеными было проведено 12 арктических

²⁵ *Международный транспортный коридор «Север-Юг»* (2023). Взято 14 марта 2024, с [https://sezlotos.ru/about/international-transport-corridor-north-south/#:~:text=В](https://sezlotos.ru/about/international-transport-corridor-north-south/#:~:text=В%202000%20в%20Санкт%2C%20Казахстан%2C%20Сирия%20и%20др) сентябре 2000 в Санкт-, Казахстан, Сирия и др

²⁶ *Международный транспортный коридор Север-Юг (INSTC) и порт Чабакхар – новые коридоры* (2022, 26 октября). Взято 14 марта 2024, с <https://www.mk.kg/economics/2022/10/26/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-severyug-instc-i-port-chabakhar-novye-koridory.html>

²⁷ Anurag, Bisen (2022, March 17). India's Arctic Policy: Building a Partnership for Sustainable Development. *The Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses*. Retrieved May 27, 2024, from <https://www.idsa.in/issuebrief/india-arctic-policy-abisen-170322>

экспедиций²⁸. Первая экспедиция индийских ученых в Арктику состоялась лишь в 2007 г. На 2023 г. Индия уже осуществила 13 экспедиций (Kanagavalli, 2022). Первая полярная китайская база появилась в 2004 г. («Хуанхэ») (Веселова, 2022b, с. 112); индийская сторона открыла «Химадри» на Свальбарде в 2007 г. (Сунь, 2017, с. 352). В 2007 г. Китай впервые попробовал получить статус наблюдателя в Арктическом Совете, но попытка не была успешной. После этого КНР еще несколько раз подавала заявку в данную организацию, однако ни одна попытка не увенчалась успехом. Пришлось даже заручиться поддержкой арктических государств (Лексютин, 2019, с. 44), и лишь после этого в 2013 г. КНР стала страной-наблюдателем в АС. Индия же в конце 2012 г. подала свою первую и единственную заявку (Лексютин, 2019, с. 44) и уже в мае 2013 г. получила статус. Политический документ Белую книгу по Арктической политике Китай принял в 2018 г. Индия лишь в марте 2022 г. опубликовала документ под названием «Арктическая политика Индии: построение партнерства для устойчивого развития». В 1981 г. в Китае был создан специализированный институт по реализации арктической политики – Администрация по делам Арктики и Антарктики (Веселова, 2022b, с. 109). Индия лишь в 1998 г. учредила Национальный центр полярных и океанических исследований (NCPOR), первоначально до июля 2018 г. имеющий название Национальный центр антарктических и океанических исследований (NCAOR) (Зайков, Бхагват, 2022, с. 266). Стоит отметить, что это учреждение компетентно принимать решения только по вопросам проведения научных исследований в Арктике. Специализированный орган, отвечающий в целом за проведение арктической политики, в Индии отсутствует. Данные факты доказывают более поздний интерес Индии к Арктике.

Во-вторых, Индия в основном занимается научными исследованиями арктического региона. Она организует экспедиции, создала действующие по настоящее время научно-исследовательские станции, расположенные на территории Норвегии («Химанди» и «IndARC»). Китай же проявляет ярко выраженные экономические интересы, связанные с добычей и поставкой углеводородного сырья и других минеральных ресурсов с территории Арктики в Китай и участием в арктических проектах, а также с перевозкой грузов по СМП и развитию его береговой инфраструктуры (Лексютин, 2019, с. 41). Так, в 2013 г. ПАО «НОВАТЭК» и Китайская Национальная Нефтяная Корпорация CNPC заключили соглашение о сотрудничестве по проекту «Ямал СПГ»²⁹. В настоящее время Китай участвует в проекте «Арктик СПГ-2», несмотря на его включение в санкционный список США³⁰. Также ранее уже было сказано об идее «Один пояс, один путь». Индия же не принимала участие в проекте «Ямал СПГ», и не проявляет

²⁸ *Observer report of People's Republic of China* (2023). Retrieved May 27, 2024, from <https://oarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/9901dfc3-33dc-4727-b469-6a7f9f52c21e/content>

²⁹ *НОВАТЭК заключил соглашение о вхождении CNPC в проект «Ямал СПГ»* (2013, 21 июня). Взято 27 мая 2024, с https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=756

³⁰ *МИД Китая прокомментировал санкции США против «Арктик СПГ – 2»* (2023, 26 декабря). Взято 27 мая 2024, с <https://finance.rambler.ru/business/52009699-mid-kitaya-prokommentiroval-sanktsii-ssha-protiv-arktiki-spg-2/>

заинтересованность к проекту «Арктик СПГ-2», несмотря на многочисленные предложения НОВАТЭК. Пекин также имеет экологические и научные интересы по развитию арктического региона, закрепленные в Белой книге, но экономические находятся в приоритете, как мы видим из фактических действий китайской стороны. В Арктической политике Индия выделила шесть направлений деятельности, среди которых экономическое и человеческое развитие, транспорт и связь, управление и международное сотрудничество, наращивание национального потенциала³¹, что говорит о постепенном переходе Дели с исключительно научной и экологической повестки на достижение экономических и политических целей в Арктике. Об этом также свидетельствуют и закрепленные в докладе «The Arctic as a special area of international cooperation: projects and opportunities» направления деятельности в Арктике³².

В-третьих, рассматривая деятельность стран в работе Арктического Совета и анализируя данные списков участников заседаний Старших Должностных Лиц АС за 2013–2021 гг., следует отметить, что Индия представлена одним-двумя делегатами на данных заседаниях, Китай же представлен двумя участниками, как и иные страны-наблюдатели, получившие статус в 2013 г. (Япония, Сингапур, Республика Корея)³³, что может говорить о несформированности в полной мере арктической политики Индии как в целом, так и в области охраны окружающей среды в Арктике по сравнению с КНР. К подобным выводам в своем исследовании пришел и Хуа Ц. (2023, с. 166).

Несмотря на то, что обе страны стремятся наладить двусторонний диалог с арктическими странами, при этом пытаясь сотрудничать со всеми государствами, не отдавая предпочтение в выстраивании тесных взаимоотношений какой-либо одной стране, партнерство развивается по различным направлениям и с разными арктическими государствами. Так, Китай поддерживает связи с Норвегией в научной сфере. Научно-исследовательская база Китая «Хуанхэ» расположена на Шпицбергене. В 2018 г. Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) подписала соглашение с норвежской компанией «Equinor» по сотрудничеству по вопросам разведки нефти и газа, технологиям улавливания углерода. С Финляндией КНР связан соглашением 2018 г. по созданию исследовательского центра Арктики и обмену данными в космической обсерватории. Со Швецией Китай взаимодействует по трем направлениям: дистанционное зондирование земли, образование и инвестирование в развитие возобновляемой энергетики в Швеции. Между КНР и Исландией заключен ряд соглашений, касающихся торговли, морских и полярных исследований и технологий. В 2018 г. страны создали объединенную научную арктическую обсерваторию

³¹ *India and the Arctic: Building a Partnership for Sustainable Development 2022* (India). Retrieved May 27, 2024, from https://www.moes.gov.in/sites/default/files/2022-05/India_Arctic_Policy_2022.pdf

³² *The Arctic as a special area of international cooperation: projects and opportunities* (2023). Retrieved May 27, 2024, from <https://as.arctic-russia.ru/upload/docs/2023/think-arctic-report-spief-eng.pdf>

³³ *Participant lists from the meetings held for 2013–2021 (2013–2023)*. Retrieved May 27, 2024, from <https://arctic-council.org/ru/>

в Акюрейри (Исландия) для проведения исследований Арктики. Также Китай сотрудничает с Исландией в создании геотермальной инфраструктуры в своих провинциях. В 2017 г. Китай и США подписали соглашение о совместной разработке месторождений природного газа на Аляске. Однако, в последнее время отношения между двумя странами в Арктике ухудшаются, что связано с усилением влияния Китая в данном регионе планеты (Peiqing, Huiwen, 2023). Так, между КНР и странами Северной Европы укрепляются экономические, торговые и культурные контакты, а китайские инвестиции в инфраструктурные проекты растут с каждым годом, что не устраивает США, которые сами планируют оказывать влияние на политику арктических стран. Между КНР и Данией имеются неразрешенные противоречия в вопросе участия Пекина в её проектах. Между Китаем и Канадой прямые соглашения по Арктике отсутствуют. Москва и Пекин связаны контрактами по поставке углеводородного сырья и улучшению инфраструктуры вдоль СМП. Ключевыми поставщиками нефти и природного газа являются ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «НОВАТЭК». Кроме того, стороны реализуют научные проекты. Например, в 2019 г. был создан Китайско-Российский Арктический Научно-Исследовательский Центр. Проводятся совместные экспедиции. Также Китай осваивает сферу арктического туризма в РФ³⁴.

Индия и Норвегия взаимодействуют по вопросам науки и экологии. Научно-исследовательская база Индии «Химандри» располагается на Нью-Олесунне (Шпицберген, Норвегия), и все работы в данной сфере также проводятся на Шпицбергене. Партнерство между Индией и Финляндией началось позже и не достигло таких масштабов, как с Норвегией. То же самое можно сказать и о взаимодействии Индии со Швецией, Данией, Исландией. Сотрудничество между этими странами носит общий характер и не связано с развитием арктического региона или управлением им. В 2018 г. премьер-министр Канады посетил Индию, было подписано совместное заявление, в котором была отмечена возможность индийских ученых принимать участие в научно-исследовательских проектах Канады (Bhagwat, Shaparov, 2022, с. 180–181), однако на практике взаимодействие не осуществляется. Партнерство между Индией и США в Арктике отсутствует. Связано это с тем обстоятельством, что Индия не включена в арктическую стратегию США. Однако США признают, что Индия становится крупной арктической державой, с которой следует установить непосредственное сотрудничество³⁵. С Россией Дели выстроил отношения в области разработки месторождений и добычи нефти и природного газа в Арктике и их поставке в Индию. Основным поставщиком нефти является ПАО «НК «Роснефть», сжиженного природного газа (СПГ) – ПАО «НОВАТЭК» (Новиков, 2019, с. 167–168). Также в своих последних заявлениях представители Индии акцентируют внимание на готовности инвестировать в инфраструктурные про-

³⁴ *Российско-китайское сотрудничество в области устойчивого развития* (2022). Взято 27 мая 2024, с <https://as.arctic-russia.ru/dl/analytics/russian-chinese-cooperation-in-the-field-of-sustainable-development-ru.pdf>

³⁵ *High North News. The Polar Tiger: Why India Must Be Included in the New U.S. Arctic Defense Strategy* (2023, November 28). Retrieved May 27, 2024, from <https://www.highnorthnews.com/en/polar-tiger-why-india-must-be-included-new-us-arctic-defense-strategy>

екты, реализуемые в Арктической зоне РФ, связанные с модернизацией портов, расположенных вдоль СМП³⁶.

Таким образом, обе страны установили тесные связи с Норвегией и Россией. С Финляндией, Швецией, Данией, Исландией, США у Индии отсутствуют контакты по решению арктических вопросов. В то же время Китай активно взаимодействует с Финляндией, Швецией и Исландией. С США у КНР имеются неразрешимые противоречия в регионе.

И Индия, и Китай проводят политику диверсификации, то есть заключают контракты на поставку полезных ископаемых с различными странами, не отдавая предпочтение отдельному государству. Так, Индия активизировала свои усилия по диверсификации источников импорта сырой нефти (из Бразилии, Гайаны, Габона, Колумбии и Канады) после кризиса энергетической безопасности, вызванного СВО на Украине. В 2022 г. подписала долгосрочные соглашения с Колумбией и Бразилией и увеличила внутреннюю разведку и добычу нефти и газа³⁷. Китай планирует сокращать поставки нефти из стран ОПЕК и заключать контракты с Анголой, Алжиром, Казахстаном, Азербайджаном и странами Центральной Азии³⁸. Обе страны подписали договоры с российскими добывающими предприятиями на поставку углеводородов сроком от 10 до 25 лет. Так, в сентябре 2019 г. НОВАТЭК заключил с индийскими Petronet LNG и H-Energy Global Ltd меморандумы о взаимопонимании на поставку СПГ. В 2023 г. по сравнению с 2022 г. увеличились поставки СПГ в Индию в 1,5 раза (с 324000 т до 432000 т)³⁹. Китай в январе – марте 2024 г. импортировал 1,648 млн т российского СПГ, что на 2 % больше, чем за аналогичный период 2023 г.⁴⁰

Арктика богата природными ресурсами. Если китайские власти и ученые особо не задумываются о потенциальных технических и экологических проблемах разработки арктического шельфа и добычи полезных ископаемых на нем, то в Индии имеются два противоположных лагеря на этот счет. С одной стороны, Индия нуждается в углеводородах, в том числе добываемых в арктическом регионе. Уже осуществляются совместные проекты российских и индийских

³⁶ В Минвостокразвития заявили о большом интересе Индии к Северному морскому пути (2024, 12 января). Взято 27 мая 2024, с <https://tass.ru/ekonomika/19713483>

³⁷ Jagannath, P. Panda. (2022, December). What Does the Russia-Ukraine War Mean for India in the Long Term? *Institute for Security&Development Policy*. Retrieved May 27, 2024, from <https://www.isdp.eu/publication/what-does-the-russia-ukraine-war-mean-for-india-in-the-long-term/>

³⁸ Shuang-Ying Wang, Ya-Yao Hua, Bao-Ju Li, Ping Wei, Peng Gao (2023, December). Analysis on the spatial pattern and evolution of China's petroleum trade under the dual effect of international oil price and "Belt and Road" Framework. *Petroleum Science*, 20(6), 3945–3953. Retrieved May 27, 2024, from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1995822623001905>

³⁹ Россия в 2023 году резко нарастила поставки СПГ в Индию и Турцию (2024, 17 января). Взято 27 мая 2024, с <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/01/17/1015366-rossiya-v-2023-godu-rezko-narastila-postavki-spg-v-indiyu-i-turtsiyu>

⁴⁰ Поставки СПГ из РФ в Китай в I квартале выросли на 2 % (2024, 20 апреля). Взято 27 мая 2024, с <https://tass.ru/ekonomika/20602395>

компаний. Много контрактов было заключено в 2014 г. Например, между Роснефтью и ONGC был подписан Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в геологических изысканиях, разведке и добыче углеводородов на арктическом шельфе Российской Федерации (Новиков, 2019, с. 167). Также индийский бизнес покупает акции нефтегазодобывающих российских компаний. Так, в 2015 г. ПАО «Роснефть» продала 15 % акций АО «Ванкорнефть» индийской компании «ONGC Videsh Ltd». В 2016 г. состоялась еще одна сделка между этими же организациями по передаче еще 11 % акций. Консорциум в составе Oil India, Indian Oil Corporation, Bharat Petroresources также купил у ПАО «Роснефть» 23,9 % акций, поэтому индийские компании в совокупности имеют 49,9 % акций компании «Ванкорнефть» (Лексютина, 2019, с. 45). С другой стороны, некоторые индийские ученые не одобряют разработку и добычу полезных ископаемых на континентальном шельфе Арктики. В первую очередь, недоверие связано с возможными рисками для экосистемы региона, так как на данном этапе человечество имеет ограниченные данные о негативных последствиях таких мероприятий. Во-вторых, исследователи указывают на отсутствие необходимых технологий для безопасного извлечения полезных ископаемых на шельфовой зоне (Лексютина, 2019, с. 41).

Различные точки зрения у Китая и Индии и в отношении развития СМП. Пекин заинтересован в его освоении и развитии, так как нуждается в альтернативных морских маршрутах для перевозки товаров и грузов в Европу. СМП является более быстрым, дешевым и безопасным по сравнению с маршрутами через Малаккский пролив и Суэцкий канал (Лексютина, 2019, с. 41). Индия же имеет двойственную позицию относительно развития СМП. С одной стороны, СМП даст Индии быстрые и безопасные перевозки сырья с арктического шельфа. С другой стороны, при увеличении грузопотока через полярный маршрут произойдет его снижение через южные морские пути, которые проходят через Индийский океан, находящийся под контролем Индии, что представляет угрозу для стратегического и геополитического потенциала Индии. Кроме того, в этом маршруте заинтересован Китай, который в случае улучшения ледовых условий за Полярным кругом будет перевозить грузы, используя СМП. В этом случае у Индии не будет рычага давления на КНР, который она имеет сейчас, контролируя проходящие через Малаккский пролив и Индийский океан китайские грузоперевозки.

Различия заключаются и относительно использования ледоколов. На 2024 г. у Китая имеется два ледокола («Xue Long» и «Xue Long 2»). Также в 2019 г. китайские власти заявили о строительстве ледокола «Xue Long 3», который сможет ломать лед толщиной около 3 м и выдерживать температуры до -45°C (Веселова, 2022b, с. 108). В планах также строительство атомного ледокола. Его наличие позволит Китаю проводить свои суда через СМП, не прибегая к помощи России. Индия не имеет собственного ледокола. В сентябре 2023 г. в рамках переговоров на Восточном экономическом форуме индийская сторона предположила России совместное создание неатомных ледоколов на индийских верфях⁴¹. Появление

⁴¹ Индия предложила России совместно строить неатомные ледоколы (2023, 13 сентября). Взято 14 марта 2024, с <https://ria.ru/20230913/ladokol-1896082630.html>

своего ледокола у Индии позволит ей проводить еще больше полярных исследований и приблизит к цели участия в управлении Арктикой.

В «Белой книге по арктической политике» Китай называет себя «околоарктическим» государством⁴². Как следует из одного экспертного обоснования, данного в 2010 г. представителем Института полярных исследований Китая, данный статус Китая подкреплён определенными характеристиками географического положения Китая (Лексютина, 2019, с. 42).

Однако, не одними только географическими характеристиками подчеркивается данный статус. Китай стремится к лидерству во всех отраслях экономики, во всех уголках Земного шара, в том числе и в Арктике, на что указывают его действия в рамках Арктического Совета, инвестиции в добывающие и инфраструктурные проекты. Позиционируя себя как «околоарктическое государство», КНР надеется получить возможность принимать важные решения по региону, управлять Арктикой, осваивать ее природные ресурсы. Индия в своих документах не пользуется подобными терминами. Она признает себя неарктической страной, хотя тоже стремится получить возможность принимать участие в повестке дня по Арктике.

Именно поэтому арктические страны видят в Китае угрозу своему государственному суверенитету и национальной безопасности в Арктике. В то же время Индия и ее деятельность в исследуемом регионе одобряется представителями арктических стран (Николаев, 2017, с. 329).

Дели в Арктической политике уделяет большое внимание сотрудничеству с коренными жителями Севера. Их традиционные знания, умения, навыки, образ жизни могут быть полезны для изучения особенностей арктического региона, а также для принятия политически верных решений по управлению им, поэтому Индия планирует плодотворно взаимодействовать с коренными жителями Арктики и работать с ними над решением экологических вопросов (Шаумян, Журавель, 2016, с. 177). Также индийское руководство выступает за содействие обмену традиционными знаниями между жителями Гималаев и Арктических территорий. Считается, что многие проблемы, возникающие у народов Арктики и Гималаев, носят общий характер и связаны с изменением климата в местах их проживания, промышленным освоением территорий, снижением вовлеченности молодежи в традиционный образ жизни⁴³. Китай в Белой книге не выделяет данное направление при реализации арктической политики.

Разница между арктической политикой двух стран также объясняется отсутствием у Индии необходимых финансовых ресурсов для участия в долгосрочных масштабных арктических проектах в АЗ РФ (Лексютина, 2019, с. 44), а также опасением, что санкции в отношении России такие, как запрет на экспорт/импорт, могут ограничить в будущем возможности получения прибыли от профинансированных ею арктических проектов. Внимание к арктическому

⁴² *China's Arctic Policy 2018* (China). Retrieved May 27, 2024, from http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

⁴³ *Arctic reindeer herders find out what they share with Himalayan yak herders at a high-altitude meet* (2018, May 7). Retrieved May 27, 2024, <https://scroll.in/article/877807/arctic-reindeer-herders-find-out-what-they-share-with-himalayan-yak-herders-at-a-high-altitude-meet>

региону у Индии вызвано активизацией деятельности и заинтересованностью регионом со стороны других неарктических государств, в первую очередь Китаем. Пекин же, напротив, инвестирует в арктические проекты и нейтрально относится к санкциям западных стран. В сентябре 2016 г. между Россией и Китаем состоялось подписание соглашения о строительстве глубоководного порта в Архангельске (Веселова, 2022а, с. 52). В 2019 г. было подписано соглашение между «НОВАТЭК», «China COSCO SHIPPING Corporation Limited», «Совкомфлот» и Фондом Шелкового Пути по созданию транспортного предприятия «Морской арктический транспорт»⁴⁴. Китайские CNPC (10%) и CNOOC (10%) являются участниками проекта «Арктик СПГ – 2». В ноябре 2023 г. Минфин США включил «Арктик СПГ – 2» в свой санкционный список. Несмотря на данное обстоятельство, МИД КНР заявил, что китайские и российские компании продолжают нормальное торгово-экономическое взаимодействие⁴⁵.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о наличии существенных различий в арктической политике Индии и Китая. К ним относятся разные взгляды относительно приоритетных направлений деятельности в Арктике, отношения к развитию СМП и инфраструктуры вдоль него, вопросов добычи полезных ископаемых и возможных экологических угроз из-за данной деятельности для региона, возможностей и готовности инвестирования в арктические проекты, участия представителей стран в работе Арктического Совета, выстраивания взаимовыгодного сотрудничества с разными арктическими игроками, а также позиционирование Китая как «околоарктического» государства. На данный момент имеются неразрешимые противоречия между Китаем и США относительно проводимой арктической политики. США обеспокоены усилением влияния КНР в регионе, в том числе и развитием сотрудничества страны с государствами Северной Европы. Между Индией и США на данный момент тесные взаимоотношения в Арктике не выстроены. Кроме того, Индия в настоящее время не имеет ни одного ледокола в отличие от Китая, но заинтересована в изучении знаний и традиций коренных народов Арктики. В целом, в первую очередь, отличия связаны с более поздним проявлением Индией интереса к арктическому региону относительно Китая, а потому отставанием от последнего при реализации политики в Арктике.

Схожими являются государственные интересы рассматриваемых стран в арктическом регионе, их географическое положение и удаленность от Северного полюса. Также обе страны при реализации их арктической политики акцентируют в среде мирового сообщества внимание других стран на приоритете проведения научных исследований в Арктике и решения экологических проблем данного

⁴⁴ *Российско-китайское сотрудничество в области устойчивого развития* (2022). Взято 27 мая 2024, с <https://as.arctic-russia.ru/dl/analytics/russian-chinese-cooperation-in-the-field-of-sustainable-development-ru.pdf>

⁴⁵ *Поставки СПГ из РФ в Китай в I квартале выросли на 2 %* (2024, 20 апреля). Взято 27 мая 2024, с <https://tass.ru/ekonomika/20602395>

региона. Кроме того, и Индия, и Китай заинтересованы в переходе в ТЭК на более экологичные источники энергии, которым в краткосрочной перспективе является природный газ, в больших объемах залегающий на арктическом континентальном шельфе. Обе страны приняли стратегические документы, закрепляющие положения по проведению политики в Арктике, а также создали государственные органы и/или учреждения, регулирующие и контролирующие полностью или частично в определенной сфере деятельность стран в арктическом регионе. И Китай, и Индия являются странами-наблюдателями в Арктическом Совете и увеличивают с каждым годом количество проектов, в которых их эксперты принимают участие в рамках деятельности в рабочих группах, а также стремятся к тесному партнерству с арктическими государствами. Обе страны заинтересованы во взаимодействии с Россией, имеющей огромные арктические территории и природные богатства, опыт судоходства по СМП и строительства ледоколов и переориентировавшей свой внешнеполитический курс в установлении сотрудничества в Арктике с арктических государств на азиатские.

В целом, арктическую политику Китая можно назвать сформированной и активной. Власти страны четко понимают и осознают, чего они хотят при освоении и развитии региона. Индийская же политика, напротив, является ограниченной и не ярко выраженной. Часто встречаются противоречия при решении тех или иных вопросов и осуществлении определенных мероприятий, как, например, с добычей полезных ископаемых на континентальном шельфе или с развитием СМП и усовершенствованием его береговой инфраструктуры. Политику Дели можно назвать «реактивной», так как активизация деятельности Индии в Арктике связана с ее интенсификацией другими неарктическими странами, в первую очередь Китаем, с которым у Индии сложились конкурентные отношения. Индия не хочет отставать от других стран на международной арене и не желает ее вытеснения или притеснения при появлении иных более сильных игроков. В целом, арктическая политика Китая уже прошла этап становления, индийская же политика в Арктике находится на стадии зарождения.

Список литературы

1. Бродт, Л.Э. (2023). *Активизация азиатских стран в Арктике и российско-индийское сотрудничество в регионе* (Working paper). Взято 27 августа, 2024, с <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/aktivizatsiya-aziatskikh-stran-v-arktike-i-rossiysko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-regione/>
2. Веселова, Д.Н. (2022a). Основные направления сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Арктике. *Управленческое консультирование*, (12), 42–61. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-12-42-61>
3. Веселова, Д.Н. (2022b). Экологическая политика Китая в Арктическом регионе. *Дискурс-Пи*, 19(2), 104–117. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_104
4. Забелла, А.А. (2019). Цели и интересы Китая в Арктике. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия:*

История и политические науки, (4), 166–175. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-4-166-175>

5. Зайков, К.С., Бхагват, Д.В. (2022). Арктическая политика Индии: исторический контекст. *Арктика и Север*, (48), 261–274. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.48.261>

6. Зиннатуллин, Д.А. (2024). Сравнительный анализ политики Китая и Индии в Арктике на современном этапе. *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*, 1(35), 78–95. <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-1-78-95>

7. Конышев, В.Н., Кобзева, М.А. (2017). Политика Китая в Арктике: традиции и современность. *Сравнительная политика*, 8(1), 77–92. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92>

8. Конышев, В.Н., Сергунин, А.А. (2024). Российско-американское научное сотрудничество в Арктике в эпоху геополитической турбулентности. *Вестник Вологодского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*, 29(1), 138–144. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.12>

9. Лексютина, Я.В. (2019). Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, (4), 40–48. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-4/40-48>

10. Николаев, Н.А. (2017). Индийский интерес к Арктике в контексте арктической политики Китая. *Проблемы постсоветского пространства*, 4(4), 321–335. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-4-321-335>

11. Новиков, И.А. (2019). Анализ проектов между Россией и Индией в нефтегазовом секторе и задачи на будущее. *Известия Санкт-Петербургского Государственного Экономического Университета*, 3(117), 166–171.

12. Петровский, В.Е. (2020). Стратегия России и Китая в Арктике: сравнительный анализ. Китай в мировой и региональной политике. *История и современность*, (25), 154–167. <https://doi.org/10.24411/26186888202010009>

13. Печерица, В.Ф. (2020). Арктические стратегии Китая и России: сходства и различия. *Российско-китайские исследования*, 4(1), 44–52. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2020.4\(1\).44-52](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2020.4(1).44-52)

14. Райков, Ю.А. (2020). Арктика во внешней политике США и ведущих стран Восточной Азии. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 50(6), 20–39. <https://doi.org/10.31857/S268667300009768-4>

15. Сунь, С. (2017). Треугольник РИК в Арктике: соперничество или сотрудничество? *Теории и проблемы политических исследований*, 6(2А), 346–365.

16. Хуа, Ц. (2023). Влияние международного дискурса Индии на арктическую политику страны. *Арктика и Север*, (51), 156–171. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.156>

17. Шаумян, Т.Л., Журавель, В.П. (2016). Индия и Арктика: охрана окружающей среды, экономика и политика. *Арктика и Север*, (24), 175–184. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.24.175>

18. Bhagwat, J., & Shaparov, A.E. (2022). India's Arctic Policy: Signs of a Pivot to Arctic Energy and the Northern Sea Route. *Economic and Political Weekly*, LVII (20), 16–22. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.48.261>

19. Chuan, C. (2023). *China-Russia Arctic Cooperation in the Context of a Divided*

Arctic (Working paper). Retrieved August 27, 2024, from <https://www.thearcticinstitute.org/china-russia-arctic-cooperation-context-divided-arctic/>

20. Gadihoke, N. (2012). Arctic Melt: The Outlook for India. *Maritime Affairs Journal of the National Maritime Foundation of India*, 8(1), 1–12. <https://doi.org/10.1080/09733159.2012.690287>

21. Kanagavalli, S. (2022). *Third pole's view on the north pole – India's Arctic Policy* (Working Paper). Retrieved March 14, 2024, from <https://polarconnection.org/third-pole-india-arctic-policy/>

22. Lim, K.S. (2021). China's Arctic Policy & the Polar Silk Road Vision. In J. Barnes, H. Exner-Pirot, L. Heininen, & P.W. Lackenbauer (Eds.), *China's Arctic Engagement: Following the Polar Silk Road to Greenland and Russia* (pp. 38–62). Ontario: Arctic Yearbook.

23. Peiqing, G., & Huiwen, C. (2023). *Chinese Perspective on the Arctic and its Implication for Nordic Countries* (Working paper). Retrieved August 27, 2024, from <https://www.thearcticinstitute.org/chinese-perspective-arctic-implication-nordic-countries/>

24. Sergunin, A.A. (2024). “Three Poles of the Cold”: Myth or Reality? (Working paper). Retrieved August 27, 2024, from <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/three-poles-of-the-cold-myth-or-reality/>

25. Sinha, U.K., & Gupta, A. (2014). The Arctic and India: Strategic Awareness and Scientific Engagement. *Strategic Analysis*, 38(6), 872–885. <https://doi.org/10.1080/09700161.2014.952945>

26. Śmieszek, M.G., Koivurova, T., & Nielsson, E. (2020). China and Arctic Science. *Chinese Policy and Presence in the Arctic. Brill Nijhoff. Studies in Polar Law*, (3), 42–61. https://doi.org/10.1163/9789004408425_005

References

1. Bhagwat, J., & Shaparov, A.E. (2022). India's Arctic Policy: Signs of a Pivot to Arctic Energy and the Northern Sea Route. *Economic and Political Weekly*, LVII (20), 16–22. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.48.261>

2. Brodt, L.E. (2023). *Aktivizatsiya aziatskikh stran v Arktike i rossiysko-indiyskoe sotrudnichestvo v regione* [Increased Asian engagement in the Arctic and Russia-India cooperation in the region] (Working paper). Retrieved August 27, 2024, from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/aktivizatsiya-aziatskikh-stran-v-arktike-i-rossiysko-indiyskoe-sotrudnichestvo-v-regione/>

3. Chuan, C. (2023). *China-Russia Arctic Cooperation in the Context of a Divided Arctic* (Working paper). Retrieved August 27, 2024, from <https://www.thearcticinstitute.org/china-russia-arctic-cooperation-context-divided-arctic/>

4. Gadihoke, N. (2012). Arctic Melt: The Outlook for India. *Maritime Affairs Journal of the National Maritime Foundation of India*, 8(1), 1–12. <https://doi.org/10.1080/09733159.2012.690287>

5. Hua, J. (2023). Vliyaniye mezhdunarodnogo diskursa Indii na arkticheskuyu politiku strany [The Impact of India's International Discourse on Its Arctic Policy].

Arktika i Sever, (51), 156–171. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.156>

6. Kanagavalli, S. (2022). *Third pole's view on the north pole – India's Arctic Policy* (Working Paper). Retrieved March 14, 2024, from <https://polarconnection.org/third-pole-india-arctic-policy/>

7. Lim, K.S. (2021). China's Arctic Policy & the Polar Silk Road Vision. In J. Barnes, H. Exner-Pirot, L. Heininen, & P.W. Lackenbauer (Ed.), *China's Arctic Engagement: Following the Polar Silk Road to Greenland and Russia* (pp. 38–62). Ontario: Arctic Yearbook.

8. Konyshov, V.N., & Kobzeva, M.A. (2017). Politika Kitaya v Arktike: tradicii i sovremennost' [Chinese Policy in the Arctic: Traditions and Modernity]. *Sravnitel'naya politika*, 8(1), 77–92. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92>

9. Konyshov, V.N., & Sergunin, A.A. (2024). Rossijsko-amerikanskoe nauchnoe sotrudnichestvo v Arktike v e'poxu geopoliticheskoy turbulentnosti [Russian-American Scientific Cooperation in the Arctic in the Age of Geopolitical Turbulence]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 29(1), 138–144. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.1.12>

10. Leksyutina, Ya. V. (2019). Kitaj i Indiya v Arktike: interesy, strategii i sotrudnichestvo s Rossiej [China and India in the Arctic: interests, strategies, and cooperation with Russia]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, (4), 40–48. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2019-4/40-48>

11. Nikolaev, N.A. (2017). Indijskij interes k Arktike v kontekste arkticheskoy politiki Kitaya [Indian Interest in the Arctic in the Context of China's Arctic Policy]. *Problemy postsovetского prostranstva*, 4(4), 321–335. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-4-321-335>

12. Novikov, I.A. (2019). Analiz proektov mezhdru Rossiej i Indij v neftegazovom sektore i za-dachi na budushhee [Analysis of the directions of the development of cooperation between Russia and India in the oil & gas sector]. *Izvestia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 3(117), 166–171.

13. Pecheritsa, V.F. (2020) Arkticheskie strategii Kitaya i Rossii: sxodstva i razlichiya [Arctic strategies of China and Russia: similarities and differences]. *Rossijsko-kitajskie issledovaniya*, 4(1), 44–52. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2020.4\(1\).44-52](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2020.4(1).44-52)

14. Peiqing, G., & Huiwen, C. (2023). *Chinese Perspective on the Arctic and its Implication for Nordic Countries* (Working paper). Retrieved August 27, 2024, from <https://www.thearcticinstitute.org/chinese-perspective-arctic-implication-nordic-countries/>

15. Petrovsky, V.E. (2020). Strategiya Rossii i Kitaya v Arktike: sravnitel'nyj analiz [The strategy of Russia and China in the Arctic: a comparative analysis]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*, (25), 154–167. <https://doi.org/10.24411/26186888202010009>

16. Rajkov, Yu. A. (2020). Arktika vo vneshnej politike SShA i vedushhix stran Vostochnoj Azii [The Arctic in the foreign policy of the United States and leading countries of East Asia]. *SShA & Kanada: e'konomika, politika, kul'tura*, 50(6), 20–39. <https://doi.org/10.31857/S268667300009768-4>

17. Sergunin, A.A. (2024). *“Three Poles of the Cold”: Myth or Reality?* (Working paper). Retrieved August 27, 2024, from <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/three-poles-of-the-cold-myth-or-reality/>
18. Shaumyan, T.L., & Zhuravel, V.P. *Indiya i Arktika: oxrana okruzhayushhej sredy, e`konomika i politika* [India and the Arctic: environment, economy and politics]. *Arktika i Sever*, (24), 175–184. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2016.24.175>
19. Sinha, U.K., & Gupta, A. (2014). The Arctic and India: Strategic Awareness and Scientific Engagement. *Strategic Analysis*, 38(6), 872–885. <https://doi.org/10.1080/09700161.2014.952945>
20. Śmieszek, M.G., Koivurova, T., & Nielsson, E. (2020). China and Arctic Science. Chinese Policy and Presence in the Arctic. *Brill Nijhoff. Studies in Polar Law*, (3), 42–61. https://doi.org/10.1163/9789004408425_005
21. Sun, X. (2017). Treugol`nik RIK v Arktike: sopernichestvo ili sotrudnichestvo? [Triangle RIC in the Arctic: rivalry or cooperation?]. *Teorii i problemy` politicheskix issledovanij*, 6(2A), 346–365.
22. Veselova, D.N. (2022a). Osnovnye napravleniya sotrudnichestva Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki v Arktike [Main Directions of Cooperation between the Russian Federation and the People’s Republic of China in the Arctic]. *Upravlencheskoe konsul`tirovanie*, (12), 42–61. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-12-42-61>
23. Veselova, D.N. (2022b). E`kologicheskaya politika Kitaya v Arkticheskom regione [China’s Environmental Policy in the Arctic Region]. *Diskurs-Pi*, 19(2), 104–117. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_104
24. Zabella, A.A. (2019). Celi i interesy Kitaya v Arktike [China’s goals and interests in the Arctic]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, (4), 166–175. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-4-166-175>
25. Zajkov, K.S., & Bhagwat, J.V. (2022). Arkticheskaya politika Indii: istoricheskij kontekst [India’s Arctic Policy: The Historical Context]. *Arktika i Sever*, (48), 261–274. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.48.261>
26. Zinnatullin, D.A. (2024). Sravnitel`nyj analiz politiki Kitaya i Indii v Arktike na sovremennom e`tape [A comparative analysis of China’s and India’s policies in the Arctic at the present stage]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*, 1(35), 78–95. <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2024-1-78-95>

Информация об авторе

Дарья Николаевна Веселова, кандидат политических наук, факультет политологии Санкт-Петербургского государственного университета; юридический факультет АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», Санкт-Петербург, Россия; Северо-западный Институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-0357>, e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

Information about the author

Darya Nikolaevna Veselova, Candidate of Political Sciences, Faculty of Political Science of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Faculty of Law of University of the EurAsEC Interparliamentary Assembly, St. Petersburg, Russia; North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-0357>, e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

---

УДК 32.325.3; 32.325.456

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_203

ПРИЧИНЫ НЕРАЗРЕШИМОСТИ ПРОБЛЕМЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕНЬШИНСТВА В КАМЕРУНЕ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИИ А. МБЕМБЕ

Иван Дмитриевич Лошкарёв,

Московский государственный институт
международных отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия,
ivan1loshkariov@gmail.com

Данила Владимирович Протасов,

Московский государственный институт
международных отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия,
danilshabashi@yandex.ru

*Получена 12.12.2024.**Поступила после рецензирования 18.09.2025.**Принята к публикации 19.12.2025.*

Для цитирования: Лошкарёв И.Д., Протасов Д.В. Причины неразрешимости проблемы англоязычного меньшинства в Камеруне в постколониальной методологии А. Мбембе // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1. С. 203–221. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_203

© Лошкарёв И.Д., Протасов Д.В., 2026

Аннотация

Камерун вызывает интерес с позиции провала проекта билингвистического государства. С 2017 года в стране продолжается вооруженный конфликт между англофонным меньшинством и франкоязычным центром. Фактически на территории одной страны происходит противоборство между двумя идентичностями, выстроенными на различных опытах переживания колониального прошлого. В статье представлена попытка рассмотреть причины и логику развития конфликта с позиции постколониальной теории уроженца Камеруна и ведущего специалиста в области критических исследований Ашиля Мбембе.

В исследовании рассматриваются ключевые концепты, предложенные А. Мбембе, такие как *commandement* (командование, связанное с произволом, частным непрямым управлением, с некрополитикой). *Commandement* как форма власти, присущая колониальным обществам, представляет собой сложное переплетение различных форм насилия и установление дихотомии «подчиненный-подчиняющий». В этом контексте наблюдается нарастание привилегий колонизатора, сопровождающееся дегуманизацией колонизированных, которые воспринимаются как животные. Некрополитика, в свою очередь, означает намеренную деградацию экзистенции масс людей на определенной территории, которая характеризуется как «мир смерти». Этот концепт предоставляет более глубокое понимание сущности власти и форм ее проявлений в контексте конфликтных зон.

Применяя теоретическую рамку Ашиля Мбембе для анализа причин и динамики конфликта, а также исследуя исторические аспекты англоговорящего Южного Камеруна и его становление в качестве Амбазонии¹, авторы приходят к выводу о наличии *commandement* в отношениях между франкоязычным центром и англоязычным Южным Камеруном. Учитывая колониальную природу этих отношений, а также особенности «мира смерти» Амбазонии, в статье утверждается, что текущий конфликт остается принципиально неразрешимым вплоть до структурных изменений в политической и социальной инфраструктуре региона.

Ключевые слова:

Ашиль Мбембе, постколониальные исследования, Амбазония, Камерун, некрополитика, *commandement*

---

¹ Амбазония (официальное название – Федеративная Республика Амбазония, ФРА) – непризнанное государственное образование в Центральной Африке, претендующее на англоязычную часть Камеруна. Иногда используется название Южный Камерун.

UDC 32.325.3; 32.325.456

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_203

THE REASONS FOR THE INSOLUBILITY OF THE PROBLEM OF THE ENGLISH-SPEAKING MINORITY IN CAMEROON IN A. MBEMBE'S POSTCOLONIAL METHODOLOGY

Ivan D. Loshkariov,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO),
Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation,
Moscow, Russia,
ivan1loshkariov@gmail.com

Danila V. Protasov,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO),
Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation,
Moscow, Russia,
danilshabashi@yandex.ru

Received 12.12.2024.

Revised 18.09.2025.

Accepted 19.12.2025.

For citation: Loshkariov, I.D., Protasov, D.V. (2026). The Reasons for the Insolubility of the Problem of the English-Speaking Minority in Cameroon in A. Mbembe's Postcolonial Methodology. *Discourse-P*, 23(1), 203–221. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_203

Abstract

Cameroon presents an interesting case of the failed bilingual state project. Since 2017, armed conflict has been ongoing between the Anglophone minority and the French-speaking majority in the country. The article studies the causes and logic of the conflict development from the perspective of the postcolonial theory of a Cameroon origin and a leading expert in the field of critical studies, Achille Mbembe.

The study examines the key concepts proposed by A. Mbembe, such as *commandement* (commanding related to arbitrariness, private indirect management, and necropolitics). *Commandement* as a form of power inherent in colonial societies, is a complex net of various forms of violence and the establishment of a “colonized-colonizer” dichotomy. In this context, there is an increase in the privileges of the colonizer, accompanied by the dehumanization of the colonized, who are perceived as animals. Necropolitics means the deliberate degradation of the existence of the masses of people in a certain territory, which is characterized as a “world of death”. This concept provides a deeper understanding of the essence of power and the forms of its manifestations in the context of conflict areas.

Applying Achille Mbembe's theoretical framework to analyze the causes and dynamics of the conflict, as well as exploring the historical aspects of English-speaking Southern Cameroon and its Ambazonia's formation, the authors conclude that there is a *commandment* in the relationship between the French-speaking center and the English-speaking Southern Cameroon. Given the colonial nature of these relations, as well as the features of the "world of death" of Ambazonia, the article argues that the current conflict remains fundamentally insolvable without structural changes in the political and social infrastructure of the region.

Key words:

Achille Mbembe, postcolonial studies, Cameroon, Ambazonia, necropolitics, commandment

---

Введение

Благодаря географическому и культурному многообразию Камерун часто называют «Африкой в миниатюре» (Atabongwoung, 2021, p. 97). Несмотря на значительное разнообразие, языковая линия разлома достаточно явственно делит страну на франкофонную ($\frac{4}{5}$ территории государства) и англофонную часть, которую образуют Северо-Западная и Юго-Западная провинции. К двум этим провинциям зачастую применяется обозначение Южный Камерун. На 2010 год английский язык был родным примерно для трети населения страны.

Наиболее остро двуязычный раскол проявился в 2016 году, когда англоязычные юристы и преподаватели вышли на протесты против дискриминации и маргинализации языкового меньшинства со стороны франкофонного центра. Среди сторонников протесты 2016–2017 годов получили название «Революция гробов» в честь акции Манчо Бибикси, который запер себя в гробу в знак протеста против систематического угнетения англофонов (Agwanda et al., 2020, p. 7). Репрессивные меры, которые правительство обрушило на протестующих (как, например, отключение интернета), лишь радикализировали ситуацию (Beseng et al., 2023, p. 93).

1 октября 2017 года, в годовщину провозглашения независимости Южного Камеруна от Великобритании, Объединенный фронт Южно-Камерунского Консорциума, выступая от имени широкой коалиция местных организаций и партий, провозгласил создание независимого государства Амбазония. Центральное правительство в Яунде не признало сецессию. 30 ноября 2017 года президент Камеруна Поль Бийя объявил войну всем сепаратистским группировкам (Beseng et al., 2023, p. 90). С этого дня ранее обозначенный культурно-региональный конфликт приобрел насильственные черты. В стране начался ожесточенный вооруженный конфликт, продолжающийся вплоть до настоящего дня. Уникальность конфликта в Камеруне заключается в сильном влиянии языкового фактора на формирование противоборствующих идентичностей.

Примечательно, что между севером (населенным в основном народами бенуэ-конголезской группы) и югом (бантуязычные народы) Южного Камеруна можно обнаружить куда более разительные различия в языковом и культурном

отношениях. За исключением колониального прошлого, в том числе и английского языка, этнические группы Амбазонии находятся куда ближе к своим франкофонным соседям по обе стороны раскола по линии север-юг, нежели между собой (Денисова, Костелянец, 2021b, с. 202). Франкоговорящий центр, используя противоречия между севером и югом Южного Камеруна, стремился нейтрализовать отчуждение англоязычного населения и применял политику «разделяй и властвуй» (Mehler, 2014, pp. 62–63). Как показывают настоящие события, подобная политика провалилась. Таким образом, экзистенциальное разделение «друг-враг» в данном случае происходит не на основе «нативных» этнических различий, но на привнесённом извне колониальном компоненте идентичностей.

Амбазонийская нация выстраивается на основании общности языка бывшей метрополии, то есть на общности пережитого колониального прошлого и колониального наследия. Многие жители южного Камеруна склонны идеализировать британское колониальное владычество (Anyefu, 2010, pp. 86–87). Маргинализация на основе лингвистического фактора консолидировала жителей Амбазонии в единое сообщество. Подобное справедливо и для обратной стороны противостояния – франкоговорящей части страны. Конфликт в Камеруне, таким образом, представляет из себя ни что иное как противостояние двух *постколониальных* идентичностей, поскольку те сконструированы по принципу общности колониального наследия.

Общепринято, что конфликт коренится в неразрешённости тех противоречий, которые были заложены в период колониальной зависимости двуязычного Камеруна (Atabongwoung, 2021, pp. 95–97). Сама тема данного конфликта неоднократно привлекала внимание исследователей. Среди причин углубления конфликта называли особенности политического режима и тактические политические просчеты высшего руководства страны (Amin, 2021), инструментальное отношение камерунских элит к идеям федерализма (Захаров, 2023; Mehler, 2014), расширение доступа к инструментам насилия и развитие региональной идентичности в англофонном Камеруне (Beseng et al., 2023; Fon, 2019), разжигание противостояния со стороны эмигрантских групп и англофонной диаспоры (Ezemenaka, Ekumaoko, 2022; Ketzmerick, 2023), социальную неудовлетворённость молодежи и романтизацию сопротивления властям (Fokwang, 2016). Все же, данные факторы, скорее, обозначают симптомы проблемы, а не ее глубинные причины. В этой связи, представляется важным проанализировать конфликт с позиции постколониальных идентичностей, которые, по всей видимости, задают траекторию конфликта. На данный момент практически не предпринималось попыток объяснения сложившегося конфликта путем рассмотрения колониальных отношений как таковых – т. е. с позиции *постколониальных исследований*. Вероятно, причина этого кроется в том, что постколониальная методология редко используется для рассмотрения отношений зависимости внутри государств. Однако использование подобной аналитической рамки позволит более полно выявить факторы, обусловившие генезис, характер развития и возможные перспективы разрешения вооружённого конфликта в Камеруне.

Commandement как колониализм

Для выяснения факторов генезиса существующего конфликта авторы предлагают обратиться к методологии, предложенной А. Мбембе, исследователем камерунского происхождения (родился в столичной провинции). В своей работе «О постколонии» (англ. “On the postcolony”) политический теоретик рассматривает характер власти в колониях. А. Мбембе использует термин *commandement* (фр. приказ, командование, заповедь)². *Commandement* – особая форма властных отношений, свойственная колониальным пространствам после их завоевания. *Commandement* составляют три вида насилия. Первым видом является учредительное насилие, которое проявляется в перманентном отказе захваченным в их правах, а также – в беспечелляционности судебной силы, находящейся в руках завоевателя. Вторым – насилие, основанное на предании учредительному насилию мессианской функции, т.е. на легитимации первой (насилие в данном случае означает принуждение к подчинению за счет навязывания дихотомии подчиненный-подчиняющий). Третий тип насилия вытекает из первых двух и заключается в реактуализации властных отношений в ежедневных практиках и ритуалах. Как говорит исследователь, колониальный суверенитет можно обнаружить лишь на тех территориях, где в «цельной паутине» переплетены три вышеизложенных типа насилия (Mbembe, 2015, pp. 24–66).

Commandement обуславливает необходимость установления дихотомии подчиненный-подчиняющий. Указанные иерархические отношения на практике приводят к произволу³ в отношении подчиненных – при привилегиях у подчиняющих. Помимо этого, для *commandement* характерна цикличность, когда целью власти становится не производство общественного блага, но лишь исключительное подчинение. Таким образом *commandement* становится самоцелью, чей единственный смысл пролегает в постоянном воспроизведении произвола как такового.

Итак, произвол становится ключевой характеристикой вертикали властных отношений в колонии. Под произволом А. Мбембе подразумевает отсутствие какой-либо договорной основы у власти, а также постоянные акты подтверждения колониальным сувереном своей абсолютной власти в качестве цементирующей основы всех общественных отношений. Легитимность и сила колониальной администрации пролегает в невозможности предугадать какую-либо логику действий, отличную от дальнейшего лишения прав у подчиненного населения. При относительной малочисленности ресурсов для удержания власти в рамках *commandement*, произвол становится основным способом реализации власти. Понятие произвола неразрывно связано с насильственным изыманием субъектности у подчиненных.

Произвол, в логике дихотомии подчиненный-подчиняющий, как лишает колонизованного какой-либо возможности иметь возможность влиять на что-

² Работа не переведена на русский язык, в связи с чем авторы статьи в дальнейшем используют оригинальный термин.

³ В оригинальном произведении автор использует термин *arbitrariness*, что здесь переведено как произвол.

либо в публичной сфере, так и одновременно утверждает необходимость дальнейшего показательного насилия со стороны колонизирующего. Таким образом, получается своего рода «теория общественного договора наоборот», в котором власть образуется за счет перманентного отрицания возможности достижения компромисса. Вне произвола вся сложная цепочка колонизации может рухнуть, в связи с чем насилие со временем лишь нарастает в объемах.

А. Мбембе говорит о рационализации насилия из-за потребности *commandement* в собственной легитимизации. Подобная рационализация насущной необходимости насилия сводится к факту низложения самой политической онтологии колонизированных народов в глазах колонизаторов. А. Мбембе приводит две возможные традиции обесчеловечивания: во-первых, это гегелевская традиция, суть которой заключалась в формировании облика колонизированного как животного без какой-либо возможностей достичь статуса «человека» (по сути, колонизированный становился лишь объектом материального мира); во-вторых, это бергсониянская традиция, для которой характерно восприятие поработленного как животного с сознанием, что приводит к «миссии» его *цивилизировать* и заботиться о нем (лишение субъектности при этом сохраняется). «Одомашненный» никогда не сможет в полной мере достичь статуса «хозяина» (Mbembe, 2015, pp. 27–28).

Указанные А. Мбембе эпистемологические способы иерархизации политической онтологии могут быть соотнесены с характерными для английской и французской администрации методами восприятия колонизируемых. Если британскую колонизацию можно обозначить как проявление гегелевской традиции, поскольку африканцев воспринимали как «безнадежно варваризированных», то французская колонизация, что отчетливо видно на примере использования категории *les évolués*, основана на традиции А. Бергсона.

В другой своей работе, А. Мбембе утверждает: «Колониализм созвучен монолингвизму» (2016, pp. 36). Действительно, господство одного языка в африканском контексте замораживает колониальные отношения, поскольку как в институциональном отношении, так и на уровне ежедневных бытовых практик отношения господства принесшей язык метрополии воспроизводятся и укореняются. Ежедневная потребность в коммуникативных актах и унифицирующая роль монолингвизма в логике *commandement* являются, соответственно, проявлениями третьего типа насилия. Кроме того, язык, таким образом, начинает восприниматься как благо, привнесенное колониализмом. В условиях Камеруна, где идентичность выстраивается на основе языка, особенно показательно как язык перерастает в позитивное отношение к благам от колониальной администрации.

А. Мбембе также рассматривает экономическую составляющую *commandement*. Исследователь вводит понятие частного непрямого управления, которое характеризуется приватизацией выгоды от ресурсов колонии через различные «нелинейные» ассоциированные с государством предприятия. Другими словами, получая экономические преференции в отношении ресурсов на определенной территории, метрополия через частных лиц и организации присваивает себе все экономические дивиденды, минимизируя производство любого *общественного блага* в своей колонии. Экономическое же благосостоя-

ние колонизированных зависит исключительно от их лояльности колониальной администрации (Mbembe, 2015, pp. 66–102).

В постколониальный период, по замечанию исследователя, африканские государства унаследовали произвол, характерный для *commandment* (Mbembe, 2015, pp. 66–102). Наследование основных методов власти колониального управления в постколониальном государстве делает актуальным следующий вопрос: может ли постколониальное государство непосредственно установить *commandement* на собственной присоединенной (захваченной, в терминологии А. Мбембе) территории. В частности, может ли африканское государство выступить в качестве колонизатора своих внутренних территорий?

Изменения политико-правового статуса Южного Камеруна (1868–1972 гг.)

В 1868 году немецкая торговая компания С. Вермана основала поселение в дельте реки Вури. В дальнейшем, колониальное владение Германии охватит всю территорию современного Камеруна. Решением Лиги Наций Германский Камерун был официально разделен на британскую и французскую подмандатные территории соответственно. Великобритания, в отличие от Франции, не вкладывала значительных средств в развитие территории, однако необходимая образовательная, здравоохранительная и административная инфраструктура была построена. К моменту предоставления независимости Французскому Камеруну и Нигерии Британский Камерун оказался наименее экономически развитым регионом. По этой причине Южному Камеруну было отказано в праве территории на независимость (Konings & Nyamnjoh, 1997, pp. 208–209).

В 1961 году в двух частях британской мандатной территории прошли плебисциты, на которых выносилось решение по присоединению, либо к Нигерии, либо к франкофонному Камеруну. Сами жители Южного Камеруна иронично называют прошедшие плебисциты выбором между «Oui» и «Yes» (Pommerolle & Neungou, 2017, pp. 527). Жители южной части британского мандата (т. е. нынешние территории Амбазонии), надеясь на обретение равного статуса в составе федерации, сказали «oui» и проголосовали за присоединение к франкоязычному Камеруну. С другой стороны, Южный Камерун скорее проголосовал против присоединения к Нигерии. С 1921 по 1961 год Великобритания способствовала миграции на территорию Южного Камеруна народа игбо из соседней Нигерии, в результате чего местная торговля была монополизирована переехавшими нигерийцами, которые составляли до 80 % рабочей силы в регионе (Денисова, Костелянец, 2021b, с. 197).

На учредительном конституционном съезде в городе Фумбан, первый президент Камеруна (1962–1980) А. Ахинджо пообещал равный статус двух частей, что не было исполнено. Федерализм билингвистического государства не продержался и декаду. Уже в 1962 году на территории Южного Камеруна вместо стерлинга был введен французский франк. В 1960-ые годы были также отменены характерные для британской традиции левостороннее движение и имперская система мер (Awasom, 2020, pp. 11–14). Спустя год после объединения А. Ахинджо разделил страну на 6 административных округов, назначив в каждый

подконтрольного ему инспектора. Фактически местные власти ничего не могли противопоставить инспекторским полномочиям⁴.

В 1972 году, стремясь заполучить полноту власти, А. Ахинджо провел референдум о фактическом демонтаже федерации. 99,7 % проголосовали «за» (Pommerolle & Heungour, 2017, pp. 527). Кроме того, приблизительно в этот момент стало известно о значительных залежах нефти на территории Южного Камеруна. Федерация стала бы препятствием для обогащения франкоязычных элит. В результате на флаге страны, где раньше две звезды символизировали союз двух частей, осталась лишь одна звезда, а официальное название сменилось с Федеративной Республики на Объединенную Республику Камерун. В 1984 году, указом президента П. Бийя, наследника А. Ахинджо, страна была переименована в Республику Камерун (Musah, 2022, pp. 23–26).

Само изменение конфигурации территориальных отношений достаточно показательно в рамках унификации страны, однако напрямую не говорит о наличии дискриминации англоязычного населения Южного Камеруна. Потеря субъектности или особого статуса территории, хотя и является значительным фактором, вряд ли стала единственной причиной, обусловившей конфликт.

Амбазония как колония (1980–2010-е гг.)

Как при президентстве А. Ахинджо, так и при П. Бийе, английский язык был стигматизирован, а англоязычное население подвергалось маргинализации как в политической, так и социально-экономической сферах. Франкофонное правительство проводило политику насильственной культурной ассимиляции.

Франкофонные политические элиты рассматривали объединение с Южным Камеруном как приращение собственной территории. Красноречиво подобное отношение выражает цитата президента А. Ахинджо: «С юридической точки зрения объединение рассматривается исключительно в качестве [способа] изменения границ. Независимая Республика Камерун не меняет своего характера в отношении своих международных институтов, восстанавливая свои прежние территории. Таким образом, суверенное государство Камерун должно принять все меры, которые оно сочтет необходимыми, для создания своих институтов в соответствии со своими структурными изменениями» (Awason, 2020, p. 11). Кроме того, с первых дней объединения А. Ахинджо ввел режим чрезвычайного положения и приказал развернуть франкоязычные войска на территории Южного Камеруна. В этот момент в Южном Камеруне присутствовали вооруженные группировки, выступавшие против официальных властей.

Действия франкофонных войск выходили далеко за рамки борьбы с повстанцами. Насилие, творимое в рамках чрезвычайного положения, подходит под понятие учредительного насилия. Основным методом установления контроля над указанной территорией было господство произвола. Перманентные погромы, аресты, общая атмосфера внезапности, необоснованности и безжалостности террора – преобладали. Была введена категория «макизадов», приравненная

⁴ *Cameroon's Anglophone Crisis at the Crossroads*. Retrieved August 10, 2024, from <https://www.cameroonintelligence.com/cameroons-anglophone-crisis-at-the-crossroads/>

к совершившим национальную измену. Получил свое распространение феномен «кале-кале», что означало внезапные ночные нападения на граждан (Awasom, 2020, pp. 9–10). Таким образом, справедливо говорить об определенном «захвате» территории, парадоксально «санкционированном» результатами плебисцитов. Учредительное же насилие подразумевало перенос дихотомии подчиненный-подчиняющий на территорию Южного Камеруна.

Подобный репрессивный характер в отношении оппозиционных сил будущей Амбазонии продолжился и в дальнейшем (Dicklitch, 2011). Произвол также проявлялся в игнорировании самого существования англоязычной проблемы со стороны администраций А. Ахинджо и П. Бийя (Musah, 2022, pp. 29–31). Англоязычная часть населения фактически была лишена субъектности, а различные институциональные формы несогласия подавлялись при замалчивании причин, что, в терминологии А. Мбембе, является произволом.

Сплетенные с учредительным насилием, два иных вида насилия присутствовали в т. н. политики «гармонизации», или «франкофикации». Процесс унификации страны фактически означал замену английского языка и различных проявлений англо-саксонской системы юриспруденции и образования *à française*. Система экзаменов фактически не позволяла англоязычным студентам поступить во франкоязычные университеты. Французский язык, наравне с принятием социальных представлений и норм франкофонного большинства, стал необходимым условием вертикальной социальной мобильности. Так, несмотря на формальное двуязычие Высшей Национальной Политехнической школы в Яунде, фактически преподавание велось исключительно на французском языке (Awasom, 2020, p. 19).

Французский язык также повсеместно использовался для официальной документации. То есть правительство стремилось отстранить англоязычное население от занятости в рамках государственного аппарата, создавая фактический лингвистический ценз.

При П. Бийя назначения франкоязычных судей на территорию будущей Амбазонии постепенно привели к вытеснению английского права. Структурное навязывание французского языка, безусловно, является проявлением двух типов насилия, описанных А. Мбембе. Перед франкофонными элитами ставится задача «гармонизировать» и ассимилировать англоязычное, «подняв» его до уровня франкофона. Более того, «франкофонизация» ритуализированно закрепляла господство франкоязычного центра.

«Захват» франкофонными войсками будущей Амбазонии, господство произвола учредительного насилия на указанной территории, факт наличия систематического отказа в правах использования английского языка при «цивилизующей» миссии французского языка, – все это образует сложное переплетение колониального насилия. В этой связи справедливо говорить о существовании *commandement* на территории Южного Камеруна.

Примечательно рассмотреть, каким образом проявляется дихотомия подчиненный-подчиняющий в отношении привилегий. Южный Камерун производит до 60 % ВВП страны и обладает значительными сельскохозяйственными и нефтяными ресурсами (Konings & Nyamnjoh, 1997). Тем не менее, находящиеся

на этой территории крупнейшие государственные компании перераспределяют ресурсы в сторону столицы.

В регионе отсутствуют проекты по строительству транспортной и дорожной инфраструктуры, школ, больниц и т.д. (Денисова, Костелянец, 2021b, с. 199–200). Англоязычные граждане Камеруна отмечают дискриминацию в отношении приема на работу со стороны крупнейшей государственной нефтеперерабатывающей компании SONARA (Eka, 2019, pp. 149–150).

Также Южный Камерун производит значительный объем сельскохозяйственной продукции страны, однако и в этой отрасли наблюдается дискриминация в отношении местного населения. Высшее руководство компании Cameroon Development Corporation полностью состоит из представителей франкоязычных регионов, в то время как англоязычные камерунцы заняты тяжелым низкооплачиваемым физическим трудом в плохих условиях (Eka, 2019, pp. 150–151).

Частные инициативы самих англофонных камерунцев пресекаются без объяснения причин, что укладывается в логику произвола в рамках *commandement*. Так были закрыты банк Камеруна, Западно-Камерунская электроэнергетическая корпорация, Управление по развитию района Вум, кофейная компания Санта-Эстейт, Агентство развития Западного Камеруна, Совет по маркетингу продукции Западного Камеруна и многие другие. Точно также были закрыты и многие аэропорты (Konings, Nyamnjoh, 1997, p. 213).

Помимо маргинализации в экономической и социальной сферах, политическая карьера также была недоступна без владения французским языком. Англофоны так никогда и не были допущены до управления важнейшими государственными министерствами. Английский язык никогда не был родным для министров образования, финансов, обороны, иностранных дел и др. (Fonchingong, 2013, pp. 226–227). Единственный способ политического участия англоязычной части, помимо собственных правозащитных организаций, был представлен Социально-Демократическим Фронтом, который составлял реальную конкуренцию президенту П. Бийя в 1990-ых годах (Beseng et al., 2023, pp. 91–92).

Таким образом, *commandement* продолжает себя в непрямом частном управлении и отношениях привилегий-бесправия. Можно говорить о наследовании модели колониализма от французской метрополии, в том числе и свойственной ей бергсонисанской традиции.

Мир смерти Амбазонии (современный этап)

Помимо осмысления колониализма, интеллектуальное наследие А. Мбембе включает в себя достаточно интересный концепт «некрополитики», который впервые был изложен в статье 2003 года (Mbembe, 2008). Свое дальнейшее развитие концепт получил в одноименной книге, вышедшей в 2019 году (Mbembe, 2020).

Некрополитика – это форма господства, основанная на помещении человека в промежуток между жизнью и смертью, иными словами, намеренная деградация социального и политического бытия крупных групп людей на определенной территории. Некрополитика образует «миры смерти», в которых нивелируется ценность человеческой жизни как таковой. В «мирах смерти» проживают «живые мертвецы», чья смерть является лишь вопросом времени,

она отложена до момента, который господствующий политический порядок сочтет подходящим. Политическое существование и социально-экономические условия «живых мертвецов» также находятся на уровне предельной деградации. «Малая смерть» – это маргинализация той или иной группы населения, в том числе расизм и бытовой шовинизм (Mbembe, 2008, pp. 152–162). В целом, колониализм неизбежно в любом своем проявлении создает «миры смерти».

К некрополитике прибегают при наличии каких-либо масс «неудобных» или «излишних» людей. Она может проявляться в некроэкономике, т. е. допущении «живой смерти» в рамках хозяйственных отношений для устранения излишка людей. Также, развивая идею Дж. Агамбена, А. Мбембе находит наиболее частотным присутствие некрополитики в различных формах лагерей и пригородных пространств, концентраций и утилизаций «миров смерти». Необходимой же составляющей выявления практик некрополитики является непосредственное производство смерти в значительных масштабах.

Процесс «производства» может иметь различные конфигурации. В рамках некрополитики осуществляется государственный террор, передача монополии на насилие со стороны государства различным частным субъектам, наводнение рынка оружием и увеличение его оборота за счет войны, легитимизация насилия за счет моральных категорий и др.

В «мирах смерти» формируются «узы вражды». «Узами вражды» А. Мбембе называет «представление о том, что власть может быть приобретена и осуществлена лишь за счет жизни других людей» (Mbembe, 2008, pp. 152–162). Достаточно емко и иллюстративно «узы вражды» описывает цитата Мао Цзэдуна: «винтовка рождает власть». Согласно А. Мбембе, «узы вражды» возникают в условиях разрушения социальных «уз», то есть в случае разрушения социальной структуры и социальных связей.

Применение концепта некрополитики к вооруженным конфликтам может дать большее понимание логики развития отношений власти непосредственно внутри зон конфликта. Власть и суверенность внутри «мира смерти», к коим, несомненно, относятся зоны ведения боевых действий, основаны на наличии самой возможности и определенной необходимости лишения жизни конкретной категории людей. Из-за динамичности и определенной высокой подвижности конфликта, формы утверждения и оспаривания суверенитета имеют достаточно размытые очертания. Высокая разрушительность конфликта и интенсификация применения практик некрополитики неизбежно приводят к дальнейшим разрушениям социальных связей, что значительно снижает шансы урегулирования конфликта и замыкает порочный круг насилия.

В случае Камеруна, как показано выше, «мир смерти» на территории Южного Камеруна существовал еще до появления Амбазонии. Однако тлеющее социальное неудовлетворение в виду колониальных отношений *commandement* ожидало определенного социального взрыва, когда некрополитика из «малой» смерти возрастет до некоторой большей, что и случилось в результате событий 2016–2017 годов.

В 2016 году англоязычные юристы вышли на протесты против назначения франкофонных судей с требованием отмены постепенной эрозии системы общего (английского) права. Позже юристов поддержали преподаватели и студенты,

а затем и более широкие слои населения. Первоначально протесты носили форму гражданского неповиновения. Так, была проведена операция «город-призрак» по невыходу из дома всех работников. Во время протестов один англофонный депутат сказал: «когда несправедливость становится законом, сопротивление становится обязанностью»⁵. «Обязательное сопротивление» лишь изменило свою форму по мере нарастания практик некрополитики, что вылилось в полноценный вооруженный конфликт.

В 2022 году, согласно докладу Human Rights Watch, в результате конфликта погибло как минимум 6000 человек, что, относительно количества жертв других африканских конфликтов, может показаться не столь критичным.⁶ Куда более удручающим фактором является разрушение социальной структуры и отсутствие какого-либо устойчивого порядка на территории.

На лето 2024 года насчитывается около двух миллиона человек, вынужденных оставить свои дома в Южном Камеруне. Половина из них – внутренние перемещенные лица.⁷ Особого внимания заслуживает фактически полное разрушение инфраструктуры школьного образования, что в конечном итоге привело к развитию феномена «амба-бойс». «Мальчики Амбазонии» – юноши, лишенные возможности получить образование. Вместо этого они вынуждены собираться в вооруженные формирования, промышленяющих широким спектром занятий на стыке бандитизма и войны (Ngam, 2020, pp. 220–227). Грубые нарушения прав человека хорошо задокументированы для обеих сторон конфликта. Правительственные войска, в сравнении с сепаратистскими группировками, куда чаще прибегают к явным преступлениям. Вооруженные силы республики Камерун выжигают целые деревни, не оставляя шансов на нормализацию социального порядка⁸.

Ключевым моментом в развитии конфликта стал арест в Нигерии временного правительства Амбазонии и президента С. Аюк Табе в 2018 году. Фактически был устранен единый институт представительства интересов англофонного населения, сконструированный ранее с большим трудом. Арест вызвал вакуум власти в регионе, что вылилось в противостояние бесчисленного множества группировок.

⁵ Tembon, E.W. (2018). Crisis in the Republic of Cameroon: An overview of the Anglophone crisis, 2016–2018. *Cameroon Association for Bible Translation and Literacy Facilitator Platform for Impact*. Retrieved November 19, 2024, from <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115hhrg30587/pdf/CHRG-115hhrg30587.pdf>

⁶ Centre for Human Rights and Democracy in Africa (CHRNA), (2022). *The Human Rights Situation of the Northwest and Southwest Regions for the Month of September 2022*. Retrieved August 10, 2024, from <https://www.chrda.org/the-human-rights-situation-of-the-northwest-and-southwest-regions-for-the-month-of-september-2022/>

⁷ United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA) (n. d.) *Cameroon Situation Report*. Retrieved August 10, 2024, from <https://reports.unocha.org/en/country/cameroon/>

⁸ Willis, R. et al. (2019). *Human Rights abuses in the Cameroon Anglophone crisis. A Report on the Cameroon Anglophone Crisis*. Retrieved September 9, 2024, from: <https://www.cl2p.org/wp-content/uploads/2019/12/Cameroon-Anglophone-Crisis-Report-online.pdf>

«Мир смерти» Амбазонии, в силу разрушения социальной структуры общества, привел к абсолютизации насилия внутри этого «мира». С началом гражданской войны этот мир дошел до смешения военных действий с терроризмом и криминалитетом, а его границы расширились из-за связи повстанцев с сепаратистами юга Нигерии и черным рынком (Денисова, Костелянец, 2021а, с. 754–755).

Общее безвластие и множественность группировок не позволяют перейти к переговорному процессу. Силовое же решение конфликта также представляется маловероятным. Армия Камеруна превосходит разрозненные группировки Амбазонии. Тем не менее, сложно проходимая местность и партизанский характер войны (Екан, 2019) в совокупности с хаотичностью «мира смерти» значительно снижают возможности урегулирования конфликта, обрекая англофонное население на перманентное воспроизводство насилия.

Заключение

Камерун, унаследовав от Франции метод колонизации, фактически «захватил» территорию Южного Камеруна, обретя собственную колонию. Ретроспективно можно утверждать, что франкоязычные элиты Камеруна достаточно последовательно воспроизводили механизмы *commandement*, но не преуспели в этом. Внутренний колониализм создал «мир смерти» на периферии, что в конечном итоге обернулось разрушительным вооруженным конфликтом.

В свою очередь, осуществляемая со стороны официального правительства некрополитика способствовала территориальной дезинтеграции. Именно лишение какой-либо субъектности англоязычной части населения и восприятие их как «животных с сознанием» привело к полному игнорированию существующей проблемы со стороны франкофонных элит.

Колониальная логика насилия в отношении англоязычной части населения стала причиной и определяющим фактором развития текущего конфликта. В этой связи достаточно проблематично выглядит его разрешение. В случае повторного «захвата» территории со стороны центрального правительства в Яунде, скорее всего, повторится воспроизводство колониальных отношений и механизмов *commandement*, что не решит проблемы. В рамках колониальной дихотомии подчиненный-подчиняющий достаточно маловероятным выглядит возможность предоставления Амбазонии независимости или автономии.

Как утверждал уроженец Камеруна А. Мбембе, выход из конфликта заключается не в победе одной из сторон, а в *деколонизации*. Теоретику кажется абсурдным строительство идентичности на основании английского либо французского колониального прошлого, в связи с чем необходим отказ как от английского, так и от французского языков.⁹

⁹ Tchango, W. (2017, February 21) *Cameroun – Crise anglophone: Pour Achille Mbembe, la “dissidence anglophone” n’aurait pas dû formuler ses revendications en des termes identitaires*. Retrieved August 10, 2024, from <https://www.cameroon-info.net/article/cameroun-criseanglophone-pour-achille-mbembe-la-dissidence-anglophone-naurait-pas-duformuler-ses-282342.html>

Отойдя от радикальной позиции А. Мбембе, можно говорить о принципиальной неразрешимости конфликта в силу укорененности колониальных отношений в самой архитектуре сложившегося двуязычного пространства. Малая подвижность элит франкоязычного Камеруна требует какого-либо внешнего фактора или же внутренней перестройки всей структуры. На международной арене, на данный момент, не наблюдается какой-либо заинтересованности в текущем конфликте, поэтому вероятное разрешение зависит от какого-либо внутривластного структурного сдвига.

Список литературы

1. Денисова, Т.С., Костелянец, С.В. (2021a). Международные аспекты сепаратизма в современной Биафре. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 21(4), 747–757. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-747-757>
2. Денисова, Т.С., Костелянец, С.В. (2021b). Сепаратизм в Южном Камеруне: истоки и перспективы. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 14(1), 194–213. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-10>
3. Захаров, А.А. (2023). Федерация в Камеруне: тезис, антитезис, синтез. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 2, 224–247.
4. Agwanda, B., Nyadera, I.N., & Asal, U.Y. (2020). Cameroon and the anglophone crisis. In O.P. Richmond., & G. Visoka (Eds.), *The Palgrave encyclopedia of peace and conflict studies* (pp. 1–11). London: Palgrave Macmillan Cham.
5. Amin, J.A. (2021). President Paul Biya and Cameroon's Anglophone crisis: A catalog of miscalculations. *Africa Today*, 68(1), 95–122. <https://doi.org/10.2979/africatoday.68.1.05>
6. Anyefru, E. (2010). Paradoxes of internationalisation of the Anglophone problem in Cameroon. *Journal of Contemporary African Studies*, 28(1), 85–101. <https://doi.org/10.1080/02589000903542624>
7. Atabongwoung, G. (2021). History never dies, how silent past returns: Southern Cameroons/Ambazonia. *Africana Studia*, 33, 95–109.
8. Awasom, N.F. (2020). The anglophone problem in Cameroon yesterday and today in search of a definition. *Journal of the African Literature Association*, 14(2), 1–28. <https://doi.org/10.1080/21674736.2020.1717124>
9. Beseng, M., Crawford, G., & Annan, N. (2023). From “Anglophone problem” to “Anglophone conflict” in Cameroon: assessing prospects for peace. *Africa Spectrum*, 58(1), 89–105. <https://doi.org/10.1177/00020397231155244>
10. Billa, R.N. (2020). Uprising and Human Rights Abuses in Southern Cameroon-Ambazonia. In M. Hugmanova et al. (Eds), *Education, Human Rights and Peace in Sustainable Development*. London: IntechOpen. Retrieved September 9, 2024, from: <https://www.intechopen.com/chapters/71206>
11. Dicklitch, S. (2011). The Southern Cameroons and minority rights in Cameroon. *Journal of Contemporary African Studies*, 29(1), 49–62. <https://doi.org/10.1080/02589001.2011.533059>

12. Ekah, E.R. (2019). The Anglophone Crisis in Cameroon: A Geopolitical Analysis. *European Scientific Journal*, 15(35), 141–166. <https://doi.org/10.19044/esj.2019.v15n35p141>
13. Ezemenaka, K.E., & Ekumaoko, C.E. (2022). Beyond language: Further issues in the Anglophone Cameroon conflict. *Social Identities*, 28(2), 200–216. <https://doi.org/10.1080/13504630.2021.1997735>
14. Fokwang, J. (2016). Politics at the margins: alternative sites of political involvement among young people in Cameroon. *Canadian Journal of African Studies/Revue canadienne des études africaines*, 50(2), 211–228. <https://doi.org/10.1080/00083968.2016.1219671>
15. Fon, N.N. A. (2019). Official bilingualism in Cameroon: an endangered policy? *African Studies Quarterly*, 18(2), 55–66.
16. Fonchingong, T. (2013). The quest for autonomy: The case of Anglophone Cameroon. *African Journal of Political Science and International Relations*, 7(5), 224–236. <https://doi.org/10.5897/AJPSIR10.033>
17. Ketzmerick, M. (2023). The Anglophone crisis in Cameroon: local conflict, global competition, and transnational rebel governance. *Small Wars & Insurgencies*, 34(1), 247–278. <https://doi.org/10.1080/09592318.2022.2113691>
18. Konings, P., & Nyamnjoh, F.B. (1997). The anglophone problem in Cameroon. *The Journal of Modern African Studies*, 35(2), 207–229. <https://doi.org/10.1017/S0022278X97002401>
19. Mbembe, A. (2006). Necropolitics. *Raisons politiques*, 21(1), 29–60. <https://doi.org/10.3917/rai.021.0029>
20. Mbembe, A. (2015). *On the postcolony*. Johannesburg: Wits University Press.
21. Mbembe, A. (2016). Decolonizing the university: New directions. *Arts and Humanities in Higher Education*, 15(1), 29–45. <https://doi.org/10.1177/1474022215618513>
22. Mbembe, A. (2008). Necropolitics. In S. Morton, & S. Bygrave (Eds.), *Foucault in an Age of Terror* (pp. 152–182). London: Palgrave Macmillan.
23. Mbembe, A. (2020). *Necropolitics*. Durham: Duke University Press.
24. Mehler, A. (2014). Why federalism did not lead to secession in Cameroon. *Ethnopolitics*, 13(1), 48–66. <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.844435>
25. Musah, C.P. (2022). The Anglophone Crisis in Cameroon: Unmasking Government's Implication in the Radicalisation of the Crisis. *African Journal of History and Archaeology*, 6(1), 22–38.
26. Ngam, C.C. (2020). Their Spirits are High and Willing but That is Not Enough: Profiling the Cameroon Separatist Anglophone Radical Militia (Amba Boys). *Youth and Globalization*, 2(2), 210–231. <https://doi.org/10.1163/25895745-02020005>
27. Pommerolle, M.-E., & Heungoup, H.D. M. (2017). The “Anglophone crisis”: A tale of the Cameroonian postcolony. *African Affairs*, 116(464), 526–538. <https://doi.org/10.1093/afraf/adx021>

References

1. Agwanda, B., Nyadera, I.N. & Asal, U.Y. (2020). Cameroon and the anglophone crisis. In O.P. Richmond., G. Visoka (Eds.), *The Palgrave encyclopedia of peace and conflict studies* (pp. 1–11). London: Palgrave Macmillan Cham.
2. Amin, J.A. (2021). President Paul Biya and Cameroon's Anglophone crisis: A catalog of miscalculations. *Africa Today*, 68(1), 95–122. <https://doi.org/10.2979/africatoday.68.1.05>
3. Anyefru, E. (2010). Paradoxes of internationalisation of the Anglophone problem in Cameroon. *Journal of Contemporary African Studies*, 28(1), 85–101. <https://doi.org/10.1080/02589000903542624>
4. Atabongwoung, G. (2021). History never dies, how silent past returns: Southern Cameroons/Ambazonia. *Africana Studia*, 33, 95–109.
5. Awasom, N.F. (2020). The anglophone problem in Cameroon yesterday and today in search of a definition. *Journal of the African Literature Association*, 14(2), 1–28. <https://doi.org/10.1080/21674736.2020.1717124>
6. Beseng, M., Crawford, G., & Annan, N. (2023). From “Anglophone problem” to “Anglophone conflict” in Cameroon: assessing prospects for peace. *Africa Spectrum*, 58(1), 89–105. <https://doi.org/10.1177/00020397231155244>
7. Billa, R.N. (2020). Uprising and Human Rights Abuses in Southern Cameroon-Ambazonia. In M. Hugmanova et al. (Eds), *Education, Human Rights and Peace in Sustainable Development*. London: IntechOpen. Retrieved 9 September, 2024, from: <https://www.intechopen.com/chapters/71206>
8. Denisova, T.S., & Kostelyanets, S.V. (2021a). “Separatizm v Yuzhnom Kamerune: istoki i perspektivi” [Separatism in South Cameroon: Sources and Prospects]. *Konturi globalnih transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 14(1), 194–213. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-10>
9. Denisova, T.S., & Kostelyanets, S.V. (2021b). Mezhdunarodnye aspekty separatizma v sovremennoy Biafre [International Aspects of Separatism in Contemporary Biafra]. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seria: Mezhdunarodnye otnosheniya*, 21(4), 747–757. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-747-757>
10. Dicklitch, S. (2011). The Southern Cameroons and minority rights in Cameroon. *Journal of Contemporary African Studies*, 29(1), 49–62. <https://doi.org/10.1080/02589001.2011.533059>
11. Ekah, E.R. (2019). The Anglophone Crisis in Cameroon: A Geopolitical Analysis. *European Scientific Journal*, 15(35), 141–166. <https://doi.org/10.19044/esj.2019.v15n35p141>
12. Ezemenaka, K.E., & Ekumaoko, C.E. (2022). Beyond language: Further issues in the Anglophone Cameroon conflict. *Social Identities*, 28(2), 200–216. <https://doi.org/10.1080/13504630.2021.1997735>
13. Fokwang, J. (2016). Politics at the margins: alternative sites of political involvement among young people in Cameroon. *Canadian Journal of African Studies/Revue canadienne des études africaines*, 50(2), 211–228. <https://doi.org/10.1080/00083968.2016.1219671>
14. Fon, N.N. A. (2019). Official bilingualism in Cameroon: an endangered

policy? *African Studies Quarterly*, 18(2), 55–66.

15. Fonchingong, T. (2013). The quest for autonomy: The case of Anglophone Cameroon. *African Journal of Political Science and International Relations*, 7(5), 224–236. <https://doi.org/10.5897/AJPSIR10.033>

16. Ketzmerick, M. (2023). The Anglophone crisis in Cameroon: local conflict, global competition, and transnational rebel governance. *Small Wars & Insurgencies*, 34(1), 247–278. <https://doi.org/10.1080/09592318.2022.2113691>

17. Konings, P., & Nyamnjoh, F.B. (1997). The anglophone problem in Cameroon. *The Journal of Modern African Studies*, 35(2), 207–229. <https://doi.org/10.1017/S0022278X97002401>

18. Mbembe, A. (2006). Necropolitics. *Raisons politiques*, 21(1), 29–60. <https://doi.org/10.3917/rai.021.0029>

19. Mbembe, A. (2008). Necropolitics. In S. Morton, & S. Bygrave (Eds.), *Foucault in an Age of Terror* (pp. 152–182). London: Palgrave Macmillan.

20. Mbembe, A. (2015). *On the postcolony*. Johannesburg: Wits University Press.

21. Mbembe, A. (2016). Decolonizing the university: New directions. *Arts and Humanities in Higher Education*, 15(1), 29–45. <https://doi.org/10.1177/1474022215618513>

22. Mbembe, A. (2020). *Necropolitics*. Durham: Duke University Press.

23. Mehler, A. (2014). Why federalism did not lead to secession in Cameroon. *Ethnopolitics*, 13(1), 48–66. <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.844435>

24. Musah, C.P. (2022). The Anglophone Crisis in Cameroon: Unmasking Government's Implication in the Radicalisation of the Crisis. *African Journal of History and Archaeology*, 6(1), 22–38.

25. Ngam, C.C. (2020). Their Spirits are High and Willing but That is Not Enough: Profiling the Cameroon Separatist Anglophone Radical Militia (Amba Boys). *Youth and Globalization*, 2(2), 210–231. <https://doi.org/10.1163/25895745-02020005>

26. Pommerolle, M.-E., & Heungoup, H.D. M. (2017). The “Anglophone crisis”: A tale of the Cameroonian postcolony. *African Affairs*, 116(464), 526–538. <https://doi.org/10.1093/afraf/adx021>

27. Zaharov, A.A. (2023). Federaciya v Kamerune: tezis, antitezis, sintez [Federation in Cameroon: thesis, antithesis, synthesis]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2, 224–247.

Информация об авторах

Иван Дмитриевич Лошкарёв, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, МГИМО МИД России, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7507-1669>, e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Данила Владимирович Протасов, стажер, Институт международных исследований МГИМО МИД России, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2172-2589>, e-mail: danilshabashi@yandex.ru

Information about the authors

Ivan Dmitrievich Loshkariov, PhD (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Theory, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7507-1669>, e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Danila Vladimirovich Protasov, Intern at the Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia, ORCID, <https://orcid.org/0009-0007-2172-2589>, e-mail: danilshabashi@yandex.ru

---

УДК 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_222

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ НАУКАХ: КОММЕМОРАТИВНАЯ ПОВЕСТКА И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Рецензия на книгу: Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права / гл. ред. В.Н. Руденко; ИФиП УрО РАН, ИГП РАН. Екатеринбург, 2024.– 240 с.

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Екатерина Григорьевна Грибовод,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
gribovod_kate@mail.ru

Ян Юрьевич Моисеенко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
yan.moiseenko@mail.ru

© Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю., 2026

Получена 10.09.2025.

Поступила после рецензирования 12.11.2025.

Принята к публикации 14.01.2026.

Для цитирования: Русакова. О. Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Историографический поворот в политико-правовых науках: коммеморативная повестка и ценностные ориентиры // Дискурс-Пи. 2026. Т. 23. № 1. С. 222–235. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_222

Аннотация

В рассматриваемый сборник были включены статьи, авторы которых в рамках конференции предприняли попытку осмыслить важные теоретические и методологические проблемы, связанные с феноменом исторической памяти, государственной идентичностью, а также современными историографическими моделями. В объем актив коллектива рецензентов попал целый перечень вопросов – среди них следует отметить и обнаружение на страницах статей сборника коммеморативной повестки, и анализ традиционных ценностных констант. В главном фокусе внимания исследования оказался *историографический поворот* в политико-правовых науках, а именно его роль в трансформации предметного поля целого спектра научных дисциплин, его значение для социогуманитарного знания в целом, и конечно, практический вклад, который историография может внести в совершенствование современного нарратива об общегражданской, консолидирующей идентичности.

Ключевые слова:

историография, историографический поворот, политико-правовые науки, идентитарная политика, политика памяти, коммеморативные практики, гражданская идентичность

UDC 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_222

HISTORIOGRAPHIC TURN IN POLITICAL AND LEGAL SCIENCES: COMMEMORATIVE AGENDA AND VALUE OBJECTIVES

Book Review: Philosophical Reflection on Historiographical and Prospective Tasks of Contemporary Public Law / Ed. by V.N. Rudenko; Institute of Philosophy and Law Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg, 2024.– 240 pages.

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Ekaterina G. Gribovod,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
gribovod_kate@mail.ru

Yan Y. Moiseenko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
yan.moisseenko@mail.ru

Received 10.09.2025.

Revised 12.11.2025.

Accepted 14.01.2026.

For citation: Rusakova, O.F., Gribovod, E.G., Moiseenko, Y.Y. (2026). Historiographic Turn in Political and Legal Sciences: Commemorative Agenda and Value Objectives. *Discourse-P*, 23(1), 222–235. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_222

Abstract

This collected volume comprises articles in which the authors sought to examine key theoretical and methodological issues pertaining to the phenomenon of historical memory, state identity, and contemporary historiographical models. The reviewers engaged with a wide array of topics – among them, the identification of commemorative narratives

within the volume's contributions and the analysis of traditional value paradigms. However, the study's primary focus centers on the *historiographical turn* in political and legal sciences, particularly its role in reshaping the subject matter of a range of academic disciplines, its broader implications for the social sciences and humanities, and its practical contributions to refining contemporary narratives on shared civic and unifying identity.

Keywords:

historiography, historiographical turn, political and legal sciences, identity politics, memory politics, commemorative practices, civic identity

---

Введение

За последние без малого сорок лет траектория развития отечественной социогуманитаристики неоднократно менялась, что неудивительно, поскольку страна пережила за это время не одну зону турбулентности. Геополитические кризисы, идеологические пертурбации, новые технологические вызовы – все это, безусловно, трансформировало предметное поле социогуманитарных наук, однако к наиболее масштабным его изменениям привели все же внутренние, глубинные течения, открывшие возможности для переосмысления различных научных проблем в формате междисциплинарного взаимодействия. Одним из таких «подводных» течений стал *лингвистический поворот*, сутью которого является применение «методов науки о языке и литературе к историческим исследованиям» (Филатова, 2018, с. 24), а также к ряду других областей знания (Васильев, 2017). Опыт лингвистического поворота не прошел бесследно, и за ним последовали *антропологический*, *дискурсивный* и, наконец, *мемориальный* повороты, следствием которого стала постепенная интеграция проблематики памяти в разные области гуманитарного знания (Федорова, 2018, с. 111; Blight, 2009). Произошедший во второй половине XX века своего рода «бум памяти» впоследствии повлиял даже на формирование самостоятельного направления – «исследования памяти» (*memory studies*), к методологии которого мы будем, в том числе, апеллировать на страницах этой рецензии.

Однако в качестве главного фокуса внимания для нас стал еще один достаточно перспективный поворот, оказавший значительное влияние на развитие политико-правовых учений в России – *историографический*, и причин для его особого выделения – несколько. Во-первых, немаловажно, что научное сообщество России принимает все более активное участие в сохранении и укреплении национальной исторической памяти и идентичности, разрабатывая теоретический каркас и инструментарий – прежде всего, правовой – для эффективного противодействия идеологическим искажениям и разнообразным манипуляциям общественным мнением. В связи с тем, что в этом направлении уже проделана определенная работа, перед нами, как исследователями, возникает задача систематизировать результаты и дать им качественную оценку. Во-вторых, обращение именно к *историографии* как к методу обусловлено тем, что она содержит в себе рефлексивный элемент, в то время как нарративный обзор имеющихся достиже-

ний – с присущим ему перечислением – мог бы иметь некоторую прикладную ценность, но не был бы релевантным с точки зрения фундаментальной науки. Историографический же поворот несет в себе потенциал «дисциплинарного прорыва», поскольку именно в нем, на наш взгляд, сегодня нуждаются политико-правовые науки.

Следует отметить, что научное сообщество политологов, философов и правоведов уже предпринимает некоторые шаги для реализации поставленной цели: сформулировать некую консолидирующую идентичность российского общества. Примером тому может стать организация и проведение ежегодных международных научных конференций «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права» на базе Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук и Института государства и права Российской академии наук. Отметим, что по итогам Первой международной конференции, которая прошла 14 ноября 2024 года в Екатеринбурге, был подготовлен сборник научных трудов с научно-методическими и экспертными рекомендациями. Далее остановимся на ключевых принципах, ценностных параметрах и теоретико-методологических направлениях, которые можно вывести из этого коллективного труда с учетом того, что непосредственным предметом нашего рассмотрения выступает именно *историографический поворот*. При этом в своем анализе мы отдаем приоритет исследовательскому инструментарию *memory studies* и аксиологическому методу.

Для выполнения поставленной задачи мы приняли решение объединить статьи рассматриваемого сборника в два тематических блока. К первому мы отнесли исследования, проблематика которых связана с историографической методологией как таковой, а научно-историческое познание позиционируется в качестве одного из ключевых драйверов развития политико-правовых наук в современной России. Здесь особую ценность представляет фундаментальная работа С.В. Кодана «Историография в юриспруденции: междисциплинарные пространства взаимодействия». Помимо нее в этой группе мы особо отметили творчество В.Н. Руденко и М.Ф. Казанцева. На первый взгляд, две эти работы посвящены коммеморации идей и научных достижений конкретной личности – С.С. Алексеева, однако основная их ценность все же состоит в том, что они вносят важный инновационный вклад в изучение интеллектуальной биографии выдающегося российского правоведа, которая сегодня продолжает играть роль оригинального *тезауруса* для целого поколения социогуманитарных исследователей.

Во второй тематический блок мы включили статьи, где внимание авторов сосредоточено, прежде всего, на исторической памяти и идентитарных вопросах, а также работы, в которых изучаются ценностные ориентиры и коммеморативные практики. В рамках данного тематического блока в сферу нашего критического осмысления попали статьи В.В. Руденко, Н.В. Панкевич и О.М. Роя. Отдельно подчеркнем, что в настоящей рецензии мы полностью отказались от структуры, заявленной изначально в представляемом сборнике, и сгруппировали статьи в соответствии уже с выработанной нами оптикой исследования. В связи с этим в фокусе внимания оказались только некоторые статьи из сборника, что обусловлено не только нашей авторской позицией, но и продиктовано целями и задачами избранного нами жанра критической рецензии.

Результаты исследования

Наиболее масштабный вывод, который мы можем сделать, опираясь на исследование С.В. Кодана, заключается в том, что историография давно вышла за пределы исторической науки и теперь она сама является локомотивом для науковедческих изысканий в разных дисциплинах и отраслях знаний (Кодан, 2024, с. 87). Дело в том, что большинство известных в социогуманитаристике «поворотов» второй половины XX – первой четверти XXI веков (структуралистский, дискурсивный, антропологический, мобильный и т.д.) объединяла одна характерная черта – они разворачивались в предметных областях сразу же нескольких дисциплин (история, философия, психология, лингвистика), за счет чего актуальными становились новые трактовки объекта исследования. Историография полностью отвечает этому критерию междисциплинарного охвата, поскольку она, так или иначе, присутствует во всех отраслях и дисциплинах, как юридической науки, так и социогуманитарном кластере в целом. Таким образом, статья С.В. Кодана даёт нам основания предположить, что *историографический поворот* может инициировать очередной «прорыв» в социально-гуманитарных науках, суть которого в том, что в его контексте феномен коммеморации сможет раскрыться с новой стороны.

В рецензии мы исходим из того, что коммеморативная повестка сводится преимущественно к исследованию разного рода социальных практик, так или иначе сопряженных с мобилизацией и актуализацией коллективной памяти о значимых персонах, событиях прошлого. Исследуя культурно-познавательные, теоретические и методологические основания взаимодействия историографии и социально-гуманитарных наук, С.В. Кодан обращается к таким феноменам как «научная память», «научное наследие», и тем самым призывает коммеморировать ряд источников и персоналий, имеющих значение для становления юридической науки, в том числе, в ее национальном измерении. Помимо этих оснований автор подчеркивает значимость исследования такого историографического материала как механизмы межличностной и коллективной передачи знаний, опыта научной деятельности и функционирования научных школ (Кодан, 2024, с. 92–93). В совокупности все эти изыскания должны воплотиться в формате новаторской для юридических наук дисциплины – *юридического науковедения* (Кодан, 2024, с. 92). Кроме того, принципиально важно, что наряду с более традиционным направлением в историографии, озабоченным преимущественно «интеллектуальной» историей – историей идей, общественно-политической, философской, государственно-правовой мысли, С.В. Кодан выделяет *историографическо-биографическое* направление (Кодан, 2024, с. 93). Его суть – по-прежнему в изучении вклада того или иного мыслителя в научное знание, но ключевым отличием от «истории мысли» является внимание к фону профессиональных достижений ученого, то есть, к его жизненному пути, мировоззрению, контексту разного рода жизненных ситуаций, повлиявших на него в ходе научной деятельности.

В этом же *историографическо-биографическом* ключе развивает логику своей работы М.Ф. Казанцев: его анализ научного наследия С.С. Алексеева осуществляется в контексте профессиональной биографии юриста и философа. Основной упор сделан на двух ключевых областях правоведения: теории права

и гражданском праве (частном праве и цивилистике), обозначены этапы (советский и постсоветский) развития научных идей выдающегося правоведа, а также выделены основные работы по праву, в частности, монография «Восхождение к праву» (Алексеев, 2001). Подчеркивается роль С.С. Алексеева как организатора науки и государственного деятеля (Казанцев, 2024, с. 20–35).

В исследовании В.Н. Руденко акцент при рассмотрении концепции общего права С.С. Алексеева смещается в сторону ее философского анализа. В статье подчеркивается, что правовед одним из первых «...выявил и обосновал наличия кантовской правовой доктрины», а также опираясь на ключевые кантовские принципы и идеи «...показал и обосновал ценность права в обществе», в том числе «вновь ввел в научный оборот категории “чистое право” и “право человека”» (Руденко, 2024b, с. 12–14). Заслуживает особого внимания отмеченный В.Н. Руденко либералистский подход С.С. Алексеева к праву, в рамках которого феномен свободы занимает приоритетное место. Кроме того, в статье фиксируется тесная связь проблематики конституционного процесса с мировоззрением юриста в целом. В частности, подчеркивается роль ученого в разработке идей «Конституции Человека»: в рамках данной концепции правовед «выступает за принципиальное упорядочивание государственной власти и за развитие института и культуры прав человека» (Руденко, 2024b, с. 17).

Подводя итоги *историографического* блока, имеет смысл добавить, что в 2024 году в России отмечалось столетие со дня рождения С.С. Алексеева и Институт философии и права УрО РАН также внес важный вклад в сохранение и популяризацию его научного наследия не только изданием обозреваемого нами сборника. В научном дискурсе часто подчеркивается, что роль и значение церемониальных коммеморативных практик, сопряженных с памятливыми датами и юбилейными годами в формате официальной политики памяти не стоит недооценивать (Русакова и др., 2025, с. 257). Так, в рамках конференции было проведено «торжественное вручение памятной медали и наградного знака... в ознаменование 100-летия С.С. Алексеева» (Руденко, 2024a, с. 7). Первая международная научная конференция, по итогам которой издан рецензируемый сборник, была приурочена к данному юбилею.

В сборнике представлено немало статей, где рассматривается проблематика коммеморации и исторической политики, а также уделяется внимание вопросам национальной идентичности, из которых нами и был составлен второй тематический блок – *идентитарный*. Его смысловым ядром по праву можно считать статью Н.В. Панкевич «Российская государственность и западный стратегический нарратив: идентичность против риторического принуждения» (Панкевич, 2024). В данной работе лейтмотивом звучит мысль о том, что в условиях разворачивающегося кризиса ценностей, спровоцированного распадом СССР, обеспечить внятную, аргументированную преемственность между современной российской и совсем недавней советской государственностью, не говоря уже о более отдаленных в исторической перспективе периодах, практически невозможно. Именно потому в постсоветской России заимствование «смысловых комплексов» не было точечным или фрагментарным, но напротив, был осуществлен полновесный «интеллектуальный импорт» в ценностный центр общественно-политической системы (Панкевич, 2024, с. 114). Этот импорт не прошел для нашей страны

бесследно – он привел к трансформации самого ее «идентитарного ядра», т. е. ключевых принципов самоописания и самопонимания. Для того чтобы оценить масштабы этой катастрофы, исследовать инструментальные и содержательные формы этого импорта, нам необходимо обратиться к историографии.

Изучив содержательный аспект этого «интеллектуального импорта», а также проанализировав степень влияния на российскую идентичность таких концепций как «конец истории», «догоняющее развитие» на пути к демократии и рынку, «(полу) периферийность», «ресурсное проклятие», Н. В. Панкевич показывает, как складывался нарратив о российском государстве как о «несостоятельной империи», которая живет за счет практик «внутренней колонизации», то есть эксплуатирует пространство и население всей страны (Панкевич, 2024, с. 115–116). Историографический метод, в данном случае, дает возможность связать воедино отмеченные тенденции и тем самым вскрыть механизмы того, каким образом опыт советской критики по отношению к императорской России был поставлен «на новые рельсы» и обращен уже против самой советской государственности, результатом чего стал пережитый нашей страной в 1990-е годы «парад суверенитетов». Его последствия ощущаются и сейчас, когда результаты тридцатилетнего пространственного и социального развития страны по-прежнему описываются в идеологически нагруженных терминах колонизации и деколонизации отдельных регионов и территорий (Шабает, 2022).

На первый взгляд, статья В. В. Руденко «Политика памяти в документах стратегического планирования Российской Федерации» посвящена строго юридическим вопросам (Руденко, 2024). Прежде всего, в фокусе ее внимания оказались последствия конституализации расплывчатых категорий, а также проблемы, которые вскрылись в результате. Среди них выделяется отсутствие юридических определений объектов правовой охраны в рамках политики памяти, а также нехватка институциональной основы для реализации этой политики (Руденко, 2024, с. 104–105). Например, такие понятия как «режим политики памяти», «режим исторической памяти» подвергаются только политологическому анализу, а не исследуются с позиции юридического подхода. Также с юридической точки зрения не определено, что собой представляют «культурная идентичность», «историческая память», и главное – понятие «исторической правды», несмотря на введение этого термина в текст Конституции РФ (Руденко, 2024, с. 102–103).

Заметим, что данное исследование выходит за рамки юридических наук, и в его претензии на междисциплинарность важную роль играет обращение именно к историографии. Среди причин, почему мы сегодня сталкиваемся с терминологической путаницей в отношении целого ряда понятий, автор выделяет решение властей формировать национальную идентичность «вокруг ценностей исторической направленности», с учетом того, что какой-то внятной государственной политики в этой области не велось в течение длительного времени, и потому образовался «ценностный вакуум» (Руденко, 2024, с. 101). Вынести такой диагноз возможно в том случае, если проанализировать коммеморативные практики в качестве инструмента вменения определенной политики – и в итоге обнаружить либо их тотальный дефицит, либо несистемный характер. Заполнить этот «вакуум» автор предлагает, обратившись к методам историографии, а имен-

но путем создания фундаментальной историософской модели политико-правовых знаний (Руденко, 2024, с. 103).

Обращаясь к отдельным аспектам идентитарной концепции, уделим внимание статье О.М. Роя «Территориальная идентичность российского общества: от поместной раздробленности к гражданскому согласию», посвященной анализу форм территориальной идентичности (Рой, 2024). Если выделить главный фокус данного исследования, то, прежде всего автор озабочен концептуализацией «территориальной» и «муниципальной» идентичностей; она сопряжена с рядом трудностей: это и налаживание взаимосвязей разных идентичностей с различными формами социальной организации пространства, и учет геополитических, социально-экономических причин, в связи с которыми некоторые фронтирные территории могут сделать выбор в пользу гибридных моделей идентичности (Рой, 2024, с. 216–217). Для нас же первоочередную важность имеет обращение автора статьи к проблематике коллективной памяти, которая, являясь продуктом осмысления испытанных страданий и катастроф, составляет основу национального единства (Рой, 2024, с. 214–215). Кроме того, О.М. Рой указывает на два параметра идентификации человека в социуме. Если первый связан с *географической локализацией*, и автор определяет ее через «принадлежность индивида к тому или иному сообществу, проживающему в определенных формальных или неформальных границах», то второй – *темпоральный*, где автор уже обращает нас к коммеморативной повестке, поскольку она связана с осознанием «своего места в историческом пространстве» (Рой, 2024, с. 215).

Безусловно, автору следует поставить в заслугу выделение широкого спектра угроз и вызовов укреплению национальной идентичности. К ним он относит «диспропорции в социально-экономическом положении», зависимость от государственной поддержки, кумовство, разные географические условия, а также религиозный и этнический факторы и др. (Рой, 2024, с. 218–220). К тому же, и территориальный фактор, взятый в определенном социальном, экономическом и этнонациональном контексте способен повлиять решающим образом на достижение в обществе гражданского согласия. Тем не менее, сами феномены территориальной и муниципальной идентичности настолько комплексны, что практически невозможно концептуализировать их в формате отдельно взятых научных дисциплин. В связи с этим требуется дополнительное теоретическое и методологическое их осмысление, которое учитывало бы междисциплинарный опыт.

Массовый «разворот» разного профиля гуманитарных исследователей в сторону историографии как раз позволяет осуществить необходимую ревизию понятий и концептов, которые сформировались в предметных областях определенного спектра политико-правовых наук. Только благодаря историографии становится возможным оценить текущую готовность социогуманитаристики к тому, чтобы внести весомый вклад в формирование общегражданской идентичности, поиском которой мы все озабочены.

Заключение

В рамках конференции была поставлена цель: разработать теоретико-методологический механизм совершенствования общегражданского нарратива

в современной России, который связан с формированием консолидирующей идентичности, историческим и культурным единством суверенной нации (Руденко, 2024а, с. 6). Однако акцент на проблематике этого общегражданского нарратива значительно ограничил исследовательское поле рецензируемого сборника. Более того, в сборник был включен ряд работ, которые значительно выбиваются из общей исследовательской канвы и потому придают всей работе гетерогенный характер. Однако нельзя не оценить, что подготовленные научно-методические и экспертные рекомендации внесли существенный вклад в методологическую ценность данного коллективного труда. Прежде всего, стоит уделить внимание *историографическому повороту* в отечественных социогуманитарных науках, который не без оснований претендует на то, чтобы стать локомотивом, способным повести не одну дисциплину к взятию новых теоретических высот. Подчеркнем, что коммеморативная повестка, выявленная нами в ряде статей настоящего сборника, обозначила вопросы, связанные с отечественным историософским и политико-правовым наследием. В первую очередь она затронула персоналии и научные школы. Кроме этого, в повестку попали ценностные диспаратеты, возникшие в ходе осмысления нормативно-правовых и социокультурных рамок исторической памяти.

Подводя итоги, мы пришли к заключению, что значительная часть статей, представленных в сборнике, может помочь научному сообществу и широкому кругу читателей сформировать представление о существующих лакунах в целом спектре политико-правовых дисциплин, рабочих механизмах сохранения национального исторического и культурного суверенитета, мерах укрепления государственной идентичности и защиты исторической памяти.

Список литературы

1. Алексеев, С.С. (2001). *Восхождение к праву. Поиски и решения*. М.: Издательство НОРМА.
2. Васильев, В.А. (2017). Лингвистический поворот в философии. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, (1), 172–181.
3. Казанцев, М.Ф. (2024). С.С. Алексеев: от гражданского права к теории права и возрождению цивилистики. В В.Н. Руденко (Ред.), *Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права: Сб. науч. тр. по итогам Первой Международной научной конференции, посвященной 100-летию С.С. Алексеева (14 ноября 2024 г., Екатеринбург)* (с. 20–35). Екатеринбург: ИФиП УрО РАН.
4. Кодан, С.В. (2024). Историография в юриспруденции: междисциплинарные пространства взаимодействия. В В.Н. Руденко (Ред.), *Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права: Сб. науч. тр. по итогам Первой Международной научной конференции, посвященной 100-летию С.С. Алексеева (14 ноября 2024 г., Екатеринбург)* (с. 85–95). Екатеринбург: ИФиП УрО РАН.
5. Панкевич, Н.В. (2024). Российская государственность и западный

стратегический нарратив: идентичность против риторического принуждения. В В.Н. Руденко (Ред.), *Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права: Сб. науч. тр. по итогам Первой Международной научной конференции, посвященной 100-летию С.С. Алексеева (14 ноября 2024 г., Екатеринбург)* (с. 112–127). Екатеринбург: ИФиП УрО РАН.

6. Рой, О.М. (2024). Территориальная идентичность российского общества: от поместной раздробленности к гражданскому согласию. В В.Н. Руденко (Ред.), *Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права: Сб. науч. тр. по итогам Первой Международной научной конференции, посвященной 100-летию С.С. Алексеева (14 ноября 2024 г., Екатеринбург)* (с. 211–226). Екатеринбург: ИФиП УрО РАН.

7. Руденко, В.В. (2024). Политика памяти в документах стратегического планирования Российской Федерации. В В.Н. Руденко (Ред.), *Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права: Сб. науч. тр. по итогам Первой Международной научной конференции, посвященной 100-летию С.С. Алексеева (14 ноября 2024 г., Екатеринбург)* (с. 96–111). Екатеринбург: ИФиП УрО РАН.

8. Руденко, В.Н. (2024а). Предисловие главного редактора. В В.Н. Руденко (Ред.), *Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права: Сб. науч. тр. по итогам Первой Международной научной конференции, посвященной 100-летию С.С. Алексеева (14 ноября 2024 г., Екатеринбург)* (с. 5–8). Екатеринбург: ИФиП УрО РАН.

9. Руденко, В.Н. (2024b). С.С. Алексеев: от философии права к Конституции Человека. В В.Н. Руденко (Ред.), *Философское осмысление историографических и перспективных задач современного публичного права: Сб. науч. тр. по итогам Первой Международной научной конференции, посвященной 100-летию С.С. Алексеева (14 ноября 2024 г., Екатеринбург)* (с. 9–19). Екатеринбург: ИФиП УрО РАН.

10. Русакова, О.Ф., Грибовод, Е.Г., Иванов, Д.С. (2025). Спорт как компонент официальной политики. *Диалог со временем*, (91), 251–266. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.91.91.017>

11. Федорова, М.М. (2018). История/память: «трудная» дилемма. *История философии*, 23(1), 108–121. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2018-23-1-108-121>

12. Филатова, Н.М. (2018). Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота». В Н.М. Куренная (Ред.), *Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым: Сб. науч.тр.* (с. 24–40). Москва: Институт славяноведения РАН. <https://doi.org/10.31168/0402-2.2>

13. Шабаев, Ю.П. (2022). «Новый» Русский Север: историческая провинция в тисках социальных и политических проблем. *Вестник Российского университета дружбы народов: Политология*, 24(4), 757–778. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778>

14. Blight, D.W. (2009). The Memory Boom: Why and Why Now? In P. Boyer, & J.V. Wertsch (Eds.), *Memory in Mind and Culture* (pp. 238–251). Cambridge: Cambridge University Press.

References

1. Alekseev, S. S. (2001). *Vosxozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [The Ascent to the Law: Searches and Solutions]. Moscow: Izdatel'stvo NORMA.
2. Blight, D. W. (2009). The Memory Boom: Why and Why Now? In P. Boyer & J. V. Wertsch (Eds.), *Memory in Mind and Culture* (pp. 238–251). Cambridge: Cambridge University Press.
3. Fedorova, M. M. (2018). Istoriya/pamyat': "trudnaya" dilemma [History/Memory: "Difficult" Dilemma]. *Istoriya filosofii*, 23(1), 108–121. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2018-23-1-108-121>
4. Filatova, N. M. (2018). Podxody k izucheniyu e'go-dokumentov v sovremennoj istoricheskoy nauke v svete "lingvisticheskogo povorota" [Approaches to the Study of Ego Documents in Modern Historical Science in the Light of the "Linguistic Turn"]. In N. M. Kurennaya (Ed.), *Dokument i "dokumental'noe" v slavyanskix kul'turax: mezhdru podlinnym i mnimym: Sb. nauch.tr.* (pp. 24–40). Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. <https://doi.org/10.31168/0402-2.2>
5. Kazantsev, M. F. (2024). S. S. Alekseev: ot grazhdanskogo prava k teorii prava i vozrozhdeniyu civilistiki [Sergei S. Alekseev: From Civil Law to Legal Theory and the Revival of Civil Law Scholarship]. In V. N. Rudenko (Ed.), *Filosofskoe osmyslenie istoriograficheskix i perspektivnyx zadach sovremennogo publichnogo prava: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu S. S. Alekseeva (14 noyabrya 2024 g., Ekaterinburg)* (pp. 18–30). Ekaterinburg: IFiP UrO RAN.
6. Kodan, S. V. (2024). Istoriografiya v yurisprudencii: mezhdisciplinarnye prostranstva vzaimodejstviya [Historiography in Jurisprudence: Interactive Interdisciplinary Spaces]. In V. N. Rudenko (Ed.), *Filosofskoe osmyslenie istoriograficheskix i perspektivnyx zadach sovremennogo publichnogo prava: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu S. S. Alekseeva (14 noyabrya 2024 g., Ekaterinburg)* (pp. 85–95). Ekaterinburg: IFiP UrO RAN.
7. Pankevich, N. V. (2024). Rossijskaya gosudarstvennost' i zapadnyj strategicheskij narrativ: identichnost' protiv ritoricheskogo prinuzhdeniya [Russian Statehood and the Western Strategic Narrative: Identity versus Rhetorical Coercion]. In V. N. Rudenko (Ed.), *Filosofskoe osmyslenie istoriograficheskix i perspektivnyx zadach sovremennogo publichnogo prava: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu S. S. Alekseeva (14 noyabrya 2024 g., Ekaterinburg)* (pp. 96–111). Ekaterinburg: IFiP UrO RAN.
8. Roy, O. M. (2024). Territorial'naya identichnost' rossijskogo obshhestva: ot pomestnoj razdroblennosti k grazhdanskomu soglasiyu [Territorial identity of Russian society: from local fragmentation to civil accord]. In V. N. Rudenko (Ed.), *Filosofskoe osmyslenie istoriograficheskix i perspektivnyx zadach sovremennogo publichnogo prava: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu S. S. Alekseeva (14 noyabrya 2024 g., Ekaterinburg)* (pp. 211–226). Ekaterinburg: IFiP UrO RAN.
9. Rudenko, V. N. (2024a). Predislovie glavnogo redaktora [Preface by Editor-in-Chief]. In V. N. Rudenko (Ed.), *Filosofskoe osmyslenie istoriograficheskix*

i perspektivnyx zadach sovremennogo publichnogo prava: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu S.S. Alekseeva (14 noyabrya 2024 g., Ekaterinburg) (pp. 5–8). Ekaterinburg: IFiP UrO RAN.

10. Rudenko, V.N. (2024b). S.S. Alekseev: ot filosofii prava k Konstitucii Cheloveka. [Sergei S. Alekseev: from Philosophy of Law to the Human Constitution]. In V.N. Rudenko (Ed.), *Filosofskoe osmyslenie istoriograficheskix i perspektivnyx zadach sovremennogo publichnogo prava: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu S.S. Alekseeva (14 noyabrya 2024 g., Ekaterinburg)* (pp. 9–17). Ekaterinburg: IFiP UrO RAN.

11. Rudenko, V.V. (2024). Politika pamyati v dokumentax strategicheskogo planirovaniya Rossijskoj Federacii [Politics of Memory in the Strategic Planning Documents of the Russian Federation]. In V.N. Rudenko (Ed.), *Filosofskoe osmyslenie istoriograficheskix i perspektivnyx zadach sovremennogo publichnogo prava: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu S.S. Alekseeva (14 noyabrya 2024 g., Ekaterinburg)* (pp. 96–111). Ekaterinburg: IFiP UrO RAN.

12. Rusakova, O.F., Gribovod, E.G., & Ivanov, D.S. (2025). Sport kak komponent oficial'noj politiki [Sports as a Component of the Official Politics of Memory]. *Dialog so vremenem*, (91), 251–266. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2025.91.91.017>

13. Shabaev, Yu.P. (2022). “Novyj” Russkij Sever: istoricheskaya provinciya v tiskax social'nyx i politicheskix problem [‘New’ Russian North: The Historical Province Amidst of Social and Political Problems]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov: Politologiya*, 24(4), 757–778. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778>

14. Vasiliev, V.A. (2017). Lingvisticheskij povorot v filosofii [The Linguistic Turning Point in Philosophy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (1), 172–181.

Информация об авторах

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующая отделом философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Екатерина Григорьевна Грибовод, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Ян Юрьевич Моисеенко, младший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moisseenko@mail.ru

Information about the authors

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Ekaterina Grigorievna Gribovod, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Yan Yurievich Moiseenko, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moisseenko@mail.ru

---

УДК 304.9

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_236

ПОСТКАПИТАЛИЗМ МАРКА ФИШЕРА: ОТ АНТИКАПИТАЛИЗМА К БОГЕМНОМУ ЭТОСУ

Дмитрий Александрович Давыдов,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
davydovdmitriy90@gmail.com

*Получена 31.05.2025.**Поступила после рецензирования 14.01.2026.**Принята к публикации 20.01.2026.*

Для цитирования: Давыдов Д.А. Посткапитализм Марка Фишера: от антикапитализма к богемному этосу // Дискурс-Пи, 2026. Т. 23. № 1 С. 236–252. https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_236

Аннотация

Статья посвящена определению и оценке вклада английского философа Марка Фишера в современные дискуссии о посткапитализме. На взгляд автора, два ключевых концепта Фишера – капиталистический реализм и посткапиталистическое желание (либидальный посткапитализм) – являются важным вкладом не только в левую политическую мысль, но и в социальную философию как таковую. Согласно Фишеру, капиталистический реализм – это растущая среди самых широких масс убежденность, что капитализму альтернативы нет. Либидальный посткапитализм, напротив, оспаривает эту убежденность, подчеркивая, что выход из капитализма не обязательно должен заключаться в революции промышленного рабочего класса, организованного иерархической партией «ленинского» типа. Она может быть спонтанной, вызванной желанием свободы и массовым отказом мириться с унынием трудовой жизни. По Фишеру, путь к посткапитализму лежит через своего рода провокацию – «кислотный коммунизм», под которым он понимает слияние классового сознания, социал-феминизма и психоделии, смешение новых общественных движений с коммунистическим проектом. Тем не менее в статье предложено взглянуть на идеи

© Давыдов Д.А., 2026

Фишера с критических позиций: как на весьма специфическую и неоднозначную проекцию возвышающейся «богемной» прослойки креативного класса. Концепция Фишера базируется на зыбких сверхоптимистических идеях, вроде безусловного базового дохода и полной автоматизации производства, и противоречит не только эмпирическим фактам об экономической и социальной действительности, но также ценностям и чаяниям большинства трудящихся.

Ключевые слова:

посткапитализм, социализм, коммунизм, марксизм, постмарксизм, классовый анализ, креативный класс

UDC 304.9

DOI: 10.17506/18179568_2026_23_1_236

MARK FISHER'S POST-CAPITALISM: FROM ANTI-CAPITALISM TO BOHEMIAN ETHOS

Dmitriy A. Davydov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
davydovdmitriy90@gmail.com

Received 31.05.2025.

Revised 14.01.2026.

Accepted 20.01.2026.

For citation: Davydov, D.A. (2026). Mark Fisher's Post-Capitalism: from Anti-Capitalism to Bohemian Ethos. *Discourse-P*, 23(1), 236–252. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2026_23_1_236

Abstract

This article explores and evaluates the contribution of the English philosopher Mark Fisher to contemporary discussions of post-capitalism. In the author's view, Fisher's two key concepts – capitalist realism and post-capitalist desire (libidinal post-capitalism) – are significant contributions not only to left-wing political thought but also to social philosophy as such. According to Fisher, capitalist realism is a growing conviction among the broadest masses that there is no alternative to capitalism. Libidinal post-capitalism, on the contrary, challenges this conviction, emphasizing that the way out of capitalism does not necessarily have to be a revolution of the industrial working class, organized by a hierarchical party of the “Leninist” type. It can be spontaneous, caused by a desire for freedom and a mass refusal to accept the despondency of working life. According

to Fisher, the path to post-capitalism lies through a kind of provocation – “acid communism”, by which he means the fusion of class consciousness, social feminism and psychedelia, the mixing of new social movements with the communist project. Nevertheless, the article proposes looking at Fisher’s ideas from a critical position: as a very specific and ambiguous projection of the rising “bohemian” stratum of the creative class. Fisher’s concept is based on shaky, over-optimistic ideas such as unconditional basic income and full automation of production, and contradicts not only the empirical facts about economic and social reality, but also the values and aspirations of the majority of workers.

Keywords:

post-capitalism, socialism, communism, Marxism, post-Marxism, class analysis, creative class

---

Введение

Английский философ, музыкальный критик и политический теоретик, а также блогер под никнеймом k-runk Марк Фишер (1968–2017) – знаковая фигура среди левых теоретиков. Его трагичная судьба – он покончил с собой по причине затяжной депрессии – словно олицетворяет драму и трагедию современных левых течений, которые после краткого взлета (связанного, по всей видимости, с последствиями финансового кризиса 2008 г.) вновь находятся в упадке, будучи вытесняемы правыми и «ультраправыми» в США и Западной Европе. Более того, его труды и идеи не устаревают, они активно обсуждаются. В частности, только в 2024 году на русском языке вышли сборники «Посткапиталистическое желание. Последние лекции» (стенограммы последних прочитанных лекций Фишера) (Фишер, 2024b), «k-runk. Избранное» (сборник эссе и публикаций из блога) (Фишер, 2024a), «Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем» (авторский сборник эссе о философии музыки и «утраченном будущем») (Фишер, 2024c). Разумеется, уже стала философской классикой самая известная работа Фишера – «Капиталистический реализм», также опубликованная на русском языке (Фишер, 2010).

Внезапная кончина Фишера прямо посреди курса о посткапитализме, который он читал в Голдсмитс-колледже Лондонского университета, оставила множество вопросов, на которые сам Фишер не успел дать ответов. Что такое посткапитализм? Тождественен ли посткапитализм коммунизму (в случае Фишера – «кислотному коммунизму» – см. далее)? Наконец, каково место концепции Фишера среди других подобных – скажем, концепций посткапитализма П. Мейсона (2016) или Н. Срничека и А. Уильямса (2019)? Далее мы постараемся дать ответы на эти вопросы. Однако наш главный посыл звучит следующим образом: Марка Фишера действительно стоит считать выдающимся левым теоретиком, но помимо посткапитализма как теоретического построения в трудах Фишера можно заметить посткапитализм, условно говоря, непреднамеренный или даже «симптоматичный», который раскрывается в том, какие темы оказываются центральными и наиболее значимыми в его дискурсе. Их, как мы

увидим, нельзя свести к тому, что связано с относительной и/или абсолютной депривацией, порождаемой классовой эксплуатацией (рабочих капиталистами). Посткапитализм Фишера – это не только и не столько отрицание капитализма, сколько признак привилегированности. Именно те, кто по-настоящему не страдает от капитализма и в целом уже сравнительно давно живет вне сил, действующих в рамках соответствующего классового антагонизма, могут отрицать как мир труда (или работы), так и заниматься поиском инструментов выхода из «кризиса капитализма» по большому счету через психоделический опыт и рейв-тусовки, нежели чем через воздействие на факторы, реально способствующие улучшению положения рабочего класса: рост количества рабочих мест, равенство материальных возможностей, семья и семейные ценности, самоотверженный труд на благо наиболее уязвимых и страдающих от самых разных жизненных проблем. Иными словами, посткапитализм Фишера – это нечто богемно-некапиталистическое внутри еще пока капитализма и при этом едва ли приближающее мир к коммунизму.

Либидальный посткапитализм

Марк Фишер прежде всего известен как автор концепта капиталистический реализм, которому посвящена одноименная книга. Суть его можно выразить достаточно емко: после «неолиберальной» контрреволюции наступила эпоха, характеризующаяся Ф. Джеймисоном, на которого часто ссылается Фишер, как эпоха постмодернизма (Джеймисон, 2019). Капитализм проникает во все сферы и поры общества, заражая собой культуру и подчиняя себе даже контркультурные нарративы, рожденные духом 1968 г. Это также постфордистский капитализм, где креативность, гибкость и логика сети, а не иерархии, становятся главенствующими принципами организации общественно-экономической системы. Соответственно, возникает представление о том, что капитализм обладает свойством адаптации ко всем бросаемым ему вызовам. Он «приручил» как значительную часть рабочих, пожелавших играть по правилам системы, так теперь и практически всю контркультурную элиту, ставшую вполне успешным «креативным классом» в рамках капитализма (Флорида, 2016). Крах Советского Союза еще сильнее укрепил гнетущее для левых чувство «конца истории». Собственно, капиталистический реализм есть убежденность, что капитализм – хоть и не идеально функционирующая, но безальтернативная система. Как пишет Фишер, это «широко распространенное ощущение не только того, что капитализм является единственной жизнеспособной политической и экономической системой, но и того, что теперь невозможно даже вообразить непротиворечивую альтернативу ему» (Фишер, 2010, с. 4). Это выражается как в своеобразной постполитике, когда одни лидеры сменяют других, и при этом принципиально ничего не меняется, так и в культурной сфере, где авангард постепенно заменяется постмодернистским пастишем (ретроспекцией и компиляциями), то есть наблюдается кризис креативности: «те из нас, кто вырос в десятилетия между 1960-ми и 1990-ми, привыкли к быстрым изменениям в популярной культуре <...>. Каждая новая технология обладала уникальным видом и звучанием: спутать фильм или пластинку начала 1960-х с тем, что было выпущено хотя бы пять

лет спустя, было практически невозможно. Однако для нынешнего десятилетия характерно резкое ощущение замедления. Проведем наглядный эксперимент. Представьте себе, что вы вернулись на пятнадцать лет назад и включили поклоннику джангла записи новых танцевальных жанров, например дабстеп или фанки. Он, несомненно, был бы ошеломлен – но не тем, как сильно все изменилось, а тем, как мало продвинулось вперед» (Фишер, 2024а, с. 105).

Такой «застой» обусловлен не только крахом утопий и больших надежд, но и коммерциализацией культуры, неким «потребительским забвением», а также прекаризацией занятости в культурных индустриях. Сегодня художники и артисты уже не находятся в ситуации, когда государство всеобщего благосостояния могло бы вовремя их подстраховать. Государственные расходы на сферу культуры сокращаются. Культура, если не считать наиболее коммерциализированную ее часть, как бы наполняется призраками прошлого. Все четче проявляет себя некая упадочность, меланхолия и даже депрессия, но также ностальгия по «утраченному будущему», то есть по способности это будущее выстраивать в постоянных экспериментах с выразительными формами, сознанием, в т. ч. с помощью соответствующей «химии». Сборник «Призраки моей жизни» полностью посвящен т. н. «хонтологии», то есть буквально «призрачной» онтологии (на примерах таких музыкантов, как The Caretaker (“Theoretically Pure Anterograde Amnesia”, 2005); Burial (“Burial”, 2006); John Foxx (“Tiny Colour Movies”, 2006); Black to Comm (“Alphabet 1968”, 2009); Darkstar (“North”, 2010); The Advisory Circle (“As The Crow Flies”, 2011) и многих других. Хонтология означает, что в искусстве «распалась связь времен», в музыкальных треках рисуется безвременное «сейчас», выражается чувство амнезии. При этом хонтология не обязательно означает желание сдаваться перед неминуемым. «В хонтологической музыке, – пишет Фишер, – красной нитью сквозит не высказанная прямо мысль, что надежды, которые вселяла послевоенная электронная музыка или эйфорическая танцевальная музыка 1990-х, испарились, будущее не просто не наступило – теперь оно уже кажется невозможным. Но в то же время эта музыка знаменует отказ ставить крест на мечте о будущем. Этот отказ придает меланхолии политическую окраску, так как означает нежелание примириться с закрытыми горизонтами капиталистического реализма» (Фишер, 2024с, с. 28).

Как же можно выбраться из тупика «безвременья»? Еще в «Капиталистическом реализме» Фишер возлагает надежды на то, что кризис 2008 г. может стать точкой отсчета нового оживления в теории и практике левых (Фишер, 2010). Фишер не верит в революцию рабочего класса как всплеск массового недовольства. Негативизм чреват тем, что капитализм оказывается всегда на шаг впереди – он подкупает тех, кто им больше всего недоволен, тушит пожар протеста и негодования. Отрицает Фишер и идею авангардной иерархической партии, осуществляющей диктатуру пролетариата. Более того, он считает, что время иерархий и бюрократии в целом ушло вместе с эпохой фордизма. Можно сколько угодно критиковать нестабильность и прекарность в условиях неолиберальной экономики, особенно в т. н. креативных индустриях. Но это то, чего хотели сами трудящиеся, ведь прекарность означает также во многих случаях самостоятельность, разнообразие, мобильность и больше возможностей для самореализации, а не монотонную работу в течение десятков лет («во многих отношениях левые так и не смогли оправиться от того,

как капитал использовал и вобрал в себя их стремление к освобождению от фордистской рутины» (Фишер, 2024а, с. 111). Скорее, 2008 г. пошатнул незыблемость самой «безальтернативности» капитализма.

На что же надеется Фишер? Здесь мы сталкиваемся со спецификой, свойственной концепту посткапитализма. Этот концепт гораздо более пластичен и осторожен, чем привычные для левых «социализм» или «коммунизм». Обращаясь к нему, мы подчеркиваем, что следующая после капитализма стадия развития, скорее всего, не будет результатом слома старой системы. Приставка «пост-» побуждает скептически смотреть на возможность, условно говоря, «привнесенных» некапиталистических общественных отношений. «Пост-» – уже что-то как вне, так и все еще в капитализме. Нечто только начинающее отпочковываться от капитализма, но не принципиально чуждое и не вполне антагонистичное ему. Грубо говоря, коммунизм нельзя построить путем чистого отрицания капитализма и всего, что с ним связано. Возможно, нужно апеллировать к тем желаниям, которые капитализм порождает, но при этом является для них слишком тесным и ограничивающим. Нужно не ломать капитализм, занимаясь морализаторством, а оседлать его наиболее перспективные тенденции.

В этом суть названия курса лекций Фишера – «Посткапиталистическое желание». В ней же, говоря о философии Ж.-Ф. Лиотара, он отмечает важный момент: «нет такой области, которая не была бы запятнана капиталом. Это не то же самое, что утверждать, будто все всегда должно быть так, как есть сейчас. Здесь подразумевается, что мы должны представить себе трансформацию изнутри того положения, в котором мы находимся. Нельзя поддаваться соблазну искать что-то незапятнанное, неотчужденную область, и тому подобное. Мы должны начать с полного погружения в капитал. <...> Нет никакого внешнего мира. Нет царства Советов, где люди не хотят Levi's и других. Или "макароны с сосисками", о которых шла речь у Лиотара. Пролетариат хочет эти макароны точно так же, как он хочет Levi's» (Фишер, 2024b, с. 181). Хоть Фишер и делает ремарку, что он не знает, как точно мы должны совладать с такой запутанной схемой выхода за пределы отчуждения, находясь при этом внутри мира отчуждения, в других местах можно найти, каким мог бы быть его развернутый ответ. Капитализм пробудил в людях либидальную страсть к самореализации, свободе, гибкости и при этом к единству. В конце концов даже успех таких корпоративных гигантов, как Starbucks, отчасти обусловлен «желанием коммунизма», ведь люди «хотят не просто кофе, потому что он ужасен. Они хотят чего-то знакомого, типового. Перед нами форма общественного пространства, однородного общественного пространства» (Фишер, 2024а, с. 139).

«Желание посткапитализма» обнаруживает себя не в антипотребительской аскезе, а в психоделическом опыте. Все же Фишер планировал книгу «Кислотный коммунизм» и даже начал писать к ней введение, где кратко обрисовал суть подобного желания: Psychedelic Shack¹ «забрасывает нас в мир определенно коллективный, пышущий энергетикой восточного базара. И этот карнавал вовсе не был так уж далек от реальности, хоть и радикально отличался от рутинной повседневности.

¹ Двенадцатый студийный альбом группы The Temptations, выпущенный в 1970 году.

Песня создает ощущение реального общественного пространства, существование которого можно легко себе представить. Здесь с равным успехом можно наткнуться на чудака или барыгу, поэта или музыканта. Любой сумасброд из местной толпы может оказаться гением. Это пространство равенства и демократии, а местную атмосферу ни с чем не спутать: разнородность без намека на вражду или злонамеренность. Здесь встречаются товарищей и общаются, пока не отсохнет язык или пока мировоззрение собеседника не перевернется с ног на голову. “Времени не существует”, освещение не зависит от положения солнца в небе, наркотики меняют восприятие времени, и значит, люди свободны от срочных дел, отягощающих рабочие будни. Беседы могут длиться бесконечно, а случайные знакомства могут привести к самым неожиданным приключениям. Здесь можно сбросить привычную маску и стать кем угодно, подчиниться своим желаниям, о существовании которых даже не подозреваешь” (Фишер, 2024а, с. 175–176).

Опыт «кислотного» рейва является как бы образчиком свободы, раскованности и единства для грядущего коммунизма. Главная угроза капитализму – не промышленный рабочий, а промышленный рабочий, ставший хиппи. Истинное посткапиталистическое желание – это желание опыта беззаботности и неотчужденности, коллективного экстаза. Капитализм отчасти пробудил данное желание (хотя бы уже потому, что радикально улучшил условия жизни), но тут же сильно ограничил возможности его реализации: сначала ослабив силу государства всеобщего благосостояния, а затем стерев границу между работой и досугом (так что будто бы даже во сне люди работают). Он способствовал экономической нестабильности и неравенству, зажал творческие индустрии тисками неолиберальной бюрократии (согласно Фишеру, при неолиберализме бюрократии становится только больше, так как стремление к эффективности и экономии побуждает больше контролировать расходы (Фишер, 2010)) и подчинил культуру коммерции. Именно поэтому Фишер часто ссылается на других сторонников концепта посткапитализма – прежде всего Н. Срничека, А. Уильямса (2019) и П. Мейсона (2016), солидаризируясь с ними в вопросах о путях выхода за пределы капитализма.

Если кратко, то концептуальный посыл, который разделяют все четыре автора, включая Фишера, сводится к следующей логической цепочке. Современные развитые общества почти достигли той технологической и производственной точки, когда всех можно обеспечить минимумом благ для свободы деятельности и творчества (практически по принципу «от каждого по способностям, каждому – по потребностям»). Капитализм – это помеха для максимизации свободы. Он ставит людей в условия, когда, чем дальше, тем не меньше, а больше работы, причем все чаще – бессмысленной («бредовой»); (Гребер, 2024). Более того, капитализм заиклился на развлечениях и потреблении, а не на развитии производительных сил (Фишер выражает свою симпатию левому акселерационизму Н. Срничека и А. Уильямса (Уильямс, Шрничек, 2018)). Соответственно, следующий прорыв в будущее должен быть осуществлен через ускорение прогресса и прежде всего – ускорение процессов автоматизации производства (т. н. «полная автоматизация»). Работу необходимо минимизировать, или вовсе стоит освободить людей от необходимости трудиться. В худшем случае можно радикально сократить рабочую неделю и поделить ее на всех. Вместо наемного

труда придет творчество народных масс («всеобщий интеллект» сетевых индивидов – П. Мейсон) вроде творчества тех, кто создает Википедию. Каждому необходимо выплачивать безусловный базовый доход, которого хватило бы на удовлетворение базовых потребностей (то есть можно будет выбирать между трудом и не-трудом). Таким образом, суть посткапиталистического желания сводится преимущественно к желанию свободы от труда: «Ранние 1970-е... Психоделическое сознание плюс классовое сознание... Именно этого боялся капитал в конце 1960-х – начале 1970-х: что, если рабочий класс станет хиппи? Поскольку ключ в контркультуре, несмотря на все ее неудачи, коих было немало, – в этике антиработы, превращение нежелания работать в мейнстримную идею. Битловское “Остаться в кровати... Плыть по течению” – это и есть анти-работа, анти-будь-занят. Это другой способ жизни, связанный с коммунальной жизнью» (Фишер, 2024b, с. 61).

Такова вкратце суть концепции посткапитализма Марка Фишера. Ключевой вопрос заключается в следующем: может ли эта концепция быть востребованной и действенной? Точнее, так: является ли она выражением или признаком исторического движения к коммунизму как обществу равенства, подлинной свободы и братства? Или это скорее проекция классового сознания, но отнюдь не пролетариата, и даже не пролетариата, ставшего хиппи, а тех, кто оторван от реалий жизни настоящих рабочих и в каком-то смысле является если не привилегированным, то, как минимум, не нуждается в самых базовых материальных благах.

Возвышенный посткапитализм богемы

Начать можно с того, что во многих моментах концепция Марка Фишера неубедительна (если не сказать наивна). Ее главная слабость – это попытка осмыслить сложную социальную и экономическую реальность почти полностью через сферу культуры. Получается своеобразная «богемная саморефлексия». Автор, принадлежа к богемной прослойке креативного класса (будучи сам философом и блогером, пишущим на тему музыки и кино), осмысливает мир через творчество того же самого креативного класса. То есть он не выходит за границы своего же, условно говоря, классового сознания, которое неизбежно ограничено рамками соответствующих материальных условий бытия данного класса (специфика творческого типа мышления, нонконформизм, некоторая экономическая нестабильность, но при этом едва ли бедность или тотальная нехватка экономических благ и т. п.). Поэтому и посткапитализм Фишера предстает скорее как свидетельство оторванности интеллектуальных/культурных элит от реалий жизни подавляющего большинства людей, нежели реальная сила трансформации производительных сил и производственных отношений. Это проекция соответствующего «богемного» сознания.

В первичности своего субъективного опыта, к слову, Фишер признается многократно, а потому возникает вопрос о том, являются ли его труды рефлексией над факторами неолиберального капитализма, провоцирующего депрессию у растущего множества людей (Фишер критикует «терапевтические» подходы к лечению депрессии, акцентируя внимание на возможных социально-эконо-

мических факторах), или же на его картине мира отпечатались собственная депрессия, а потому данная картина предстает слишком уж мрачной, по крайней мере в характеристике тех вещей, которые для других мрачными не являются². Так, в «Капиталистическом реализме» Фишер много пишет о депрессии, обвиняя во всем реалии общества потребления. «Многие из учащихся подростков, с которыми я сталкивался, – пишет Фишер, – находились в состоянии, которое я назвал бы депрессивной гедонией. Обычно депрессия характеризуется как состояние ангедонии, однако то расстройство, которое я имею в виду, определяется не неспособностью получать удовольствие, а как раз неспособностью выполнять что-либо помимо поиска удовольствия. Появляется чувство, что “чего-то не хватает”, но нет понимания того, что к этому таинственному недостающему наслаждению можно прийти, только если выйти по ту сторону принципа удовольствия» (Фишер, 2010, с. 24).

Конечно, «эпидемия депрессии» может быть серьезным аргументом против «позднего» капитализма. Но этот аргумент не выдержал проверку временем. Как минимум, он не является убедительным, поскольку основывается на зыбких доказательствах. «Эпидемия депрессии» может свидетельствовать о возросшем стрессе из-за того, что сегодня работа зачастую занимает нас 24/7, как о том пишет в книге с соответствующим названием Дж. Крэри (2022). Но, возможно, современный человек попросту стал чувствительнее к стрессу и чаще сообщает о симптомах депрессии. Как отметил в 2019 году Х. Уайтфорд, профессор кафедры психического здоровья населения в Университете Квинсленда, распространенность психических заболеваний за последние 20 лет не изменилась. Только три вещи новы. Первое – признание «разнообразия» (в т. ч. психического) и дестигматизация привели к росту числа людей, ищущих помощи и отождествляющих себя с теми или иными психическими особенностями. Второе – опросы постоянно показывают, что все больше молодых людей сообщают о психических расстройствах. Наконец, больше людей лечатся, принимая лекарства³. Фишер если и отметил какую-то тенденцию, то эта тенденция свидетельствует скорее о росте чувствительности молодых людей, возросшем внимании к себе и свое-

---

² Например, спорной выглядит некоторая драматизация Фишером творческой «стагнации» в музыке. Во-первых, неясно значение, которое могут иметь эксперименты в музыке для политической практики. Заметим, что время до начала «нулевых» считается Фишером временем бурных изменений. Но именно это время – время закрепления неолиберальной системы и, стало быть, капиталистического реализма. Выходит, тусовки рейверов не повлияли и не могли повлиять на политическую действительность. Во-вторых, «хонтологичность» картины Фишера, вероятно, обусловлена исключительно культурным бэкграундом самого Фишера и его субъективностью. Для него «нулевые» могли быть временем всецелого «застоя». Для других это могло быть время бурного развития, скажем, интернет-культуры, то есть культуры прежде всего текстовой и визуальной, а не аудиальной.

³ См.: Rice-Oxley, M. (2019, June 3) Mental illness: is there really a global epidemic? *The Guardian*. Retrieved March 16, 2025, from <https://www.theguardian.com/society/2019/jun/03/mental-illness-is-there-really-a-global-epidemic>

му здоровью (что есть подчас проявление индивидуализма), нежели о каких-то мрачных тенденциях, обусловленных капитализмом.

Проекция классового сознания богемы проявляет себя даже в тех темах, которые наиболее актуальны и значимы для Фишера. Заметим, что в «Капиталистическом реализме» Фишер практически ничего не говорит о таких проблемах, как голод, бедность, безработица. Его больше заботит то, как бюрократы вмешиваются в работу преподавателей колледжа. Или негативные впечатления от бездушного общения с колл-центрами. Конечно, иногда он затрагивает такие темы, как доступность здравоохранения и образования, но это не совсем то, что является главной заботой и приоритетом большинства представителей рабочего класса. Среди них популярны призывы к мерам протекционизма, росту рабочих мест в промышленности и идея свободной конкуренции на рынке энергетических ресурсов (т. е. они обычно против ограничений на добычу ископаемого топлива). Как отметил известный электоральный социолог П. Руфини, «если все то, как рабочие видят экономику, сводится к доступности государственных льгот, то экономический консерватизм не в их интересах. Но если их взгляд на экономику выходит за рамки этого (возможность найти хорошую работу с достойной зарплатой, стоимость бензина и счета за продукты или возможность владеть домом), то противоречия нет. <...> Для рабочего класса идеал упорного труда, связанный с ценностями власти и лояльности, остается центральным. Это идея уплаты взносов и соблюдения правил» (Ruffini, 2023). Иными словами, самое важное для подавляющего большинства рабочих – возможность упорным трудом добывать хлеб насущный и достигать успехов своими усилиями. Труд – источник гордости и удовлетворения от жизни. Именно поэтому так много рабочих отдавали свои голоса за Д. Трампа, который сокращал налоги для богатых, но обращался (как в 2016 г., так и в 2024) к «забытой» американской глубинке, говоря прежде всего о рабочих местах (Давыдов, 2025).

Взгляд Фишера полностью противоположен такой установке. Его позиция – это позиция отрицающей трудовые ценности богемы. Он буквально представляет читателю своеобразный самоанализ: «моя депрессия всегда была связана с убежденностью в том, что я ни на что не годен. До тридцати лет я считал, что никогда не смогу нормально работать. Десять предыдущих лет я провел, бесцельно мотаясь между учебой в магистратуре, периодами безработицы и временными работами. <...> Даже когда я находился в психиатрических клиниках, меня не покидала мысль, что я просто ищу способ не работать, или следуя параноидальной логике депрессии – что я на самом деле депрессию симулирую, дабы скрыть собственную профнепригодность и отсутствие для меня места в обществе» (Фишер, 2024а, с. 31). Все, что он как интеллектual может предложить рабочим, – это спекулятивная идея полной автоматизации и безусловного базового дохода. Первая идея выглядит крайне утопичной в период, когда развитые страны сталкиваются с дефицитом рабочей силы в силу старения населения и снижения рождаемости. С тех пор как исследователи из Оксфорда сделали свой знаменитый прогноз (Frey, Osborne, 2013) о том, что 47 % рабочих мест в США будут автоматизированы в ближайшие десять или двадцать лет прошло как раз уже больше десяти лет, но едва ли даже пара процентов из них оказалась автоматизирована (см.: Autor, Mindell, Reynolds, 2022). То же самое

можно сказать об идее безусловного базового дохода (ББД), которая нереализуема в том виде, в котором задумана левыми теоретиками (чтобы гарантировать минимальный для скромной жизни набор благ) (Капелюшников, 2020). И тем более она нереализуема при таких сопутствующих идеях, как сокращение рабочей недели для всех. Примечательно, что в «Посткапиталистическом желании» Фишер вновь позволяет себе саморазоблачающую реплику. В ответ на вопрос студента о возможной инфляции из-за ББД он говорит: «признаться, я ничего не знаю про экономику! <...> Не думаю, что ББД автоматически приведет к инфляции... Во избежание этого он должен быть достаточным, чтобы все могли жить» (Фишер, 2024b, с. 72–73).

В целом, идеал, конструируемый Фишером, очень походит на идеологию новых элит, большая часть из которых представляет собой городской образованный класс, разделяющий постматериалистические ценности. Американский социолог Муса аль-Гарби называет этот класс символическими капиталистами, так как он состоит из тех, кто имеет дело не с физическим трудом, а с оперированием символами: работа, связанная с производством и манипулированием данными, риторикой, социальными восприятиями и отношениями, организационными структурами и операциями, искусством и развлечениями, традициями и инновациями и т. д. Относительная материальная защищенность данного класса (как минимум, обеспеченность базовыми благами) вкуче с его идеализмом и желанием подчеркнуть свою социальную значимость через идентификацию с различными левыми идеями вроде антирасизма (в рамках т. н. «критических теорий»), радикального феминизма, поддержки ЛГБТК+⁴ и тому подобного, порождают новый западный леволиберальный мейнстрим – идеологию «пробуждения» (woke), провоцирующую бесконечные культурные войны в рамках тех или иных «политик идентичности» (см.: Mounk, 2023). Как пишет аль-Гарби, «сегодня символические профессии – врачи, юристы, профессора, журналисты, бюрократы, работники некоммерческих организаций, технические работники – продолжают открыто легитимироваться на основе их альтруизма. От многих других производителей культуры, таких как ученые и художники, ожидается проявление безразличия или презрения к богатству и влиянию. Вместо этого они должны отдавать приоритет стремлению к “истине”, “красоте” и связанным с ними абстракциям (а те, кто явно не соответствует этим ожиданиям, высмеиваются как “халтурщики” или “мошенники” или иным образом менее “подлинные” или “искренние”» (Al Gharbi, 2024, p. 76).

Справедливости ради стоит сделать несколько ремарок. Марк Фишер в нескольких последних своих эссе не закрывает глаза на тот быстро нарастающий узел противоречий, который опутывал левых по мере их очередного «великого пробуждения» после 2008 г. Например, он предостерегает от чрезмерной критики государства и показывает, что опора левых на сетевую спонтанность, не принесла никаких ощутимых результатов. В этом он прав, ведь, как демонстрируют многие наблюдатели, эти «спонтанные» революции обычно лишь расшатывают авторитарные режимы, но в силу своей структурной зыбкости и отсутствия единства не могут предложить действенные альтернативы неолиберальной системе. В ито-

⁴ Росфинмониторинг внес ЛГБТ в перечень запрещенных в РФ организаций

ге ситуаций хаоса пользуются все те же «иерархические» силы, причем часто в еще более свирепом, антинародном, антидемократическом формате (Bevins, 2023; Gurri, 2018). Как пишет Фишер, «если эти негативные движения, то есть основанные на протесте, хотят оказать хоть сколь-нибудь длительное влияние, то должны превратиться в прочные организации, имеющие институциональную структуру и позитивную повестку» (Фишер, 2024а, с. 130). Но могут ли они превратиться в прочные организации, если, по Фишеру, рабочие сами выбрали путь «сингулярности» – путь свободы от организаций «индустриального» типа? Более того, непонятно, какой социальный фактор будет способствовать объединению людей в подобного рода устойчивые организации. Учитывая, что большую часть времени Фишер говорит о спонтанности «кислотного коммунизма», о рейв-вечеринках и некоем трансцендентном опыте приема наркотических веществ, возникает впечатление неопределенности: разве такие «тусовочные» собрания, как Castlemorton Common Festival⁵, вообще способны цементироваться в нечто устойчивое и конструктивное?

Подобная двойственность прослеживается во взглядах на современные разногласия по поводу идентичности. Как отмечает сам Фишер, что-то в акценте современных левых на культуре и идентичности не так. Левые настолько ими увлеклись, что забыли о рабочем классе. Это неудивительно, ведь как мы только отметили, дискурсивное лидерство теперь имеют постматериалисты и «символические капиталисты», которым проблематика экономического класса попросту не так интересна, как выбор предпочтительных местоимений или возможность идентифицировать себя с одним из десятков вариантов гендера или с несколькими сразу⁶. Фишер также замечает, что внутренние распри среди левых зашли слишком далеко, став фактором не сближения, а отчуждения: «в лихорадочном маккартистском мирке любые высказывания можно истолковывать как проявление сексизма» (Фишер, 2024а, с. 153). Однако Фишер не отказывается от современных левых повесток. Напротив, он много пишет о радикальном феминизме, критикует семью как «буржуазный» институт угнетения, выступает за сближение самых разных «протестных групп»: «классы убрали. Расы, гендер, другие направления борьбы вышли на первый план, но без классового компонента оказались непоправимо искажены. Это не значит, что класс важнее этих других форм самоидентификации, форм борьбы, но в его отсутствии возникает пустота, незакрашенное пятно на картине, лишаящее ее завершенности» (Фишер, 2024б, с. 150). Проблема здесь в том, что само по себе желание видеть классовую борьбу в качестве важной составляющей в левом деле мало что меняет (как мы убедились, и классовая борьба в представлении Фишера, подразумевает прежде всего борьбу за «право на лень»). Важнее следующее – многие культурные противоречия слишком «токсичны», чтобы их можно было как-то примирить: например, вражда между феминистками по поводу того, можно ли считать трансженщин полноценными женщинами (Lewis, 2025; Stock, 2021); или дебаты о том, в каком

⁵ Недельный бесплатный фестиваль и рейв, проходивший в Малверн-Хиллз недалеко от Малверна, Вустершир, Англия, с 22 по 29 мая 1992 года.

⁶ Полигендер – это термин для любого человека, который испытывает более одной гендерной идентичности.

возрасте допустимо принимать и признавать гендерную идентичность (можно ли разрешать детям принимать опасные для здоровья блокаторы полового созревания или прочими способами вмешиваться в свой организм) (Grossman, 2023). В целом, как показывает опыт, современные левые «повестки» служат очень серьезным триггерами для расколов по многообразным причинам – от неоднозначного отношения религии к темам, продвигаемым левыми «прогрессистами», до того, что лесбиянки и геи все чаще ощущают себя стигматизируемыми более «передовыми» трансгендерными активистами, разрушающими концепцию пола (а на ней и держатся старые «Л» и «Г» идентичности) (Roberts, 2024). Нам представляется, что точка зрения, по которой рабочие рано или поздно объединятся с культурными радикалами – такое же свидетельство наивности, оторванности богемы и значительной части креативного класса от жизни обычных людей, занятых подчас тяжелой, но при этом значимой для общества работой.

Даже критика семейных ценностей⁷ – специфический «слепок» богемного классового сознания, которому, как известно, свойственна некоторая сексуальная «беспорядочность». Эту беспорядочность можно рационализировать как стремление избежать «буржуазного» угнетения в семье. Но, как показывают многочисленные исследования, семья – важнейший фактор материального благополучия и вертикальной экономической мобильности (уже хотя бы постольку, поскольку дети, выросшие в полных семьях, имеют больше заботы и родительского внимания); фактор, способствующий также ощущению осмысленности жизни (см.: Kearney, 2023; Wilcox, 2024). Неоспоримые ныне факты очень сильно контрастируют с мрачным повествованием самого Фишера. Быть может, семья – это «серый», «ограничивающий», «подавляющий» буржуазный институт (хотя в большинстве случаев это очевидно не так). Но, возможно, семья отвечает чаяниям и интересам гораздо большего числа людей, чем идеи тех, кто замкнут на своей внутренней хонтологии.

Заключение

Марк Фишер – один из ярчайших левых теоретиков современности. Хотя он не писал больших текстов, его вклад в осмысление идеи посткапитализма трудно переоценить. Здесь мы не претендовали на исчерпывающее отражение всех нюансов его мысли. Скорее, была предложена попытка по-новому взглянуть на его концепт посткапитализма. Капитализм можно представить как систему, выстроенную вокруг нужды в материальных благах: рабочие в них нуждаются, чтобы выжить (и при этом не обладают средствами производства и т. д.), а капиталисты нуждаются в них в силу желания богатства и подкрепленного этим богатством статуса или по причине тех или иных зависимостей (страсть накопления и т. п.). Посткапитализм, в свою очередь, не обязательно должен быть

---

⁷ Фишер: «Ностальгировать по расширенной семье не стоит. У нее было порядочно проблем. Но можно ностальгировать по ее конкретным аспектам, особенно если сравнивать их с нуклеарной семьей. Это вопрос вероятности: чем больше людей воспитывает ребенка, тем ниже шанс, что воспитание пойдет категорически не так или что ребенку передастся какой-то специфический невроз, разве нет?» (Фишер, 2024b, с. 103).

чем-то возникающим при разрешении классовых противоречий, то есть ведущим к обществу братства, равенства, справедливости. Вместо этого концепции таких авторов, как Фишер, «симптоматичны», т. к. позволяют раскрыть совсем другой сценарий: посткапитализм как своего рода «вне» капитализма. Идея, что путь к посткапитализму лежит через соответствующее желание, а не морализаторство, – очень важная и крайне примечательная. Но при таком сценарии допустимо, что некоторая часть населения, имеющая весьма специфические представления о мире, обусловленные относительной экономической защищенностью и постматериалистическими ценностями, постепенно становится все более и более влиятельной силой. Побеждает их посткапиталистическое желание, а не всех остальных. По всей видимости, так и происходит (см., напр.: Rufo, 2023). Тексты Фишера являются отражением классового сознания такой культурной или богемной элиты.

Ключевая проблема – в классовом сознании такой элиты, в том, что, будучи «избыточной» для капитализма, она «избыточна» и для всего остального старого капиталистического мира, функционирующего в модусе нужды и добычи материальных средств. Для большей части «старого» мира новые элиты – это оторванные от реалий жизни «хипстеры», далекие от мира упорного труда; интеллектуалы, разделяющие мечты о «коммунистическом» единстве, достигаемом прежде всего рейвами и наркотическими веществами, «свободой от труда» и квир-культурой, нежели чем-то таким, что действительно воспринималось бы широкими массами как прагматичные и реалистичные меры по улучшению жизни наиболее с материальной точки зрения уязвимых.

Список литературы

1. Гребер, Д. (2024). *Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
2. Давыдов, Д. А. (2025). *Невозможность социализма. Левые идеи на службе у новых элит*. Москва: Рипол Классик.
3. Джеймисон, Ф. (2019). *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. Москва: Издательство Института Гайдара.
4. Капелюшников, Р. И. (2020). *Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее?* Москва: ВШЭ. <https://doi.org/10.21686/978-5-6048876-5-3-2022>
5. Крэри, Дж. (2022). 24/7. *Поздний капитализм и цели сна*. Москва: Издательский дом ВШЭ. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4105-0>.
6. Мейсон, П. (2016). *Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему*. Москва: Ад Маргинем.
7. Срничек, Н., Уильямс, А. (2019). *Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда*. Москва: Strelka Press.
8. Уильямс, А., Шрничек, Н. (2018). Манифест акселерационистской политики. *Логос*, 28(2(123)), 7–20.
9. Фишер, М. (2010). *Капиталистический реализм*. Москва: Издательский дом: Ультракультура 2.0.
10. Фишер, М. (2024a). *k-punk. Избранное*. Москва: Ад Маргинем Пресс.

11. Фишер, М. (2024b). *Посткапиталистическое желание*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
12. Фишер, М. (2024c). *Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем*. Москва: Новое литературное обозрение.
13. Флорида, Р. (2016). *Креативный класс. Люди, которые создают будущее*. Москва: Манн, Иванов и Фербер.
14. Al Gharbi, M. (2024). *We Have Never Been Woke: The Cultural Contradictions of a New Elite*. Princeton: Princeton University Press.
15. Autor, D.H., Mindell, D.A., & Reynolds, E. (2022). *The Work of the Future: Building Better Jobs in an Age of Intelligent Machines*. Cambridge, MA: The MIT Press.
16. Bevins, V. (2023). *If We Burn: The Mass Protest Decade and the Missing Revolution*. New York: Public Affairs.
17. Frey, C., & Osborne, M. (2013). *The Future of Employment. How Susceptible Are Jobs to Computerization?* (Working Paper). Oxford: Oxford Martin.
18. Grossman, M. (2023). *Lost in Trans Nation: A Child Psychiatrist's Guide Out of the Madness*. New York: Skyhorse Publishing. <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019>
19. Gurri, M. (2018). *The Revolt of the Public and the Crisis of Authority in the New Millennium*. San Francisco: Stripe Press.
20. Kearney, M.S. (2023). *The Two-Parent Privilege: How Americans Stopped Getting Married and Started Falling Behind*. Chicago: University of Chicago Press.
21. Lewis, S. (2025). *Enemy Feminisms: TERFs, Policewomen, and Girlbosses Against Liberation*. Chicago: Haymarket Books.
22. Mounk, Y. (2023). *The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in Our Time*. New York: Penguin Press.
23. Roberts, G. (2024). *Gay Shame: The Rise of Gender Ideology and the New Homophobia*. London: Swift Press.
24. Ruffini, P. (2023). *Party of the People: Inside the Multiracial Populist Coalition Remaking the GOP*. New York: Simon & Schuster.
25. Rufo, C.F. (2023). *America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything*. New York: Broadside Books.
26. Stock, K. (2021). *Material Girls: Why Reality Matters for Feminism*. London: Fleet.
27. Wilcox, B. (2024). *Get Married: Why Americans Must Defy the Elites, Forge Strong Families, and Save Civilization*. New York: Broadside Books.

References

1. Al Gharbi, M. (2024). *We Have Never Been Woke: The Cultural Contradictions of a New Elite*. Princeton: Princeton University Press.
2. Autor, D.H., Mindell, D.A., & Reynolds, E. (2022). *The Work of the Future: Building Better Jobs in an Age of Intelligent Machines*. Cambridge, MA: The MIT Press.
3. Bevins, V. (2023). *If We Burn: The Mass Protest Decade and the Missing Revolution*. New York: Public Affairs.

4. Crary, J. (2022). *24/7. Pozdnii kapitalizm i tseli sna* [24/7: Late Capitalism and the Ends of Sleep]. Moscow: HSE. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-4105-0>
5. Davydov, D.A. (2025). *Nevozmozhnost' sotsializma. Levye idei na sluzhbe u novykh elit* [The Impossibility of Socialism: Leftist Ideas in the Service of the New Elites]. Moscow: Ripol Klassik.
6. Fisher, M. (2010). *Kapitalisticheskii realizm* [Capitalist Realism]. Moscow: Izdatel'skii dom: Ul'trakul'tura 2.0.
7. Fisher, M. (2024a). *k-punk. Izbrannoe* [k-punk: The Collected and Unpublished Writings of Mark Fisher (2004–2016)]. Moscow: Ad Marginem Press.
8. Fisher, M. (2024b). *Postkapitalisticheskoe zhelanie* [Postcapitalist Desire: The Final Lectures]. Moscow: Ad Marginem Press.
9. Fisher, M. (2024c). *Prizraki moei zhizni. Teksty o depressii, khontologii i utrachennom budushchem* [Ghosts of My Life: Writings on Depression, Hauntology and Lost Futures.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Florida, R. (2016). *Kreativnyi klass. Liudi, kotorye sozdaiut budushchee*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
11. Frey, C., Osborne, M. (2013). *The Future of Employment. How Susceptible Are Jobs to Computerization?* (Working Paper). Oxford: Oxford Martin.
12. Graeber, D. (2024). *Bredovaia rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Bullshit Jobs. A Theory]. Moscow: Ad Marginem Press.
13. Grossman, M. (2023). *Lost in Trans Nation: A Child Psychiatrist's Guide Out of the Madness*. New York: Skyhorse Publishing. <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019>
14. Gurri, M. (2018). *The Revolt of the Public and the Crisis of Authority in the New Millennium*. San Francisco: Stripe Press.
15. Jameson, F. (2019). *Postmodernizm, ili Kul'turnaia logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara.
16. Kapeliushnikov, R.I. (2020). *Universal'nyi bazovyi dokhod: est' li u nego budushchee?* [Universal basic income: Does it have a future?] Moscow: HSE. <https://doi.org/10.21686/978-5-6048876-5-3-2022>
17. Kearney, M.S. (2023). *The Two-Parent Privilege: How Americans Stopped Getting Married and Started Falling Behind*. Chicago: University of Chicago Press.
18. Lewis, S. (2025). *Enemy Feminisms: TERFs, Policewomen, and Girlbosses Against Liberation*. Chicago: Haymarket Books.
19. Mason, P. (2016). *Postkapitalizm. Putevoditel' po nashemu budushchemu* [PostCapitalism: A Guide to Our Future]. Moscow: Ad Marginem.
20. Mounk, Y. (2023). *The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in Our Time*. New York: Penguin Press.
21. Roberts, G. (2024). *Gay Shame: The Rise of Gender Ideology and the New Homophobia*. London: Swift Press.
22. Ruffini, P. (2023). *Party of the People: Inside the Multiracial Populist Coalition Remaking the GOP*. New York: Simon & Schuster.
23. Rufo, C.F. (2023). *America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything*. New York: Broadside Books.
24. Srnichek, N., & Williams, A. (2019). *Izobretaia budushchee. Postkapitalizm*

i mir bez truda [Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work]. Moscow: Strelka Press.

25. Stock, K. (2021). *Material Girls: Why Reality Matters for Feminism*. London: Fleet.

26. Wilcox, B. (2024). *Get Married: Why Americans Must Defy the Elites, Forge Strong Families, and Save Civilization*. New York: Broadside Books.

27. Williams, A., & Srnicek, N. (2018). Manifest akseleratsionistskoi politiki [Accelerate: Manifesto for an Accelerationist Politics]. *Logos*, 28(2(123)), 7–20.

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Давыдов, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>, e-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Information about the author

Dmitry Aleksandrovich Davydov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>, e-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

---

ПАМЯТИ А. Д. КОРОЛЕВА (1957–2026)

Уход Андрея Дмитриевича Королева стал для нас внезапной и болезненной утратой. Те немногие встречи с Андреем Дмитриевичем в рамках российской философской жизни – на российских философских конгрессах, Всемирном философском конгрессе (Стамбул, 2002), акции РФО «Философский пароход»

Презентация № 3 журнала «Дискурс-Пи», 2003 г.
в Российском Философском Обществе (РФО).
Слева направо: А.Д. Королев, А.С. Ахиезер,
О.Ф. Русакова, В.М. Русаков, А.Н. Чумаков.

А. Д. Королев и О. Ф. Русакова
в Институте философии РАН, 2025 г.

и других, – озарены для нас теплым добрым светом сердечного общения с этим незаурядным человеком, личностью, наделенной глубоким содержанием.

Окидывая взором его разнообразную творческую деятельность, мы особо должны выделить его удивительный организационный талант, с которым он одолевал массу проблем на посту Главного ученого секретаря РФО в течение длительного периода.

Его открытость к широкому диалогу и сотрудничеству с коллегами снижали ему заслуженный авторитет и признание его научно-организационной деятельности. Свердловское отделение Российского Философского Общества и редколлегия журнала «Дискурс-Пи», членом которой он был, глубоко переживают эту утрату и выражают соболезнование родным и близким Андрея Дмитриевича, его коллегам и сотрудникам.

Русакова О. Ф. – вице-президент РФО,
председатель Свердловского отделения РФО,
Заслуженный деятель науки РФ,
выпускающий редактор журнала «Дискурс-Пи»

Notes

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Все поступающие в редакцию материалы проходят проверку на плагиат. Статьи предоставляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <https://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы а, b, с... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-ОЗ) ст. 5 (Россия). Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/</i> <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018 (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/</i>
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

- При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
- К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
- В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
- Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002. Размер шрифта (кегель) табличного текста – 12–14. Заголовки граф (в головке) и заголовки строк (в боковике) таблицы следует писать с прописной буквы, а подзаголовки граф – со строчной буквы, если они составляют одно предложение с заголовком, или с прописной буквы, если они имеют самостоятельное значение. Головка таблицы должна быть отделена сплошной линией от остальной части таблицы. Разделять заголовки и подзаголовки боковика и граф диагональными линиями не допускается. Если строки или графы таблицы выходят за поля страницы, таблицу делят на части, помещая одну часть под другой или рядом, при этом в каждой части таблицы повторяют ее головку и боковик. На все таблицы должны быть приведены ссылки в тексте статьи.
- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подписуточную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подписуточные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. На все иллюстрации должны быть приведены ссылки в тексте статьи. Электронный вариант каждой иллюстрации с подписуточными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть вноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т. д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
13. **Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию, следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.
14. **Информация об авторе**
Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.
15. **Information about the author**
Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitiya territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте https://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. All submitted materials are checked for plagiarism. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <https://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.
13. When using quotation marks in the text, the version “ ” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
14. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
15. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
16. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002. The font size of the tabular text is 12–14. Column headings (in the header) and row headings (in the sidebar) of the table should be started with a capital letter, and column subheadings should be started with a lowercase letter if they form one sentence with the heading, or with a capital letter if they have independent meaning. The table heading should be separated from the rest of the table by a solid line. Diagonal lines are not allowed to separate sidebar headings and subheadings and columns. If the rows or columns of the table extend beyond the page margins, the table is divided into parts, placing one part under or next to another, with the heading and sidebar repeated in each part of the table. All tables must be referenced in the text of the article.

17. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. All figures must be referenced in the text of the article. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date.
The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title</i> , volume(issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) https://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

